

ISSN 0132-2036

ЮНОСТЬ

4 '89

П. Н. ФИЛОНОВ (1883—1941 гг.) Формула весны.

Смотрите нашу вкладку.

ЮНОСТЬ

4 (407)

'89

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1955 ГОДУ

Главный редактор
Андрей ДЕМЕТЬЕВ

Редакционная коллегия:

Анатолий АЛЕКСИН

Владимир АМЛИНСКИЙ

Борис ВАСИЛЬЕВ

Юрий ЗЕРЧАНИНОВ

Натан ЗЛОТНИКОВ

Фазиль ИСКАНДЕР

Римма КАЗАКОВА

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Виктор ЛИПАТОВ

(заместитель главного редактора)

Игорь ОБРОСОВ

Мария ОЗЕРОВА

Юрий ПОЛЯКОВ

Виктор РОЗОВ

Юрий САДОВНИКОВ

(ответственный секретарь)

Александр СЕРЕБРОВ

Евгений СИДОРОВ

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

**Борис
ЧИЧИБАБИН**

☆☆☆

Когда взиграют надо мной
весны трагические трубы,
мне вслед за ними поутру бы
и только при смерти домой.

Как страшно спать под мертвой кровлей,
а не под ласковой листвою,
и жить не мудростью людскою,
а счастья суетною ловлей.

Но держат шоры грошевые,
служебно-паспортный режим,
чтоб я остался недвижим
и все мы были неживые.

Вот почему, как в жар дождя,
как ждут амнистии под стражей,
я жду шагов твоих с утра уже,
до крика к вечеру дойдя.

Свое дневное отработав
за ради скудного куска,
мы — должники твои, тоска
пустынных лестничных пролетов.

Но уведи меня туда,
где мир могуч, а травы пряны,
где наши ноющие раны
омоет нежная вода.

Там ряска сеется на заводь
сквозь огневое решето,
и мы возьмем с собой лишь то,
что и в раю нельзя оставить.

Из всей древесности каштан
достоин тысячи поклонов,
а из прозанков — Платонов,
а из поэтов — Мандельштам.

Там дышит хмель, и каплет сок,
и, трав телесностью наполнясь,
ты в них вдохнешь свою духовность
и станешь легкой, как цветок.

Там все свежо и озаренно
и ничему запрета нет,
наваянному с детских лет
новеллами Декамерона.

Там все, что лесом прожито,
хранит малюсенький кустарник,
он не слышал стихов бездарных
и разговоров не про то.

Там пир всемирного братанья
и только люди — без корней.
Так уведи меня скорей
туда, где все — добро и тайна.

☆☆☆

В январе на улицах вода,
темень с чадом.

Не увижу неба никогда
сердцем сжатым.

У меня из горла — не слова,
боли комья.

В жизни так еще не тосковал
ни по ком я.

Ты стоишь, как Золушка, в снегу,
ножки мочишь.

Улыбнись мне углышками губ,
если можешь.

В январе не разыскать следов.
Сны холонут.

Отпусти меня, моя любовь,
камнем в омут.

Мне не надо больше смут и бед,
славы, лени.

Тихо душу выдохну тебе
на колени.

Упаду на них горячим лбом,
Ох, как больно!

Вся земля — не как родильный дом,
а как бойня.

В первый раз приходит рождество
в черной роли.

Не осталось в мире ничего,
кроме боли.

И в тоске, и в смерти сохраню
ответ тайны.

Мы с тобой увидимся в раю,
до свиданья.

☆☆☆

Тебя со мной попутал бес
шататься зимней чащей,
где ты сама была, как лес,
тревожный и молчаливый.

В нем снег от денного тепла
лежал тяжел и лепок,
и стыли ножки у тебя
в ботиночках нелепых.

Мы шли по лесу наугад,
навек, напропалую,
и ни один не видел гад,
как я тебя целую.

Дышал любимой на виски
и молча гладил руки,
и задыхался от тоски
и нестерпимой муки.

Нам быть счастливыми нельзя,
а завтра будет хуже,
и лишь древесные друзья
заглядывали в души

Да лаской снежная пыльца,
неладное почуяв,
касалась милого лица
и горьких поцелуев.

☆☆☆

Благодарствую, други мои,
за правдивые лица,

Пусть, светла от взаимной любви,
наша подлинность длится.

Будьте вечно такие, как есть,
не борцы, не пророки,
просто люди, за совесть и честь
отсидевшие сроки...

Одного я всем сердцем боюсь,
как пугаются дети,
что одно скажет правникам Русь:
как не надо на свете.

Видно, вправду такие чан,
уголовное время,
что все близкие люди мои —
поголовно евреи...

За молчанье разрозненных дней,
за жестокие версты
обнимите меня посылней,
мой братья и сестры.
Но и все же, не дай вам Господь
уезжать из России.
Нам и надо лишь соли щепоть
на хлеба городские.
Нам и надо лишь судеб родство,
понимание взгляда.
А для бранных телес ничего
нам вовеки не надо.
Вместе будет нам в худшие дни
не темно и не тяжело,
Вы одни мне заместо родни,
павлопольская бражка.
Как бы ни были встречи тихи,
скоротечны мгновенья,
я еще напишу вам стихи
о святом нетерпенье.
Я еще позову вас в бон,
только были бы вместе,
Благодарствую, други мон,
за приверженность чести.
Нашей жажде все чаши малы,
все, что есть, вроде чуши.
Благодарствую, други мон,
за правдивые души.

☆☆☆

Сбылась беда пророческих угроз,
и темный век бредет по бездорожью.
В нем естество склонилось перед ложью
и бранный разум душу перерос.

Явись теперь мудрец или поэт,
им не связать рассыпанные звенья.
Все одиноки — без уединенья.
Всё гром, и смрад, и суета сует.

Ни доблестных мужей, ни нежных жен,
а вещей смысл — тайком и ненароком...
Но жизни шум мешает быть пророком:
и без того я странен и смешон.

Люблю мой крест, пою полуужду
и то, что мне не выбиться из круга,
что пью с чужим, а гневаюсь на друга,
со злом мирюсь, а доброго не жду.

Мне век в лицо швыряет листопад,
а я люблю, не в силах отстраниться,
тех городов гранитные страницы,
что мы с тобой листали наугад.

Люблю молчать и слушать тишину
под звон синиц и скок веселых белок,
стихи травы, стихи березок белых,
что я тебе в час утренний шепну.

Каких святых коснусь тревожным лбом?
Чем увенчаю влюбчивую старость?
Ни островка в синь-море не осталось,
ни белой тучки в небе голубом.

Безумный век идет ко всем чертям,
а я читаю Диккенса и Твена
и в дни всеобщей дикости и тлена,
смеясь, молюсь мальчишеским мечтам.

☆☆☆

С далеких звезд моленьями отозван,
к земле прирос
и с давних пор живет в лесу литовском
Иисус Христос.

Знобят дожди его нагое тело,
тоскую с ним.

И смуглота его посеверела
от здешних зим.

Его лицо знакомо в каждом доме,
где видят сны,
но тихо стонут нищие ладони
в кору сосны.

Не слыша птиц, не радуясь покою
лесных озер,

он сел на пеню и жалобной рукою
щеку подпер...
Я в ту страну, лесную и речную,
во сне плыву,
но все равно я ветрено ревниву
к нему Литву.
Он там сидит на пенешке сосновом
под пенье ос,
и до сих пор никем не арестован
смутьян Христос.
Про черный день в его крестьянской торбе
пяток сельдей.
Душа болит от жалости и скорби
за всех людей.
Ему б — не ложь словесного искусства,
мольбу б листвы...
Ну как же вы не видели Иисуса
в лесах Литвы!

г Харьков

Роза
МУКАШЕВА

*Дебют в
ЮНОСТИ*

☆☆☆

У крепостной стены на косяге
Разросся дуб, раскидист и силен.
В себя вобрал он тьму веков и горе,
Стал силуэтом канувших времен.

Гусиный крик старинной грусти полон,
И в воздухе печаль растворена.
Когда-то вольный погибал здесь воин —
И в песне птиц его тоска слышна.

Я вся дрожу. Вокруг сырая пашня.
Весенний пар, печаль не приумножь!
Я слышу зов, и мне поверить страшно:
В гусином крике — человечья дрожь.

☆☆☆

Я шла с закрытыми глазами,
А свет невидимый сквозил.
Между землей и небесами
Его поток всеисильным был.

Ладони принимали силу.
И зрело чувство в глубине.
Внезапно, вздрогнув, ощутила:
Свет бился яростно во мне.

☆☆☆

Стремительный полет готических строений
Возносит к небу человечью мысль.
Надежда, страсть в порыве том слились —
Спасают готику они от разрушений.
Какой отгадкой полнились сердца,
Чтоб в камне воплотилась страсть творца!

☆☆☆

В кромешный ад небес перед грозой
Глядят озера — беззащитна нежность.
Так девушка в наивности святой
Доверчиво встречает неизбежность.
И красота, и драма в свой черед.
Природа, как и мы, страдает и живет.

Перевела с киргизского Н. ДАРДЫКИНА

**Владимир
САЛИМОН**

☆☆☆

Памяти Н. И. Вавилова

Не в силах классовой борьбы
от внутривидовой
я отличить. Собачий лай
приму за волчий вой.

Собака воеет, лает волк.
Мышиная возня
однажды осенью вконец
замучает меня.

Я упаду лицом в траву,
которой поросла
вся весь и емь, вся чужь и жмудь —
от стула до стола.

Я упаду лицом в траву
и вскрикну:
— Нарасхват
у нас такие молодцы,
как следователь Хват!

Мы знаем — следователь Хват
был на руку нечист.
Вавилов этого не знал.
Он был — идеалист.

☆☆☆

Столичный житель, горожанин
нацелил фотоаппарат
на вашу жалкую обитель,
Терентий, Тихон и Кондрат.

Кондрат, Василий и Данила
на фотографии цветной
стоят, покачиваясь, возле
полуразрушенной пивной.

В траве — сопливый пацаненок.
В кустах — смазливый почтальон,
тот самый бедный письмоноша,
который в птичницу влюблен.

Он улыбается, ладошкой
глаза до времени прикрыв,
а рядом — липовая роща,
овраг глубокий и обрыв.

Направо — райзаготконтора,
налево — церковь без креста,
а дальше — кладбище,
а дальше —
и темнота, и пустота.

☆☆☆

Что мужичок, что старичок,
однако в свой черед —
кто к черту в пекло, к богу в рай,
а кто — наоборот.

Судьба — индейка, жизнь... как жизнь —
постыдна и пуста,
и так нелепа без любви,
как церковь без креста.

Окно распахнуто во двор,
откуда лунный свет

на стул стекает со стола,
со стула на паркет.

Сосед к соседке держит путь
и лунный Рубикон
он переходит, второпях
не подвернув кальсон.

О чем он думает? На что
надеется, злодей?
Ему без боя не отдам
я Галлии моей!

☆☆☆

Все это Яков Перельман¹
придумал нам во зло,
живому слову предпочтя
бесплодное число.

Что есть длина и ширина?
Что, если высота
роднит физический закон
с загоном для скота?

В трехмерном космосе, когда б
не триединый Бог,
и я сидел бы, как завмаг,
засаженный в острог.

Но, слава богу, надо мной
не вечной мерзлоты
дыханье слышу я, но звон
рождественской звезды.

Звезда звенит, звезда горит
и проливает свет
на ГОСКОМТРУД, ГОССНАБ, ГЛАВЛИТ,
ГЛАВАТОМ, ВТОРЧЕРМЕТ.

☆☆☆

Другой дороги нет,
как через Болгое,
которое кривей,
чем зеркало кривое.

В котором отражен
с завидным постоянством
злосчастный наш народ,
сраженный горьким пьянством.

Случается порой,
поземку поднимая,
проносится пурга
в начальных числах мая.

И больно мне смотреть
на сад заледенелый,
смотреть на белый свет,
буквально — белый-белый.

☆☆☆

Пока полночный Ленинград,
пока еще не смог,
пока еще не смог тебя
скрутить в бараний рог.
Я просыпаюсь в полутьме
и вижу из окна,
что на Большой Морской идет
гражданская война.
Один матросик ранен в грудь.
Другой...

Но боже мой,
когда же ты в конце концов
воротиться домой?
Я жду тебя. А по Большой
Морской идет патруль
под скрип и скрежет, дождь и град,
под свист бандитских пуль.
Я жду тебя.
Я жду тебя.
Смотри, на этот раз
не угоди под артобстрел,
под комендантский час!

¹ Автор книги «Занимательная физика»

Петр КОЖЕВНИКОВ

УЧЕНИК

Дебют в
«ЮНОСТИ»

Памяти
Оскара Юльевича Клевера.

Рад, что читатели «Юности» наконец-то познакомятся с «широко известным в узких кругах» писателем Петром Валерьевичем Кожевниковым, коренным ленинградцем 1953 года рождения.

Петр Кожевников — мой младший брат по альманаху «Метрополь» — дебютировал в этом некогда скандальном сборнике пронзительной прозой о жизни питерских ПТУшников. В эпоху тотального вранья и лакировочного мифотворчества его «Мелодии наших дневников» произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Насколько далек был смутенный облик персонажей Кожевникова от изображения плакатных молодцов, расппевающих казенную песню ФЗУ «Фуражечка, фуражечка, носить тебя не грех», настолько вписывались сии «герои» в ту вялотекущую действительность, от которой нынче, как от дурного сна, освобождается наша страна.

Шли годы... Кожевников окончил речное училище, получил диплом капитана-механика и техника-судоводителя, позже стал водолазом ОСВОДа. Это с одной стороны. С другой — у него за плечами были рисовальные классы института имени Репина. С третьей — он серьезно занялся экологией, охраной природы и памятников. С четвертой — вошел в объединение писателей и поэтов ленинградского «андерграунда» КЛУБ-81, печатался в ленинградских самиздатских журналах, имеющих соблазнительные названия «Обводный канал», «Митин журнал», «Красный щедринец».

«Официальная» публикация за всю жизнь — одна, в сборнике «Круг», подготовленном КЛУБОМ-81 и изданном «Советским писателем» в 1985 году. Короткий рассказ.

Жажда жить, жажда участвовать, стремление отмыться от налитией и налипающей грязи — вот что питает его сочинения. Опытный «городской партизан» литературных и экологических фронтов Ленинграда, он воюет за чистоту — и внешнюю, и внутреннюю.

Его дебют в «Юности», конечно же, запоздал, как запоздало многое в нашей жизни.

Но полагаю, что поздно не бывает никогда. Это касается и Петра Кожевникова. В составе семинара Анатолия Приставкина он оканчивает Литературный институт, на подходе — первый сборник его прозы в ленинградском отделении «Советского писателя», впереди — перспективы дальнейшего пути.

Остается пожелать ему большей собранности, гармонии между жизнью «на людях» и жизнью за писательским столом, ибо митинговать могут сотни и тысячи, а писать настоящую прозу — считанные единицы.

Евгений ПОПОВ

Вы — мертвый

Я пришел к Вам в лазарет в понедельник. Не ходил до этого, но не помню сколько. Вид Ваш не испугал меня. Я понял, Вы — умираете. Вы попросили посадить Вас в кровати, а потом положить повыше подушки и положить Вас. Сказали, что хотите, очень хотите побывать на море сейчас, а когда думаете о нем, то очень ясно слышите шум его и чувствуете и видите себя, летящим над волнами. Вы дали мне руку, вернее, попросили мою и, едва пожав ее, сказали, что умрете скоро и знаете это. Вы попрощались со мной. Я говорил Вам, что Вы выздоровеете и мы вместе будем смеяться над Вашей болезнью. Вы попросили меня обязательно прийти еще. Я обещал. Спросил, что Вам принести. Вы сказали, теперь — ничего. Спросили, не хочу ли я Вам что-нибудь сказать. Я ответил, — не знаю, что говорить. Я ушел. Дома меня ждали друзья. Мы много смеялись в тот вечер.

Я пришел к Вам во вторник. Мы говорили немного. Вы забывались часто. Закрывая глаза, дремали. Я пришел еще раз вечером. Вы забывались еще чаще. Также ругались и стонали. Снова и несколько раз просили посадить Вас или положить повыше подушки и двигали часто ногами. Опять прощались со мной.

В среду я не был у Вас. Утро провел с друзьями. Мы гуляли по кладбищу. Зашли в церковь. Я купил свечу. Подошел к старухе, стоящей на коленях. Спросил, как помочь тяжело больному другу. Она сказала — поставить свечу и попросить Бога помочь Вам. Он или исцелит Вас, или заберет к себе. Я поставил свечу Николаю Угоднику и просил его долго, а ребята ждали на улице и ни во что не верили.

В четверг я пришел к Вам утром. В коридоре и в палате никого не было. Вы лежали, положив руки вдоль тела. Лицо Ваше было очень спокойно. Будто тайна, о которой Вы только догадывались, стала Вам известна. Я понял, Вы — мертвый. Сел на стул около кровати. Скоро зашла санитарка. Спросила, как чувствует себя дедушка. Я сказал, что Вас уже нет. Она подошла к Вам сама. Потрогала. Позвала доктора. Он тоже сказал, что наступила смерть. Ушел.

Санитарка сказала, что дедушка еще теплый, и еще, чтобы я Вас не боялся. Ушла. Я так же сидел на стуле. Смотрел на Вас. Глаза, как санитарка ни старалась закрыть их, были полуоткрыты. Зрачок казался вполне живым. Мне казалось, Вы смотрите на меня. Да, взгляд Ваш упирался в меня. Вы ведь все еще слышали! Я стал вслух, негромко, прощаться с Вами. Мне было плохо оставаться жить. Я вспомнил, как плакал во вторник, когда ушел от Вас. Я чувствовал, что не увижу Вас, наверное, живым. И сейчас не знал еще, как буду жить без Вас. Последнее время Вы, как ребенок, лежали и двигали все время руками и ногами, и кричали. Так забывается боль. Я еще попросился с Вами. Смотрел на Вас. Заплакал. Повторял Ваше имя. Мне суждено жить теперь без Вас. Я взял с тумбочки кисти, которыми Вы писали. Вашу записную книжку. Зашел к старшей сестре. Спросил ее о похоронах. Она обернулась с чашкой в руке. Сказала, дня через два-три. Я ушел.

Чи стены схоронят Ваши картины? Чи руки разроют Ваши вещи? Чи глаза прочтут Ваши дневники? Кто будет следить за строками моих писем? — Я хотел взломать дверь Вашей комнаты и все сжечь. Потом подумал, что все живет теперь своей собственной жизнью. Мне захотелось зайти взять все из Вашей комнаты себе. Или просто жить в ней. А самое лучшее умереть. Вам — жить, а мне — умереть.

Да, мне хотелось бы только посидеть в Вашей комнате. Но это уже было невозможно. Я позвонил по многим телефонам и написал много писем. Зачем? Многие даже не видели Вас. Я им просто о Вас рассказывал. Хотелось собрать все эти частички общения с Вами, и я все писал людям, жившим в Вашей записной книжке, но большинства не оказалось в живых.

Вас похоронили не там, где Вы хотели. Не рядом с сестрой. Метрах в десяти от ее могилы. Мы пытались добиться исполнения Вашей воли. Ничего не вышло. Там захоронили уже двух человек.

На Ваших похоронах было много народу. Мы хоронили того, кто больше всех нас.

Здесь ничего нет

— Именно в таких домах бывают клады,— просветленно прищурился Клавдий.

Они вошли в дом. Вестибюль велик. Пол провален. По стенам тянутся галереи. Перила выбиты. Направо широкий проем. Когда-то здесь висела дверь. Ученик представил себе обстановку дома во всей его бывшей роскоши и слуг, много слуг, тихо спящих по коридорам и галерее.

— Раз здесь паркет вскрыт, ничего нет. Идемте туда. — Клавдий зажужжал фонариком.

Они пошли за желтой струей, смело кравшей у темноты клочки заброшенного дома.

— Не наступите! — заорал Дранкин, и стало ясно, что он уже вляпался.

Стены разрисованы и исписаны. Жалко неизвестных авторов, истомленных одиночеством.

По шатающейся лестнице Ученик и Дранкин поднялись за Клавдием на второй этаж. Стены во всех комнатах обуглены. В единственной непострадавшей комнате корячится ржавая кровать. На ней толстый матрас с вывороченными кишками. Пол, стены и потолок обросли грибами.

— Здесь ничего нет, — сказал Клавдий. — Можно уходить.

Панацея

Когда они пришли, Учитель спал. Разбуженный стуком в дверь, он не сразу пришел в себя, а вообще

был болен и не хотел никого принимать. Ученик взял у Клавдия бутылки с разведенным лекарством. Стал объяснять Учителю, как его пить. Учитель не соглашался, но Ученик упрямился и попросил пройти курс лечения. Учитель согласился. Клавдий и Дранкин в это время смотрели на картины Учителя, толкали друг друга в бок и молчали.

Оставив бутылки на столе, они ушли. Через несколько дней Клавдий уехал домой. Месяц спустя после того, как Учитель выпил лекарство, слева на его шее вздулась подкожным пузырем, перекрученными узлами, опухоль. Он постоянно отхаркивался гноем и понял, что это — рак. Всю жизнь боялся Учитель именно этой болезни.

Из дневника Павла Кричалова

Это первая страница моего дневника. Я долго думал, стоит ли его заводить. Дневник нужен людям деловым и разносторонним, жизнь которых заполнена. Зачем он мне? Но очень хочется хоть что-то после себя оставить, а я не художник, не писатель, и детей у меня не будет. Потому мне так скучно, так тоскливо, что хоть сам с собой буду делиться своим одиночеством.

Хорошо, что у нашей комнаты есть балкон. Я полночи просиживаю там, и хоть тоже скучно и грустно, но не так, как днем, когда ты один, а люди спуют под окнами, сбиваются временами в единые кучи под твоим балконом, совсем как бактерии под микроскопом. Мне легче, когда знаю, что люди спят в своих домах.

Наступила настоящая весна. Третья весна... В этом году мне исполнится двадцать лет.

Луна, как белый глаз, как огромное бельмо на серо-фиолетовом небе. Облака серо-белые, бело-черные, гадкие, заслоняют временами луну, а она, как остекленный белок мертвеца, уставилась в мир. Во многих окнах светло. Но людей не видно ни на улице, ни в окнах. Когда я был ребенком, мы с мамой жили в большой коммунальной квартире. Ночью я выходил в туалет. Кто-нибудь из соседей всегда забывал погасить там свет. Было такое же ощущение: свет есть, а никого нет. Свет полз по дощатому полу навстречу мне. Я боялся темноты и резко оборачивался, готовый оттолкнуть неведомое чудовище, кравшееся ко мне. Подбегая к двери нашей комнаты, старался протиснуться между дверью и косяком, не впустив страшное существо, живущее в темноте.

Опять луна. Тишина полная. Я включил музыку. Слушаю ее через наушники. Утопаю в ней и не слышу тишины, которой боюсь. Даже не боюсь, а не хочу слушать сейчас. Тишина скоро поглотит меня, как сейчас музыка. Я утону в тишине, как хотел утонуть в женщине. Я боюсь тишины. Боюсь, как боялся любви женщины. Боялся, потому что для меня это было слишком много. Я постиг это в музыке. Но теперь уже все равно.

Письмо

«Милый друг!

Меня серьезно беспокоит, что ты на восемь моих писем ничего не отвечаешь. Обещал приехать к нам в сентябре — чудесно! Но почему же молчишь? Или ты просто забыл об этом? Но на тебя это непохоже. Правда ведь? Или горячая любовь закрутила тебя в своем водовороте? Тогда я не сержусь, хотя по-прежнему желаю объяснений. Я ведь всегда очень рад тебе и твоим письмам. Они зовут к настоящей жизни, к разрыву пут изоляции! Жаль, что ты не воспользовался летом нашим гостеприимством. Недавно я послал экспедицию на поиски человека-звезды

ря. Два юнкрая сделали 30-километровый бросок к верховью реки. Увлечшись археологией (ты понимаешь, о чем идет речь), они пробыли там трое суток на одном месте. Жгли костер, но горел он плохо, один дым (ведь плавник всегда мокрый). Этот дым заметило чудовище и пошло к дыму! Ребята сначала приняли его за медведя (оно стояло на задних лапах по колено в воде). Думали, что это медведь ловит рыбу. Дело было ночью. Присмотревшись, они поняли, кто перед ними! И перепугались еще больше. Чтоб прогнать его (ведь они были безоружны!), стали бросать в чудовище камнями (а надо было бросать хлеб!!!). Оно заворчал, зарычало и медленно, неохотно стало уходить. (Грохот горной реки уменьшает силу звуков!) Его рост — двести — двести двадцать сантиметров. Видимо, он хотел подойти к людям поближе, но не решился перейти реку вброд! (Она быстрая и глубокая. Ширина восемь — десять метров.) Голова конусная, нос вдавлен. Руки длинные, до колен. Надбровные валики сильно развиты, покрыт длинной бурой шерстью, фигура сутулая. В точности такой, каким его рисовали горцы!!! Видимо, это был тот же экземпляр, который мы видели и слышали три года назад. Писал ли я тебе, как прошли эти „Две страшные ночи“? Я написал об этом рассказ. Мечтаю приручить это чудовище! Для науки это будет колоссальное открытие! Как открытие Колумбом Америки!

Как у тебя дела с рассказами? Ведь они очень интересны, остроумны, лаконичны. И на очень интересные темы написаны! Я уже давно жду продолжения психологической поэмы о молодежи. А его все нет и нет!..

Пиши, не молчи!

Привет всем от всех. Твой Клавдий Терентьевич.

P.S. Разводить сильный дымный костер. И он подойдет. Через два-три дня.

P.P.S. У нас еще тепло, сухо, почти лето!»

Письмо было написано разного цвета пастой с подчеркиваниями слов прямыми и волнистыми линиями в разных комбинациях. Слово Клавдий производил грамматический разбор. «Увлечшись археологией» было обведено пунктиром. Ученик сунул письмо в ящик секретера. Включил магнитофон. Посмотрел в окно. Клены были мокры после недавнего дождя и, как многоголовые анаконды, жадно внюхивались в кроваво-желтые букеты собственных листьев.

Приглашаешь?

— Ты знаешь, кажется, я никогда не почувствую себя взрослой.— Наташа сосредоточилась на собачьей голове. Погладила ее. Улыбнулась.

— Я тоже. С одной стороны.— Ученик потербил собачий хвост. Пес не обернулся. Стоял по-прежнему, сощурия глаза, наслаждаясь хозяйской лаской.— А с другой, кажется иногда, что прожил уже лет сто, по крайней мере.

— Да, это правда. Жизнь кажется прожитой очень быстро, но и полной событиями. Лет на сто бы хватало. Многое зависит от восприятия.

Наташа посмотрела Ученику в глаза. Он покраснел.

— Одного на куски изрубил — его это не тронет. Другой из-за слова грубого не знает куда деться. Так и опыт свой оцениваешь по-разному.

— Как Дима? — Ученик забарабанил по дну чашки.

— Огрубел совсем.— Наташа запрокинула голову и стала перебирать волосы.— Влюбился.

— Внуков ждешь? — Ученик звякнул фарфором и посмотрел на Наташу.

— Да рановато ему еще. Пусть восьмой класс закончит. Я его за учебу отчитывать стала, он мне пальцем погрозил, говорит (Наташа повернулась к окну. Опустила голову.): «Она меня тоже на одиннадцать лет старше».

Они закурили и сидели молча. День становился вечером. Собака свернулась под столом и посапывала во сне. Кофе остыл, и его не хотелось пить.

Чудно они стали говорить. Каждый о своем. Слово отчитываются или оправдываются. Он, конечно, не откровенен. А она? Она думает о НЕМ. Да, опять ОН! Боже, как все меняется. Где ты, мой раб? Где? Пади снова на колени и слушай меня, смотри на меня, верь мне! Будь со мной!..

— Ты не забыл, когда у меня день рождения? — Наташа водила по столу пальцем.

— Нет.— Ученик наморщил лоб.— Приглашаешь?

— Буду тебе очень рада.

Из дневника Павла Кричалова

Сегодня мне снился сон. Будто я в пруду. Вроде как живу там. Помню, стою в воде. а кругом водяные лилии. Их очень много. Меньше, чем в пруду за нашей бывшей дачей, но пруд очень похож. Я чувствую, что исчезаю, проваливаюсь куда-то. Передо мной большой дом. Света в окнах нет. Вокруг патлатые деревья и черное небо. Над домом появляется большая собака. Она белая, глаза выпуклые, белые, словно слепые, похожие на линии, отражают луну. Шерсть у собаки длинная. На ней голубые и синие тени. Она ходит по небу. Скрывается за листвой деревьев. Снова выходит. Я замечаю, что вокруг меня какие-то люди. Спрашиваю, видят ли они собаку. Они не видят мою собаку. А я вижу и боюсь, что она исчезнет. И вот собака заходит на луну. Я хочу закричать, позвать ее. Не могу. Люди, окружившие меня, говорят, что пора идти назад. И я иду с ними, потому что мне становится все равно.

Я проснулся, когда постучалась Надежда. Спросила, что будем сегодня делать. Я сказал, что хорошо бы съездить на дачу. Сходить на пруд. Надя спросила, далеко ли идти от станции. Я предложил взять велосипеды. Она посмотрела на меня так, словно я ее в чем-то предал. И после этого взгляда, очень быстро, но так мне понятного, я вспомнил, что живу без ног.

Надя подошла ко мне, но вдруг ее губы задрожали. Она упала на колени у моей кровати, прижала мои руки к губам, называла «родным», говорила, что любит, а потом сказала сквозь слезы: «Прости, я ведь слабая, прости». А во мне все словно окаменело. Как деревянный паралитик лежал я и сам себе дивился. Ведь я давно тайно мечтал о ней и представлял себя вдвоем с ней, наслаждаясь ее покорностью в своих фантазиях. И сейчас видел себя самого, но с ногами, у того пруда, который мне снился, и Надю, и было много, очень много счастья. А белая собака смотрела на нас с неба, и мы будто были ей обязаны своим счастьем, а она все-все понимала и улыбалась нам, а потом зашла за луну.

Надя перестала плакать. Положила мои руки ко мне на грудь. Посмотрела внимательно. По-чужому. Так, будто ей резал яркий свет. Сказала, что не может так, назвала себя дрянью, стала просить прощения и опять целовала мои руки. Я умолял ее замолчать. Заплакал сам и снова увидел белую собаку. Увидел ее в кругу черных собак, которые рвали ее на куски, а кровь била струей и прямо в меня. Прямо в меня... Когда кошмар исчез, Надежды не было в комнате, а я не знал, была ли она вообще...

Сердце

«Сердце... Оно плавало в стакане, словно яблоко, пропитанное вином. Оно плавало и так красиво искрилось на солнце, что Вы долго смотрели перед тем, как выпить вино. А когда Вы выпили, то сердце мое, лишенное влаги, стало стремительно высыхать под лучами солнца, а Вы удивленно смотрели на НЕГО, а ОН что-то шептал Вам на ухо, и Вы тихо смеялись под плавную музыку, несущуюся из-за ширмы. И я смеялся, сидя к Вам вполоборота, заткнув рукой дыру в груди. Но скоро я почувствовал, что дыра не одна,— их много. Грудь моя рвалась каждый раз, когда Вы нежно смотрели ЕМУ в глаза, когда Вы танцевали с НИМ, когда ОН командовал Вашей ласковой собакой. Потом Вы спросили меня, не останусь ли я у ВАС ночевать. Да, Вы так и спросили: «Может быть, ты останешься у НАС ночевать?» И в этот миг холодный пламень ревности объел меня. Но как я мог кинуться на НЕГО, видя, что Вы улыбаетесь ЕМУ, как улыбались мне, что смотрите ЕМУ в глаза, как смотрели мне... Глаза... Я хотел ударить ЕМУ по очкам, чтобы, разбившись, они впились в зрачки и ослепили этого человека. Чтобы ОН ни разу не мог взглянуть на Вас так, как глядел тогда, развалившись в кресле. Мне хотелось оторвать ЕМУ руки, чтобы ОН не смог прикоснуться к Вам. Мне хотелось уничтожить ЕГО... Но как я мог прикоснуться к НЕМУ после того, как Вы спросили меня: «Может быть, ты останешься у НАС ночевать?»

Без направления и цели брел я по городу. Жизнь моя потеряла смысл. Как мне умереть? И, если раньше я чувствовал, что просто думаю, то теперь спокойно решал, какой избрать путь, чтобы уйти с Вашей дороги, если я на ней еще стою... Наверное, нет, да так и легче...

Я ходил по улицам и искал подходящее место для того, чтобы повесить веревку, но потом я вспомнил: Вы говорили, что самоубийство совершается всегда для кого-то, и я стал искать место, куда никто не заглянет. Зашел под мост. Там был слышен грохот машин — последних машин. Наступала ночь. Я приготовил все и, когда почти решился, то вдруг почувствовал комок в горле, и через мгновение, прижавшись к шершавому бетону, рыдал, словно провожал что-то единственное, умершее...

После слез мне стало легче, как после исповеди. Я нагнулся к реке. Окунул в нее лицо. Оно плавилось в бликах от фонарей. Я увидел, что у меня дико-преданные, ненужные глаза. Куда они смотрели раньше, эти глаза? Будь я проклят!.. Простите меня...

Я пошлю Вам это письмо, коли написал его, коли не сделал того, что хотел, раз остался жить. Но я не знаю, как буду жить без Вас.

Простите...»

Нет, конечно, я никогда не отдам ей этого письма. Ни-ког-да!

Ученик выбросил сигарету в окно. Перед тем, как выключить газ под нетерпеливо стучавшим крышкой чайником, зажег от синего огня письмо и, когда несгоревшим осталось только неисписанное полотно, бросил его вслед за окурком. Оно, как горящий парашютист, закружилось вниз.

Ученик прошел в большую комнату, где было так же шумно. Бутылок на столе поубавилось, но лица сидевших еще хранили торжественность.

Нет тебя!

Кто виноват? Смешной вопрос. Остается спросить еще — что такое любовь? Почему виноват? Что начинается, то и кончается, и все зависит от того, насколько

трудно человеку оторвать от себя близость другого, ему уже ненужного, а может быть, и нужного, но ставшего чужим.

Ученик поставил пустой стакан и почувствовал, что здорово пьян. Наташа внимательно на него смотрела, зная, что он думает о ней. Гости шумели, и музыка шумела, и в голове шумело, а Ученик не отводил глаз от Наташи и думал о ней.

...Я был счастлив, все замирало во мне от восторга, когда я приходил и заставлял ее дома. А когда ее не было и дома была ее собака, то я сидел в комнате и ждал ее до ночи, и говорил с собакой. Мне казалось, нет, я был уверен, что она гипнотизирует меня, подавляет мою волю и велит мне прийти к ней, а самой ее даже нет дома. Сила ее казалась мне беспредельной: она могла все, а поступки ее были для меня всегда справедливы. Я посвящал ей стихи. Иногда просто так приносил цветы. Она улыбалась, спрашивала, зачем я их принес. Я поздравлял ее неизвестно с чем и бежал, бежал домой...

— Что ты приуныл, родной? — озорно подтолкнула его Фаина.— Дюзнем за здоровье Натальи Игнатьевны, кормилицы нашей!

— Дюзнем.— Ученик налил ей и себе вина. Спросил сидевшего рядом Бодлерского: — А вы?

— Благодарствуйте,— кивнул Бодлерский.— За тебя, милочка!

— С-с-спасибо,— сказала Наташа. Пьяная, она начинала заикаться.— Н-н-ну.— Она протянула стакан, чтобы чокнуться с Учеником.

Если бы она не пила так! Она же старит себя! Да нет! Не старость! Она же уничтожает в себе ту, которую я так любил. Заменяет ее другой — пугающей, неприятной.

— Натальюшка, ты как там? — оторвался от беседы с Купейкиным Август.— Не упилась?

Что ей в нем? Какая разница? Ну да, по-женски. Одной нельзя. Или: одна привязанность перебивается другой. Мы друг для друга — прошлое. Даже если забудем все, что было, и начнем сначала. Каждое движение будет воспоминанием. И когда нам станет мало объятий и поцелуев, именно в тот момент явится загадочное чувство, которое охватывает нас иногда: «Это уже было, и я знаю, что будет дальше».

— Паршиво? — подсел Черноглазов.

— Да, отец. Тускнею.— Ученик положил себе салата.

— Пока незаметно. Наверное, начинается с внутренних. А как личная жизнь? — Черноглазов подsunул под обширный кусок торта серебряную лопатку и переправил его на свою тарелку.

— Тоскливо. Одному.— Он ел салат.— Никак не могу подвергнуться диффузии.

— Видишь ли, если говорить об одиночестве, то это касается всех,— сказал Черноглазов.

— Согласен. Когда я был ребенком, всех вокруг постоянно и искренне волновало мое здоровье, мои успехи, мои увлечения. Очевидно, равнодушие ко мне окружающих проходило постепенно, с возрастом, но я заметил его недавно, даже без какого-либо характерного примера. Просто вдруг увидел себя одного среди людей, и что им, людям, на меня наплевать.— Ученик допил вино и с надеждой посмотрел на бутылку. Она была пуста.

— Да. Вот так.— Черноглазов изобразил загадочность, но мысль не шла. Глаза его, отражая свечи, коснулись в сторону, в том же направлении поехал рот. Потом все вдруг вернулось на место, и он отлил Ученику из своего стакана.

— Я еще больше стал ныть. Болезнь.— Ученик выпил вино. Покивал головой.— А одиноки все. Любимый человек, сколько бы людей вокруг него ни плясало, одинок.

— Ты почти прав. Я еще не знаю, как тебе возра- зить.— Черноглазов потерял виски. Не доев торта, вы- шел из комнаты.

— Н-не хочешь па-а-танцевать? — услышал Уче- ник за спиной Наташин голос. А на плечи его легли ее руки.— Па-айдем?

Он встал. Они пошли в другую комнату, где Чер- ноглазов с Гардеробовой визжали, имитируя шаман- ские танцы. Наташа попросила другую музыку. Уче- ник поставил их пластинку. Пригласил Наташу. Она что-то говорила. Он чувствовал, что весь дрожит, и понимал, что это оттого, что пьян, но вывел ее в коридор и поцеловал там крепко, а в дверях комна- ты уже стоял Август.

— Ну что ты нашла в этой желтомордой гниляти- не? — зло спросил Ученик.

Август был действительно смугл. Вся накопившая- ся в Августе агрессивность вдруг пропала, и он про- шел мимо них на кухню, а там стал варить кофе.

— Перестань! — Но она не пыталась от него вы- рваться.

Он мял ее, как глину, и, конечно, знал, что не будет никогда больше целовать ее, а гости смотрели из комнаты, хотя в общем-то им было все равно.

— Ты не знаешь, как я тебя любил. Сейчас — нет. Ты другая. Той нет. Осталась тень.— Ученик не хотел, а заплакал.— Я люблю ту! Понимаешь? Нико- гда не говорил тебе этого и не скажу больше!

— За-амолчи. Па-айдем завтра в ЗАГС, а? — Ната- ша стиснула его руки и не сказала, а зарычала: — Ты мне снишься.

— Наташа! — Он целовал ее руки. Знал, что эти руки уже год, как ласкают другого. Но целовал.— Нет тебя! Нет! Нет!

У нас будет очень много денег

«Дорогой!

Середина осени, а от тебя ни слуху ни духу! Какие у тебя новости? Какие планы на лето? Когда у тебя будет отпуск?

У нас периодически идут дожди. Сезон неустойчи- вой погоды. Летняя жара и ливни. На грунтовых дорогах грязь непролазная. Мотоцикл-одиночка ча- сто падает на скользкой грязи. Но осень — лучшее время. Тихо, ясно, воздух чистый и звонкий. Пора увлекательных походов и местных вылазок. Заколдо- ванное ущелье ждет нас. Ты, конечно, знаешь, что осенью и зимой в этом ущелье можно увидеть и услы- шать чудо! Это вещь мирового значения! Надо укрепить и расширить успех! Вынашиваю идею: приручить это чудо! Ведь это совсем просто. Надо не шуметь, не размахивать руками, не брать с собой собаки. (Если будет собака, то он близко не подойдет. Они боятся собак!) Чаще всего они подходят к одиночным путни- кам, у которых нет собак. Так было три раза и со мной. Но одному очень страшно! Если вести себя разумно, то и к двум людям он может подойти. Что надо делать, когда он к нам будет подходить? Взять полбуханки хлеба с колбасой и отнести подальше от пещеры. Он съест и будет снова реветь: дай еще! Так мы его постепенно научим приходить не только но- чью, но и днем! Это будет колоссальный дар науке! И после этого у нас будет очень много денег! Можно будет купить сразу пять «Волг»! Вот почему надо срочно заканчивать эту работу.

Закончил ли ты психологическую повесть? А ведь она написана талантливо. Только глупцы или враги не замечают этого. Какая же дорога потянула к себе Павла Кричалова? Возможно, ты колеблешься, как ее продолжать дальше? А пиши, как тебе нравится, тогда и писать будет легко. Пиши в своем эпистоляр- ном жанре.

По-прежнему рад, что ты уже в институте, но не знаю, как твои успехи.

Без накала жизнь скучна и бесцветна.

Твой дядя Клавдий.

Р. S. Постарайся приехать! Тогда вволю наговорим- ся, обсудим все планы!

Р. P. S. Правильно сказано: «Прежде чем тронуть- ся в путь, надо подобрать себе попутчика».

Из дневника Павла Кричалова

Сегодня весь день хотел поговорить с Надей. А она держалась так, будто вчера ничего не было. Как говорится, строга и предупредительна. Я не решился говорить. Все время думаю, как я отношусь к ней. Люблю ее или просто весь мой арсенал любви направ- лен на нее. Я ведь только ею располагаю в качестве объекта. Когда у меня были ноги, я ведь даже не думал о возможности каких-либо отношений с ней. Считал ее молодой, здоровой коровой. А теперь мне кажется, что я всегда любил ее и мечтал о близости с ней. Но какая теперь близость? Я даже себе не могу доставить удовольствие. Куда там женщине...

Поединок

Забавные офорты творил невидимой иглой мороз на стеклах трамвая. Пассажиры барабанили ногами и терли носы. Но даже, если бы все они окоченели и скрючились, как опавшие листья, трамвай, пита- емый электричеством, неумолимо полз бы вперед, стуча колесами.

Ученик вышел у парка и до автобуса пошел пеш- ком. Он ходил здесь и раньше, забирался в полуразру- шенный дом, от которого осталась коробка с пустыми оконными проемами. Днем сюда прибегают играть дети, а вечером не встретишь никого. Ученик любил бродить по заброшенным домам... Вдруг он услышал крик. Забежал в дом. ОНА стояла, окруженная тре- мя парнями, один из которых уже заламывал ей руки. Ученик с разбегу ударил его ногой под сердце. Тот издал такой звук, как будто у него что-то оборва- лось. Упал. Захватив в ударе ногу второго, Ученик с силой толкнул его от себя. Развернувшись в полете, тот врезался лицом в кирпичную кладку и заорал. ОНА закрыла лицо руками. Третий успел ударить Ученика ногой в пах, а когда тот скрючился, ударил снизу в челюсть. Разбрызгивая кровь, Ученик упал, но, успев согнуть ноги, резко ударил ими в живот нависшего над ним. Вскочив, он сбил того корпусом. Они начали кататься. Ученик очутился наверху. Рас- кинул руки противника. На него смотрел парень моло- же его. Потный, он покраснелся и дышал перегаром так, что кружилась голова. Их глаза встретились. Ученик понял, что противник сдается, и отпустил его. Встал. Повернулся спиной. Подошел к НЕЙ. Тот, которого Ученик ударил под сердце, не шевелил- ся. Второй куда-то уполз. Третий сидел на полу...

Ученик отвернулся от дома и пошел дальше. До конца рабочего дня было еще далеко. Ему могли позвонить.

Глава

ОНА сидела в кресле и оттуда, из угла мастерской, смотрела за движениями Ученика. Залепанный кра- ской, он заканчивал ЕЕ портрет. От сил, переполняв- ших его, хотелось надорвать горло. Краски словно обладали разумом и послушно лепили образ, рожден- ный в его душе. Да, этот портрет увидит весь мир. И не только сегодняшний. Одним этим холстом он обессмертит себя. И ЕЕ. Но как назвать работу? ЕЕ

именем? Как же ЕЕ зовут? Имя, оно где-то здесь, рядом, но где? Портрет девушки. А разве ОНА ему не жена? Да. Тогда — женский портрет. Нет, она все-таки девушка...

Вскрикнул телефон. Ученик не вздрогнул, а медленно удивился его назойливости. Хотя телефон был здесь и ему надо лишь снять трубку, Ученику казалось, что аппарат очень далеко и до него никак невозможно достать. Он снял трубку.

— Ты что, спишь? — недовольно просипел Правдин. — Молнию надо накатать. В трех экземплярах. Быстро. Хоть пальцем. И привези. До пяти часов. Понял?

— Все, кроме текста. — Ученик щелкнул зажигалкой. Дым, как болотный туман, пластами лег в воздухе.

— Пиши. Диктую.

Ученик застрочил карандашом в углу листа.

— Да, — закончил текст Правдин, — к тебе тут плотника отправили. Жди. Понял?

— Ага. — Он повесил трубку.

Мemento мори!

Отчаяние охватывало его, когда нельзя было запереть дверь. Но не потому, что Ученик сам не был просвещен в плотницком деле. Какой замок ни поставь, любую дверь можно открыть! Сознание того, что от мира он отгорожен деревянной рамой, обитой картоном, сжимало сердце. Когда дверь еще и не запиралась — это лишало его сил. И сейчас руки были непослушны, а сам он старался не смотреть на пустой проем и на Харитона, стоявшего на четвереньках на двери.

...Ладно — Харитон, но этот рыжий старик на черном диване — обыкновенный снабженец, явившийся сюда пророком с шутовской мордой.

— ...Ты не скажи. Я тут, пока ты выходил, посмотрел твои творенья. — Старик затоптал обслюнявленную папиросу.

— Да это все на выброс. — Ученик отошел от окна.

— Ну, не важно. Так вот, положим, я член худсовета. А ты мне принес ну вот эту картину. — Он потянул рулон, развернул его. Бумага снова свернулась. Ученик улыбнулся. — Смеешься? Так вот я тебе скажу: «А что это здесь? А? Перец. Кувшин. А?! Это так?! Ты что?! Ты мне давай Маню в валенках. Понял?! Вон! Вон, скажи!» А ты не так. Возьми да сделай то, что нужно. Принеси и скажи: «Я двадцать лет над образом работаю. А?! Вы что — против?» — «Так. Дайте ему пятьсот рублей», — скажут. Вот! Мemento мори!

Харитон вынимал зажатые в зубах гвозди и прибивал ими жезл на дверь. Старик заблеял, выкрикивая: «Мemento мори!» Но скоро заговорил:

— У меня племян. Окончил театральный институт. Актер — никакой. Я ему говорил, куда ты, дура, лезешь. Но все из себя выжал, выучился, устроился в юношеский театр. Ну и что? Бездарность! Да еще закладывает. Погнали его. Мать — влиятельный человек. Устроила его в серьезный коллектив. Ну и там... Ничего не может, а еще недоволен. Выцерли. И что ж ты думал? Устроился на киностудию. Сценарии писать. Научился, как все это делать, и — пошло! Что ни сценарий — четыре, три, семьсот, пять! Машинку пишущую купил. «Жигули!» Жена как игрушка. Сценарии его в работу не идут. Но берут же! А попробуй не взять?! Мemento мори!

— Ну, видите ли... — начал Ученик.

— Если бы я умел рисовать, — перебил Рыжий, вытряхнул в рот из пачки папиросу и заорал, скривив лицо: — Да ты что?! Я б туда-сюда, в гастроном —

ценнички, в мясо — рекламку говядины, в кино, в аптеку, в ресторанчик.

— В кино есть художник, — сказал Ученик, рисуя старика.

— Так пни его так, чтоб он все кисти растерял! — Старик задул спичку дымом и продолжал: — Да ты что! Это же Невский! А ты сидишь тут в подвале и ждешь, когда к тебе капусту принесут. Кто? Кому ты нужен?! Ты вот нарисуй Харитону бабу голую — он возьмет, а больше ему не надо. Так, Харитоша?

— Не брешь, — улыбнулся Харитон, навешивая дверь. — Потешный ты мужик.

— Здесь порядок навести — дворец можно сделать. Где окно — там работать. Перегородку сооруди. С дверью, конечно. Здесь стеночки культурненько обшить. Диван к черту, а на его место настоящий станок! Да ты что?! У тебя холодильник должен стоять, а в нем фрукты всегда и винцо, конечно. Скрипочку повесь. Да к тебе бабы побегут, знаешь как?

— Я живу так, как хочу. У меня свои задачи, — строго сказал Ученик.

— Ты?! — Старик словно глазам своим не верил, что видит его. — Живешь как хочешь?! На сто двадцать?! Сказал бы я тебе, да мать твою жалко...

— Кто?! — огляделся Рыжий, будто в него хотят стрелять из темноты оконного проема. — Гойя?! Да ты не Гойя! Что, схемы такие? Да я сделаю. Со слепыми глазами. За десять минут. Без линейки!

Старик зло растоптал папиросу. Было видно, что и себя он порядком растравил.

— Ну что, Харитоша, порядок? Пошли. А то закроют.

Из дневника Павла Кричалова

Когда это случилось, я сразу не понял, что это действительно произошло. Действительно со мной. Говорили, что следом за мной несли мои ноги. Странно, я знал, что мне их никто не вернет, не придется на место, а все-таки во что-то верил, потому что не хотел умирать, а хотел жить. А теперь хочу умереть. Уже знаю как: перережу себе вены. Нисколько не боюсь боли, даже люблю. Когда мне отрезало ноги, казалось, вся боль, которую мне будет суждено испытать в жизни, собралась воедино и проникла в каждую пору. Я слышал, как хрустят кости. Говорят, никакую физическую боль не сравнить с духовной. Чем утешиться, когда и та, и другая вместе? Когда знаешь и чувствуешь, что лишаешься ног. Я люблю боль потому, наверное, что подсознательно жду, что через боль верну свои ноги, которые через боль потерял... Впрочем, что я перемальяваю свои отрезанные ноги, как будто кого-то хочу ужаснуть или разжалобить. Вообще, кому это я пишу? Да никому! Шли бы вы все...

Духовной жаждою томим

Марина ждала его звонков. Он знал, что она бывает с другими. Марина сама рассказывала Ученику об этом. И она знала о его похождениях. Но все равно. Им было трудно друг без друга. Пересилить себя было лень. Они думали, нет сил. И в такие дни, когда ожидание чего-то непонятного и (вдруг?) нового изматывало их до предела и обретало форму уже более простую — желания друг друга, у кого-то из них звонил телефон, и если они не посылали друг друга к черту после долгого молчания, то все-таки встречались.

А после этих встреч каждый из них нес свои муки. Подушка Марины несколько ночей была мокра от

слез, и она кусала белый лен, наполняя свою уютную комнату сдавленным шепотом: «Опять ушел! И теперь навсегда! Я должна все отдать, чтобы оставить его здесь! Убить! У-у-у, проститут! Хоть бы он умер!.. Милый!» И снова, снова прижимала к глазам открытку с тремя котятками, на которой он размахнулся своим крупным почерком:

**«Глупая, лживая девочка!
Я ведь люблю тебя!
Ты, как апрельская веточка,
Долго была моя».**

И, уже задыхаясь, в слезах: «Миленький!»

Ученик начинал писать, беседуя с собой во время хождения по городским кладбищам: «Что ж, я для нее — все. Но поздно, поздно. Какой же я подлец! Да нет, кого тут судить».

— Папа! Ты? — Марина закричала так, словно никогда уже не надеялась услышать его голос.

— Я, мама, — выдохнул он, как умный пойманный зверь.

— На вечер есть планы? — безразлично спросила она.

— Вроде нет. — Ученик зевнул.

— Приходи ко мне.

— А что у тебя? — спросил он, будто везде было одно и то же.

— Маленький орг. — Ученик увидел ее улыбку.

— Мило. Народу много? — Он сел на подоконник и прислонился к стене.

— Не очень. — Марина чиркнула спичкой.

— Всех знаю? — Он проглядывал лица возможных гостей.

— Конечно. (Почудилось: «Приходи, ради бога!») — Но она спросила: — Хорошо?

И, конечно, у Марины собралась ее обычная компания. И опять, когда кончится водка, его подловит Черноглазов и без устали начнет зачитывать отчеркнутые карандашом абзацы, перемежая их анекдотами и собственными стихами, напоминающими плуре с червями. Но это будет часа через три, а сейчас предстоит взаимный обмен информацией. Начнут с политики. Кончат все теми же анекдотами и собственными стихами. Все пишут! Все рисуют! Все поют! Какой расцвет! А плоды? Кому? Только не мне! Сыт по горло! Долой все виды искусства! Занимайтесь йогой, развивайте третий глаз, коли мало двух, данных природой, но не пойте песен, не стихотворничайте, а главное, не рисуйте! Берегите свои данные, копите творческий потенциал. Терпите! Но нет, увы, они и не думают читать его мысли, эти бывшие когда-то нормальными ребята, а опять кривляются друг перед другом и ищут — ЧУДА!

— Вы представляете, шофер. — Глаза Черноглазова уже готовы были выплеснуться из орбит. Красные, как клешни вареного омара, руки пытались дополнить речь изящной жестикуляцией. — Ехал не я, друг. Но ко мне. Шофер этот вез старика. Древнющего. С Урала откуда-то. И тот говорит: «Я прорицатель! В 1985 году будет война». Шофер: да ну, да пошел ты... А дед говорит: «Ладно, тебе предскажу. Повезешь ты после меня покойника».

— Ну? — не выдержал Боб и брызнул помидором на скатерть.

— Так что ж, тот клиент вылез, а в машину сели двое... и с покойником.

Черноглазов сипло засмеялся и начал всем наливать водку.

— Слушай, отец, во-первых, эту историю мне уже рассказала Киста, а во-вторых, в такси покойников не возят, — произнес Ученик из своего традиционного угла.

— Ну, они ему, видно, неплохо заплатили. А то, что эта история облетела весь город, — конечно. Это

же — чудо! — Черноглазов поднял рюмку. — За феномены!

— Да, каких людей только не бывает! — пропела Риммочка. — Я вот сейчас начала новый роман, в котором герой будет мужчина с душой женщины.

— Ну, это уже устарело. Я от друзей слышал, что наш друг начал роман про мужчину с душой мужчины. — Боб запыхтел носом своей шутке.

— Да нет, по-моему, он давно ничего не делает. Так ведь? — посмотрела Марина на Ученика и смутилась, словно его выдала.

— Нету тем, ребята. Или исчерпался. А главное — идеи. Без них уж никуда... Давайте в карты, — сказал он.

— Голубчик, — начал Боб. — Мы все здесь тебя очень любим и радуемся твоим успехам. Почитай нам что-нибудь хорошенькое.

— Хорошо, ребята, я готов.

Ученик встал. Все выбрали позу и приготовились слушать.

**Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился...**

— Ты что, смеешься? — Боб не скрывал недоброежелательности.

— А ты что просил? — Ученик удивленно посмотрел на Бориса.

— Нас пятеро. Что же, в дурака? — спросил Черноглазов и громко рыгнул.

— Да я уж пойду. — Ученик встал. — Веселитесь.

— Ну что ты? Куда? — Марина вышла из-за стола.

— Домой. — Он был уже в дверях.

— Ты удивительно таинственная личность, — заметил Боб. — Появляешься неизвестно откуда, исчезаешь неизвестно куда. Ты вообще приезжий?

— Какая разница. Что ты привязался? — Марина подошла к Ученику. — Останься.

— Ну как же, всегда интересно, чем занимался писатель до того, как стал знаменит. Какое у него было прошлое? — посмотрел на него Боб.

— У меня нет прошлого, — ответил Ученик. — До свиданья.

Квартира

Как можно такую смешную квартиру превратить в коммуналку! Ну, конечно! Никто нас с Ильей не просил снять эту двухкомнатную клетку. Он — там. Я — здесь. Ну и ладно. А все равно спокойнее одному. Пусть хоть в подвале...

Вначале щелчок замка, потом хлопок двери. И в комнату постучали.

— Да! — Ученик выключил магнитофон.

— Вам письмо, — просунул голову Илья.

Боже! Опять на «Вы»! А на физиономии у него стало еще больше прыщей. От воздержания это, что ли. Илья — аскет! Илья — пакет! Илья — брикет!

— Спасибо, Илюша. Заходите. Как самочувствие?

— Плохо. — Мотая головой, Илья плюхнулся на диван. — Крутит.

Одежда его была, словно использованная копирка: и заложена несколько раз, и протерлась кое-где.

— Так вы сколько проголодали? Я тут уезжал. Сбился.

Ученик протянул Илье сигареты, но тот мотал головой. То ли не хотел, то ли все еще показывал, как его крутит.

— Тридцать суток. А сейчас уже начал есть твердую пишу. Кашу. — Илья снял шляпу. Отер рукавом лоб. Он задыхался, так его, беднягу, давило.

— А что, клизмы действительно каждый день надо ставить? — Тут же пожалел о своем вопросе Ученик. Фантазия не всегда хороша.

— Да. Утром и вечером. И душ теплый. Чтобы

весь шлак из себя вывести. Лучше в парилке. Но сердце.— Илья заморгал, ища сочувствия.

— Ну, так помогло вам это мероприятие? — Ученик выдувал дым в сторону, чтобы не окуривать Илью, который сидел как рыба без воды.

— Нет.— Он прищелкнул языком и снова замотал головой.— Чувствую, что растворяюсь, а ничего не могу сделать.

— А вот вы говорили про систему оружия? Его действие прекратилось? — Ученик чувствовал себя репортером. Он интервьюирует короля шизофреников. Они в океане прожекторного света, а вокруг толпы дельцов с толстыми задницами и таких же несчастных шизиков, как Илья.

— Разве можно лекарствами или голодом заставить замолчать радио? — Илья горько улыбнулся.— Это мощнейшие установки, с которыми не справиться не то что мне, а любому количеству людей, подверженных его излучению.

— Так это волны? — Ученик в последний раз затянулся и вмял сигарету в пепельницу-лапоть.

— Видимо, да. Они неощутимы. Но, как я полагаю, благодаря именно их воздействию в человеке пробуждаются доселе дремавшие качества.— Илья высыпал на ладонь изрядное количество шариков аскорбинки и проглотил их.— Качества эти опять же труднодоказуемы, но вы мне поверьте. Так, я часто предчувствую то, что скажет или сделает собеседник. Беда в том, что сигнал поступает незадолго до действия, поэтому я не успеваю сориентироваться. Очень часты повторы ситуаций. Многократные. Вам это должно быть знакомо. Знаю, что будет дальше, даже торжественно своим знанием, а что толку. Недоказуемо. А главное, волны. И голоса.

— Еще и голоса. Я рад был бы послушать их трансляцию.— Ученик невольно улыбнулся.

— Не смейтесь. Вы не знаете, как это страшно. Постоянные угрозы.— Илья сделал свои глаза квадратными и пристально посмотрел в окно, а за ним уже чернел зимний вечер. Снежинки кружили вокруг голых великанов-деревьев, словно комары или мухи, и бились в стекла.

— Кто-нибудь прилетел? — не обернулся Ученик.— Это ко мне.

— Шутите,— устало сказал Илья и встал.

— Не обижайтесь. Сам во страхе живу. Но вы вот говорите — угрожают. А конкретно, что они сделали конкретно? И что они вообще могут? По-моему, они бессильны.— Он подошел к серванту и достал бутылку «Столового».— А я бы назвал «Ежедневное». Вино — дрянь, да денег нет. Будете?

— Спасибо. Нельзя.— Илья подошел к стеллажу и стал царапать корешки книг.

— Да ну, Илюша, я ляпнул про деньги. Это ж — дичь. Давайте! — Ученик покраснел и уже разливал вино.

— Что вы. Я понимаю. Мне просто нельзя. После голодания.— В кармане его шурали таблетки, когда он двигался.— Я пойду. Прилягу.

— Ну, валяйте. За ваше здоровье.— Ученик вылил в себя вино.— Да! Письмо.

— Вот,— протянул на ладони конверт Илья. Ученик знал, что конверт уже прилип к потной руке соседа, и поэтому, как безжалостная медсестра срывает повязку, резко отодрал письмо от руки Илья.

— Спасибо,— сказал Ученик.

— Угу.— Илья закрыл дверь.

— Илья! — распахнул дверь Ученик.

— А? — застыл тот в своих дверях и медленно повернулся.

— Хотите, я вам женщину приведу? Не очень красивую, но с которой приятно переспать.— Ученик отхлебнул вина.

— Перестаньте! — Илья закрыл дверь. И повернул ключ.

Пиши мне письма!

«Добрый друг!

Соскучился по тебе, по твоим добрым, умным письмам... И вот пишу тебе, не ожидая ничего...

Как давно ты писал, что скоро приедешь к нам...

Мне сейчас очень тоскливо. Ведь год назад я потерял самого милого, самого дорогого мне человека — моего папу, доброго, родного! Год прошел, а все как будто вчера было... Все, что ты видел хорошего,— от папы; он мечтатель, фантазер, добрейший, честнейший человек... Даже похожих на него я не встречал. Как-то я терпел свое горе. Теперь не могу — и все! Что делать?! И не представляю. Все опротивело, все осточертело... Чем себя выровнять? Чем помочь горю? Не знаю. Я ведь более года держался на убеждении, что с ним ничего не случилось, а просто был дурной, скверный сон, гнусная комедия... И все. Сейчас эта платформа рухнет... Да, я был у врачей, снадобы слегка отупляла меня... Но все же нельзя постоянно обманывать самого себя! В письмах друзьям я передавал от папы приветы. Больше не могу. Мечтаю: если распродам все свое авто-мото, то сделаю большой холодильник. И папа будет жить вместе с нами! Ведь это вполне возможно, не правда ли? Что еще придумать? Пока не знаю. Может быть, ты что-нибудь придумаешь?

Говорят, что если выплачешься вволю, то нервы успокаиваются.

Правда это?

Ты мне напиши сразу же, как у тебя дела, когда ты думаешь у нас быть? Это будет для меня большая радость. Ведь чем-то хорошим ты развеешь горькие мои думы?.. Пиши, не медли. Ты можешь мне помочь.

Привет твоим друзьям.

Твой К. Т.

P. S. Говорят, что сейчас не модны глубокие, верные чувства. Как это глупо и жестоко! Ведь поговорить не с кем!

P. P. S. Пиши мне письма!»

Сколько ночей просидели они с Клавдием, вещавшим без устали про летающие тарелки, инопланетян, чудодейственные лекарства и еще об очень многом, каждый раз оставляя исписанными и разрисованными кипы листов! Сам Клавдий похож на ежа, близорук, не слышит на правое ухо, страдает астмой, позвонки у него как-то смещены, а вместо «ш» говорит «х». И вот теперь у него умер отец, а сам неумоимо пишет Ученику и просит о помощи. Но что для него сделать? Написать ответ?

Из дневника Павла Кричалова

Надя работает в парикмахерской. По совместительству стрижет и бреет пенсионеров в одном доме типа богадельни. Там живут старые артисты театра. Она рассказала про меня одному из тамошних стариков, и он очень звал меня через нее в гости. Вообще я очень не люблю, когда меня кто-нибудь жалеет. Раньше стеснялся этого, а теперь злюсь на тех, кто проявляет ко мне сочувствие. Я в нем не нуждаюсь. Но этот старик сам почти не ходит. Я, откровенно говоря, чувствую перед ним какое-то преимущество. Я молод, а он стар, хотя оба не ходим. Но вообще не знаю. Он-то прожил... Все равно надо поехать. Попрошу Надю отвезти меня поскорее.

Я думаю, вот был бы такой человек, который мог бы лечить все на свете. Все, включая веснушки и плохое настроение. Был бы я таким человеком, я лечил

бы всех, но мне стоило бы это очень многого, потому что лечил бы людей только своей волей и силой внушения. Я мог бы сделать так, что у человека выросли новые ноги. Этому человеку лечение стоило бы тоже очень многого, точнее, его организму. Денег бы я не брал с тех, кто мне нравился, а другим говорил, что возьму столько, сколько они сами считают нужным заплатить за свое исцеление. Но на самом деле каждое исцеление стоило бы определенную сумму, и если человек жадничал, то потом нога или рука его укорачивались на столько, на сколько он поспешил. Сумму человек чувствовал бы сам и мог не заплатить только тогда, когда я не брал с него денег. Излечение брало у пациентов столько сил, что жизнь их сокращалась пропорционально величине их недуга. Годы жизни, которые должны были сократиться у тех людей, которые мне нравились, я вычитал бы из своей жизни. Потом я стал бы лечить девушку с прекрасным лицом, но страшным уродливым телом. Я сделал бы ей тело, достойное по красоте лица, а годы, отнятые лечением, взял бы на себя. Она полюбила бы меня. Ноги у меня не выросли бы до тех пор, пока она меня не полюбила, а когда выросли, то у меня набралось столько чужих лет, вычтенных из моей жизни, что я должен был умереть. Последние годы я отдал за ее лечение, а она долго молилась богу и отдала свою жизнь за мои ноги. И мы бы умерли вместе. Она, прекрасная и нетронутая, как распускающаяся белая лилия, раздвинувшая белые девственные лепестки и приоткрывшая за ними свою пахнущую самой нежностью страстную сердцевину. Лилия, скользящая по поверхности прозрачного лесного пруда, укрывшего в отражении великомудрых елей ее наготу. И я, обретший ноги, но не ступивший на них ни разу.

Я буду писать!

Как он опустошен! И чем? Не растрчивает себя ни любовью к близким, ни ненавистью к врагам. Что же такое? И где взять силы? Музыка. Она помогала ему раньше. Рождала образы, задавала ритм... Алешка. Он притащил опять какие-то записи и опять, наверное, что-нибудь сверхъестественное.

Ученик включил магнитофон. Поставил пленку. Нет, это ему не нравилось. Он перематывал пленки, переключал дорожки, но никак не мог найти нужной СЕЙЧАС музыки. А она была нужна, он чувствовал это, и вдруг, когда все Алешкины новинки были, кажется, просмотрены и он остервенело нажал еще раз «воспроизведение», зазвучала та песня, мотив которой почудился ему три дня назад, когда перевернулось все внутри него и он сам.

Тело его, как и тогда, переполнило энергия, и он очутился у окна и открыл его, и, словно бумажный самолетик, его поднял ветер. Он не знал, но начинал чувствовать, что ему сейчас так нужно, чем должен наполнить он себя, чтоб вернуться домой и начать работать.

Он летел уже над домами, и странно ему было, что снизу никто удивленно не кричит: «Человек в небе!» Да нет, он же невидим. Ну, конечно.

В голове его всплывали какие-то слова про писателя, про знаменитость, про прошлое... Ах, да, Боря. Ну что ж, прошлое мое малоинтересно, а настоящим я с тобой поделюсь. Ученик не знал точно, где живет Боб, но понял, что летит именно к нему. Мелкая обида. Может быть. Но сейчас мне достаточно и этого. После всего. После прошлого. Я снова буду жив! Я буду писать! И я буду знаменит! В прошлый раз мне не требовалось жертвы. Я просто летал по городу, залетал в ночные квартиры и смотрел на людей. Потом решил, что это был сон. Теперь мне нужно что-то больше.

Вперед! Ему казалось, что он сейчас со звоном влетит в квартиру Бориса, но, проникнув через стекло, даже не почувствовал этого. Только там, где были оконные рамы, он ощутил мягкое сопротивление. А вот и Боб! Он вытянулся в кресле. Девочки и мальчики занимаются любовью. А Боб смотрит! Все великолепно! Руки, главное — руки! И дыхание! Как над огнем навис прозрачный, как стрекозиное крыло, Ученик над его пушистой головой. Себе. Себе! Всю его энергию. Боб беспокойно огляделся, но причины беспокойства явно были в голове. Что такое? Насмотрелся. Но что это? И не встать. А из головы словно кто-то большим шприцем все тянет. Да и тело все ноет. Ах, как все закружилось! Будто пьян. А выпито от силы пару стаканов. Припадок?

Ему мерещится, конечно, Ученик, сидящий в кресле напротив. Без ясных контуров, словно мокрое, изображение плавится, пропадает частями.

— Не понимаю. Ты что? — Деревянный язык еле передвигается. Хочется спать, страх заставляет расширить глаза.

— Завтра ты можешь рассказать еще про одно чудо. А сейчас приляг.

Ученик исчез. Изображение вымерло в пространстве. Борис, качаясь, наклонясь, как Пизанская башня, добрал до кровати и рухнул лицом вниз.

Марсианская разведка

Прилетев назад, Ученик заглянул в окна.

У Ильи горел свет, но его не было, а на кухне сидел незнакомец в белом халате.

Ученик спустился на землю и, как все смертные, вошел в парадное. Поднявшись на лифте, вошел в квартиру.

— Очень хорошо, что вы пришли. Я уж думал, не дождусь. Кобылец. Психиатр,— представился высокого роста мужчина.

Ученик пригласил его в комнату.

— К нам сегодня поступил Скурихин. А вы, собственно, как живете здесь?

— Довольно неплохо,— начал Ученик, но понял, что такая форма психиатра не устроит.— Сторожу квартиру.

— А Илья? — внимательно посмотрел Кобылец на него.

— Он хозяевам родственник, но положиться на него — сами понимаете.— Ученик сделал выражение лица, рассчитывающее на понимание собеседника.— А вы его надолго забрали?

— Посмотрим, как вести себя будет. Он, знаете, что в предпоследний раз выкинул? — Врач был крайне располневшим. Мордаха его лоснилась. Сквозь очки блестели беспокойные глаза.

— Нет. Илья со мной не делился.— Ученик сел в кресло, а рукой указал на диван.— Садитесь.

— Спасибо.— Врач сел. Живот его, как воздушный шар под рукой, выехал и повис между ног. Ученик подумал, было бы забавно, если медик начнет вдруг плавиться и живот его большими каплями начнет стекать на пол.— Он написал письмо в органы,— понизил медик голос,— о том, что какие-то голоса сообщили ему, что один из его друзей состоит на службе в марсианской разведке. Хотя это было и глупо, товарища взяли на заметку. Всякое, знаете, бывает. Есть места менее отдаленные, чем Марс, где разведка довольно неплохо работает.

— Надо же! Мне казалось, он настолько в себе, что даже ни с кем не поделится.— Ученик перевел глаза на руки собеседника. Они тоже были словно вздутые.

— Так это еще не все.— Кобылец поежился, будто посмотрел на себя глазами Ученика.— Исписал общую тетрадь. Девяносто шесть листов. Представля-

те? — Ученик покрутил головой, словно не представляя.— Указал на то, что жителям нашей планеты уже давно переселяют души. Якобы в определенном возрасте, в детстве, человек меняется. Окружающие этого вроде как и не замечают, а человек становится другим. Так вот это ему сообщили все те же голоса. — Страдалец,— вздохнул Ученик. Психиатр удивленно сверкнул линзами.

Дела душевные

Врач ушел. Ученик открыл дверь в осиротевшую комнату соседа. Разбросанные вещи были словно отдельные фразы, не договоренные Ильей. Он подошел к письменному столу. Выдвинул ящик.

Читать чужие письма, копаться в чужих вещах он не считал чем-то недостойным, а вполне оправданным для творческого человека.

Много пустых и полных упаковок с таблетками, рецепты, шприц, карточки «спортлото», документы, какие-то бланки, записи шахматных партий — все это перестало существовать для Ученика, когда он докопался до тетради с надписью кровавыми чернилами: «Дела душевные». Ученик сел на искалеченную раскладушку Ильи и перевернул обложку. Несколько листов из тетради было вырвано.

...«Работаю много. С детьми тяжело, но интересно. Я разделил свой класс на несколько слоев. В верхний слой вошла вся элита, а в нижний соответственно дебилы. Одного парнишку пришлось убрать. Их два брата. Старшему надо просто огрубеть, а вот младший — это уж слишком много для класса. Если б он остался, я бы просто не справился. Сказывается отсутствие опыта.

Достал кучу интересных книг: систему йогов, парапсихологию, журнал «Спиритуалист» — одним словом, почти все то, что меня давно интересовало. И все более интересно. В шахматы играю мало. Записался было в клуб, да нет времени ходить. Все свободное время отнимает чтение...

Жена ждет ребенка. Какая это будет радость!

Соседский мальчик меня пугает. Надевает на голову колпак. Как у звездочета или куклуксклановца. Берет дудочку в руки. Ходит и дудит. И все время попадает навстречу мне. Или сзади. Сзади не так страшно. На нем шорты. Ноги в гольфах.

...Каждый должен приобщиться к православной церкви. Хочу окрестить дочку. Главное, чтобы жена не узнала, а то она меня сразу отправит в больницу. Сам я вчера окрестился. Сразу стало легче.

Когда все это начнется, спасутся только принявшие крещение в православной церкви.

Ничего не могу делать, ни читать ни писать. Очень мешают голоса. Доктора здесь не помогут. Какие пилюли могут заставить замолчать динамики?

Успокоение только в церкви. Только в вере. Надо молиться Богу.

Вчера я разговаривал с Богом. Вначале тело стало как бы не мое, и я это чувствовал, а потом стало очень легко на душе. Остался только голос Бога.

Все это было. Повторение. Таблетки. Дают. Гло-таю. Будет, м. б., еще раз. М. б., не один.

Не могу отделиться от мысли, что все уже было.

Если человек безумен или, правильнее сказать, болен, т. е. живет нереальной жизнью, то он не сознает того, что его поместили в психбольницу. Я сознаю. Они считают меня больным. Как объяснить им, что я стал жертвой опасного и жестокого эксперимента? Как заставить их поверить в то, что в XX веке стало возможным изобретение машины, могущей внушать людям любые убеждения, делать с ними абсолютно все, что будет угодно экспериментаторам?

Не знаю, какие державы располагают этой маши-

ной. Возможны разные варианты. Эта машина может внушить любые мысли, убеждения, т. е. она может вынудить, принудить что-то с собой сделать. Она может целой нации внушить мысль о самоубийстве или о повиновении. Все дело в том, кто первым пустит ее в ход.

На мне проводят эксперимент. Почему выбрали меня? Человек, не имеющий врагов, спокойный, образованный, шахматист.

Голоса мне говорят, что убьют меня, мою жену и дочь. Говорят, что будут их садистски истязать перед тем, как умертвить. Что делать?

Сигнал поступает тогда, когда мой собеседник раскрывает рот. И, хотя я знаю, что он мне скажет, но доказать это ему невозможно. А машина мне передает всю информацию, которую сообщит собеседник.

Слишком много совпадений.

Общаюсь с покойным дядей. Страшно.

Из учеников почти никто не приходит. Редко.

У меня сильная экзема. В волосах перхоть. Нервные моргания глаз. Подергивание головой.

Здесь находится много народу. Есть больные. Один пожилой человек сильно и часто кашляет. Его поместили в коридор, где все время открыты окна. Сквозняк сильный. Хотел поменяться с ним местами. Доктор не разрешил.

Все время ощущение, что горячо. Во мне горячо. Как двигатель перегревшийся. Так себя ощущаю. Это от информации.

Правильно. Раньше лили воду. Но мне не надо. Если человек говорит, как заставить замолчать? Уйти. Я думал, но это не выход. И на том свете будет то же. А м. б., хуже.»

Из дневника Павла Кричалова

Надя возила меня к старику. Он совсем дряхлый и почти не ходит. В комнате у него очень интересно, как в сказке. Над дверью висят крокодил и огромная жаба. Рулоны бумаги хранятся в слоновой ноге. Все стены увешаны картинами. В углу иконы. Много книг. На кровати рядом с подушкой лежит игрушечный зверек, не то кошка, не то собака,— очень старый, наверное, как сам старик. Он кормил меня пельменями, предлагал водки, но я отказался. Пью только дома. Потом к нему пришли какие-то люди. Почти в это же время в окно постучала Надежда. Она привела машину. Надя не помогла мне дойти до машины, даже не зашла к старику. Один из ребят, пришедших к нему, помог мне дойти до машины и сесть.

Я не верю в то, что Надя меня любит, хотя мог бы это подумать: она не относится ко мне, как к инвалиду, а как к полноценному мужчине, и не помогает ни одеваться, ни передвигаться.

Больше всего мне понравилась картина старика, на которой изображен светлый парень с баяном. Он написан не весь, а по пояс, даже больше. Парень в русской рубахе, сидит вполоборота, лицо в полный профиль, куда-то смотрит. Справа стоит баян, на который он оперся. Сзади баяниста, далеко, заводские трубы и корпуса. Рубаха на парне белая с синим узором, вроде как праздничная, но картина грустная. Парень кажется очень одиноким. Хоть внешне он мне не понравился, я его пожалел. Я считаю, что в портрете самое главное голова и руки, кисти рук. Но, странно, лицо у баяниста белое, мягкое, кажется, что художник даже пытался его огрубить, сделать более жестким, упростить. А вот руки у него красные, рабочие, изможденные, усталые, кажется, что они намного старше человека. Я сказал об этом художнику. Он мне объяснил, что голову писал одного чело-

века, а руки другого, и очень обрадовался, что я это заметил.

Парень, который проводил меня до машины, говорил, что старик не только художник, но еще и поэт и писатель, а на рояле играл лучше, чем писал картины, и сам написал несколько романсов. Парень сказал, что художник знает несколько языков, вообще он успел наговорить мне про старика столько, что я всего и не запомнил. После этого мне стало очень жаль себя, и в то же время появилось какое-то зло. Я думаю: ну, что я смогу за свою жизнь сделать? Вот этот художник — ему скоро девяносто, и, прожив такую долгую интересную жизнь, он перестал ходить. Да и куда ему ходить? Ему, наверное, все надоело так же, как и мне. Последнее время я заметил, что теряю интерес ко многим вещам. Да и как не терять? О чем вообще можно думать?

...Очень плохо. Скучно и тошно. Совсем не хочется пить. Что я теперь? Объект для сочувствия. Ничего не могу сам. Хожу кое-как на протезах. На улице стесняюсь выйти. Я же вижу, с какой жалостью на меня все смотрят. Пенсионеры на скамейке сразу начинают перешептываться. Говорят, наверное, вон пошел из седьмой квартиры. Сажу целый день дома. Страшно подумать, что просижу так еще лет пятьдесят. Но теперь об этом думать не надо. Завтра Мама уезжает на похороны отца. Я б на ее месте не поехал. Если человек мог оставить женщину с ребенком на руках без всякой помощи, он не стоит даже того, чтобы бросать ему мелочь и землю в могилу. Раньше, правда, я хотел увидеть отца, узнать его, поговорить, ведь мне его очень не хватало, но, когда я остался без ног, то понял, каково было Маме. Меня держат ноги, которых нет, из-за них я не могу ничего делать из того, что хотел бы. А Маму держал я, а теперь вот буду держать до самой смерти. Нет. Не буду... Хорошо, что Надя у нас — только одна соседка. Дочь она уже отравила к бабке, а ее я пошлю посмотреть какой-нибудь двухсерийный фильм. Надежда уйдет, а я в это время все сделаю и, чтобы мало ли чего не подумали, напишу письмо, да и дневник мой найдут, только я напишу на обложке, чтобы не показывали Маме. О Ней я подумал. Сейчас мы живем вдвоем. Оба не видим в жизни ничего хорошего. Если меня не будет, то Мама должна это пережить, она же поймет, что так всем лучше.

Итак, остается один человек — Мама, которая сможет еще найти что-то в жизни.

Она же родила меня в девятнадцать лет и молодая еще.

Как все делать, я знаю: Ростислав мне говорил, что лучше всего резать под мышками. Мама раньше незаметно прятала бритвы, таблетки и всякие такие вещи, но я схитрил. Сказал, что если человек бреется электрической бритвой, то кожа у него становится неровной. Мама купила мне бритвенный прибор, а в глазах у нее стоял вопрос: «Зачем тебе гладкая кожа, сынок?»

Куда же деваться?

Я привык врать. И себе? В первую очередь. Меня же никто не спрашивает. Я могу думать про себя. Я! Я! — пишу из любви к себе. СОЧИНЯЮ. Я и позер. А как с остальными? Нет, это танец перед зеркалом. Но куда же деваться? Про себя, в сознании, все выглядит лучше и больше. Ага, значит, я хочу «лучше и больше»?

Ничего не хочу...
А время идет...

Ему очень приятно

«Отравиться, что ли?» — подумал Ученик как о чем-то очень простом. Тут же представил, что лежит уже в гробу и опускают его в подвал крематория, а кругом собрались все, кто его знал, и каково им теперь, когда его нет.

— А, черт с ним! — сказал он и высыпал в ладонь таблетки из разных пачек, которые наверняка были снотворными, и принимал их Илья каждый день. Он проглотил лекарство.

Выходя из комнаты, потушил сигарету о косяк двери. Мгновенно затухающие искры рассыпались вниз. На древесине, выкрашенной белой краской, остался черный кружок. Словно потухший костер на белоснежной планете. Он ушел. И оставил на косяке маленький потухший кратер. Что-то ведь надо оставлять после себя.

Вернувшись к себе, сел на пол. Включил магнитофон. Вначале не было ничего. Только знакомая музыка. Потом словно чьи-то руки легли на его голову, а голова стала мягкая, как пластилин, как клубок шерсти, а руки шарили в ней. И вдруг хлынула вода. Она набегала теплыми волнами, согревала голову и оттуда расплзалась по телу. Да, он был под водой, и вечно хотелось полужелать на паркете и ни о чем не думать. Какая-то сила, без всякой его воли и желания, без всякого напряжения, сделала его счастливым и беззаботным. Он ничего не помнил. Чувствовал только одно — ему очень приятно. Он просто сходит с ума от удовольствия.

В чужом пиру похмелье

Утром позвонил Боб и очень тихим голосом спросил, что Ученик делал вчера вечером. Ученик ответил, что вспоминал прошлое, сказал, что Илью увезли, и спросил, давно ли Боб его знает.

— В общем-то да. А что? — Голос у Бориса был слабый.

— Как у него начались эти шизовки? — Ученик успел поработать перед тем, как навестил аптечку Илья, и теперь ему очень хотелось поблагодарить Бога за отданную энергию.

— Ну, видишь ли, все началось с того, что он стал оставлять везде свои вещи. Портфель, книги, плащ — в гардеробе. Потом стал все раздавать. — Борис говорил тихо, но ясно, а Ученику иногда казалось, что он говорит по-английски. — Раздал много ценных изданий. Вещи отдавал. Зонт. Очки от солнца — словом, шизанул.

Голос Боба иногда пропадал, а потом возвращался, но будто с другой стороны:

— Жена ему говорит: «Ты, Илюша, что, — заболел? С памятью что-то или нарочно так?» А он говорит: «Нет, я теперь так жить буду. И все так должны». Ни за какие вещи, то есть не держаться, все раздавать.

— Да, интересно; он что, и в дурдоме всем будет помогать? — засмеялся Ученик.

— Не знаю. Хочешь — навести. Среда и воскресенье с пяти до семи. Адрес знаешь. — Боб еле ворочал языком.

— Знаю, — подтвердил Ученик.

— Ты извини, я с тобой разговариваю, а сам лежу, — оправдывался Боб.

Рядовой организм

Они шли, наступая на листья, которые шуршанием своим озвучивали этот странный парк, а то, вдруг втянутые в танец порывом ветра, перелетали веером из руки в руку этого невидимого фокусника-ветра.

Ученик был выше Ильи больше чем на голову и склонялся, когда тот говорил.

— Видите ли, я не считаю себя больным. Разве можно назвать болезнью прозрение? — Скурихин затаился, полоща дымом рот.

— Но у вас уже наступали моменты, когда вы считали себя прозревшим? — Ученик остановился, прикуривая сигарету. — А это как произошло?

— Это не произошло, а происходило. И происходит. Все, что было раньше, — детский лепет. — Илья запнулся, смущенно кашлянул. — Мне стали являться мои грехи. Вы понимаете?

— Да. — Они встретились глазами. Ученик заметил, что Илья стал избегать прямого взгляда. Стал еще чаще и неравномерно моргать. Лицо Скурихина теперь как избитое, а прыщи обратились волдырями. — Это было довольно мучительно. Я должен был все вспомнить сам. А они только исполняли то, что воскресало в моей памяти. — Илья снова размял папиросу. Закашлялся.

— Эдакий театр. — Ученик вздохнул и оглянулся по сторонам.

Прямые, как свечи, деревья тонули в лужах, будто они тоже таяли и были восковые. В почерневших островках первого снега нельзя было угадать его былого крахмального благополучия.

— Вы не мерзнете? — спросил Скурихин пожившегося Ученика.

— Нет, я почесываюсь. А что, тут не следят? — Он подобрал с земли лист, но тут же искромсал его и пустил по ветру.

— За кем? — не понял Илья.

— Ну, мало ли, убежите. Вон какой парк, а ограда для кроликов.

— Куда? — изможденно посмотрел на него Илья, затаптывая папиросу в охапку листьев. — Так было вначале. Потом так, что уже не знаешь, спишь или нет. Их стало гораздо больше. Мне было страшно, но вместе с тем пришло чувство раскаяния. И я перестал бояться. Во мне проснулся совершенно другой человек.

— И вы стали все раздавать людям? — Ученик улыбнулся.

— Это не главное. Передо мной открылось столько нового, истинного, вечного, что раздать все и остаться голым — это так, этого не замечаешь. — Скурихин вдруг быстро проглотил какую-то таблетку.

— А это зачем? — спросил Ученик.

— Рядовому организму не справиться с той нагрузкой, какую я получил, — помотал головой в подтверждение своим словам Илья.

Они вернулись к белому кирпичному зданию. Окна были затянута ржавой сеткой. Ветер разбежался за их спиной, ударился в стену, закружил скомканные листья, которые птицами понеслись на них. Ученику вдруг захотелось стрелять в их разноцветную стаю.

— Скурихин! — позвал женский голос из дома.

Ученик посмотрел на окна и определил, откуда кричали, по белому пятну за сеткой.

— Вы извините. Мне пора. Процедуры, — виновато отвернулся Илья. — Приходите в воскресенье.

Скурихин неловко выставил свою руку. Ученику показалось, что он пожал тюлений лап. Илья кашлянул: — До свидания.

Недавно в нашей редакции прошла персональная выставка графика Сергея МЯГКИХ из г. Ставрополя. Художнику было 19 лет, когда его не стало. Мы публикуем две работы Сергея из серии «Учитель и ученик»: 1. «В гостях у Матисса». 2. «Путешествие».

Это он сказал уже на пороге и, повернув свою сутулую спину, еще больше согнулся, когда вошел в корпус. В больничном ватнике он был похож на темно-синюю гусеницу.

Дневной сон

Ученик давно заметил особенность своего организма — всегда заболеть до или в период особенно важных событий. Это бывало и перед праздниками, и когда-то перед соревнованиями, и даже перед свиданиями, на которые возлагались большие надежды. Сейчас, почувствовав легкую ломоту в спине, он решил прилечь, хотя еще не стемнело. «Некстати болеть», — подумал он и, три раза перевернувшись с боку на бок, заснул.

...Как они ждали квартиру! А вот бедная баба Катя не дождалась. Да, он сидит теперь на чемоданах и ждет, что очень скоро, может быть, уже сейчас, уже подехала машина и повезет их вещи в новый дом. Много вещей они, конечно, оставят, но и потаскать придется изрядно. Чего стоят одни книги! Как смешно было, когда баба Катя зашла в комнату после ремонта и стала шарить по свежееклеенной, еще совсем сырой стене и, всхлипывая, повторяла: «Зачем заклеили книги? Там все мои учебники!» Книги были просто сняты, а стеллажи разобраны. Да, она была уже совсем ребенком, бедная баба Катя. Все ждала, когда мама поведет ее учиться в гимназию. ...Соседи? Но мать с ними в постоянной ссоре, и они не заходят. Кто-то без звонка? Как вошли? Нет, старуха какая-

то. Баба Катя! Да, она совсем разучилась ходить. Вошла, оглядывается. Сонная какая-то.

— Ты что, баба Катя? — спросил Ученик и встал с чемодана, но не распрямылся.

— Вы куда собрались?

Она говорила всегда властным голосом, но кто ее слушал!..

— Так переезжаем мы. На новую квартиру!

Старуха стала нечистоплотной в последнее время, и от нее часто дурно пахло. Она почти не слышала, и ей приходилось кричать. Ученик отошел к окну. Оттуда проорал:

— Машину сейчас жду!

— А меня-то возьмете? — спросила баба Катя и села вдруг на свою кровать.

Но кровати-то уже почти год как не было. После самой смерти, как увезли старуху, так и кровать во двор выставили. А там долго ли она простоит? Что-то было во всем этом не то.

Сидит баба Катя на своей кровати, нога на ногу, пальцы сплела, колено обхватила. Всегда так сидела. Но все равно не будет ее скоро. Уйдет она. Уйдет? Милая, старая баба Катя! Сколько она возилась с ним — капризным и злым. Как отплатить ей? Что сделать за эти минуты? Ученик подошел к ней, обнял ласково, поцеловал в лоб. Она была такая родная ему. Вся даже какая-то мягкая сейчас, беспомощная. Но что это она так смеется? Нет, странный смех ее! Да она ли это?! Господи, кто это? Вон же баба Катя там, в дверях, спиной уже к нему, а это кто? Нижняя старуха с вытекшим глазом? Была сейчас она, но нет уже. Да кто же это? Нет, снова баба

Катя. Ой, нет! Чужая, страшная, схватила его за руки и тащит, на себя тащит!

...Ученик проснулся и, еще не придя в себя, на всякий случай простонал. Сбросил простыню, сел. «Со мной, и вдруг такое. Не от Ильи же мне заразиться». Он снова лег.

...Автомобиль был большой и черный. Не очень современный, но такой шикарный, что можно задохнуться от счастья, сидя в нем. С ним была обезьяна. Какие-то собаки кружили вокруг них, но Ученик открыл дверцу, и обезьяна из уличной слякоти скакнула на кожаное сиденье. Да и наплевать! Главное, скорей завести и ехать. Автомобиль плавно двинулся, но, миновав квартал, Ученик понял, что правит троллейбусом. Он знал улицу, по которой ехал. Вырос на ней! И никогда по ней не ходили троллейбусы. Подумав об этом, он сделал что-то не так. Машину вынесло на перекресток и вправо, поперек проспекта, но все встречные машины, как рыбы, огибали троллейбус. Ученик увидел перед собой пожилую рыжую женщину с огромной собакой. Он понял, что это самая шкодливая из тех, кто приходил к ним, когда он только родился, чтобы сказать: «Нет, он не похож на Олега!» Отец ушел, не зная, что Ученик готовится увидеть свет, а про этих «общих знакомых» один раз случайно слышал. Как ни мерзка ему пришлась эта баба, но что она скажет? Перед тем, как женщина заговорила, ему предстояла дуэль глазами с ее псиной. Не мигая, смотрел Ученик в красные собачьи глаза.

— Ты что-нибудь знаешь о своем отце? — спросила женщина, одергивая поводок и улыбаясь.

— Только то, где он живет.

Ученик пожалел, что с ним нет Ивара. Он хоть и в два раза меньше этого кобеля, да вдвоем они как-нибудь с ним бы управились. А пес, словно видя перед собой Ивара, оскалился.

— Перестань, Пушок, — небрежно хлопнула она пса по переносице. — Знаешь, твой отец очень опустился. Совершенно спился, страшно постарел.

А мать говорила, что Олег не выносил спиртного. Да Ученик это и по себе знал. Но вот видит: небритый сутулый человек перед зеркалом. Странно видеть этого грязного мужчину в изящной женской спальне. Ученик вспомнил фотографию. Отец там гораздо выше матери, руки держит в карманах пиджака, улыбается. Да, он здорово похож на отца. И вот он уже в его оболочке, и на этой фотографии, и у трюмо, трусливо заглядывает себе в душу. В какое-то мгновение вся грядущая жизнь предстала перед ним.

...Он проснулся, но не двинулся и ничего не думал. Это длилось долго. Потом подтянул под себя ноги и сел.

— Все теперь ясно? — спросил он себя.

Щелкнул торшером. Слез с дивана. Достал из серванта снотворное. Высыпая в рот несколько порошков, отхлебнул вина из горлышка и лег спать.

...Комната, в которой они раньше жили, была дорога ему, как живое существо. А сейчас, когда здесь была Мама, он чувствовал себя ребенком. Но что за мужики за столом? Да это Август с каким-то типом. Чего они пришли? И почему Мама с ними смеется? А угол комнаты, как у Августа в квартире. Даже стол такой же. Но как они веселы. И Мама ставит на стол бутылку водки. Вот это уж ни к чему. Ученик подошел и хотел взять бутылку. Мать стала его отталкивать. Он увидел, что комната перегородена ширмой, и повлек мать к окну, где должна стоять ее кровать. Но она уперлась руками ему в грудь и не хотела двигаться с места. Ученик с неожиданной легкостью поднял ее, как вдруг обратил внимание на юбку. Это была Маринина юбка, сшитая словно из лепестков тюльпана. Да это же Маринка! Ученик опустил ее на

кровать. Теперь ему было наплевать и на Августа, и на его приятеля...

...Комната была на южной стороне дома, и с полудня солнце било в окно лучами, которые разбрызгивались по потолку, а вечером желтая полоса переползала с паркета на стену и там уже кровавым пятном жгла фотографию Марины. Ученик лежал и водил по стенам глазами, а шеvelьнуться не было сил. Одеревневший, но расслабленный, он снова заснул.

...Мужик был огромен, а толст настолько, что груди его просто болтались, как свиные рыла, в разные стороны. Сам он весь был в крупных складках, как стеганый надувной матрас. Ударить его не имело смысла. Такого не прошибешь! Но вот в руках у Ученика автомат, и он ловко прошивает бугристую спину крест-накрест. Однако детине ничего не сделалось. Он оборачивается. Да он смеется! А сам целится Ученику в голову из пистолета, который кажется игрушечным в его руке и похож почему-то на галстук-«киску». Ученик закрыл лицо руками и с ужасом почувствовал, что они стали тяжелыми и липкими. Что, он убит? Готовясь упасть, он открыл лицо и увидел, как мужик рассказывает что-то Наташе и бабе Кате. Они втроем смеются, а на поводке у Наташи Ивар... Ученик удивился, что у всех распухшие ноги и сплюснутые головы, а сами они, как сосны, нависли над ним и вытягиваются все выше. Он понял, что лежит. Позвал к себе Ивара. Тот подошел и встал на него всеми четырьмя лапами, приятно задышал из своей собачьей пасти. Но было очень тяжело держать на себе пса. Ученик попытался столкнуть с себя собаку, но когти впились ему в грудь...

Из дневника Павла Кричалова

Совсем одиноко. Никому не верю. Ни с кем не делюсь своими мыслями и настроением. Все мне противно. Как хочется иметь ноги, чтобы уйти куда-нибудь далеко в лес от всех людей. Взял бы Надю? Не знаю.

Хочется в снег. Зарыться с лицом. Ободраться о подмерзшую корку льда над снегом. Израниться. Кровь на снегу. А потом носиться по лесу, сбивая спиной и плечами с деревьев снег. Наверное, это близко к смерти.

Мама вчера уехала. Я послал Надю в кино, а сам решил умереть. Все приготовил, представил, как меня найдут, как Надежда будет плакать — ее слез мне не жалко, мне их хочется. Маминых слез — жалко. Представил, как буду лежать в гробу, а вдруг мне стало завидно. Завидно оттого, что я ничего не сделал, чтобы умереть. Не потому, что я что-то там обязан сделать — это все ерунда, а как в детстве, когда я начинал чем-то увлекаться потому, что другие это умеют. Мне как бы открылось новое измерение жизни — я ничего не сделал. А что я могу? Не знаю. Написать бы что-нибудь, симфонию или картину, а после этого умереть. И еще. Хотя это меня бы не удержало. Только это. Я подумал, что будет дальше? Я-то этого не узнаю!

Тебя?

— Значит, как прочту, сразу верну. — Черноглазый набил портфель книгами и с отрешенным видом сел на подлокотник кресла. — А что собака твоя, жива?

— Может быть, Ивар еще жив, но он не у меня. — Ученик покосился на Черноглазого.

— А что случилось? — изумился тот.

— Потерялся.

— Как же так?

— Очень просто. Ушел.

— Ты его так одного гулять и отпускал? Вот видишь.

— Он мне теперь каждый день снится. Позавчера с ним чай пил.

— С кем?

— Да с Иваром же.

— Как?

— Очень просто. Сидели на кухне. Он одну лапу на другую заложил, в передней блюдце держит и на чай дует, чтоб быстрее остудить. Собакам, знаешь, горячее нельзя: нюх пропадает.

Ученик включил магнитофон.

— Тебе сегодня куда-нибудь надо? — Черноглазый стал извиваться под музыку.

— К шефу. Конфиденциальный разговор. К тому же хочет уволить. — Ученик отбивал ляжки ладонями в ритм музыки.

— Тебя? — искренне удивился Черноглазый.

Конфиденциальный разговор

— Слушай, парень, не нравятся мне твои разговоры. — Правдин серьезно на него смотрел. — Кончал бы ты свое пустозвонство. Понял?

— Вы мне как начальник такое указание даете? — Ученик не отводил своих глаз и улыбался.

— И что у тебя за манера все время лыбиться? Взрослый парень, а все дурака разыгрываешь. Смотри, как бы твои документы не испортились.

К Правдину постучали.

— Войдите.

Вошел Башков. Правдин больше не задерживал Ученика.

Нет

Здесь курят. Сидят на стульях. На подоконнике. Приятней. В детстве, наверное, потому что запрещали. Надписи на стенах. Немного. Бывает гораздо больше. Чьи они? Кому? Где вы, авторы, рассыпавшие свое одиночество?

Ученик бросил сигарету в банку из-под горошка. Она зашипела обиженной змеей. Собрался уйти, но из лифта явился Алешка.

— Старик, на минутку! Здравствуй! — принял он руку Ученика. — Проект зарубили. Ах, мать их не вовремя родила! Полгода, старик, полгода!

— Это что, городок в Сибири? — Ученик сунул в рот Алешке сигарету и захрустел спичками.

— Ну да! Мой город! Перестраховщики. — Он судорожно затянулся. Руки дрожали. — И ведь получится как в тот раз. Они тогда тоже настаивали, чтоб в одном кирпиче сделать. А что получилось? Одного оштрафовали, другой — с инфарктом. — Алешка выронил сигарету. Искры осыпали его изящные ботинки. — А, черт! Старенький, прости. Еще штучку.

— Слушай, отец, у тебя со здоровьем тоже неважно. Ты бы так не дергался, а то опять вздует. Смотри, ты уже надуваешься. — Ученик погладил Алешку по животу.

— Мелочи, старина. Еще одна-две печеночных комы — и все. Это не самое главное. — Алешка зло посмотрел в окно через свои темные очки.

— Как говорит Лика: «Для приобретения хорошей духовной оболочки мы должны иметь как базу хорошую физическую». — Ученик с улыбкой посмотрел на Алешку.

— Чуть, старик! Всем в печку. А раньше, позже — не суть. — Алешка, кажется, начал успокаиваться.

— А вот и Лика! Ты, мать, легка на помине. — Девушка искренне улыбалась, встретив ребят. — Как твоя йога?

— Отлично! Вчера, наконец, села в лотос. Больно!

Мать вышла из кухни, говорит, дошла ты, доченька, в цирке тебя скоро будут показывать. — Она, как лошадка, качала головой, словно соглашаясь с тем, что дошла.

— Башлей у тебя, мать, будет — пруд пруди. Нас тогда не забудь. — Алешка собрался уходить. — Я к шефу. Еще увидимся?

— А как твоя учительница? Как это по-индуски? — спросил Ученик.

— Гуру, — сказала Лика. — Ты знаешь, неважно. С головой что-то.

— Гуру, — улыбнулся Ученик. — А что, перенапряглась?

— Вроде того. — Лика погрустнела. — Ни с кем не общается. Сама с собой разговаривает.

— А чего ж так? — Ученика не покидала бодность. — Она ведь чудеса всякие делала? По стеклу ходила?

— Ну, не только. И по углям тоже, и телепатировала, и гипнотизировала. А как третьим глазом владела! Я тебе рассказывала? — Она посмотрела на него.

— Нет. А где это? — смущенно спросил Ученик.

— Здесь, — уперла указательный палец в середину лба Лика. — Ты когда глаза закроешь и острый предмет к этому месту подносишь, чувствуешь?

— Не приходилось, — сказал Ученик. — Сегодня попробую.

— Ну вот, а если развить третий глаз, то можно и прошлое знать, и будущее предсказывать. Это — большая сила. — Лика словно отдавала дань поклонения какой-то действительно очень большой силе. — Я сейчас пробую. Плохо получается.

— А как ты им смотришь? — спросил Ученик.

— Да не смотрю еще, — улыбнулась Лика. — Развиваю. Надо на нем сосредоточиться и представить в этой точке свечение.

— Понятно. — Ученик достал сигарету. — Лика!

— А?! — Она испуганно посмотрела в его глаза.

— Ты замуж не собираешься? — спросил он и вдруг смял сигарету.

— Что? — Она взяла двумя руками папку для бумаг и, словно щитом, закрыла, насколько могла, свое тело от его глаз. — Нет.

Слово редактора

— Вы знаете, меня ваш Павел Кричалов насторожил. Что вы все пишете про такие вещи? Про извращенцев. Про наркоманов. Это все — отбросы. Посмотрите вокруг. Разве все так плохо и безысходно? — Елизавета Антоновна перевела дух, посмотрела на Ученика, угощая его своей жизнерадостностью.

— Конечно, нет, я просто пытаюсь понять, откуда берутся отбросы. — Ученик закинул ногу на ногу. — А дневник произвел на вас впечатление подлинности? Верится, что автор его действительно искалечен?

— Ну, как вам сказать. У меня, собственно, вызвали сомнение отдельные моменты. — Елизавета задумалась и начала листать рукопись. — Вы хотели показать страшно одинокого человека с очень бесцельной жизнью. Если это только из-за ног — бедновато. Потом, любой человек излагает на бумаге не столько туманные мысли, сколько мысли уже разработанные, проясненные.

— Но ему не до того, — вставил Ученик.

— Вы — автор и не забывайте этого. Вы должны крепко держать мысль в руках. — Елизавета отложила рукопись и придвинула ее к Ученику. — И еще хотела бы вас спросить. Кто такая Надя? По какое место ему отрезало ноги? Все это неясно. Попробуйте внести в дневник конкретности жизни. Ну, а насчет печати...

Неначатое собрание

Он думал об этом в детстве, а потом забыл и только сейчас очень удивился, что не замечал раньше эти страшные морды. Ничего человеческого. Тупые, вечно пьяные морды. Правдин торопился. Он должен был еще провести собрание.

Впереди себя он увидел человека. Тот шел еще, но скоро должен был упасть. Пьяные движения становились все неувереннее. Вот он схватился за трубу, его понесло на газон, и об дерево опавшее — головой. Больно, наверное, но почувствует завтра. Упал. Правдин, шедший за ним, подумал, что и на жизненном пути так: кто-то упал, а ты иди дальше и не оглядывайся. И он пошел дальше. К нему подлетели летучие мыши и хотели сесть на плечи его и руки.

— Что надо? — спросил криком он.

— Мы же мыши! — послышалось в шуршании крыльев.

— Кыш, мыши! — прозвучало не шуршание, а живой голос Мартына Васильевича. Улетели мыши.

А войдя под арку своего дома, Правдин встретил упавшего у дерева человека. Тот шел навстречу, сердито качаясь, и держал бутылку какого-то пойла.

— Меня? — спросил человек. — Кто еще быстрее?

— Пустите. — Мартын выбросил руку, желая оттолкнуть пьяного. Но навстречу ему блеснула бутылка, а с лица человека от резкого движения слетела маска небритого пьяницы, и за ней были только черви.

Испуганный, Правдин пошел дальше и резко захлопнул за собой дверь проходной. Он прошел к себе и без сил опустился за стол. Отдышавшись, подошел к зеркалу. Оно висело в этой комнате, где Мартын менял и хранил свои маски. Он снял маску и увидел в зеркале свое усталое лицо. Правдину давно не нравились собственные глаза. Были под ними тяжелые, всегда влажные фиолетово-зеленые мешки. Они могли быть и от переутомления, и от частых выпивок, и как начало базедовой болезни, потому что глаза у Мартына Васильевича становились со временем все больше, словно глазные яблоки пытались освободиться из век.

Без стука вошел Тупицын. На нем была маска снисходительного участия в чужом горе.

— На заводе, где работает моя супруга, сгорело в малярке восемь человек. Стояло полведра нитры, кто-то заронил искру. Ни один не успел убежать. А у нас такого не будет.

— Почему, Федор Иванович? — спросил Правдин, протягивая Тупицыну сигарету и закуривая сам.

— Спасибо, я «Беломор». У тебя, Мартын Васильевич, что лицо такое скучное?

— Ах да, — спохватился Правдин и быстро нацепил маску обоснованного довольства.

— На собрании будешь сегодня? — спросил Тупицын.

— Конечно. — Правдин взглянул на часы. Пора уже.

Он запер кабинет. С Тупицыным они поднялись в зал. Народу было уже достаточно, а у трибуны Правдин увидел Ученика и сразу подошел к нему.

— Зачем пришел? — спросил Правдин, взяв Ученика под локоть. Но больше всего его возмутило то, что Ученик без маски.

— Интересно, — ответил тот, продолжая рассматривать присутствующих.

— Здесь серьезное собрание, выйдите! — Мартын Васильевич кивнул на дверь.

— Выйду, только вы снимите маску. — Ученик смеялся.

— Что? (Никто никогда не смел говорить про маски, хотя знали про них все.) Что?

— Маску! Маску! — и Ученик грубо сдернул с Правдина маску, зацепив ее за щеку.

Тут случилось то, чего Мартын больше всего боялся. У него выпали глазные яблоки, и куда катились они — Правдин уже не видел. Держала их последние дни маска — маска благоденствия. Прорези для глаз на ней были вырезаны полузакрытыми от блаженства. Перед Правдиным была теперь чернота; даже не чернота, а просто ничего. Ни-че-го...

— О-о-ой! — со сна крикнул Правдин и замолчал сразу, окончательно проснувшись.

— Что такое? — проснулась Правдина. Не уразумев, «что такое», перевернулась на правый бок и заснула.

— Ничего, — вслух подумал Правдин. — Наверное, я схожу с ума.

Алеша бредит

— Ты бы навестил Алешку, — подошел Цырлин. — Парень совсем дошел.

— Ладно. Он в отделе? — спросил Ученик.

— Да какой там в отделе — дома, пьяный в хламину. К нему Шпкина с профоргом ездили, так он их послал подальше, и то через дверь.

Цырлин был не так расстроен делами Алешки, сколько интересно ему было узнать, что же с архитектором, уволят ли его теперь, да и вообще — сломался ли он. Сам Цырлин — как пони среди сотрудников, когда те лошадиным табуном несутся по коридору на обед или с работы. Угнетенный своей миниатюрностью, он крайне не уверен в себе, постоянно чертыхается своей бесталанности, но ехидничает, как злой гном, когда кто-то оступается.

Из Объединения Ученик поехал к Алешке. Жил тот на окраине. В новостройках. Ученик был у него один раз, но визит случился в праздник. Они приехали вместе, а потом Алешка захихнул друга в такси, и Ученик начисто позабыл все ориентиры. Он долго бродил среди слишком одинаковых домов, пока не вспомнил, что в Алешкином парадном сорвана часть почтовых ящиков, а на сконфуженной некрашеной стене карандашом начарапано «Ваши газеты на почте». Память выручила Ученика, и он все-таки нашел квартиру, потому что перед ее порогом лежали лоскуты тюлевой занавески. Именно их прижимал Ученик в тот день к лицу и плакал: «Эту юбочку я подарю Маришечке! Старик! Отдай мне ее. Ну что тебе стоит! У нее была юбочка из лепестков тюльпана, а теперь будет из стрекозиных крылышек!»

Ученик позвонил. Звонок рявкнул, но никто не открыл, и Ученик надолго прижал кнопку. В скажине показался довольно острый кухонный нож.

— Алешка, тебе жизнь моя нужна? Выходи на честный бой! — Ученик отошел на всякий случай от двери и расслабился.

Дверь открылась. Алешка стоял на пороге. Руки его от локтя были в крови, а сам он плакал.

— Ты! Господи!

На этаж поднялся лифт, но когда двери разъехались, то Ученик уже щелкнул замком и удивленно смотрел на друга.

— А, это... — Алешка вытянул руки. — Воды горячей не было, а то бы ты меня уже не увидел. Тромб вышел.

— Зачем же ты? — Ученик осмотрел руки.

— Старик, не могу больше. — У Алешки опять потекли слезы. — Работать не дают, а теперь еще это...

— Что? — Ученик ходил по разгромленной квартире. — Что здесь за битва была?

— Да ерунда всякая, а я верю.— Алешка недоверчиво осмотрелся, а Ученик заметил, что вокруг его глаз выступили багровые «очки».

— Какая ерунда? — Его раздражало, когда ему не сразу рассказывали.

— Ну, что. Вчера вечером. Стемнело уже. Вдруг говорят: «Всем раздеться и на крышу». Я разделся, вылез на крышу. Встал на край. Нет, думаю, страшно. А тут говорят: «Всем голым вниз и строиться». Я спустился. Бабка в дом входит. Спрашиваю, где голых строят. А она как заорет.— Алешка налил себе воды из-под крана и нетерпеливо выпил.— Ну, вот. Вижу, никого нет на улице. Куда, думаю, идти. А тут говорят: «Вольно». Я к себе поднялся. Решил завалиться. Окно подошел закрыть, а там черт. Я ему по морде, а ему хоть бы что. Лезет, гад. Я в него табуреткой швырнул. Спрятался. Только лег, слышу, он по кухне шастает. Я — нож и туда. И так всю ночь, старик. То я его гоню, то он меня. Ну, нервы сдали, я вот и махнул по венам! — Алешка сел на табурет. Ссутулился и посмотрел на руки.

— То, что ты руки себе испортил,— ладно, а вот цирроз твой как себя поведет? — Ученик положил руки Алешке на плечи.

— Это завтра. А пока — наплевать. Может, возьмешь бутылочку? — Голый по поясу, раскрашенный кровью, конечно, он был сейчас не в себе и мог натворить что-нибудь с собой.

— Нет, дед, пить не будем, а я у тебя просто посижу. Можно? — Ученик пошел по квартире, поливая из чайника на засохшие лужи крови.

— Еще спрашиваешь. Ты же знаешь, что я всегда рад тебе. С одним тобой и можно поговорить.— Алешка повернулся к полу.— Брось поливать. Я потом отциклюю.

— Ну, я тогда и заночую. Вдвоем нам легче будет. Когда черт придет, я в комнате спрячусь, а ты на кухню побежишь. Он — сюда, а я его тут цоп! — Ученик хлопнул в ладоши и представил себе, как они поймают черта и сдадут его в кунсткамеру, а если он окажется неплохим парнем, то в зоопарк. И вспомнил Илью:

— Меня тут соседка спросил: «А вы нечистого видели?» Ну, я, огонь и воду прошедший, говорю: «Конечно». А он, хитрый духом, спрашивает: «А какой он?» Теперь хоть буду знать. Не осрамлюсь.

Учитель

Будьте вы все прокляты! Как я вас ненавижу! Мерзкие существа! Я извиваюсь перед вами, как змея. Я продаю вас, люди! И добр я к вам, скрывая ненависть. Я только жду, когда кто-нибудь из вас повернется ко мне спиной...

Как мне плохо! Как одиноко! Кто-то ведь меня любит. Даже не кто-то, а вполне конкретные люди. Ну почему не раствориться мне в них, не сгинуть в их существе, в их мире.

И надо ли думать о том, что умрут все — моя мать, родственники, друзья. Я переживу их. Переживу тех, кому я все-таки наиболее дорог. И не знаю, будет ли кто-то, кто хоть не побрезгует возиться с моей старостью. Наверное, нет. Люблю я себя более всех и всего. Чувствую себя совсем одиноким. Эгоизм. Нарциссизм. Многое еще отвернет людей от моей старости. Но только мой бедный талант, униженный уже тем, что дан мне,— талант мой не оставит меня одного, вечно боящегося боли и смерти.

Разрезав лоб свой на переносице морщиной, Ученик остановился у неухоженной могилы. Скамейки не было. Он присел на корточки и заговорил:

— Нужно или нет людям то, что я делаю,— меня не интересует. Это похоже на мучительное оправда-

ние за какой-то неисправимый поступок. Но я устал, устал считать себя виноватым, если кто-то голоден или болен. Я-то здесь при чем? Вечно в противоречиях. Но, может быть, в них и есть закон равновесия, закон объективности творчества, и, смеясь над ней, презирая, не ставя ни во что, я тут же готов целовать ей руки, все знавшие руки вокзальной шлюхи. Да, все в мире естественно, и счастье, и горе, а отсутствие сравнения рождает безумство, но почему не лишит меня тот, который над всем этим главный, рассудка, и неуязвимой и беспечной будет моя душа. Я прихожу к Вам нечасто, Учитель, я несу, быть может, всякий вздор. Я всегда был эгоистом и копался только в своем дерьме. Но теперь я не могу спросить Вас ни о здоровье, ни о том, как Вы, невидимый, выглядите. Меня не оставляет уверенность в том, что мы еще встретимся.

— Конечно, встретимся,— прозвучал голос Учителя.— Я давно хотел повидать тебя. Приходи завтра.

— Сюда? — Ученик истерично огляделся.

— Нет, зачем же. Мы тебя позовем. А сейчас еще рано. До завтра.

Учитель замолчал.

Ученик понял, что больше ничего не услышит.

Держитесь за поручни

Зная, что никто на его вопросы не ответит, он все же мучился на следующий день неведением того, куда и во сколько надо прийти.

С утра сидел в мастерской. Не мог работать. Гадал, как позовет его Учитель. А когда вышел на улицу, задохся в городской пыли и быстро вскочил в автобус.

Народ в автобусе еле дышал. Вдыхаемый воздух был как сухой и горячий песок. Все были потные. Пахло. Ученику вдруг показалась странной публика в салоне. Так, пятак, передаваемый им в кассу через гражданина в измокшей бочке, лег не в человеческую руку, а в морщинистую обезьянью лапу, а сам гражданин приветливо оскалился улыбкой шимпанзе. Пожилая, потерявшая всякое подобие шеи женщина на глазах у него захрюкала, не зло, но больно наступила ему на ногу копытцем и принялась жевать какую-то зелень из своей же сетки, соскользнувшей с копытца на пол. Девушка, за которой Ученик вскочил в автобус, была импонировавшим ему типом, но сейчас она стояла всеми четырьмя лапами на сиденье, нос ее был черный и очень мокрый. Собака, видимо, пустовала и принимала, лукаво шурясь, самые интригующие позы своим по-собачьи крепким телом.

Ученик почувствовал, как ноги его что-то сдавило. Человек, стоявший за его спиной с кожаным портфелем, обвивал его ноги, так же стремительно превращаясь в удава, и странно было видеть над раздвоенным белым языком дымчатые в черной с золотом оправе очки, а на плоском черепе — легкую шляпу. Ученик схватился за верхний поручень, но удав не отпуская ноги, очки упали, и снизу на него смотрели холодные, исполняющие законы природы, глаза.

Автобус остановился, дверь открылась, и Ученик вывалился на асфальт вместе с пресмыкающимся. Ударившись спиной об асфальт, он потерял дар речи, а ударившись еще и головой — сознание. В реальность его вернул рев автобуса. Открыв глаза, Ученик увидел чешуйчатый хвост, за которым вежливо закрылась дверь. Он уперся кулаками в тротуар и завыл по-волчьи.

Посиди сегодня у меня

Он чувствовал, как каждое мгновение на него опускают занавес. Так били капли дождя по голове и плечам. Он добежал до ближайшего дома, заскочил

в подъезд, но снова попал под дождь. Дом шел на капитальный ремонт, и пустые оконные проемы вызывали уныние. Но справа была еще дверь. Он открыл ее. Было темно, но из глубины шел свет. Он осторожно пошел на свет, шаркая ногами, правой рукой вел по стене, как вдруг стена оборвалась и Ученик очутился на пороге комнаты, в которой горели свечи.

— Здравствуй,— сказал Учитель, сидевший в глубине комнаты. Сквозь неубедительный свет Ученику трудно было разглядеть своего друга, а приблизиться ему почему-то казалось невозможным.

— Здравствуйте,— склонил голову Ученик. Поднял ее, хотел спросить что-то, но Учитель заговорил первым.

— Как твои дела? Жизнь? Ты мне вчера жаловался?

— Поверьте, это не так серьезно. Я часто впадаю в отчаяние из-за пустяков. Я продолжаю работать. Жалею, что не смог взять рисунки из Вашей комнаты.

— Ну, это поправимо. Я хотел поговорить с тобой о другом. Вернее, показать кое-что.— Учитель внимательно посмотрел на Ученика, а тот как и раньше почувствовал себя под этим взглядом прозрачным и беспомощным. Слабым. Новорожденным...

**...Черной синью переплеты окон,
Мягким саваном под ними снег...
Подойдешь и встанешь полубоком,
Видишь — за окошком — человек.**

Написанное за несколько лет до смерти Учителя, корявыми буквами вспыхивало стихотворение в темноте комнаты.

**...Белым инеем закованные руки,
От мороза посиневшие уста.
В голубых глазах вершина муки,
А кругом седая пустота.**

— Ты много думаешь о себе. Себя нужно забыть,— сказал Учитель.

**...Человек, ты имя свое помнишь?
А пришел проводить не меня?
Это ты стучишься часто в полночь,
Затихая на рассвете дня?**

Нет, не он. Это я стучусь к нему. Пустите, Учитель. Я многое понял.

**...Подожди, не кутайся в метели,
Не садись на снежного коня,
Не скачи по савану — постели,
Посиди сегодня у меня.**

И вот я сам у него. Здесь. В этой непонятной комнате. Впрочем, так ясно, что именно в этой комнате я должен был найти его. Учитель!

Чужие души

Ученик почувствовал, как исчезает. Нет, тело его остается — вот оно, окаменело, опершись на стол. Ученик видит его уже со стороны и все хуже. Обстановка меняется, и вот он уже возвращается в свое тело, но оно уже не его, а какого-то старика, сидящего в больничной ванне. Но это его тело! Он — старик! Ученик, похолодев, осматривал себя. Руки его аккуратно, словно обращаясь с любимой женщиной, счищали кал, который полз из свищи на правом боку. Свои запахи не бывают неприятны, и только по лицу юноши, мывшегося в ванне напротив, Ученик решил, что запах непереносимый. У юноши был вырезан аппендицит. Швы ему уже сняли, и он радовался своему загорелому телу с белой полосой на бедрах, и многому, ах, как многому радуешься в эти годы! Только старик, так бережно счищающий ползущую

мерзость, раздражал его. Но что делать — больница!

Как хотелось Ученику встать сейчас, вернув себе тело, которое было гораздо мощнее, чем у этого аппендицитника, и даже не меряться силами, а просто с достоинством выйти отсюда. Выйти отсюда...

«Но что же со мной? Чем я болен?» — И тут же он потерял себя, потерял свои мысли, свои заботы, наполняясь мыслями и заботами того, в ком теперь его душа.

Когда старик покончил со своим мрачным туалетом, то захотел встать. Это оказалось очень непросто.

— Молодой человек, вы не можете мне вылезти? — обратился он с униженной улыбкой к юноше, вытиравшему спину.

— Сейчас оботрись, сестру позову,— ответил тот, трясая кудрями, освобождая уши от воды.

Старик отчетливо ощутил на лице теплый плевок, но нет, это был не плевок, вода из юношеских волос летела в него.

Руки старика дрожали. Он вцепился ими в желтевшую эмаль на краю ванны. Невозможное усилие сделало его лицо несчастным. Вставая, он поскользнулся и упал, ударившись виском о железную рукоять каталки, на которой его сюда привезли.

— Раковый упал! — крикнул юноша в коридор.

...Обретя свою оболочку, Ученик ощущал себя. Учитель молча смотрел ему в глаза. Ученик снова стал отдаляться от своего тела и увидел перед собой девочку, скрючившуюся на грязном матрасе. Не рассмотрев ее, он уже понял, что она — это он. Ей было больно, и Ученик, не потеряв еще себя, понял, что она стала женщиной.

— Ну как, Пленка? — спросил кто-то над головой, дохнув водкой, плохими зубами и табаком.

— Зачем? Зачем? — только спросила Лена и снова заплакала. Она была пьяна и очень жалка на большой ржавой кровати в маленькой комнате, свет в которую бил из квадратного окна без рамы. А в окне было только небо. Синее небо.

— Оставь ее. У меня так же было,— хрипло сказала женщина, сидевшая на табурете в одном почему-то лифе.

Лена оперлась на локти, поднялась и огляделась. Совсем еще мальчики сидели на полу, прислонившись к стене. Они курили, судорожно затягиваясь, и часто передавали папиросу друг другу.

— Больно,— сказала Лена и огляделась словно ища сочувствия.

— Все проходит,— сказал один с женской прической, надевая трусы. Он стоял у кровати и весело смотрел на Лену.

— Зачем же? Зачем? — повторяя, поднялась Лена с кровати и с трудом подошла к окну.

— Не болтай,— сказал бритый наголо, и все засмеялись разным смехом.

Окно было на уровне живота и выходило на крышу. А на крыше были перила, но на достаточном расстоянии от поверхности. Лена перевесилась в окно, подтянулась на руках и покатила по ребристой, жести.

— Сука! — услышала она, соскальзывая с крыши.

Она тебе нужна

Учитель на удивление быстро потащил его за собой.

— Я не успеваю смотреть,— пожаловался Ученик, но его не слушали.

— Здесь неплохо? — огляделся Учитель.

— Да,— согласился Ученик, рассматривая картины, а когда обернулся, Учителя не было.

В углу стояла мраморная скульптура. Ученик подошел к ней. Рядом на служебном столике стоял телефон. И зазвонил. Он снял трубку. Голос Учителя

заговорил с ним. Когда Учитель закончил, Ученик любезно с ним попрощался, хотя забыл вдруг все, что слышал, и, положив трубку, увидел в другом конце зала вытаращенные глаза Учителя. — тот очень смешно это делал, а сам стоял около другого аппарата. Они снова пошли вдоль стен. Зашли на галерею. Тут Ученик обнаружил, что он снова один. Шаги его стреляли в потолок; внезапно он увидел Учителя. Тот шел, не замечая его, обнаженный. Фигура его была прекрасней мраморных тел, застывших на галерее. Равная им по совершенству, она была живая. Учитель подходил к скульптурам и нежно целовал их, как очень дорогих ему людей, никого из посетителей не удивлял обнаженный Учитель, настолько это было естественно и просто среди каменных тел, в молчании смотревших на публику. Учителя закрыли от глаз Ученика колонны. Он пронесся по галерее, но Учителя нигде уже не было видно. По лестнице он спустился вниз, надеясь там найти Учителя. Но лестницу вдруг запрудили люди, и в таком количестве, что не видно было ступенек. Ему было не пройти, и он пристроился в хвост толпы, идущей вниз. Но это почти несуществующее движение привело Ученика в раздражение. «Я — это я!» — взбесила его мысль, и, отойдя немного назад, он с разгону врезался в массу людей, которая рассеклась от его толчков, а он, не понимая, почему не падает, топчя кого-то, рвался вперед. С разгону вылетел на лестничную площадку, перескочил через перила и увидел, что лестница бесконечно тянется и вниз, и вверх. Ученик стал носиться от площадки к площадке, но понял, что все это не то — ему надо было искать другой путь. Бегущие вниз визжали, что еще масса этажей находится под землей, а с пытением ползшие наверх хрипели, что лучшие этажи скрыты над облаками. Ученика больно толкнули в спину. Он полетел на скользкий кафель, в ноги толпе. Раздавленный, отполз в сторону и очутился в полутемном зале, где сидело много народу. Увидел телефон, стоявший на служебном столике. Набрав номер, он сел на пол. Прислонился к стене.

— Видишь ли, там есть тропа. Иногда тебе будет казаться, что она когтями процарапывает себе путь в скалах, иногда, что она студнем колышется на болоте. Не важно. Главное, она тебе нужна, — сказал Учитель.

Возвращение

Положив трубку, Ученик увидел, что стоит перед окнами Учителя, и, недолго думая, взобрался на карниз. Окно было не заперто. Он раздвинул рамы и спрыгнул на пол. Уличного света хватало, чтобы узнать знакомые контуры, а потаращив глаза, Ученик стал различать предметы. Да здесь ничего и не изменилось! Все так, как было до прихода комиссии по распределению имущества. А потом все исчезло, и никто не знал, куда. Две картины, просто так, без рам, прибили гвоздями к стене, как распяли. Ученик видел это, а не мог ничего сделать. Словно во сне.

Он пришел за тем, чтобы взять что-нибудь себе из этой комнаты. А что? Снял со шкафа одну из коробок. Учитель хранит их очень много. У него просто стоят нераспакованные картонные коробки от самого пересзда, будто он ждет, что уедет куда-то. Ученик нашел в коробке ботинки. Новые. Неношеные. Ну да! У Учителя большие ноги. Он и не может носить такие узконосые лодки. Предлагал их Ученику, но для того они были не модны. Тряпки были еще в коробке. Ученик поставил ее на место. А вот эта? Она поменьше. Ученик раскрыл коробку. Там чистая бумага и рисунки, и плоские коробки из-под конфет. Он раскрыл ее, и на дне лежат два леденца, заверну-

тые в целлофан. Для какой-нибудь собаки оставил их Учитель, да и забыл про них. Ученик стал перебирать рисунки. Они были или только начаты, или зачеркнуты. Да, это детские рисунки. А вот карандашом нарисован Учитель в детстве. Он играет на скрипке. У него грустное лицо и бант в горошек.

Что же взять? Книги! Сколько их! Ученик ходил вдоль полок, но не знал, какую выудить книгу. Подошел к столу. Здесь тоже все нетронуту. И все помнит Учителя. Но вот кипа бумаг. Да это же ТЕ рисунки! А старуха Грудихина говорила, что нашла их на крючке в туалете, и все это узнали и сразу забыли. Ученик склонил голову и прижал бумагу к лицу и груди. Сел в кресло Учителя.

Может быть, Ты будешь?

Ветер вонзал капли дождя в лицо и закручивал локоны, а Ученик летел ему навстречу и, как чайка, резко снизившись к воде, опускал в холодную воду руки. Долетев до набережной, он посидел на парапете, поболтал ногами и снова поднялся в воздух. Птицы удивленно смотрели на него и не пугались. Набирая высоту, он долетел до собора. Оттолкнулся от купола. Полетел к площади, где на высокой колонне железный ангел придерживает левой рукой крест. Ангел, замерев, молчал, словно выискивал что-то в окнах дворца и навсегда упер туда свои глаза. Ученик посидел у ног ангела, потом долетел до проспекта, опустился вниз и пошел, заглядывая в лица прохожим. Он долго ходил так, провожая людей до дома, а потом сел у какого-то подъезда. Люди шли через него, а он говорил, уставясь в пропасть мокрого асфальта, который на всю глубину свою был пронзен расплывшимися отражениями светореклам.

— Здравствуй. Я пришел к тебе таким как есть. Не смотри смущенно-испуганно. Я сам смущен. И ничего не попрошу. Я только постою перед Тобой на коленях. И слезы... Я научился плакать. Что? Ты не видишь слез? А тебе хочется их увидеть? Не плачь. Я скоро уйду, я ненадолго. Только ты прости за то, что Тебя нет. Но может быть, Ты будешь?

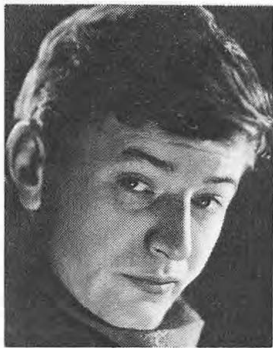
1976

☆☆☆

Прошептал в предсмертные мгновенья
Ненаглядный сын мой зрелых лет:
«Древнее я понял изречение:
Счастлив тот — кто не рожден на свет».

☆☆☆

Мне нанесли обиду жгучую,
И, возвратившись черной тучею,
Я, помню, бабушке сказал:
«Жду твоего я наущения,
Как утолить мне жажду мщения?»
Она ответила, седа:
«Ты, сердца своего не мучая,
Забудь обиду не до случая,
Забудь обиду навсегда!»

Владимир
КАЛИНИЧЕНКО

Итальянцы в Донбассе

Марио Ригони Стерну, бывшему сержанту батальона альпийцев «Монте Червино», стоявшего в годы войны в Енакиеве, и Николаю Самвеляну, моему земляку и другу

Декабрь 41-го года.
Донбасс утопает в снегах.
Мы, робкая поросль народа,
угрюмо глядим на врага.

Какая-то странная нация:
смуглы, белозубы, шумны.
Их «арриведерчи» и «грацие»¹ —
язык для игры, не войны.

В снегу волокут карабины,
как коз, на наплечных ремнях.
Зовут улыбаясь: «Бамбино!»² —
и ноги не вяжет нам страх.

Конфетки в оберточном глянце
суют нам, и хлеба куски...
А в черных глазах итальянцев
лиловые тени тоски.

Какие там завоеватели —
в солдатском сукне мужики.
Их дома ждут жены и матери,
чернявые дочки, сынки.

Губные гармошки достанут,
присядут, уставясь в костер,
протяжные песни затянут...
Все память хранит до сих пор.

Мы песни другие учили
в своем соловьином краю.
Но чистая «Санта Лючия»
тревожила душу мою.

¹ «До свидания», «спасибо» (итал.).

² «Мальчик» (итал.).

Кружилась тоска по Италии
в степях, где метели метут.
И люди с понятием вздыхали:
«А здорово, гады, поют...»

Слова и жизнь

Я торопился не писать, а жить —
вовсю, взхлеб!
Что хорошо, что плохо —
потом, потом и взвесить, и судить.
Стремительно неслась моя эпоха.
Менялись части света, города,
заводы, шахты, шумные конторы...
И, как растет без бритвы борода,
росли бесчисленные кредиторы.
По мне, наверно, плакала тюрьма.
Я изучал душевную усталость.
И странника дорожная сума
мне тоже — по пословице — досталась.
Спасибо, жизнь, за щедрость и за боль,
за испытанья, меченные кровью,
за то, что слово общее «любовь»
я постигал мучительно любовью.

Мечта

Была у меня мечта —
не бояться родной речи.
В концлагере полагалось
говорить на их языке.
Была у меня мечта —
застрелить одного фашиста.
Не успел. Его разорвали
живьем на моих глазах.
Была у меня мечта —
обнять отца на вокзале.
И год еще после Победы
я бегал встречать поезда.
Была у меня мечта —
нажарить сковородку картошки
и сказать родителям: «Ешьте,
у нас еще много ее...»
Была у меня мечта —
писать лучше всех поэтов.
Выходят книги в столице,
а мечта остается мечтой.
Есть у меня мечта —
в тот час, что зовется последним,
успеть бы сказать всей жизнью:
«Люди, родные мои...»

Анкета

Не тряс анкетой. В грудь себя не бил,
мол, я рабочий и солен от пота!
Но Родину не меньше я любил,
и больше многих крикунов работал.
А вот иным анкета — вздоход
к постам, к чинам.
И по шаргалке гладко
с трибун вещают,
как любить народ,
клеят бюрократизм,
бичуют взятки...
Произросли в преддверии чинов
смышленных пап старательные дети.
У них все аккуратно учтено:
когда и что изменится в анкете,
где нужно дальновидно промолчать,
а где явить общественную прыткость,
кого — лицом к лицу не замечать,
кого — поздравить праздничной открыткой...
И ясно всем, бумага все снесет,
а истину не схоронить в секрете:
дурак — хоть в чине — дураком помрет.
Но чин-то получает по анкете!

г. Енакиеве Донецкой обл.

Филип К. ДИК

ПОМУТНЕНИЕ

Роман

Известный американский писатель Филип Киндред Дик родился в Чикаго в 1928 году. Большая часть его жизни прошла в Калифорнии, где он некоторое время учился в университете, а позднее читал там лекции. Помимо литературных занятий, у Филипа К. Дика было серьезное увлечение — музыка, и он даже вел программу классической музыки на радио.

Дик был не только замечательным писателем-фантастом, удостоенным многих наград, автором 31 романа, но и человеком с активной общественной позицией: не скрывал своих антифашистских взглядов, занимался реабилитацией наркоманов. Умер в 1982 году.

Рисунки
Дмитрия Кедрова

Жил на свете парень, который целыми днями вытряхивал из волос букашек. Терпя от них неслыханные мучения, он простоял как-то раз восемь часов под горячим душем — и все равно букашки оставались в волосах и вообще на всем теле. Через месяц букашки завелись в легких.

Будучи не в силах ничего другого делать и ни о чем другом думать, он начал исследования жизненного цикла букашек и с помощью энциклопедии попытался определить, какой конкретно тип букашек его одолевает. К этому времени они заполнили весь дом. Он проработал массу литературы и наконец решил, что имеет дело с тлей. И с тех пор не сомневался в своем выводе, несмотря на утверждения знакомых: мол, тля не кусает людей...

Бесконечные укусы превратили его жизнь в пытку. В магазине 7—11, одной из точек бакалейно-гастрономической сети, раскинутой почти по всей Калифорнии, он купил аэрозоль «Рейд» и «Черный флаг» и «Двор на замке». Сначала опрыскал дом, затем себя. «Двор на замке» подействовал лучше всего.

В процессе теоретических поисков он выделил три стадии развития букашек. Во-первых, они были специально, с целью заражения занесены к нему теми, кого он называл «людьми-носителями». Последние не осознавали своей роли в распространении букашек. На этой стадии букашки не обладали челюстями, или мандибулами (он познакомился с этим словом в результате многодневных академических изысканий — весьма необычное занятие для парня, работающего в мастерской «Тормоза и покрывшки» на смене тормозных колодок). Люди-носители, таким образом, не испытывали неприятных ощущений. У него появилась привычка сидеть в углу своей гостиной и с улыбкой наблюдать за входящими людьми-носителями, кишачими тлей в данной «некусательной» стадии.

— Ты чего скалишься, Джерри? — спрашивали они.

А он просто улыбался.

На следующей стадии букашки отращивали крылья. Во всяком случае, появлялись какие-то функциональные отростки, позволяющие им роиться. Джерри старался не вдыхать их.

Больше всего ему было жаль собаку, потому что букашки наверняка уже завелись у нее в легких. Очевидно, она тоже терпела адские мучения.

Иногда он брал собаку под душ, стараясь отмыть и ее. Но душ не приносил облегчения. У Джерри сердце разрывалось от мук животного. Может быть, это было самое тяжелое — страдания бессловесной твари.

— Какого черта ты торчишь под душем с проклятой собакой? — спросил однажды его приятель Чарлз Фрек.

— Я должен извести тлей, — сказал Джерри, витая в шерсть пса детский крем и тальк.

По всему дому валялись баллончики аэрозолей, бутылки талька и банки крема.

— Я не вижу никаких тлей, — заметил Чарлз. — Что такое тля?

— В конце концов она тебя прикончит, — мрачно буркнул Джерри. — Вот что такое тля. Ее полно в моих волосах, и на коже, и в легких. Боль невыносимая — мне, наверно, придется лечь в больницу.

— Как же это я их не вижу?

Джерри отпустил собаку, закутанную в полотенце, и встал на колени перед ворсистым ковриком.

— Сейчас покажу, — пообещал он.

Коврик кишел тлей; они повсюду скакали и прыгали — вверх-вниз, вверх-вниз, одни повыше, другие пониже. Джерри искал самую крупную особь, так как его гости почему-то с трудом могли их рассмотреть. — Принеси мне бутылку или банку. Там, под раковиной. Потом я отвлеку ее доктору, чтобы он взял их на анализ.

Чарлз Фрек принес банку из-под майонеза. Джерри продолжал поиски, и наконец ему попалась тля, подпрыгивающая по крайней мере на четыре фута, длиной в дюйм. Он поймал ее, бережно опустил в банку, завернул крышку и торжествующе спросил:

— Видишь?!

— У-у-у, — протянул Чарлз Фрек, широко раскрыв глаза. — Ну, здоровая...

— Помоги мне отловить еще, — попросил Джерри.

— Само собой,— сказал Чарлз и тоже опустился на колени.

За полчаса они набрали три полные банки букашек. Фрек, хоть и новичок в таких делах, поймал, пожалуй, самых крупных.

Все это происходило в одном из дешевых домов, давным-давно брошенных добропорядочными. Джерри еще раньше покрыл окна металлической краской, чтобы не проникал солнечный свет. Комнату освещали горящие круглосвечные яркие лампы. Ему нравилось это; он не любил следить за ходом времени.

— А что мы получим? — спросил позже Чарлз Фрек. — Док отвалит монету?

— Мой долг — найти способ лечения,— сказал Джерри.

Боль, не ослабевавшая ни на минуту, стала невыносима. Он почувствовал непреодолимое желание принять душ.

— Эй, ты,— выдохнул Джерри, разгибая спину.— Продолжай ловить их, а мне надо облиться.

— Ладно,— сказал Чарлз. А потом добавил неожиданно: — Джерри, эти букашки... они меня пугают. Я не хочу оставаться здесь один.

— Трусливый ублюдок,— задыхаясь от боли, выдавил Джерри, остановившись на секунду на пороге ванной.

— А ты не мог бы...

— Я должен облиться! — Он захлопнул дверь и пустил воду.

— Мне страшно! — донесся приглушенный голос Чарлза Фрека.

— Тогда уматывай! — заорал Джерри и ступил под душ. На кой черт нужны друзья, с горечью подумал он.

— Эти сволочи кусаются? — закричал под дверью Чарлз.

— Да! — ответил Джерри, втирая в волосы шампунь.

— Я так и думал.— Пауза.— Можно, я помою руки и подожду тебя?

Дрянь паршивая, с горькой яростью подумал Джерри, но не ответил, а продолжал мыться. Ублюдок не заслуживает ответа...

Чарлз Фрек позвонил одному типу, у которого, как он надеялся, мог быть запас.

— Можешь дать мне десяток смертей?

— У меня хоть шаром покати, самому позарез нужно. Ты свистни, если набредешь на что-нибудь.

Чарлз повесил трубку и по пути от телефонной будки — никогда не делай закупочных звонков из дома — до машины быстро прокурил один глюк. В этой фантазии он ехал мимо аптеки Трифти и увидел колоссальную витрину: бутылки медленной смерти, банки медленной смерти, склянки и канистры, и бидоны, и цистерны медленной смерти, миллионы таблеток и капсул, и доз медленной смерти, медленной смерти, смешанной с «рапидами»¹, и барбитуратами, и психоделиками², — и гигантская вывеска: «НИЗКИЕ-НИЗКИЕ ЦЕНЫ, САМЫЕ НИЗКИЕ В ГОРОДЕ».

На самом деле в Трифти никогда ничего не было, одна дрянь. Но готов поспорить, думал он, выезжая со стоянки на Портовом бульваре, что там, в кладовке за семью замками, лежит медленная смерть — чистая, ни с чем не смешанная... Пятидесятифунтовый мешок.

Любопытно, когда и как они доставляют пятидесятифунтовые мешки препарата С... и бог знает откуда — может, из Швейцарии, а может, вовсе с другой планеты, где у ребят башка варит... Должно быть, привозят товар рано поутру — с вооруженной лазерными винтовками охраной зловещего вида. Только попробуй посягнуть на мою медленную смерть, подумал он, представив себя на месте охранника, и я тебя испепелю.

На Чарлза напала хандра, потому что в его застывшем остались всего триста таблеток медленной смерти. Зарыты на заднем дворе. Только недельный запас. А что потом?

Черно-белые³ что-то явно заподозрили. Они выехали со стоянки и держались рядом, пока без мигалки и сирены, но... Распроклятые легавые меня засекли. Хотел бы я знать как.

Фараон:

— Фамилия?

— Фамилия? (НИКАК НЕ ПРИХОДИТ В ГОЛОВУ!..)

— Не знаешь собственной фамилии? — Фараон подмигивает своему напарнику.— Этот парень совсем забалдел.

— Не расстреливайте меня здесь! — взмолился Чарлз Фрек в своем глюке, вызванном видом черно-белой машины.— По крайней мере отвезите меня в участок и расстреляйте там, подальше от глаз!

Чтобы выжить в этом фашистском полицейском государстве, подумал он, надо всегда знать фамилию, свою фамилию. При любых обстоятельствах. Первый признак, по которому они судят, что ты наширялся,— если не можешь сообразить, кто ты, черт подери, такой!

Вот что, решил Чарлз, я подъеду к первой же стоянке, сам подъеду, не дожидаясь, пока начнут сигнализировать, а когда они остановятся, скажу, что у меня поломка.

Им это дико нравится. Когда ты отчаиваешься и сдаешься. Валишься на землю, словно выдохшаяся зверюга, и подставляешь свое незащищенное брюхо. Так я и сделаю.

Так он и сделал. Принял вправо и остановился у тротуара. Патруль проехал мимо.

Чарлз выключил зажигание. Посижу-ка я так, решил он, дам волю альфа-волнам, поброжу по разным уровням сознания. Или понаблюдаю за девочками. Изобрели бы биоскоп для возбужденных. К черту альфа — секс-волны! Сначала коро-огенькие, потом длиннее, длиннее, длиннее... пока не зашкалит.

Надо пополнить запас. Надо пополнить запас, не то я скоро полеку на стену. И вообще ничего не смогу делать. Даже сидеть вот так. Не только забуду, кто я такой, но и где я, и что происходит.

Что происходит, спросил он себя. Какой сегодня день? Если б знать, какой день, все было бы нормально.

Среда, деловая часть Лос-Анджелеса. Впереди — один из тех гигантских торговых центров, окруженных стеной, от которой отскакиваешь, словно резиновый мячик, если у тебя нет кредитной карточки и ты не можешь пройти в электронные ворота. Толпы людей входили и выходили, но, рассудил Чарлз, большинство наверняка просто поглазеть. Не может такого быть, чтобы столько народу имело монету или желание покупать...

Мимо прошла девушка — в легкой блузочке, на высоких каблуках, волосы серебристые, вся наштукатурена. Хочет выглядеть постарше, отметил он. Еще небось школу не окончила. После нее не было ничего стоящего, и Чарлз снял резинку, закрывающую бардачок, достал пачку сигарет и включил радио. Раньше у него был кассетник, но однажды, изрядно нагузвившись, он оставил его в машине. Естественно, когда вернулся, того и в помине не было. Сперли. Вот к чему приводит безалаберность. Осталось только радио. Когда-нибудь и его стянут. Ничего, можно достать другое, подержанное, практически за так. Да и все равно машине пора на слом — маслосъемные кольца ни к черту, компрессия упала.

Проплыла девушка, невольно обрадовавшая на себя внимание. Черные волосы, хорошенькое личико, открытая рубашка и застиранные белые брючки. Э, да я ее знаю, подумал он. Это подружка Боба Арктора. Донна.

Чарлз вылез из машины. Девушка окинула его взглядом и зашагала дальше. Он пошел за ней.

На перекрестке он догнал ее и окликнул:

— Донна!

Она продолжала идти.

— Разве ты не подружка Боба? — спросил он, забежав вперед, чтобы взглянуть ей в лицо.

— Нет,— отрезала она.— Нет.— И пошла прямо на него; а он попятился и отступил, потому что в ее руке появился короткий нож, он был нацелен ему прямо в живот.

Уже вернувшись к машине, Чарлз заметил, что девушка остановилась, сразу выдвигаясь из толпы пешеходов, и молча смотрит на него.

Он осторожно приблизился.

— Как-то ночью,— начал он,— я, Боб и еще одна цыпочка слушали старые записи Саймона и Гарфункеля, а ты...

...Она набивала капсулы высококлассной смертью. Эль Примо. Нумеро Уно. Смерть. И мы закинулись, вместе, кроме нее. «Я только продаю,— объяснила она.— Если я начну глотать их сама, то проем весь доход».

— Я думала, что ты собираешься сбить меня с ног и изнасиловать,— сказала девушка.

— Нет, просто хотел подвести... Прямо на дороге? — спросил он ошарашенно.— Среди бела дня?

— Ну, может, в подъезде. Или затащишь в машину... Я тебя не узнала. У меня близорукость.

¹ Наркотик из группы стимуляторов (жарг.)

² Психоделические наркотики.

³ Цвет полицейской машины.

— Тебе надо носить линзы,— посоветовал Чарлз. У нес очаровательные большие, темные, теплые глаза, подумал он. Значит, она не сидит на дозе.— Так подбросить?

— Ты станешь приставать.

— Нет,— сказал он.— У меня в последнее время не получается. Наверное, что-то подмешивают в травку. Какую-то химию.

— Ловко придумано. Но меня не проведешь. Все меня насилуют,— призналась она.— Во всяком случае, пытаются. Такова наша доля.

Они сели в машину.

— У тебя есть что-нибудь на продажу? Только закидывать — я не ширяюсь.

— Ладно,— задумчиво произнесла она.— Но немного. После завтра, если свяжусь с одним парнем.

— Почему?

— Шестьдесят за сотню.

— Черт,— сказал он.— Обдираловка.

— Это суперкласс. Я брала у него раньше. Совсем не то, к чему ты привык. Тебе еще повезло,— добавила Донна,— через час я должна встретиться с одним типом, и он, наверное, возьмет вес, что я смогу достать. Твой счастливый день.

— Хорошо бы поскорее,— попросил Чарлз.

— Постараюсь...— Она открыла сумочку и вытащила маленькую записную книжку и ручку.— Как мне с тобой связаться? Да, я забыла, как тебя зовут.

— Чарлз Б. Фрек.

Он продиктовал ей номер телефона — не своего, разумеется, а одного друга из добропорядочных, который передавал ему подобные послания. С каким трудом она пишет, отметил он. Еле царапает. Но хорошенькая. Едва умеет читать или писать? Плевать! Что важно у цыпочки, так это грудь.

— А ты вроде парень ничего,— сказала Донна.— Будешь потом брать еще?

— Спрашиваешь,— ответил Чарлз Фрек. Счастье, подумал он, это знать, что у тебя есть травка.

Людские толпы, солнечный свет и вся дневная суэта скользили мимо него, не касаясь,— он был счастлив.

Только посмотрите, на что он случайно нарвался — совершенно неожиданно новый источник препарата С. Чего еще просить у жизни?... Его сердце возликовало, и он ощутил на мгновение врывающийся в окна машины дурманящий аромат весны.

— Поедешь со мной к Джерри Фабину? Я отвожу ему шмотки в федеральную клинику № 3; его забрали вчера ночью.

— Лучше мне с ним не встречаться,— сказала Донна.— Джерри думает, что именно я заразила его букашками.

— Тлей.

— *Тогда* он не знал, что это тля... Все дело в рецепторных зонах его мозга — по крайней мере, я так думаю. И в правительственных бюллетенях так объясняют.

— Это лечится?

— Нет.

— В клинике обещали свидание. Они говорят, что он, пожалуй, мог бы...— Чарлз повел рукой.— Ну, не то что бы...— Он снова сделал жест рукой, трудно было сказать *такое* о своем друге.

Донна бросила на него подозрительный взгляд.

— Уж не поврежден ли у тебя речевой центр? В твоей... как там се... затылочной доле.

— Нет,— ответил он энергично.

— А вообще какие-нибудь повреждения? — Она постучала себя по голове.

— Нет. Просто, понимаешь, я ненавижу эти чертовы клиники...

— Смотри, впереди один из тех новых «порше» с двумя двигателями! — Она возбужденно указала пальцем.— Ух ты!

— Я знал парня, угнавшего такой «порше»,— сказал Чарлз.— Вывел его на Риверсайд, разогнался до семидесяти пяти — и в лепешку. Не вписался в поворот. Думаю, он его и не заметил.

У него немедленно пошел глюк: он сам за рулем «порше», но поворот замечает, замечает вообще любые повороты. И все на шоссе — Риверсайд в час пик,— безусловно, замечают его: такой стройный, широкоплечий, неотразимый парень в новеньком «порше», делающем двести миль в час,— и полицейские беспомощно разезают вслед рты.

— Ты дрожишь,— сказала Донна и опустила руку на его локоть. Успокаивающую, нежную руку.— Приторози.

— Я устал,— пожаловался Чарлз.— Две ночи и два дня я читал букашек. Считал и засовывал в банки. А когда мы готовы были сняться и отнести их доктору на анализ, там ничего не оказалось. Пустые банки.— Теперь он сам почувствовал свою дрожь, увидел, как тряслись руки на руле.— Ничего ни в одной. Никаких букашек. И тогда я понял, я понял, черт побери. До меня дошло, что Джерри испекся. Ошизел.

Воздух больше не пах весной. Мучительно потянуло принять дозу препарата С.

Глава 2

— Достопочтенная публика! — взвыл человек с микрофоном.— Сегодня нам представилась удивительная возможность послушать и расспросить тайного агента отдела по борьбе с наркоманией!

Он просиял, этот человек в дешевом костюме, широком желтом пластиковом галстуке и ботинках из искусственной кожи. Чересчур толстый, чересчур старый и чересчур радостный, хотя радоваться было нечему. Глядя на него, тайный агент чувствовал тошноту.

— Вы, безусловно, обратили внимание, что наш гость как бы расплывается перед глазами. Это происходит потому, что он носит то, что называют «костюм-болтунья».

Публика, как две капли воды отражавшая все черты ведущего, сосредоточенно обозревала агента в костюме-болтунья.

— Этот человек, которого мы будем называть Фред, ибо таково его кодовое имя, под которым он сообщает собранную информацию, находясь в костюме-болтунья, не может быть опознан по внешнему виду или голосу. Он похож на расплывчатое пятно и ни на что больше, не правда ли, друзья?

Ведущий изобразил лучезарную улыбку. Слушатели, разделяя его чувство юмора, тоже улыбнулись.

Костюм-болтунья был изобретением некоего сотрудника «Лабораторий Белла» по фамилии С. А. Пауэрс. Экспериментировав с возбуждающими веществами, действующими на нервные клетки, как-то ночью он сделал себе инъекцию препарата IV и испытал катастрофическое падение мозговой активности. После чего его субъективному зрению на стене спальни предстали пылающие образы, которые, как он со временем стал полагать, являлись калейдоскопическим монтажом произведений абстрактной живописи.

На протяжении шести часов С. А. Пауэрс зачарованно наблюдал тысячи картин Пикассо, сменяющих друг друга с фантастической скоростью. Затем он просмотрел работы Пауля Клее, причем больше, чем художник написал за всю свою жизнь. Когда наступила очередь шедевров Модильяни, С. А. Пауэрс пришел к выводу (а в конце концов все явления нуждаются в разъясняющей теории), что его гипнотизируют розенкрейцеры. Но потом, когда его стали изводить Кандинским, он решил, что с ним пытаются вступить в телепатический контакт русские.

Утром Пауэрс выяснил, что резкое падение мозговой активности нередко сопровождается подобными явлениями. Но идея костюма-болтунья уже родилась. В основном костюм состоял из многогранных кварцевых линз, соединенных с микрокомпьютером, который содержал в памяти полтора миллиона физиономических характеристик. Каждую наносекунду компьютер передавал на сверхтонкую мембрану, окружавшую носителя костюма, всевозможные оттенки цвета глаз, волос, формы носа, расположения зубов, конфигурации лицевых костей и т. д. Таким образом, попытки описать носителя — или носительницу — костюма были совершенно бессмысленны и заранее обречены на провал. Нет нужды говорить, что С. А. Пауэрс ввел в банк памяти и свои собственные данные, и захороненный в головоломном сплетении характеристик, лик изобретателя всплывал на одну наносекунду в каждом костюме... в среднем, как он подсчитал, раз в пятьдесят лет. Это была его заявка на бессмертие.

— Давайте же послушаем расплывчатое пятно! — громко подытожил ведущий, и публика захлопала.

Фред, он же Роберт Арктор в костюме-болтунья, просто-на-и подумал: «Это ужасно».

Раз в месяц каждый агент по борьбе с наркоманией должен был выступать на подобном сборище. Сегодня была его очередь. Глядя на публику, он с новой силой осознал, насколько отвратительны ему добропорядочные. Они в восторге. Их развлекают.

— Но, выполняя свое задание,— добавил ведущий, отодвигаясь от микрофона, чтобы дать место Фреду,— он, разумеется, не носит этот костюм. Он одевается, совсем как вы и я, или в так называемую одежду хиппи, среди которых вынужден вращаться согласно велению долга.

Фреду — Роберту Арктору — приходилось выступать уже шесть раз, и он прекрасно знал, что надо говорить и что ему уготовано: idiotские вопросы и пустая трата времени, плюс раздражение и злость, и всякий раз чувство тщетности...

— Увидев меня на улице,— сказал он в микрофон, когда стихли аплодисменты,— вы бы решили: «Вот идет псих, извращенец, наркоман». Вы бы почувствовали отвращение и отвернулись.

Молчание.

— Я не похож на вас,— продолжал он.— Я не могу себе позволить быть похожим на вас. От этого зависит моя жизнь.

На самом деле не так уж он от них отличался. Просто имелся сценарий речи, от которого нельзя было отклоняться.

— Я не собираюсь рассказывать вам, чем мне приходится заниматься в качестве тайного агента, выслеживая распространителей наркотиков и источники нелегального товара. Я хочу рассказать вам о том...— Он сделал паузу, как его учили в академии на занятиях по психологии.— ...О том, чего я боюсь.

Это сразило их; все глаза были прикованы к нему.

— Я боюсь,— произнес он,— за наших детей. За ваших детей и моих...— Он снова замолчал.— У меня их двое.— Затем очень тихо: — Юные, совсем малыши...— И тут же страстно повышая голос: — Но уже достаточно большие, чтобы расчетливо прививать им пагубную привычку к наркотикам — ради выгоды тех, кто уничтожает наше общество. Мы пока еще не знаем...— более спокойным голосом,— кто эти люди, точнее, звери, которые сосут соки из наших ближних, словно обитают в диких джунглях. Ради своей наживы они продают мерзость, уничтожающую мозг, и ежедневно ее глотают, курят или вкалывают миллионы мужчин и женщин — вернее, те, кто когда-то были мужчинами и женщинами. Нам пока неизвестны имена распространителей. Но, кланясь богом, рано или поздно мы их узнаем, всех до единого!

Голос из публики:

— Мы им устроим!

Другой голос:

— Изловим коммунистов!

Бурные аплодисменты.

Роберт Арктор молчал. Смотрел на них, на этих добропорядочных, и думал: «Препарат С не может выжечь им мозги. У них просто нет мозгов».

— Каждый день эта страшная болезнь вырывает новые жертвы из наших рядов. В конце каждого дня деньги текут...— Он остановился. И никакая сила не могла заставить его продолжать речь, вызубренную и тысячи раз повторенную на занятиях.

Все замерли.

— А вообще-то дело не только в наживе,— произнес он.— Вы сами видите, что происходит.

Нет, они ничего не видят. Они не замечают, что я отошел от шаблона, говорю самостоятельно, без помощи суфлеров из Центра. Ну и что? Разве их что-нибудь волнует? Их огромные квартиры охраняют вооруженные наемники, готовые открыть огонь по любому торчку, который лезет по обнесенной колючей проволокой стене, чтобы засунуть в пустую наволочку их часы, их бритву, их магнитофон... Он лезет, чтобы добыть себе косяк; если не добудет, то запросто может содохнуть от боли и шока воздержания. Но если ты живешь в роскошном доме и твоя охрана вооружена — зачем об этом думать?

— Если бы вы страдали диабетом и у вас не хватало денег на укол инсулина, что бы вы стали делать? Крали бы? Или просто-напросто содохли?

Молчание.

В наушниках его костюма-болтуня зазвучал тонкий голо-сок:

— Вам лучше вернуться к приготовленной речи, Фред.

— Я забыл ее,— сказал Фред, Роберт Арктор, невидимо му суфлеру.

— Повторяйте за мной: «...новые жертвы из наших рядов. В конце каждого дня деньги текут...» Тут вы остановились.

— Я не могу.

— «...а куда они текут, мы скоро выясним,— не обращая

внимания, продолжал суфлер.— Тогда последует возмездие. И в тот момент ничто на свете не заставит меня поменяться с ними местами».

— Знаете, почему я не могу? — спросил Арктор.— Потому что именно из-за такой жизни люди ищут спасения в наркотиках.

Да, подумал он, вот почему ты сбегаешь и садишься на дозу... сдаешься...— из отвращения.

Но потом он снова посмотрел на публику и понял, что это бесполезно. Он обращается к ничтожествам, к дебилам. Им нужно все разжевывать, как в первом классе: «А — это арбуз»...

— «С»,— сказал он публике,— это препарат С. «С» — это бегство, бегство ваших друзей от вас, вас — от них, всех — друг от друга, это разделение, одиночество, ненависть и взаимные подозрения. «С» — это слабоумие. «С» — это смерть. Медленная смерть, как называем ее мы...— Он осекся.— Мы, наркоманы...

Он с трудом прошел к своему стулу и сел. В тишине.

— Вы провалили встречу,— сказал суфлер-начальник.— Когда вернетесь, зайдите ко мне в кабинет. Комната 430.

На него смотрели так, словно он только что прямо у них на глазах помочился на сцену.

Арктор поднялся, снова подошел к микрофону и, опустив голову, тихо произнес:

— Вот еще что. Не надо плевать им вслед лишь потому, что они сели на дозу. Большинство из них не знали, на что садятся или что садятся вообще. Просто постарайтесь удержать их... Понимаете, они растворяют красненькие в стакане вина — толкачи, я имею в виду. Дают выпить цыпочке, какой-нибудь несовершеннолетней крошке, и та вырубается, и тогда ей впрыскивают смесь героина и препарата С...— Он замолчал.— Спасибо за внимание.

— Как нам остановить их, сэр? — спросил мужчина.

— Убивайте толкачей,— сказал Арктор и побрел к стулу.

Он взглянул на часы: два тридцать. Пора звонить Донне. Судя по всему, он сможет достать через нес тысячу таблеток препарата С.

Естественно, он передаст их на анализ и последующее уничтожение. Или что уж там с ними делают... Может, сами закидываются. Или продают. Почем знать... Но он покупал у Донны не для того, чтобы взять ее за посредничество. Цель операции — выйти на более крупного поставщика. Поэтому Арктор заказывал все большие количества, вынуждая Донну свести их вместе, его и поставщика.

Разумеется, у него было еще несколько нитей, кроме Донны. Но потому что она была его девушкой — то есть он хотел этого добиться,— ему легче работать с ней. Навещать ее, разговаривать по телефону, проводить вместе вечера доставляло ему удовольствие. Это было, в некотором смысле, линией наименьшего сопротивления. Если вам приходится шпионить, так уж лучше за людьми, с которыми вы все равно встречаетесь. Это менее подозрительно и более приятно.

Он вошел в телефонную будку и набрал номер.

— Алло,— ответила Донна.

Все телефонные автоматы прослушиваются. Записи разговоров передаются в центральный пункт и в среднем раз в два дня проверяются офицером, которому даже не надо выходить из кабинета, а стоит лишь нажать кнопку. Большинство разговоров безобидны. Обязанность офицера — выделять небезобидных. В этом заключается его искусство. За это ему платят.

— Как дела? — спросил Арктор.— Я могу что-нибудь у тебя взять?

— Сколько тебе надо?

— Десять.

Они договорились, что один — это сотня. Таким образом, он просил тысячу. Среди дельцов вообще принято крупные суммы заменять мелкими, чтобы разговаривать по телефону, не привлекая внимания.

— Десять...— раздраженно пробормотала Донна.— Через три дня.

— Не раньше?

— Нет. Я заскочу.

— Хорошо. Когда?

Она прикинула.

— Около восьми вечера. Да, чуть не забыла. Ко мне сегодня заходили оба твои жильца: Эрни... как там его... и этот Баррис. Искали тебя.

— Чтостряслось? — спросил Арктор.
— Цефалохромоскоп, что обошелся тебе в девятьсот долларов... Они хотели включить его, а он не работал. Ну, они взяли и отвернули днище.
— Черт побери! — возмущенно воскликнул Арктор.
— Там вроде кто-то ковырялся, испорчена вся схема. Баррис попробует...
— Я немедленно еду домой, — сказал Арктор и повесил трубку. Самое лучшее, что у меня есть. Самое дорогое. Если этот кретин Баррис начнет копать... Но я не могу сейчас схать домой, опомнился он. Сперва надо побывать в «Новом пути»; это приказ.

Глава 3

Чарлз Фрек тоже подумывал о «Новом пути» — так на него подействовала участь Джерри Фабина.
Он сидел с Джимом Баррисом в маленьком кафе и уныло пересбирал засахаренные орешки.
— Решиться не просто. Там страх что творят. Сидят с тобой день и ночь, чтобы ты не наложил на себя рук или не откусил палец, и совсем ничего не дают для облегчения. Баррис посмеивался.
— Если ты согласишься на лечение, то испытаешь ряд неприятных ощущений в области головного мозга. В первую очередь я имею в виду катехоламины, такие, как норадреналин и сератонин. Видишь ли, все происходит следующим образом: препарат С — вообще все наркотические вещества, но препарат С особенно — взаимодействует с катехоламинами на подклеточном уровне, и устанавливается биологиче-

ская контрадаптация. Раньше считалось, что это происходит только с алкалоидными наркотиками, такими, как героин.

К столику подошла симпатичная официантка в желтом халатике, светловолосая и с высокой дерзкой грудью.

— Привет, — сказала она. — Все в порядке?

Чарлз Фрек испуганно поднял взгляд.

— Как тебя звать, милая? — спросил Баррис.

Она ткнула в табличку на правой груди.

— Бетти.

Интересно, как зовут левую, подумал Чарлз Фрек.

— У нас все отлично, — сказал Баррис.

Чарлз увидел исходящий из головы Барриса круг, как на карикатуре, в котором совершенно голая Бетти молила о ласке.

— У кого угодно, только не у меня, — заявил Чарлз Фрек.

— У всех свои проблемы, — рассудительно заметил Баррис. — Этот мир непристойно болен, и с каждым днем ему становится все хуже.

Картинка над его головой тоже стала более непристойной.

— Желаете заказать десерт? — улыбаясь, предложила Бетти.

— Например? — подозрительно спросил Чарлз Фрек.

— У нас есть свежий клубничный пирог. Мы сами печем.

— Нет, не надо нам никаких десертов! — сказал Чарлз Фрек. — Эти пироги для старушек, — добавил он, когда официантка отошла.

— В «Новом пути» тебе первым делом вырежут селезенку, — предупредил Баррис.

— Что?.. Вырежут... А она зачем, эта селезенка?

— Помогает переваривать пищу.

— Как?

— Удаляет целлюлозу.

— Значит, потом...

— Только бесцеллюлозная пища.

— И сколько так можно протянуть?

Баррис пожал плечами.

— А сколько селезенок обычно у человека? — Фрек знал, что почек, как правило, две. — А-а... да ты меня разыгрываешь!

Баррис рассмеялся. У него какой-то странный смех, подумал Чарлз. Неестественный, как будто что-то рвется.

— Откуда такое решение?

— Джерри Фабин.

Баррис махнул рукой.

— Джерри — особый случай. Однажды у меня на глазах Джерри пошатывается и падает, испражняется под себя, не соображая, где находится, умоляет спасти... Ему подсунили какую-то гадость, сульфат таллия, скорее всего... Сульфат таллия используют в инсектицидах и в крысиной отраве... Кто-то устроил подлянку. Я могу назвать десяток ядов, которые...

— И другая причина, — сказал Чарлз Фрек. — У меня кончается запас, и я не в силах это выдержать — постоянно сидишь на нуле и не знаешь, достанешь еще или нет.

— Ну, если на то пошло, мы не можем быть уверены, что доживем до завтрашнего дня.

— И еще — меня, наверное, обкрадывают. Запас буквально тает; кто-то пользуется моим заглазником.

— Сколько ты закидываешь в день?

— Очень трудно определить. Но не так много.

— Знаешь, ведь можно привыкнуть...

— Конечно, но не настолько же. Я больше не выдержу. С другой стороны... — Он подумал. — Похоже, я набрел на новый источник. Та цыпочка, Донна, подружка Боба.

— Увы, он так и не забрался ей под юбку. Только мечтает.

— Она надежна?

— В каком смысле? В плане, даст ли... или... — Баррис поднес руку ко рту и сделал вид, что глотает.

— Это еще что за вид секса? — изумленно начал Фрек, и тут до него дошло. — А-а. Последнее, разумеется.

— Вполне надежна. Легкомысленна немного, ну, как все цыпочки, особенно темные.

Чарлз Фрек подался вперед.

— Арктор никогда не спал с Донной? А говорит...

— Таков Боб Арктор. Он много чего говорит. Не всему надо верить.

— Как же так? У него с этим проблемы?

Баррис задумчиво созерцал бутерброд.

— Проблемы у Донны. Вероятно, она сидит на какой-то отраве. Полностью потерял интерес к сексу, до отвращения

к физическому контакту... Не только с Арктором, но и... — Он раздраженно нахмурился. — ...с другими мужчинами.

— То есть она просто не хочет.

— Захочет, — отрезал Баррис. — Если с ней правильно обращаться. Например... — Он принял таинственный вид. — Я могу научить тебя, как добиться Донны за 98 центов.

— Да не нужно мне это! — Чарльз Фрск чувствовал себя не в своей тарелке. В Баррисе постоянно было что-то такое, от чего у него неприятно холодело в животе. — Почему за 98 центов? Разве она берет деньги?

— Деньги пойдут не ей непосредственно, — нравучительно произнес Баррис. — Донна употребляет коку. Для каждого, кто даст ей грамм, она, безусловно, раздвинет свои ножки, особенно если по строго научной методике, которую я разработал, в коку добавить определенные труднодоступные химикаты.

— Ты бы лучше не говорил так, — попросил Чарльз Фрск. — О ней. В любом случае грамм коки стоит больше сотни долларов. Где взять такие бабли?

Ухмыляясь, Баррис заявил:

— Я могу извлечь грамм чистого кокаина из ингредиентов общей стоимостью менее одного доллара.

— Чушь.

— Готов продемонстрировать.

— Откуда берутся эти ингредиенты?

— Из магазина 7—11. У меня дома оборудована лаборатория — временная, пока не смогу создать лучшей. Ты увидишь, как я извлеку грамм чистого кокаина из широко распространенных общедоступных материалов, купленных открыто, меньше чем за один доллар. Идем! — Баррис был очень возбужден.

— Ну! — подхватил Чарльз Фрск. Чертов болтун, думал он. А впрочем... Сколько он делает всяких химических опытов, и вечно читает в библиотеке... Как же на этом можно заработать, обалдеть!

Они оставили машину на стоянке и пошли в магазин.

— Что мы здесь берем? — спросил Чарльз у Барриса, беспечно прогуливавшегося вдоль стоек с товарами.

— Баллон «Солнечного».

— Средство для загара? — Чарльз Фрск никак не мог поверить в реальность происходящего.

Они купили «Солнечный», и Баррис в два счета, не обращая внимания на дорожные знаки, домчался до дома Боба Арктора.

Выйдя из машины, Баррис достал с заднего сиденья опутанные проводами предметы. Среди груды электронных приборов Чарльз Фрск узнал вольтметр и паяльник.

— Зачем это? — спросил он.

— Предстоит долгая и трудная работа, — ответил нагруженный Баррис, подойдя к двери. Он передал Чарльзу ключ. — И, навсрно, мне за нес не заплатят. Как обычно.

Чарльз Фрск отомкнул дверь. К ним тут же, преисполненные надежды, бросились два кота и собака, но Чарльз и Баррис, осторожно оттеснив их ногами, прошли на кухню.

Первым делом из кучихлама возле раковины Баррис вытащил пластиковую миску и опорожнил туда аэрозоль.

— Я, навсрно, сплю... — пробормотал Чарльз Фрск.

— Знай, что на производстве кокаин умышленно смешивают с маслом, — бодро комментировал свои действия Баррис. — таким образом, что извлечь его невозможно. Одному мне доподлинно известно, как это сделать. — Он обильно посолил клейкую, густую массу и вылил ее в стеклянную банку. — Теперь охлаждаем, — продолжал Баррис, довольно ухмыляясь, — и кристаллы кокаина поднимаются наверх, так как они легче воздуха. То есть масла, я имею в виду. Конечная стадия, разумеется, мой секрет, но скажу, что она включает в себя сложный процесс фильтрации.

Баррис открыл холодильник и аккуратно поставил банку в морозильную камеру.

— Сколько там ее держать? — спросил Чарльз Фрск.

— Полчаса.

Баррис закурил самодельную сигаретку и устался на кучу электронных приборов, задумчиво потирая бородатый подбородок.

— Но даже если ты получишь целый грамм чистого кокаина, я не могу использовать его на Донне, чтобы... ну, залезть ей под юбку. Я вроде как покупаю ее, вот что получается.

— Это обмен, — наставительно поправил Баррис. — Ты ей делаешь подарок, а она тебя одаривает... самым ценным,

что есть у женщины. Кокаин — эротоген, — добавил он вполголоса, перенося приборы к цефалохромоскопу. — Она нанюхается и будет счастлива дать себе волю.

— Чушь! — решительно заявил Чарльз Фрск. — Ты говоришь о подружке Боба Арктора. Он — мой приятель и человек, с которым вы с Лакменом живете под одной крышей.

Баррис немедленно поднял свою косматую голову и некоторое время не сводил с Чарльза Фрэка глаз.

— Ты очень многого не знаешь о Бобе Аркторе. Да и мы все. Твой взгляд наивен и упрощен. Ты ему слишком веришь.

— Он парень что надо.

— Безусловно. — Баррис кивнул и улыбнулся. — Вне всякого сомнения. Один из самых лучших в мире. Но я начал замечать в нем — мы начали замечать в нем, те, кто наблюдает за Арктором пристально и внимательно, — определенные противоречия.

— Что ты имеешь в виду?

Глаза Барриса за темными очками заплесали.

— Танец твоих глаз мне ничего не говорит, — заявил Чарльз Фрск. — А что случилось со скопом?

— Загляни, — предложил Баррис, поставив шасси на трек.

— Провода обрезаны, — проговорил Чарльз Фрск. — И еще, похоже, кто-то устроил несколько коротких замыканий... Чья это работа?

Веселые и всезнающие глаза Барриса заплесали с особым удовольствием.

— Эти твои намеки — сплошное дерьмо, — после напряженного молчания сказал Чарльз Фрск. — Пожалуй, отпра-

лось я в «Новый путь» и сдамся на воздержание, и буду лечиться и жить с простыми парнями. Это лучше, чем иметь дело с такими загадочными шизиками, как ты, которых я никак не могу понять. Ты думаешь, что Боб сам это сделал? Испортил самую дорогую свою вещь? Что ты хочешь сказать? Лучше бы я жил в «Новом пути», где мне не пришлось бы выслушивать бессмысленные, бредовые речи. А это мне приходится делать каждый день — если не твои, то речи какого-нибудь другого вконец ошизевшего торчка вроде тебя!

— Я всерьез сомневаюсь, что скоп повредил Эрни Лакмен,— задумчиво проговорил Баррис.

— Я всерьез сомневаюсь, что Эрни Лакмен вообще что-нибудь повредил в своей жизни, если не считать того случая, когда он накололся на плохой кислотке и вышвырнул в окно кофейный столик. Обычно у него котелок варит лучше, чем у всех нас. Нет, Эрни не станет ломать скоп.

Это запросто мог сделать ты, грязный сукин сын, подумал Чарлз Фрек. И умения у тебя хватает, и мозги твои устроены черт знает как...

— Тому, кто это сделал, место в лечебнице или на кладбище. Предпочтительно последнее. Для Боба эта штука значила все. Я видел, как он ее включает; включает, едва вернется домой с работы. У каждого есть что-то, чем он особенно дорожит. У Боба был скоп.

— Это-то я и имею в виду.

— Что это ты имеешь в виду?

— Меня давно уже интересует, кто такой Боб Арктор и где он работает на самом деле.

Нет, Баррис мне не нравится, подумал Чарлз Фрек. Внезапно он испытал сильное желание оказаться отсюда далеко-далеко. Может, смяться?... Но потом он вспомнил про банку в холодильнике.

— Послушай, когда там будет готово? Мне кажется, ты меня дурачишь. Зачем же продавать «Солнечный» за гроши, если в нем грамм кокаина? Какой им от этого кайф?

— Они закупают оптом,— объяснил Баррис.

У Чарлза Фрека немедленно пошел глюк: грузовики с кокаином подкатывают к заводу (где уж он там, может, в Кливленде), вываливают тонны и тонны девственно чистой, высококачественной коки во двор, потом коку смешивают с маслом, инертным газом и прочей дрянью и разливают по маленьким ярким жестянкам. Стоит только остановить грузовичок, размышляя он, забрать груз — семьсот или восемьсот фунтов чистого... Да нет, черт подери, гораздо больше! Сколько в грузовике помещается кокаина?

Баррис принес пустой баллон «Солнечного» и указал на этикетку, где были перечислены все ингредиенты.

— Видишь? Бензокаин. Только отдельные эрудиты знают, что под таким названием в торговле маскируют кокаин. Если бы писали прямо «кокаин», рано или поздно народ бы просек. У людей просто не хватает образования. Такой научной базы, как у меня.

— Что ты собираешься делать со своим образованием? — поинтересовался Чарлз Фрек.— Кроме возбуждения Донны?

— Напишу бестселлер,— уверенно сказал Баррис.— Учебник для середнячков. «Как, не нарушая закона, получить наркотик у себя на кухне». Понимасшь, бензокаин официально разрешен. Я справлялся в аптеках — он содержится в уйме препаратов.

— Здорово! — уважительно сказал Чарлз Фрек и посмотрел на часы.

Ждать оставалось недолго.

Глава 4

Из костюма-болтуня одно расплывчатое пятно, называющее себя Фредом, смотрело на другое расплывчатое пятно, известное под именем Хэнк.

— Итак, это всё о Донне, Чарлзе Фреке и Джимми Баррисе.— Хэнк сделал пометку в лежащем перед ним блокноте.— Дуг Уикс, по вашему мнению, мертв или переместил свою деятельность в другой район.

— Или завязал,— добавил Фред.

— Вам говорит что-нибудь имя Граф, или Арт де Винтер?

— Нет.

— Как насчет пары негров — братья, лет по двадцать? Работают с фунтовыми порциями героина.

— Фунтовыми? Фунтовыми порциями героина? Нет, такос я бы запомнил.— Фред покачал головой.

Хэнк покопался в фотографиях.

— Так, этот сидит... Этот мертв... А вы не думаете, что Джора темнит?

Джоре Каджас было только пятнадцать. Она жила в Бриа, в районе трущоб, на верхнем этаже полуразвалившегося холодного домишка.

— Если подтвердится, дайте мне знать. Мы привлечем ее родителей.

— Хорошо.

— Была вчера у нас одна — выглядит на все пятьдесят. Свальявшиеся серые волосы, выпавшие зубы, иссохшее тело... Мы спросили, сколько ей лет, и она ответила: «Десятьнадцать». Проверили — точно. «Знаешь, на кого ты похожа? Посмотри в зеркало». Та посмотрела в зеркало и заплакала. Я спросил, давно ли она ширяется.

— Год,— предположил Фред.

— Четыре месяца. А рассказать, как она села на препарат С? Ее братья, оба посредники, вошли к ней как-то ночью, заломили руки, сделали укол и изнасиловали. Так сказать, ввели ее в новую жизнь.

— Милые ребятки.

— А вот это вас проймет наверняка. Слыхали, в фейерфилдовской больнице есть три младенца, которым надо каждый день вкалывать дозу. Сестра попробовала...

— Меня проняло,— механическим голосом перебил Фред.— Вполне достаточно, благодарю.

Хэнк продолжал:

— Когда представишь себе новорожденного, который не может прожить без героина, потому что...

— Достаточно, спасибо,— повторило расплывчатое пятно по имени Фред.— Иногда мне хочется сойти с ума. Но я позабыл как.

— Это утраченное искусство,— сказал Хэнк.— Возможно, со временем выпустят инструкцию.

Всякий раз, сидя напротив Хэнка и докладывая, Фред испытывал в себе глубокую перемену. О ком бы ни шла речь, что бы ни происходило — все теряло смысл.

Сперва он приписывал это действию костюма-болтуня. Потом пришел к выводу, что дело не в костюме, а в самой ситуации. Хэнк по профессиональной привычке проявлял полное безразличие: ни любви, ни ненависти, никаких сильных эмоций. Какая польза от чувства вовлеченности, когда ты обсуждаешь преступления, совершенные людьми близкими и даже, как в случае Донны и Лакмена, дорогими? Надо нейтрализовать себя: они оба-сделали это — Фред в большей степени, чем Хэнк. Они говорили в нейтральных тонах, они нейтрально выглядели, они стали нейтральными.

Потом чувства нахлынут...

А пока, сидя за столом, Фред ничего не ощущал. Он мог описать все увиденное с полным безразличием. И что угодно выслушать от Хэнка. Например, он мог запросто сказать: «Вчера Донна наширялась низкопробным заменителем ЛСД, и половина кровеносных сосудов в ее мозгу полопалась». О своей любимой... Или: «Донна мертва». И Хэнк спокойно запишет это и, может быть, спросит: «У кого она купила дозу?» или: «Где будут похороны? Надо выяснить номера машин и фамилии присутствующих», — и он будет хладнокровно это обсуждать.

Превращение вызывалось необходимостью беречь чувства. Пожарные, врачи и гробовщики вели себя так же. Невозможно каждую секунду восклицать и рыдать — сперва изведешь себя, а потом всех окружающих. У человека есть предел сил.

— Как насчет Арктора? — поинтересовался Хэнк.

Фред, находясь в костюме-болтуня, естественно, докладывая и о себе. Иначе его начальник — и весь полицейский аппарат — знал бы, кто такой Фред.

— Арктор ведет себя тише воды, ниже травы,— как всегда сообщил Фред.— Закидывает пару таблеточек смерти каждый день...

— Сомневаюсь.— Хэнк взял со стола листок.— Мы получили сигнал, что у Арктора водятся большие деньги.

— Так...— протянул Фред, понимая, что «большие деньги» — это то, что ему платили в полицейском управлении.

— По данным нашего информатора,— продолжал Хэнк,— Арктор в самые неурочные часы исчезает, причём под разными предлогами и ненадолго.— Хэнк взглянул на Фреда.— Вы замечали что-нибудь подобное? Можете подтвердить? Что это значит?

— Скорее всего его цыпочка, Донна,— сказал Фред.

— Хм, «скорее всего»... Вы обязаны знать.

— Донна, точно. Но я проверю и сообщу. Кто информатор? Не навел ли это из мести?

— Имя неизвестно. Телефонный звонок — через какое-то самодельное искажающее голос устройство.

— Боже! — возмущался Фред. — Так это же вконец ошизевший торчок Джим Баррис! Баррис еще в армии занимался всякой электроникой. Как информатору я бы ему ни на грош не верил.

— Мы не знаем, Баррис ли это, и, так или иначе, Баррис — не просто вконец ошизевший торчок. Им особо занимаются несколько людей... С сегодняшнего дня все побочные задания отменяются. Главный объект наблюдения — Боб Арктор. У него есть второе имя? Он употребляет инициал...

Фред издал сдавленный звук.

— Постлэтуэйт.

— Как это пишется?

— Понятия не имею.

— Национальность?

— Валлиец, — ответил Фред. Он едва слышал, в глазах расплывалось.

— Установим новую голографическую систему. Вы будете осуществлять контроль и наблюдение.

— Постараюсь, — пробормотал Фред. Он чувствовал, что отключается, и мечтал: скорей бы все кончилось... И еще: закинута бы парой таблеток...

Напротив него бесформенное пятно что-то писало и писало, заполняя бланки и требования на оборудование, с помощью которого Фред должен будет установить круглосуточное наблюдение за своим собственным домом, за самим собой.

...Вот уже больше часа Баррис возился с самодельным глушителем, смастеренным из подручных средств стоимостью одиннадцать центов. Он почти добился цели, располагая лишь алюминиевой фольгой и куском пористой резины.

В ночном мраке заднего двора дома Боба Арктора, среди кустов и мусорных ящиков, Баррис готовился произвести пробный выстрел.

— Соседи услышат, — беспокоило проговорил Чарлз Фрек. Он опасно косился на освещенные окна окрестных домов; должно быть, смотрят себе телик или покуривают травку...

— Зачем тебе глушитель? — спросил Лакмен, держась в стороне. — Глушители ведь запрещены.

— В условиях нашего вырождающегося общества и бесправия личности каждый стоящий человек должен быть постоянно вооружен, — мрачно заявил Баррис. — Для самообороны.

Он закрыл глаза и выстрелил. Раздался дикий грохот, на время оглушивший всех троих. Вдали залаяли собаки.

Баррис с улыбкой стал разворачивать алюминиевую фольгу. Ему, казалось, было забавно.

— Вот так глушитель... — выдавил Чарлз Фрек, ожидая появления полиции. Десятка полицейских машин.

— В данном случае звук скорес усилился, — объяснил Баррис, показывая Лакмену кусок прожженной резины. — Но в принципе я прав.

— Сколько стоит этот пистолет? — спросил Чарлз Фрек. Он никогда не держал пистолета. Несколько раз у него были ножи, но их вечно крали.

— Пустяки, — ответил Баррис. — Около тридцати долларов, подержанный. — Он протянул пистолет Фреку, и тот с опаской попятился. — Я продам его тебе, — пообещал Баррис. — Ты обязательно должен иметь оружие, чтобы защищаться от обидчиков.

— Их хоть пруд пруди, — иронично вставил Лакмен. — Видел на днях объявление в «Таймс». Предлагают транзисторный приемник тому, кто удачнее всех обидит Фрека. — Лакмен повернулся к Баррису. — Я думал, ты корпишь над цефаскопом. Уже сделал?

— Работа очень сложная, — наставительно сказал Баррис. — Мне нужно отдыхать. — Он отрезал перочинным ножиком еще кусок пористой резины. — Этот будет совершенно бесшумным.

— Боб думает, что ты работаешь над цефаскопом, — пробормотал Лакмен. — Лежит сейчас в постели и думает, а ты лупишь из пистолета...

С меня довольно, думал Боб Арктор.

Он лежал в темной спальне, слепо глядя в потолок. Под подушкой был его полицейский револьвер; он автоматически

достал его из-под кровати и положил поближе, когда услышал выстрел в заднем дворе. Чисто машинальное действие, направленное против любой и всяческой опасности.

Но револьвер не защитит от такого изощренного коварства, как порча самой дорогой и ценной вещи. Вернувшись домой после доклада Хэнку, он сразу же проверил оставшее имущество. Что бы ни происходило, кем бы ни был таинственный враг, следует быть готовым ко всему. Какой-то ополоумевший торчок старается ему нагадить, не попадаясь на глаза. Даже не человек, а скорее ходячий и укрывающийся симптом их образа жизни.

А ведь было время, когда он жил не так. Не надо было прятать под подушкой револьвер, и лунатик не стрелял ночью во дворе бог знает с какой целью; а другой псих (может быть, и тот же самый) не ломал невероятно дорогой цефаскоп, который всем принесил радость... В те дни жизнь Роберта Арктора текла иначе: у него была жена, как все жены, две маленькие дочурки, приличный дом... Но однажды, вытаскивая из-под раковины электропечь, Арктор ударился головой об угол кухонной полки. И совершенно неожиданно прозрел. Внезапно он осознал, что ненавидит не полку — он ненавидит жену, дочерей, задний дворик с газонкосилкой, гараж, центральное отопление, все и всех в своем собственном доме. Он захотел уйти, он захотел развода. И получил, что хотел. И вступил постепенно в новую жизнь, где всего этого не было.

Возможно, ему следовало сожалеть о своем решении. Но сожаления он не испытывал. Та жизнь была слишком скучна; слишком предсказуема, слишком безопасна. Все элементы, ее составляющие, находились прямо перед глазами, и ничего неожиданного случиться не могло. Слово пластиковая лодка, которая будет держаться на плаву вечно, пока наконец не затонет ко всеобщему облегчению.

Но в том мрачном мире, где он обитал теперь, в кошмарных неожиданностях, и странных неожиданностях, и, крайне редко, приятных неожиданностях недостатка не было. Например, варварская порча цефалохромоскопа. Рассуждая здраво, совершенно бессмысленная. Но очень мало из того, что происходило долгими темными вечерами, можно было бы назвать здоровым. Загадочный акт мог совершить кто угодно и по самой невероятной причине. Любог человек, которого он знал или встречал. Любог из восьми дюжин свихнувшихся параноиков. *Вообще любой*, совершенно неизвестный псих, выбравший наугад фамилию из телефонной книги.

Или ближайший друг.

Может быть, Джерри Фабин. У него были абсолютно выгоревшие, отравленные мозги. Однако вряд ли Джерри сумел бы снять нижнюю панель. Скорее всего он до сих пор торчал бы здесь, откручивая и закручивая один и тот же винт. Или попросту разбил бы все молотком. Так или иначе, будь это дело рук Джерри Фабина, кругом бы валялись яйца букашек... Против воли Боб Арктор криво улыбнулся.

Поделиться с Хэнком? Но чем они смогут помочь? В такой работе риск неизбежен.

Она не стоит того, эта работа, подумал Арктор. Не стоит всех денег на проклятой планете. Но дело все равно не в деньгах. «Как вы решились?» — спросил однажды Хэнк. А что человек знает об истинных мотивах своих поступков? Может быть, скука, стремление действовать. Тайная неприязнь ко всем окружающим. Или кошмарная причина: наблюдать человеческое существо, которое ты глубоко любишь, которое ты обнимал и целовал и, главное, которым ты восхищался, — видеть, как это теплое живое существо выгорает изнутри, от сердца. Пока не защелкает, как насекомое, без конца повторяя одно и то же предложение. *Запись*. Замкнутая петля пленки.

«...если бы мне дали еще одну дозу...»

Ему представилась картина: мозг Джерри Фабина в виде исковерканной схемы цефалохромоскопа — погнутые, перекусанные, спаленные провода, оторванные концы, вьющийся дымок и едкий запах. И кто-то сидит с вольтметром, замеряет цепи и бормочет: «Да-а, надо менять почти все конденсаторы и сопотивления...» И наконец от Джерри Фабина пойдет один только фон. И с ним бросят возиться.

Однажды они придумали историю (точнее, Лакмен придумал, у него это лихо получается) — психиатрическое объяснение помешательства Джерри на тле. Разумеется, истоки лежат в его детстве. Понимаете, приходит однажды Джерри-первоклашка домой, зажимая под мышкой свои маленькие книжечки, а в гостиной рядом с его матерью сидит этакая здоровенная тля, и мать с обожанием на нее смотрит.

— Что происходит? — спрашивает крошка Фабин.
— Перед тобой твой старший брат, — говорит мать. — Теперь он будет жить с нами. Его я люблю больше, чем тебя. Он способен на такое, что тебе и не снилось.

И с тех пор родители Джерри Фабина постоянно сравнивают его с братом-тлэй и унижают как могут. По мере того, как они оба растут, у Джерри вырабатывается комплекс неполноценности — что вполне естественно. Окончив школу, брат получает направление в институт, а Джерри идет работать на бензоколонку. Потом брат-тля становится знаменитым врачом или ученым; ему присуждают Нобелевскую премию. Джерри протирает ветровые стекла.

Наконец, Джерри убегает из дома. Но подсознательно он убежден в превосходстве тли. Сперва он воображает себя в безопасности, но потом...

Теперь история вовсе не кажется смешной. Теперь — когда по просьбе своих же друзей Джерри посреди ночи забрали. Они сами — все, кто был тогда с Джерри, — так решили; иного выхода не оставалось. Той ночью Джерри забаррикадировал дверь своего дома, навалил фунтов девятьсот всякого хлама, включая диван, и стулья, и холодильник, и телевизор, и сообщил, что снаружи его поджидает гигантская сверхразумная тля с иной планеты, а сейчас она собирается ворваться и наложить на него лапы. Прилетят и другие, даже если с этой он расправится. Внеземные тли гораздо умнее людей и, если потребуется, пройдут прямо сквозь стены, тем самым обнаруживая свои тайные способности. Чтобы уберечь себя как можно дольше, ему придется залить дом цианистым газом. И он готов к этому. Каким образом? Он уже законопатил все окна и двери и теперь откост воду в ванной и на кухне. Оказывается, водяной бак в гараже заполнен цианидом, а не водой. Он давно это знал и берег на крайний случай. Они все погибнут, но по крайней мере не пустят сверхразумных тлей.

Его друзья позвонили в полицию. Полиция взломала дверь, и Джерри забрали в клинику. В последний момент Джерри сказал: «Принесите мне мою новую куртку с застежками сзади». Он только что ее купил, она ему очень нравилась. Практически единственная вещь, которая ему нравилась. — Все остальное он считал зараженным.

Нет, подумал Боб Арктор, теперь это не кажется забавным. Непонятно, как это вообще могло вызывать смех. Может быть, из страха, кошмарного страха, который все они чувствовали в те последние недели. Порой Джерри целыми днями бродил по дому с ружьем, ощущая присутствие врага. Готовый стрелять первым.

А теперь, думал Боб Арктор, враг появился у меня. Во всяком случае, я напал на его след, на оставленные им знаки.

Стук в дверь.

Сжав револьвер под подушкой:

— Кто там?

Отвист голос Барриса.

— Входи, — сказал Арктор и включил ночник.

В комнату, шурясь, вошел Баррис.

— Еще не спишь?

— Я видел сон, — сказал Арктор. — Религиозный. Огушительный раскат грома, ни с того ни с сего небеса раскалываются, и появляется Господь Бог, и голос Его гремит... Что Он там наплел, черт побери?.. Ах, да. «Я раздосадован, сын мой». Бог ухмыляется. Я дрожу во сне и поднимаю взор вверх. «Что я натворил, Господи?» А Он отвечает: «Ты опять не завернул тюбик с зубной пастой». И тогда я понимаю, что это моя бывшая жена.

Баррис сел, опустил руки на свои кожаные штаны, покачал головой и посмотрел прямо на Арктора. Судя по всему, у него было превосходное настроение.

— Ну, — деловито сообщил он, — я приготовил в первом приближении кое-какие теоретические выводы о личности, виновной в порче твоего цефаскопа, от которой, кстати, можно ждать в дальнейшем подобных же действий.

— Если ты хочешь сказать, что это Лакмен...

— Слушай, — возбужденно раскачиваясь, перебил Баррис. — Что если я скажу тебе, что я давно предвидел серьезное повреждение какого-нибудь нашего домашнего имущества, особенно дорогого и трудно поддающегося ремонту? Моя теория *требовала* того! И сейчас, таким образом, я получил доказательство!

Арктор не сводил с него глаз.

Медленно осев в кресле, Баррис вновь принял спокойный и насмешливый вид.

— Ты... — сказал он, указав пальцем.

— Это сделал я?.. — проговорил Арктор. — Пережег свой собственный, незастрахованный цефаскоп... — В нем закипели отвращение и ярость. Уже поздняя ночь, надо спать...

— Нет-нет, — быстро возразил Баррис, болезненно сморщившись. — Ты *смотришь* на виновного. На того, кто испортил твой цефаскоп. В этом-то я и хотел признаться, но мне не позволяли открыть рта.

— Это сделал ты? — ошарашенно спросил Арктор, глядя на Барриса, чьи глаза сверкали каким-то неясным торжеством. — Зачем?

— Точнее, *теория* утверждает, что это я, — сказал Баррис. — Очевидно, принуждаемый постгипнотическим внушением. И блокировка памяти, чтобы ничего не помнил. — Он начал смеяться.

— Позже, — рывкнул Арктор и выключил свет.

Баррис поднялся.

— Неужели ты не понимаешь?.. Я разбираюсь в электронике и имею доступ — я тут живу. Единственное, чего я не могу понять, — это мои мотивы.

— Ты это сделал, потому что ты псих, — сказал Арктор.

— Возможно, меня наняли тайные силы... — недоуменно бормотал Баррис. — Но что ими движет? Какова цель? Посеять среди нас подозрение и тревогу, вызвать разлад и антипатию, настроить друг против друга, чтобы мы не знали, кому доверять, кто враг...

— Тогда они добились успеха, — заметил Арктор.

— Но зачем им это? — воскликнул Баррис, подойдя к двери; его руки дрожали. — Столько хлопот...

Скорей бы установили следающую систему, подумал Арктор. Он прикоснулся к револьверу и почувствовал прилив уверенности. Мелькнула мысль — не стоит ли проверить магазин? Впрочем, тогда, спохватился Арктор, я стану сомневаться, не заклинило ли барабан, не стерся ли ударник, не высыпался ли порох из патронов, и так до бесконечности, одержимо, как маленький мальчик, пересчитывающий трещины на тротуаре, чтобы совладать со страхом. Маленький Бобби Арктор первоклашка, возвращающийся домой со своими маленькими учебничками, перепуганный до смерти левашей впереди неизвестностью.

Подавшись вбок, он зашарил пальцами под кроватью, пока не нащупал наклеенную полоску скотча. Не обращая внимания на Барриса, он отодрал ее, и в ладонь упали две таблетки препарата С. Арктор закинул их в рот, проглотил без воды и, вздохнув, бесильно упал на подушку.

— Свали, — сказал он Баррису.

И заснул.

Глава 5

Бобу Арктору надо было на некоторое время покинуть дом, чтобы там установили подслушивающую и подсматривающую аппаратуру. Обычно за домом следили до тех пор, пока из него не уходили все проживающие, причем таким образом, что можно было предположить их длительное отсутствие. Порой приходилось ждать неделями. В конце концов, если ничего так и не получалось, жильцов удаляли под каким-нибудь предлогом. Например, в связи с травлей тараканов.

Но в данной ситуации подозреваемый Роберт Арктор послушно уехал, прихватив жильцов на поиски дешевого цефалохромоскопа. Позже из подходящего места — телефонавтомата на бензоколонке — Фред доложил, что до конца дня в доме определено никого не будет.

Это предоставляло властям удобную возможность пошарить по закоулкам более тщательно, чем удавалось их тайным агентам. Нужно было отодвинуть шкафы и проверить, не приклеено ли чего сзади. Нужно было развинтить торшеры и посмотреть, не посыплются ли сотни таблеток. Нужно было заглянуть в туалетный бачок — нет ли там маленьких, автоматически смываемых пакетиков. Нужно было проверить холодильник, не лежат ли в упаковках от жареной картошки и фасоли замороженные наркотики. А тем временем устанавливалось хитрое оборудование. Расположить голокамеры было чертовски трудно. Техникам хорошо платили, потому что, если они давали промашку и камеру потом находили жильцы, эти жильцы сразу просекали, что находятся под колпаком, и прескарали деятельность. А иногда просто снимали следающую систему и продавали ее с потрохами. Полиция в таких случаях даже ничего не имеет права сделать, разве что придраться к какому-нибудь пустяку.

Интересно поведение толкачей в подобной ситуации. Арктор припомнил случай, когда один посредник, желая убрать

цыпочку, запрятал в ручку ее утюга два пакетика героина, а потом сделал анонимный звонок в отдел «МЫ СООБЩАЕМ». Получилось так, что девушка сама нашла героин и продала его. Полиция, естественно, ничего не обнаружила и по записи голоса арестовала толкача за дезинформацию властей. Освободившись под залог, толкач ночью явился к цыпочке и избил ее до полусмерти. На вопрос, почему он выбил ей глаз и сломал обе руки и парочку ребер, пойманный толкач ответил, что она продала принадлежавшие ему два пакетика высокопробного героина и не взяла его в долю.

Арктор высадил Лакмена и Барриса в отдаленном районе — искать подходящий цефаскоп. Таким образом, они не могли внезапно вернуться домой и застучать техников, а Арктору представлялась возможность повидать одного человека, которого не встречал больше месяца. Цыпочка вроде держалась — ничего, кроме «смеси» и улицы, чтобы заработать на дозу. Она жила с толкачом. Обычно Дан Манчер днем дома не сидел. Тип он был свирепый и жестокий, непредсказуемый и опасный. Чудо, что местная полиция не привлекала его за нарушение порядка. Может, откупался. А скорее всего им просто было наплевать: в районе трущоб жили одни старики да нищета.

Арктор остановил машину у пропахшего мочой подъезда и поднялся к двери «Г». Перед дверью валялась полная банка «Драно», и он машинально ее поднял, подумав при этом: «Сколько детей с ней играло?...» И на миг вспомнил своих собственных детей...

Арктор заколотил банкой в дверь. Шелкнул замок. Дверь приоткрылась, и из-за цепочки выглянула девушка, Кимберли Хокинс.

— Да?

— Здорово. Это я, Боб.

Вялым движением она сняла цепочку: голос ее тоже был вялым, апатичным. Под глазом красовался синяк, разбитая губа опухла. Арктор заметил, что окна маленькой грязной квартиры разбиты. Осколки стекла валялись на полу вместе с перевернутыми пепельницами и бутылками из-под кока-колы.

— Ты одна? — спросил он.

— Да. У нас была ссора, и Дан ушел.

Девушка — наполовину мексиканка, маленькая, болезненного вида — безжизненно смотрела вниз.

— Он тебя избил.

Арктор поставил банку «Драно» на полку с несколькими замусоленными порнографическими журналами.

— Слава богу, у него не было ножа. — Кимберли опустилась на стул с торчащими из него пружинами. — Чего тебе, Боб?

— Хочешь, чтобы он вернулся?

Она пожала плечами.

Арктор подошел к окну и выглянул на улицу. Дан Манчер, безусловно, объявится рано или поздно. Девушка была источником денег, а Дан знал, что ей понадобится доза, как только кончится запас.

— Надолго тебе хватит?

— Еще на день.

— Ты не можешь достать в другом месте?

— Могу, но не так дешево.

— Что у тебя с голосом?

— Простуда. Ветер задувает. — Она прислушалась. — Помосму, машина Дана. Красный форд «Торино-79».

Арктор кинул взгляд на захлавленную стоянку. Туда въезжал побитый «Торино», выпуская из обеих выхлопных труб клубы черного дыма.

— Да.

Кимберли заперла дверь: два дополнительных замка.

— Он, наверное, с ножом.

— У тебя есть телефон?

— Нет.

— Нужно поставить.

Она снова пожала плечами.

Через минуту они услышали шаги, а затем раздался стук в дверь. В ответ Кимберли закричала, что не одна.

— Ну, ладно! — высоким голосом завопил Дан. — Я проколо тебе шины!

Он помчался вниз. Арктор и девушка увидели из разбитого окна, как Дан Манчер — тощий, коротко остриженный, похожий на гомосексуалиста, — размахивая ножом, подбежал к машине, при этом продолжая орать так, что слышно было по всей округе.

— Я порежу твои шины, твои сучьи шины! А потом зарежу тебя!

Он нагнулся и проколол сперва одну, а потом вторую шину старенького «доджа».

Кимберли внезапно очнулась, прыгнула к двери и стала рвать замки.

— Я должна остановить его! Машина не застрахована!

Арктор схватил ее за руки. Револьвер он, разумеется, не носил, а у Дана был нож.

— Шины не главное...

— Мои шины! — Истукленно крича, девушка пыталась вырваться.

— Он только и хочет, чтоб ты вышла, — урезонивающе сказал Арктор.

— Вниз, — задыхаясь, проговорила Кимберли. — У соседей есть телефон. Позвоним в полицию. *Пусти* меня! — Она с неожиданной силой вырвалась и сумела открыть дверь. — Я позвоню в полицию! Мои шины! Одна из них совсем новая!

— Я с тобой.

Арктор попытался ухватить ее за плечо, но она уже сбегала по лестнице и колотила в дверь.

— Пожалуйста, впустите! Мне надо позвонить в полицию! Пожалуйста, дайте позвонить!

Дверь открыл старик в сером свитере и помятых брюках.

— Спасибо, — сказал Арктор.

Кимберли протиснулась внутрь, подбежала к телефону и набрала номер. Все молчали; раздавался только голос девушки. Сбиваясь и путаясь, она тараторила что-то о ссоре из-за пары ботинок ценой в семь долларов.

— Он говорит, что это его ботинки, потому что я подарила их ему на Рождество, но они мои, потому что деньги платила я. А он стал отбирать их и я порезала подошвы открывалкой, и тогда... — Она замолчала; потом, кивая: — Да, хорошо, спасибо...

Старик смотрел на Арктора. Из соседней комнаты с неммым ужасом выглядывала пожилая женщина в ситцевом платье.

— Вам, должно быть, нелегко, — обратился к ним Арктор.

— Ни минуты покоя, — пожаловался старик. — Постоянно, каждую ночь скандалы... Он все время грозит убить ее.

— Нам надо было вернуться в Денвер, — сказала женщина. — Говорила тебе, надо вернуться в Денвер.

— Ужасные драки, — продолжал старик. Он не сводил глаз с Арктора, взывая о помощи или, может быть, о понимании. — Круглые сутки, без передышки, а потом, что еще хуже, знаете, каждый раз...

— Да, скажи ему, — подобрала пожилая женщина.

— Что еще хуже, — с достоинством проговорил старик, — каждый раз, когда мы выходим... ну, в магазин или отправить письмо... мы наступаем... знаете, что оставляют собаки...

— Кал! — с негодованием закончила женщина.

Показалась машина местной полиции. Арктор дал свидетельские показания, не выдавая, что сам является офицером полицейского управления. Сержант записал его слова и пытался расспросить Кимберли, но в ее лепетании не было ни капли смысла. Полицейский, подложив под листок бумаги планшетку, кидал на Арктора холодные взгляды, значения которых Арктор не понял, но, безусловно, не дружелюбные. Наконец сержант посоветовал Кимберли звонить, если хулиган вернется и будет шуметь.

— Вы отстали порезанные шины? — спросил Арктор, когда полицейский собрался уходить. — Вы осмотрели ее машину на стоянке?

Полицейский снова смерил его странным взглядом и, не говоря ни слова, удалился.

Кимберли опустилась на ветхую кушетку в загаженной гостиной, и глаза ее сразу потускнели.

— Я отвезу тебя, — предложил Арктор. — К какому-нибудь другу, где...

— Убирайся! — с ненавистью выдавила Кимберли. — Убирайся к черту, Боб Арктор! Ты уйдешь или нет?! — Ее голос перешел на пронзительный визг и сорвался.

Он вышел и медленно спустился по лестнице, тяжело шагая по ступенькам. Что-то звякнуло и покатилося вслед за ним — банка «Драно». Сзади хлопнула дверь, защелкали замки. Тщетная предосторожность, подумал Арктор. Вес тчетно. Полицейский советует звонить, если хулиган вернется. А как она позвонит, не выходя из квартиры? Или выйдет — и Дан Манчер тут же пырнет ее ножом, словно

шину. И — кстати, о жалобе стариков снизу — она сперва шагнет, а потом замртво свалится в собачье дерьмо... Арктора разобрал истерический смех: у этих стариков странная шкала важности. Не только свихнувшийся наркоман у них над головой каждую ночь избивает и грозит убить, и, очевидно, скоро убьет молодую девушку-наркоманку, которая, безусловно, больна гриппом и, наверное, кое-чем похуже, но еще к тому же...

— Собачье дерьмо... — усмехнулся он, уже сидя в машине с Лакменом и Баррисом.

Самое смешное в собачьем дерьме, думал он, что на нем можно поскользнуться. Забавное собачье дерьмо.

— Обгони ты этот грузовик, — нетерпеливо сказал Лакмен. — Еле плетется, сволочь.

Арктор выехал на левую полосу и набрал скорость. Но потом, когда он убрал ногу с газа, педаль провалилась, мотор яростно взревел и машина рванулась вперед.

— Потихше! — одновременно воскликнули Лакмен и Баррис.

Машина разогналась до ста миль в час; впереди замаячил огромный фургон. И сидящий рядом Лакмен, и сидящий сзади Баррис инстинктивно выставили вперед руки. Арктор вывернул руль и проскочил фургон прямо перед носом у встречного «корвета». Лакмен и Баррис уже кричали. «Корвет» отчаянно загудел; завизжали тормоза. Лакмен неожиданно потянулся и выключил зажигание: Арктор тем временем сообразил поставить нейтральную передачу и все жал на тормоз, уходя вправо. Наконец, машина с мертвым двигателем вкатилась на аварийную полосу и потихоньку остановилась.

— Какого черта?.. — пробормотал Баррис.

— Наверное, сломалась возвратная пружина.

Арктор дрожащей рукой махнул вниз, и все усталились на педаль газа, беспомощно вжавшуюся в пол. Так же молча они вылезли из машины и подняли капот. Оттуда пошел белый дым, из радиатора выбрызгивала кипящая вода.

Лакмен нагнулся над раскаленным мотором.

— Это не пружина. Это линия от педали к карбюратору. Смотрите. Сломан рычаг. Так что педаль газа не вернулась, когда ты убрал ногу.

— На карбюраторе должен быть ограничитель, — ухмыляясь, сказал Баррис. — Таким образом, если...

— Почему сломался рычаг? — перебил Арктор. Его рука оступала стержень. — Как же он мог так отвалиться?

Баррис продолжал, будто ничего не слыша:

— Если линия по какой-то причине распадется, двигатель должен сбросить обороты до холостых. А вместо этого обороты поднялись до предела. — Он подался вперед, чтобы лучше видеть. — Этот винт вывернут. Винт холостого хода.

— Каким образом? — ошарашенно спросил Лакмен. — Мог он так вывернуться случайно?

Вместо ответа Баррис достал из кармана перочинный нож, открыл маленькое лезвие и начал медленно закручивать регулятор, считая при этом вслух. Винт сделал двадцать оборотов.

— Чтобы ослабить запорное кольцо и снять муфту, крепящую рычаг акселератора, понадобится специальный инструмент. Даже два. Необходимые инструменты, однако, есть в моем инструментальном ящике.

— Твой инструментальный ящик дома, — напомнил Лакмен.

— Верно, — кивнул Баррис. — Значит, нам придется идти на ближайшую бензоколонку и либо просить у них инструменты, либо вызывать сюда ремонтную машину. На мой взгляд, лучше вызвать. Надо хорошенько все проверить, прежде чем снова садиться за руль.

— Послушай, — неожиданно произнес Лакмен, — это произошло случайно или кто-то нарочно подстроил? Как с цефаскопом?

Баррис погрузился в раздумье, продолжая улыбаться своей скорбно-лукавой улыбкой.

— Не могу сказать однозначно. Как правило, саботаж автомобиля. — Он обратил на Арктора зеленые шторки очков. — Мы едва не накрылись. Если бы этот «корвет» шел чуть быстрее, нам всем крышка. Тебе следовало сразу выключить зажигание.

— Я поставил на нейтралку, — ответил Арктор. — Когда сообразил. В первую секунду я не мог опомниться.

— Кто-то хотел нас убить, — громогласно объявил Лакмен. — ПРОКЛЯТЬЕ! Мы чуть не разбились!

Баррис достал коробочку с таблетками, взял пару сам, угостил Лакмена, затем протянул ее Арктору.

→ Может, это нас и доканывает, — раздраженно бросил Арктор. — Мутит мозги.

— Травка не может испортить карбюратор, — заявил Баррис, не убирая коробку. — Закинься по меньшей мере тремя, они слабенкие.

— Убери эту гадость, — устало произнес Арктор.

Все вокруг — проносящиеся мимо машины, двое приятелей, его собственный автомобиль с поднятым капотом, яркий полуденный свет — все приобрело прогорклый вкус, словно мир протух. Слово мир разлагалось и смердел. Арктору стало плохо, он закрыл глаза и содрогнулся.

— Ты что-то унюхал? — спросил Лакмен. — Улика? Какой-то запах от двигателя...

— Собачье дерьмо... — пробормотал Арктор. Этот запах определенно исходил от мотора. Он нагнулся, принюхался, почувствовал его сильно и безошибочно. Чуть ли не дикость... — Правда, пахнет собачьим дерьмом? — спросил он Барриса и Лакмена.

— Нет, — сказал Лакмен, не сводя с него глаз. И обратился к Баррису: — В твоих таблетках был галлюциноген?

Баррис, улыбаясь, покачал головой.

Арктор согнулся вдвое над горячим двигателем. Он отдавал себе отчет, что на самом деле никакого запаха нет. И все же его чувствовал. А потом увидел размазанную по всему мотору, особенно у головок цилиндров, мерзкую бурю масла. Масло, подумал он, выплеснувшееся масло. Должно быть, прокладки прохудились. Пальцы прикоснулись к вязкой, липкой массе и отдернулись. Он вляпался в собачье дерьмо. Весь блок цилиндров, все провода покрывал слой собачьего дерьма. Переместив взгляд вверх, Арктор заме-

тил дерьмо на звукопоглощающем материале капота. Его захлестнула тошнотворная вонь. Он сомкнул глаза и задрожал.

— Эй! — окликнул Лакмен, опустив ему на плечо руку. — Вспоминаешь?

— Билеты бесплатно, — поддакнул Баррис и заржал.

— Ну-ка, присядь, — сказал Лакмен, отвел Арктора к сиденью водителя и бережно усадил. — Да ты прямо вырубашься... Успокойся, никто не убит, и теперь мы начеку. — Он захлопнул дверцу. — Все нормально, понимаешь?

В окошко заглянул Баррис.

— Хочешь собачью какашку, Боб?

Ошеломленный, Арктор широко раскрыл глаза и замер, глядя на него. Но мертвые зеленостеклянные шторы очков ничего не выдавали. Он в самом деле это сказал, мучался Арктор, или это порождение моего помутненного рассудка?

— Что, Джим? — спросил он.

Баррис начал смеяться. И смеялся, и смеялся.

— Оставь его в покое, — велел Лакмен, стукнув Барриса по спине. — Заткнись, Баррис!

Арктор обратился к Лакмену:

— Что он только что сказал? Дословно, что он мне сказал?

— Понятия не имею, — ответил Лакмен. — Я не могу разобрать и половины из того, что он говорит.

Баррис все еще улыбался, но уже молча.

— Ты, проклятый Баррис, — процедил Арктор. — Я знаю, что это твоих рук дело — цефаскоп и теперь машина. Ты это сделал, ты, чертов ублюдок!

Арктор едва слышал собственный голос, но чем громче он орал на ухмыляющегося Барриса, тем сильнее становилась кошмарная вонь. Он замолчал и понурился у руля, отчаянно борясь с тошнотой. Слава богу, что рядом находился Лакмен. Иначе был бы мне конец. От руки сумасшедшего выродка, живущего со мной под одной крышей.

— Успокойся, Боб, — сквозь волны тошноты донесся голос Лакмена.

— Я знаю, что это он, — сказал Арктор.

— Но зачем, черт побери?! Он бы и сам угробился. Зачем?

Запах ухмыляющегося Барриса захлестнул Боба Арктора, и его вырвало прямо на приборную доску. Он задрожал и полез за носовым платком.

— Что там было в твоих таблетках? — подозрительно спросил Лакмен у Барриса.

— Послушай, я и сам закинулся, — запротестовал Баррис. — И ты. Так что дело не в травке. Да и слишком быстро Таблетки не успели бы раствориться...

— Ты меня отравил! — яростно прошипел Арктор. В голове и перед глазами стало проясняться, сохранился лишь страх. Страх — естественная реакция. Страх перед тем, что могло произойти, что это означало. Страх, страх, кошмарный страх перед улыбающимся Баррисом, и его проклятыми таблетками, и его объяснениями, и его странными высказываниями, и его привычками. Перед анонимным доносом в полицию на Роберта Арктора...

— Как ты себя чувствуешь, Боб? — спросил Лакмен. — Это мы сейчас почитим, ничего. Садись лучше назад.

Арктор вышел, нетвердо держась на ногах.

Лакмен повернулся к Баррису.

— Ты точно ему ничего не подсунул?

Баррис с негодованием воздел руки.

Глава 6

Больше всего тайный агент по борьбе с наркоманией боится не того, что его подстрелят или избьют, а того, что ему введут бешеную дозу какого-нибудь психоделика и до конца жизни в голове будут крутиться глюки ужасов. Или пэдсунут порцию «смеси» — героин пополам с препаратом С. Или и то, и другое, да плюс еще яду, вроде стрихнина, который почти убьет его, но не совсем, и все закончится тем же: бесконечным фильмом ужасов. И он будет колотиться в стены психолечебницы или, хуже всего, окажется в федеральной клинике. День и ночь будет стряхивать с себя тлю. Вот что может быть, если его кто-нибудь раскусит. И поквитается самым ужасным образом — той дрянью, против которой он боролся.

Подъехал ремонтный фургон, и машину наконец починили. Механик почему-то долго рассматривал левую переднюю

подвеску, но на расспросы не отвечал. Арктор раслаптался; они сели и поехали по направлению к округу Орандж.

Винювные порой бегут, даже если их не преследуют, думал Арктор, осторожно ведя машину в густом потоке транспорта. И уж, безусловно, бегут, если чувствуют за собой погоню. Бегут со всех ног и при этом не забывают о самообороне... Вот так сидит один сзади, со своим дерьмовым немецким пистолетом двадцать второго калибра и со своим дерьмовым смехотворным глушителем, а потом возьмет и пустит мне пулю в затылок. И я буду мертв — как Бобби Кеннеди, которого убили из оружия того же калибра... Слабое утешение.

Но отныне, с установкой аппаратуры, проверив барабаны голокамера, я буду точно знать, что делает каждый в моем доме, и когда он это делает, и может быть, даже почему. Включая самого себя. Однако неминуема задержка. И меня уже не спасет, если камеры покажут, как мне в кофе подсыплют украденную из военных арсеналов нервно-паралитическую дрянью. Кто-нибудь другой увидит, как я бьюсь в судорогах, не соображая, что со мной, где я, кто я...

— Интересно, как там дома... Знаешь, Боб, кто-то хочет тебе серьезно напакостить, — сказал Лакмен. — Надеюсь, когда мы приедем, дом будет на месте.

— Я был особенно не волновался, — неожиданно бодрым голосом заявил Баррис.

— Не волновался бы? — прорычал Лакмен. — А если нас обобрали до нитки? То есть вломались и забрали все, что есть у Боба? И искалечили животных? Или...

— Я оставил маленький электронный сюрприз для того, кто войдет в наше отсутствие, — перебил Баррис.

— Что еще за электронный сюрприз? — резко спросил Арктор, стараясь подавить беспокойство. — Это мой дом, Джим, и не вздумай...

— Когда дверь откроется, заработает кассетный магнитофон, спрятанный под диваном. Я установил три микрофона «Сони» в трех разных...

— Ты должен был предупредить меня, — сказал Арктор.

— А если они залезут через окно? — предположил Лакмен. — Или через черный ход?

— Чтобы воспользовались самым простым путем, а не другими, менее вероятными путями, — охотно разъяснил Баррис, — я предусмотрительно оставил дверь незапертой.

Наступило молчание. Потом Лакмен захихикал.

— А как они догадаются, что дверь незаперта? — спросил Арктор.

— Я оставил записку.

— Ты меня разыгрываешь!

— Да, — услужливо согласился Баррис.

— Ты в самом деле разыгрываешь нас? — потребовал Лакмен. — Тсбя фиг разберешь. Он разыгрывает нас, Боб?

— Вернемся — увидим, — отозвался Боб. — Если дверь незаперта и на ней висит записка, значит, это не розыгрыш.

— Записку могут снять, — заметил Лакмен. — Все переломают и пограбят, а дверь запрут. Чтобы мы не узнали. И мы никогда не узнаем.

— Конечно, я шучу! — с чувством воскликнул Баррис. — На такое способен только псих — оставить дверь незапертой, да еще повесить записку!

— Что ты написал в записке? — спросил, повернувшись к нему, Арктор.

— Кому она? — подхватил Лакмен. — Я даже не знал, что ты умеешь писать.

Баррис снисходительно улыбнулся.

— Я написал: «Донна, входи. Дверь незаперта. Мы...» — Баррис замолчал. — Записка адресована Донне.

— Все-таки он это сделал, — проговорил Лакмен. — На полном серьезе.

— Таким образом, Боб, — снова как ни в чем не бывало продолжил Баррис, — мы узнаем, чьи руки это дело.

— Если они не разделаются с магнитофоном, когда разделаются с диваном, — сказал Арктор.

Он лихорадочно соображал, какие трудности создаст очередная выдумка доморощенного гения. Они-то знают, что делать, — сотрут запись, перемотают ленту, оставят дверь незапертой и не тронут записку. Кстати, открытая дверь даже облегчит им работу. Чертов Баррис! Все равно, как пить дать, забыл включить магнитофон в сеть. Но, разумеется, если он обнаружит штепсель выдернутым...

Тогда он сочтет это доказательством, что у нас кто-то был, пришел к выводу Арктор. Начнет стучать себя в грудь кулаком и изводить нас историями, как кто-то хитроумно отключил его электронное устройство.

Одна из наиболее эффективных форм промышленного или военного саботажа — это ограничиться нанесением таких повреждений, которые трудно с определенностью назвать умышленными. Если в автомобиле установлена бомба, то наличие действия врага. Но если происходит случайность или серия случайностей, если оборудование просто отказывается работать, если оно выходит из строя постепенно за какой-то естественный период времени с множеством маленьких неисправностей и поломок, тогда жертве, будь то частное лицо или государство, даже не приходит мысль о защите.

Наоборот, рассуждал Арктор, человек начинает думать, что врагов нет, а есть зато мания преследования. Он начинает сомневаться в себе: ему все мерещится. И это доканывает его куда основательнее, чем любая реальная опасность. Правда, уходит много времени. А той порой жертва может узнать, кто за ней охотится, и нанести ответный удар. То есть у жертвы куда больше шансов уцелеть, чем если бы в нее, скажем, стреляли из винтовки с телескопическим прицелом. Это преимущество жертвы.

Все страны обучают и засылают тучи агентов — тут ослабить гайку, там отвернуть винтик, где-то оборвать проводок или потерять документ... Маленькие неприятности. Жевательная резинка в «Ксероксе» может уничтожить незаменимый и жизненно важный документ: вместо снятия копии стирается оригинал. Избыток мыла и туалетной бумаги, как было известно хиппи шестидесятых, могут засорить всю канализационную систему здания и выдворить на неделю жильцов...

Подобно моей жене, вспомнил Арктор. Он тогда работал инспектором страховой компании. Она бесилась, что он засиживается допоздна, составляя отчеты, вместо того чтобы трепетать от восторга при виде жены. К концу их совместной жизни она взяла на вооружение многие трюки и хитрости. Она могла обжечь руку, прикуривая сигарету, запорошить себе чем-нибудь глаза или без конца искать что-то возле его пишущей машинки. Сперва он нехотя откладывая работу и покорно предавался восторженному трепету; потом ударился головой о кухонную полку и нашел лучшее решение.

— Если они убили наших животных, — бормотал Лакмен, — я им подложу бомбу. Я их в порошок сотру. Я профессионалов найму, из Лос-Анджелеса, банду «пантер».

— Да нет, — скривился Баррис. — Какой им смысл убивать животных? Животные ничего не сделали.

— А я сделал? — спросил Арктор.

— Очевидно, они так полагают, — сказал Баррис.

— «Если б я знала, что оно безобидное, я бы убила его сама», — проговорил Лакмен. — Помните?

Но Тельма Корнфорд была из добропорядочных, вспоминал Арктор. Как-то она пришла к нам и попросила убить залетевшую к ней стрекозу. А когда мы объяснили...

Сидя за рулем автомобиля, Арктор прогнал в памяти эпизод, который произвел на них на всех неизгладимое впечатление. Изящная элегантная девушка из добропорядочных, обратившаяся с просьбой убить большое, но безвредное насекомое, которое на самом деле приносило только пользу, поедая комаров. А потом она произнесла слова, ставшие для них символом всего того, что надо бояться и презирать:

ЕСЛИ Б Я ЗНАЛА, ЧТО ОНО БЕЗОБИДНОЕ,
Я БЫ УБИЛА ЕГО САМА.

Так хорошо образованная и материально обеспеченная Тельма Корнфорд сразу стала их врагом. И, к ее полному недоумению, они бежали сломя голову, бежали, бросившись вон из роскошной квартиры в свою грязную конуру.

Однажды, еще до перехода на тайную работу, Арктор снимал показания у зажиточной четы из добропорядочных, в чьей квартире похозяйничали наркоманы. Он запомнил одну их фразу: «Люди, которые вламываются в ваш дом и забирают ваш цветной телевизор, ничуть не лучше тех извергов, которые калечат животных или варварски уничтожают бесценные произведения искусства». «Нет, — возразил Арктор, оторвавшись на минуту от записи показаний. — Наркоманы редко обижают животных». Он сам видел, как они ухаживают за покалеченными животными, в то время как добропорядочные давно бы «усыпили» их — еще один специфический термин. Однажды он помогал двум абсолютным выгоревшим торчкам освободить кота, застрявшего в разбитом окне. Торчки, едва что-либо соображавшие, возились больше часа, терпеливо и бережно. Неизвестно, чей это был кот; вероятно, учуял еду и попытался прыгнуть в окно. Одурманенные торчки не замечали зверюгу, пока та не заорала; а потом позабыли ради нее свои гюлки и приходы. В конечном итоге кот остался цел и невредим; они его еще накормили.

Что касается «бесценных произведений искусств», тут тоже трудно что-либо сказать. Во время войны во Вьетнаме по приказу ЦРУ в Май Лай были уничтожены 450 бесценных произведений искусства плюс без счета цыплят, роговато скота и другой живности, не внесенной в каталог.

— Вам не кажется, — вслух произнес Арктор, старательно ведя машину, — что когда мы умрем и предстанем перед Господом в Судный День, то выяснится, что составлен реестр наших грехов? В хронологическом порядке. А может, в алфавитном... Испускаю я дух глубоким старцем лет под девяносто, и вдруг как зарычит на меня Господь: «Так ты и есть тот самый сорванец, который в 1962 году украл три бутылки кока-колы из грузовика у магазина 7—11?»

— Грех есть устаревший иудейско-христианский миф, — посмеиваясь, бросил Баррис.

— Может быть, все грехи держат в одной большой бочке для соленья. — Арктор с ненавистью взглянул на антисемита Барриса. — В бочке для кошерного соленья. А потом просто выворачивают ее на тсбя, и ты стоишь, обтекаемая грехами. Своими собственными, ну и небось примешается парочка чужих, попавших по ошибке.

— Грехи другого человека, но с тем же именем, — добавил Лакмен. — Как по-твоему, Баррис, сколько существует Робертов Аркторов?

Сколько существует Аркторов, подумал Роберт Арктор, совершенно шизанутая мысль... Мне известно два. Некий Фред, наблюдающий за неким Бобом. Одно и то же лицо. Или нет? Кто знает? Должен был бы знать я, потому что на всем свете только мне известно, что Фред — это Боб Арктор. Но, подумал он, кто я? Который из них — я?

Они вылезли из машины и настороженно подошли к двери. Дверь была незаперта, и на ней висела записка Барриса, но в доме все казалось нетронутым.

В Баррисе мгновенно проснулись подозрения.

— Ага! — буркнул он и молниеносно схватил с полки свой пистолет. Как обычно, заурчали животные, требуя еды.

— Что ж, Баррис, — промолвил Лакмен. — Теперь я вижу, что ты прав. Здесь определенно кто-то был. Об этом свидетельствует тщательное замещение следов, которые иначе бы остались... — Он рыгнул и поплелся на кухню за пивом. — Баррис, тебя накололи.

Баррис невозмутимо продолжал осматриваться.

А может быть, и найдет, подумал Арктор. Может быть, они все-таки наследили. И тогда Баррис придет к выводу, что я специально выманил их из дома, чтобы дать возможность тайным гостям сделать здесь свое дело. А потом сообразит и все остальное — если уже не сообразит, причем давным-давно. Достаточно давно, чтобы осуществить диверсии против цсфаскопа, машины и бог знает чего еще. Может, стоит мне включить свет в гараже, и весь дом взлетит на воздух.

— Смотрите! — воскликнул Баррис, нагнувшись над пепельницей на журнальном столике. — Идите сюда!

— Еще горячий окурочек, — изумленно проговорил Лакмен. — Точно.

Божь мой, подумал Арктор. Кто-то покурив и машинально оставил сигарету. Значит, они только что ушли.

— Погодите-ка, — пробормотал Лакмен. Он покопался в персполненной пепельнице и вытащил чинарик.

— Вот что теплится! Они курили травку... Но чем они занимались? Какого черта им здесь надо было?! — Лакмен хмуро огляделся по сторонам, злой и сбитый с толку. — Боб! Черт побери, Баррис был прав! У нас кто-то копался! Чинарик горячий... — Он сунул окурочек под нос Арктору. — Внутри еще тлест, видно, плохо порезана травка.

— Этот чинарик, — мрачно заявил Баррис, — мог быть оставлен здесь не случайно.

— То есть? — спросил Арктор. Интересно, думал он, это что за полицейская группа, в составе которой есть наркоман, не стесняющийся, причём, курить при исполнении служебных обязанностей на глазах у своих товарищей...

— Возможно, они побывали с единственной целью подбросить нам наркотики, — предположил Баррис. — И теперь наступат. А у нас кругом запрятаны наркотики. Например, в телефоне... или, вот, в розетках. Нам придется перерыть весь дом, и быстро, пока они не позвонили в полицию.

— Ты займись розетками, — решительно сказал Лакмен, — а я разберу телефон.

— Погоди, — Баррис поднял руку. — Если увидят, как мы тут шуруем прямо перед рейдом.

— Перед каким рейдом? — спросил Арктор.

— Если мы начнем сейчас бешено мотаться, разыскивая и уничтожая наркотики, — указал Баррис, — то не сможем утверждать, — хоть это и правда, — что ничего об этих наркотиках не знаем. Нас возьмут с поличным. А, может быть, это тоже часть их плана...

— А-а, дерьмо! — с омерзением выругался Лакмен и плюхнулся на кушетку. — Наркотики, вероятно, запрятаны в тысяче разных мест, и нам их никогда не найти. Мы влипли!

— Как там насчет твоей электроники, подключенной к двери? — вдруг вспомнил Арктор.

— Верно! Сейчас мы получим жизненно важную информацию!

Баррис опустился на колени, зашарил под кушеткой и с кряхтением вытащил пластмассовый магнитофончик.

— Он нам о многом расскажет, — предвкушающе бормотал Баррис. Неожиданно лицо его вытянулось. — Впрочем, какая там информация... Главное уже известно — в наше отсутствие в доме кто-то был.

Молчание.

— Кажется, я догадываюсь... — произнес Лакмен.

— Войдя, они первым делом его выключили. Я, разумеется, оставил его включенным, но посмотрите — теперь он выключен. Так что хоть я...

— Значит, ничего не записалось? — разочарованно протянул Лакмен.

— Все сделано молниеносно! — восхитился Баррис. — Через записывающую головку не прошло и дюйма ленты. Между прочим, это великолепный магнитофон, «Сони», трехголовочный, с системой шумоподавления «Долби». Я достал его на распродаже, по дешевке, и ни разу не мог пожаловаться... Знаешь, Боб, тебе остается только одно.

— Продать дом и переехать, — продолжил за него Арктор. Баррис кивнул.

— Но, черт побери, — запротестовал Лакмен. — Это наш дом!

— Сколько сейчас стоят дома в этом районе? — Баррис заложил руки за голову. — Может быть, ты еще останешься в выигрыше, Боб. С другой стороны, на срочной продаже можно немало потерять. Но, боже мой, Боб, против тебя действуют профессионалы!

— Вы знаете хорошего агента по недвижимости? — спросил Лакмен.

— Всегда интересуются причиной продажи. А что я им скажу? — заметил Арктор.

— Да, правду говорить нельзя, — согласился Лакмен. Он погрузился в раздумье, мрачно потягивая пиво. — Я ничего не могу придумать!

— Просто выложим, что по всему дому запрятаны наркотики, и мы не знаем, где они, — сказал Арктор. — Поэтому решили переехать, а вместо нас пусть попадет новый владелец.

— Нет, — возразил Баррис. — Нам не стоит открывать карты. Пожалуй, Боб, тебе лучше сослаться на перемену места работы.

— Куда же? — поинтересовался Лакмен.

— В Кливленд, — уверенно ответил Баррис.

— По-моему, нам следует говорить правду, — настаивал Арктор. — Или вообще дать объявление в «Л. А. Таймс»: «Продается новый дом с двумя ванными для быстрого смыывания наркотиков, которые запрятаны во всех помещениях. Стоимость наркотиков входит в цену».

— Но ведь начнутся звонки. Будут спрашивать, какие наркотики, — указал Лакмен. — А мы не знаем.

— И еще вопрос — сколько, — пробормотал Баррис. — Заинтересованные лица будут наводить справки.

— А у нас то ли с гулькин нос какой-нибудь дряни... — Лакмен пожал плечами. — ...То ли уйма чистого героина.

— Выхода нет, — подытожил Арктор. — Нам каюк.

Из соседней комнаты появилась Донна Хоторн с растрепанными волосами и опухшим от сна лицом.

— Я прочитала записку и вошла. Посидела немного и решила соснуть. Вы же не написали, когда вернетесь... Чего случилось? Так тут разорались, что меня разбудили!

— Ты курила травку? — потребовал Арктор.

— Ясное дело. Иначе бы мне не заснуть. Разве можно оставлять дверь открытой? Вас могли обчистить, и сами были бы виноваты. Бездушные капиталисты из страховых компаний отказываются платить, если были незаперты дверь или окно.

— Ты давно здесь? — спросил ее Арктор. Неужели она помешала установить аппаратуру?

Донна кинула взгляд на подаренные им двадцатидолларовые часы.

— Около 38 минут... Вы что, собираетесь продавать дом? Или мне померещилось? Не могу понять — я слышала какую-то дикую чушь.

— Нам всем померещилось, — сказал Арктор.

А действительно, что из того, что сегодня говорилось, говорилось всерьез? Что из безумия этого дня — его безумия — было реальным? Что было наведено контактом с сумасшедшими, с сумасшедшими ситуациями?.. Как бы он хотел ответить Донне...

*Перевод с английского
В. БАКАНОВА*

(Продолжение следует)

Андрей
КОЛОБАЕВ

ДЕМОКРАТИЯ ПО РАЗРЕШЕНИЮ

Эти снимки сделаны
в тот самый день...

Фото В. Лаврентьева.

«Уважаемая редакция!

Пишу с опустошенной душой. Руки опускаются.

Дело в том, что у нас в Куйбышеве 7 октября прошлого года должен был пройти митинг, организованный оргкомитетом Народного фронта. Горисполком митинг запретил (почему — неизвестно!). Но мы с женой и взрослыми детьми решили все-таки полюбопытствовать, что там будет на площади.

Задолго до площади Куйбышева улицы оказались перекрыты милицйскими машинами, в скверах множество милиционеров. Рядом стояли две группы молодежи: парень играл на гитаре и пел, остальные слушали. Вдруг отряд милиции начал всех вытеснять. Через рупор раздавались призывы: «Граждане, не поддавайтесь на провокации! Не слушайте экстремистов! (Хотя никаких экстремистов не было!) Освободите площадь!» Люди стали возмущаться: «Почему мы должны уходить? Ведь сегодня праздник — День Конституции!» Мы с женой тоже попытались остаться. Нам говорят: «Митинг запрещен». «Но ведь митинга-то нет». В ответ опять: «Покиньте площадь!»

Вот тут под напором милиции я понял, какое же я ничтожество и бесправное существо. Сегодня нельзя находиться на этой площади. И я бессилён. Завтра скажут: нельзя на другой. Придется уйти и оттуда.

В это время милиция задерживала всех, имеющих фотоаппараты, кинокамеры, некоторых выводили «под руки».

Это надо было видеть! Происходящее походило на насмешку над Конституцией, и было что-то злое во всей этой картине. А по радио слышались здравницы в честь общенародного праздника, в честь наших прав и свобод. Какие уж тут свободы!

Но тягостные ощущения не пропали и дома. До позднего вечера наших детей не было. Мы звонили в милицию, нам отвечали, что никаких задержаний не было. Звонили по другим телефонам — и ничего. Только в девятом часу вечера сын и дочь пришли домой. Оказывается, группу молодежи, человек 20, вытеснили с площади, а затем, чтобы отучить от «игры в демократию», как говорили потом в отделении, задержали и отправили в Октябрьский РОВД. Там им učinяют допросы и предлагают подписывать протоколы со лживыми самообвинениями. Дочери, например, предложили подписать протокол с признанием, что «она принимала активное участие в митинге» (которого не было!) и вдобавок «оказывала активное сопротивление милиции»...

Все это очень напоминает определенный период в нашей истории. Только тогда навешивали ярлык «враг народа», а сейчас распространенным стал ярлык «экстремист».

Так что же, товарищи, ярлыки появились, а демократия кончилась?

М. Е. СЕМЕНОВ,
ветеран войны и труда

Вот такой детский разговор получился у меня с замначальника Октябрьского РОВД подполковником милиции Г. Н. Данчиным:

— Лично я никого не арестовывал, — сказал он.

— А...

— Я не уполномочен отвечать на этот вопрос...

И вдруг:

— Солонин... Солонин... Где-то вроде слышал эту фамилию. Минуточку.

На другом конце провода щелкнуло.

— Слушай, кого мы задержали с чемоданом порнографических открыток? Может, Солонина?! Точно не он?! — Вздох сожаления.

А минут через десять выясняется, что всех активистов Народного фронта, в том числе и Марка, Геннадий Николаевич знает в лицо — не раз приходилось проводить «скверную» политбсеседу.

Прошу Данчина рассказать о событиях 7 октября.

— Вы структуру органов знаете? — В голосе подполковника появляется металл. — Ну, а раз знаете, значит, понятно и то, что мы выполняли команду. Что еще?

— А спецвойска? Неужели боялись, что не справитесь?

— Какие спецвойска? Спецвойск в Октябрьском РОВД нет. Митинг был запрещен. Милиция участвовала в оцеплении. И никаких спецвойск я не видел...

Что же произошло в Куйбышеве?

Но давайте вначале бегло вспомним события, предшествующие этому дню.

«Долой мини-Брежнева!»

В конце мая город облетела весть: на партсобрании в институте культуры коммунисты подвергли резкой критике деятельность первого секретаря обкома КПСС Е. Ф. Муравьева.

Следом собрание в университете, аэропорту. В воздухе запахло переменами. Город забурлил. Волна поддержки прокатилась по первичкам, трудовым коллективам и вылилась в единодушное: «Лишить Муравьева делегатского мандата!» Инициативные группы, стихийно возникшие на заводах, фабриках, в институтах, выставляли пикеты в самых оживленных точках города — собирали подписи, обменивались мнениями. Появился первый политклуб.

22 июня в Куйбышеве разразилась первая буря.

«Все на митинг!» Листовки пестрели везде, куда падал глаз, — на стенах домов, у заводских проходных, на телефонных будках, даже в трамваях. «Перестройке — да! Муравьеву — нет!» — этот лозунг, выдвинутый инициативной группой по организации митинга, был у всех на слуху.

За сутки по местному телевидению нежданно выступили «отцы» города и области. Поговорили о планах на будущее. О митинге — молчок. Тут же из интервью с председателем горисполкома Г. В. Задыхинным горожанам стало известно о скоростном принятии «Временных правил проведения митингов...».

Как писал в эти дни еженедельник «Волжский комсомолец», «люди взбудоражились, поползли слухи о ждущей своего часа конной милиции, о пожарных машинах...».

Митинг состоялся. На площадь пришло двадцать тысяч.

— Я рабочий. Узнал о митинге только вчре и вот пришел, — кричал с импровизированной трибуны человек лет сорока. — Хорошо, что мы собрались. Поговорим о перестройке в нашем городе. Я только тогда в нас поверю, когда белокаменный дворец обкома отдадут детям.

— Правильно! — поддерживает площадь.

— Когда «они», — жест куда-то в пространство и высь, — будут ездить в тех же автобусах и трамваях, что и я...

— Когда будут покупать продукты в тех же магазинах и есть в той же столовой!..

— Посмотрите, до чего он довел город? — уже другой возмущенный голос над площадью.

— Вывел на шестидесятос место..., — горький смсшок из толпы.

— Вот именно — вывел... Хорош уровень социального развития! А махинации с жильем?! А транспорт?! А горящие элеваторы?!

— Долой Муравьева!

— Перестройку!!! — скандируют люди.

Муравьев и иже с ним поехали-таки на XIX партконференцию. И на следующий митинг пришло уже около 50 тысяч. Однако и у него была своя предыстория.

«Скверная» компания

«Перспектива» по-прежнему собиралась в скверах. Это были «медовые» дни се союза с властями. Контракт заключался на следующих условиях: им жали руки, дивились, почему они не пришли в горком партии раньше, предлагали под крышу горкома перенести свои политические дискуссии. Обещали подумать(!) насчет издания бюллетеня политклуба тиражом эдак экземпляров 200—300.

После XIX Всесоюзной партконференции в каждом номере партийной газеты стали появляться подборки писем, требующие немедленно разобраться, не находятся ли неформалы на содержании западных спецслужб. Тем временем партийные идеологи двинулись в массы — на предприятиях города началась разъяснительная работа.

...Десятки автобусов с парт-, проф- и хозактивом подкати-

ли к площади заблаговременно. С полчаса они стойко подержали написанные на казенном кумаче лозунги типа: «Политику обкома и горкома — одобряем и поддерживаем!», «Неформалы, не ленитесь, а работайте, трудитесь!», «Инициаторы-бойцы глотки рвут во все концы. Им работать неохота, а ведут они — в болото!».

Муравьев был одним из немногих, кому дали выговориться. Он начал свою речь так:

— Товарищи! В стране идет четвертый год перестройки!..
— Ур-ра! — закричали товарищи.

Через несколько дней пленум Куйбышевского обкома КПСС проводил его на заслуженный отдых.

А «Перспективу» отправили обратно в скверы, письменно предупредив, что аренда травы и лавочек тоже чего-нибудь стоит.

Ю. А. НИКИШИН, микробиолог, член оргкомитета Народного фронта содействия перестройке:

«Мы прекрасно понимали, что шума в городе наделали выше головы. Но за этим шумом далеко не всем было понятно, чего мы хотим на самом деле. Сколько нас было до второго митинга? «Перспектива», эколого-политический клуб «Альтернатива» да несколько инициативных групп на предприятиях. Объединившись, мы назвали себя группой Народного фронта. Вскоре был выпущен первый политический документ».

Из ЗАЯВЛЕНИЯ группы Народного фронта и общественно-политического клуба «Перспектива» от 26 июля 1988 г.:

«...Подлинными причинами происходящих в городе событий очевидны. Это естественное и законное возмущение трудящихся тем, что в городе, являющемся крупнейшим индустриальным центром страны, в городе, производящем сложную, порой уникальную наукоемкую продукцию, существует хронический дефицит простейших товаров и услуг, транспорта и бытовых товаров, свежего воздуха и чистой воды, справедливости в распределении жилья и человечности в рассмотрении жалоб людей.

И если наши группы, не имея ни аппарата, ни денег, ни освобожденных сотрудников, собирают тысячи подписей на пикетах и десятки тысяч людей на митингах, если оба митинга единодушно поддерживают наши лозунги, то это свидетельствует лишь о том, что наша деятельность является отражением того, что думает и чувствует большинство трудящихся.

В докладе ЦК КПСС XIX Всесоюзной партконференции было прямо сказано, что «существующая политическая система оказалась неспособной предохранить нас от нарастающих застойных явлений... и обрекла на неудачу предпринятые тогда реформы». Будем ли мы столь безрасудны, чтобы доверить той же системе судьбу нынешней перестройки, по оценке многих видных экономистов, — последней из отпущенных нам историй?..

Для чего нужны самостоятельные организации трудящихся? Для того, чтобы выдвигать своих кандидатов в народные депутаты в Советы и бороться за их избрание; для того, чтобы наладить реальную связь депутатов с избирателями, чтобы выработать и отстаивать проекты всех важнейших законопроектов; чтобы защищать права трудящихся от произвола бюрократии в суде и прессе; для того, чтобы поставить распределение жилья под реальный контроль трудящихся и т. д.

Как видно любому непредвзятому человеку, Народный фронт — это не организация типа партии и альтернативный орган власти, а механизм наполнения Советской власти и Советской Конституции реальным содержанием».

М. СОЛОНИН, член оргкомитета НФ:

«Меня часто спрашивают: чего же вы, неформалы, хотите на самом деле? Мол, ругать-то всякий мастак. Предложили бы что-нибудь реальное, если есть что. Так вот, мы хотим рыночного хозрасчета в экономике и максимальной демократизации в политике, считая, что эти вещи взаимосвязаны. И каков результат? Весь август нас гоняли из скверов в скверы. А Соловых исключили из партии, остальным коммунистам дали понять: или КПСС или Народный фронт».

Конфронтация по-куйбышевски

С. КУРТ-АДЖИЕВ, ответственный секретарь еженедельника «Волжский комсомолец»:

«Я часто видел, как проходят политические дискуссии неформалов в загородном парке. Приходили туда и работни-

ки обкома, горкома партии, обкома комсомола. Смешная картина: придут, как шпионы во вражеском стане, посидят тихонько в уголке, что-то запомнят и — сматываются. Ни разу никто из них не вступил в дебаты. Я думаю, идеологи наши давно поняли, что не способны вести идеологическую работу. Поэтому они упростили ее до безобразия: стали сгонять в загородный парк весь офицерский состав Октябрьского отделения милиции, который доступно «разъяснял» собравшимся политику партии.

И все-таки у городских властей был шанс: выступить на митинге. Бросить на него весь свой идеологический аппарат и разбить в пух и прах небольшую кучку неформалов. Только принародно...

21 сентября на стол предгорисполкома Г. В. Задыхина легло заявление о проведении митинга «Советскую Конституцию — в жизнь».

ИЗ ОТВЕТА гр. СОЛОВЫХ А. С., НИКИШИНУ Ю. А., ЛАЙКИНУ В. К.:

«...Вынесено решение отказать. В вашем заявлении не указано конкретно, какие именно статьи закона будут вынесены на обсуждение...» и т. д.

Из ЖАЛОБЫ на решение Куйбышевского горисполкома председателю облисполкома тов. ПОГОДИНУ:

«В ответе проглядывается не только юридическая безграмотность, но и, мягко выражаясь, политическая близорукость. Референдум по поводу Конституции в СССР в 1977 г. не проводился. Необходимость внесения изменений в статьи Конституции в ходе реформы политической системы в стране четко следуют из решений XIX партконференции. Не далее как на прошлой неделе Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Предстоит выработать новый избирательный закон, дополнения к Конституции и многое, многое другое». Если в Куйбышевском горисполкоме считают, что обсуждения Конституции в 1977 году достаточно на все пребудущие времена, то мы согласны с М. С. Горбачевым...».

Но председатель облисполкома отказал. Отказали прокурор города и другие ответственные лица.

А 5 октября в горисполкоме состоялся примерно следующий разговор.

— Ребята,— сказал Никишину, Лайкину и Соловых зампред А. М. Коновалов,— вы такие хорошие, активные. С вами обязательно надо сотрудничать. Приходите после праздника на заседания постоянной депутатской комиссии — поделитесь мыслями...

— Но поймите, митинг нужен и нам, и вам. Люди все равно придут,— это их право. Вы же знаете, что ваш отказ нигде не годится ни по содержанию, ни по букве закона.

— Ребята,— вздохнул зампред,— город уже знает, что митинг запрещен. Завтра об этом известят газеты, объявят по радио. К сожалению, я бессилён что-либо изменить. Машина закручена...

Никишина арестовали первым. Взяли, как говорится, с поличным — во время передачи листовок.

— Никишин Юрий Александрович? — Тяжелая рука опустилась на плечо.— Пройдемте.

«Распространение листовок, призывающих к запрещенному митингу» — так в тот же день запишут в постановлении суда Железнодорожного района.

М. Солонин, В. Лайкин были арестованы несколькими часами позже. В Гинзбурга на работе срочно вызвали в отдел кадров, откуда уже переправили в отделение, где и взяли под охрану.

Судили так.

СУДЬЯ. Подсудимый, с Указом знакомы?

ПОДСУДИМЫЙ. Знаком.

СУДЬЯ. То, что митинг был запрещен, знаете?

ПОДСУДИМЫЙ. Не запрещен, а «отказано в разрешении».

СУДЬЯ. Это все равно. Что думаете по поводу наказания для вас?

(В это время по трансляции в углу комнаты прокурор города Куценко извещает куйбышевцев, что митинга не будет, что зачинщики задержаны и получили по 10 суток административного ареста. Он, как прокурор, подтверждает обоснованность и законность этих действий.)

СУДЬЯ. Итак, повторяю вопрос: что думаете по поводу наказания?

ПОДСУДИМЫЙ. За что — ведь митинга-то еще не было?!

СУДЬЯ. Вы готовили его.
ПОДСУДИМЫЙ. Тогда уповаю на вашу судейскую совесть.

СУДЬЯ (мило улыбаясь). 10 суток административного ареста.

Трое получили по 10 суток, Гинзбурга продержали дня два и выпустили без суда.

Таким образом, вечером 6 октября часть оргкомитета Народного фронта содействия перестройке собралась на деревянных нарах спецприсмирника для административно задержанных лиц. А. Соловых, В. Карлова, В. Белоусова и других почему-то задержать не удалось. Заранее спланированный сценарий обновился непредвиденными мизансценами. Закрученная машина дала сбой.

Над городом нависла угроза митинга.

Что же произошло на площади Куйбышева 7 октября?

Вот как описывались события в спецвыпуске «Зеленого листка» (печатный орган эколого-политического клуба «Альтернатива»):

«Самая большая группа, человек в 300, образовалась у памятника Куйбышеву. Когда толпа выросла до 600 человек, на площадь так и хлынула милиция... В поднявшейся суматохе к члену оргкомитета НФ Н. В. Переверзеву подскочило несколько стражей порядка. Они заломили Переверзеву руки и пытались задержать. Наблюдавшая за этой схваткой публика была слегка ошарашена. Но то, что последовало затем, было уже чересчур. В пуленепробиваемых жилетах, с щитами и дубинками по бокам на площади появился отряд спецвойск.

Люди вначале оцептели, но потом, осознав случившееся, стали скандировать ироническое „Мо-лод-цы!“; „Мо-лод-цы!“; перешедшее в „Позор!“.

Из письма в редакцию журнала группы жителей Куйбышева (всего 14 подписей):

«...С площади гнали всех подряд: взрослых и детей, стариков и молодежь, тех, кто стоял, и тех, кто прогуливался. Площадь, запрещенная для митингов, в День Конституции стала запрещенной для любого посещения гражданами города. Плакала старая женщина, уходя от цепи милиционеров, теснившей ее с площади».

И тут... у Дома офицеров в небольшой группке людей взметнулся красный флаг. На него пошли все, кто еще оставался на площади: и стар, и млад. Милиция, подоспевшая с разных концов, оттесняла собравшихся в сторону набережной. Кто-то из самых ретивых, уцепившись за дерево, попытался выхватить алое полотнище.

— Ты еще советский флаг сорви!..

— И затопчи!.. — раздались возмущенные голоса.

Милиционер, поняв свою промашку, ретировался под гул набирающей шаг толпы.

«Люди, боритесь за свои права!», «Люди, присоединяйтесь к нам!» — скандировали демонстранты.

— «Смело, товарищи, в ногу...» — кто-то запел.

Через несколько секунд строй, человек триста, на ходу сориентировавшись, взял ногу и, дружно чеканя шаг, с песней под кумачовым флагом революции двинулся по набережной Волги.

— «...окрепнем в борьбе.

В царство свободы дорогу

Грудью проложим себе».

«Варшавянка» перешла в «Интернационал», а затем, когда, позвякивая железяками, дорогу демонстрантам перегородил огромный КраЗ, в песню «Широка страна моя родная», разливавшуюся над Волгой с глубокой иронией и горечью.

«Козырная карта» исполкома

Неопубликованный абзац из статьи М. Круглова «Народ, разойдись!» в «Комсомольской правде»:

«Горисполком победил — „ура“ ему! Но пружинить мускулы оказалось проще, чем выступить на митинге. Диалога между властями и горожанами не произошло. А результат? Митинг можно считать состоявшимся, ибо красноречия всех, вместе взятых, даже самых критических ораторов, едва ли хватило бы для доказательства отчуждения между верхом и низом». По дороге в горисполком то и дело останавливаю прохожих. Вопрос один: об отношении к неформалам-народнофронтовцам в свете последних событий.

— В газете писали, что все они — шизофреники, стоящие на учете в психдиспансере. Это правда? — вопросом на вопрос отвечает небритый мужчина в «аляске».

— Проститутки и наркоманы, что ли? — любопытство стоящей на остановке женщины с коляской и авоськами берет верх. — Расплодили, позорище...

— Путаешь, мать. — Останавливаются парень с девушкой. — Вы про Народный фронт? — получив утвердительный ответ, парень добавил серьезно: — Там ребята что надо.

Вокруг собирается человек девять-десять. Наперебой, кто что видел, слышал, воскрешают события более чем месячной давности.

Сухонькая старушка тронула за плечо.

— И меня забрали, сынок.

— ?!. Тебя-то, бабушка, за что?

— А я там, на площади, начальника Октябрьского РОВДа признала. Сказала вслух, что, мол, Штырлов это. Меня хватя — и в автобус. Потом отпустили.

— Безобразия...

— Митинг-то был под запретом...

— Разве обсуждать Конституцию запрещено?..

— А неформалы эти — Карлов с авиазавода, Лайкин и еще один, с бородой, — у нас выступали. Говорили правильно: нельзя так больше жить.

— Понятно, нельзя. А как? Программа-то у них есть?

— Откуда я знаю...

...Я шел в горисполком и вспоминал вчерашний разговор с Леной Семеновой, невысокого роста, хрупкой и очень миловидной девушкой, которую обвинили в «активном сопротивлении милиции». Ее и брата Володю, их друзей и знакомых, не имеющих даже косвенного отношения к НФ (Володя, например, занимается сбором средств для мемуаров жертвам сталинских репрессий), судили 8 октября за «распевание революционных песен», а также за распространение «провокационного лозунга „Вся власть — Советам!“ (!)». Хотя даже к этому все они были совершенно непричастны: просто стояли рядом с демонстрантами. «Игры в демократию» обошлись им недешево — троих оштрафовали по 100 рублей, остальные отделались формальным оправданием и косыми взглядами начальства на работе.

Еще вспоминал я отца Лены — участника боев за Сталинград, автора письма в редакцию. Он показывал мне тетрадь, куда после увиденного и пережитого в День Конституции стал выписывать цитаты из Ленина. Вот что он там записал: «Во всякой конституционной стране устройство... демонстрации — неоспоримое право граждан. В уличной мирной демонстрации с лозунгом, между прочим, изменения конституции или изменения состава правительства никакое законодательство ни в одной свободной стране ничего противозаконного не видит» (ПСС, т. 32, с. 321—322); «...нечто формально правильное, а по сути издевательство...» (ПСС, т. 43, с. 328). И последнее: «Надо помнить, что политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им» (ПСС, т. 42, с. 221).

Я шагал по площади Куйбышева, той самой, и знал, что уличная статистика еще не аргумент. Знал, что меня обвинят в симпатии неформалам и авторам писем. («Они любому мозги запудрят, у самих от них голова кругом идет. А письма? Ну что письма, всегда пишу!...») Знал, что станя я даже «адвокатом» оргкомитета НФ (почему бы и нет при их бесправном положении!), обязательно найдется козырь посылнее, нечто серьезное, о чем не знали ни более сотни прохожих, которых я опросил за эти дни, ни авторы писем. Солидно, по пунктам. И чаша весов дрогнет, и рассыплется в порошок картонный домик любых самых веских обвинений. И неформалы, замолчав, стыдливо покаются в греховном смущении народа.

Поэтому, рванув на себя массивную дверь горисполкома, я был уверен, что сейчас все встанет на свои места и объяснится. Вернее, надеялся. Как иначе-то, ведь наша же родная Советская власть! Сами выбирали...

Привычный милиционер у входа в вестибюль проводил пронизывающим взглядом...

— Насчет неформалов, — призадумалась в приемной секретарша, — вам лучше скажет Коновалов. Но его нет, он в Болгарии...

— Тогда председатель?..

— Задыкин болен...

— Кто-то должен же быть? — не унимаюсь. — Вон сколько кабинетов.

— Конечно. Посидите, я узнаю.

Наконец появляется «моя» секретарша.

— Попова сегодня не будет. Симонов, это секретарь, к сожалению, первый день в отпуске. Может... А-а, сго тоже нет... А неформалами у нас больше никто и не занимается...

— ?!

— Вот что. Зайдите к юристу, она должна быть в курсе. Людмила Георгиевна Щербакова, старший юристконсульт горисполкома, встречает меня в штучки.

— Я некомпетентна, — заявляет она безапелляционно, — отвечать на вопросы без разрешения председателя.

Пытаюсь объяснить, что все вопросы как раз в ее компетенции. Скажем, что она считает по поводу неразрешения митинга-3. С точки зрения закона.

— Лично я ничего не считаю. У исполкома есть председатель... —

— Ладно, но как горожанку вас должно интересовать, почему в Куйбышеве десятилетиями колбаса по карточкам, сметаны, сыра и еще бог знает какого перечня продуктов не бывает совсем. Мусорные кучи в человеческий рост, куда ни глянь, социальные условия, жильё...

— Вот-вот. Вы бы взяли и сказали им, там, в Москве. А то Москву откармливаем, последний кусок от себя отрываем, — с лёта отбрила Людмила Георгиевна, — а самим есть нечего. Потому такие вот присаживают: почему того нет, этого. Ишь, как не стыдно только...

Шаг назад, два шага вперед

М. СОЛОНИН: «Большое счастье куйбышевских неформалов, что мы с самого начала общались с властями на уровне горкома партии, а не тратили время на разговоры с обкомом комсомола — с этой игрушечной «организацией», которая все равно никаких решений не принимает».

Спрашиваю Игоря Наскрасова, секретаря обкома ВЛКСМ, не удивляет ли его, скажем, такой факт: ни в прессе, ни в уличных разговорах о последних событиях в городе комсомола никто не коснулся и полсловом.

— Так это радоваться надо, — искренне заулыбался секретарь по идеологии. — Исполком, обком и горком партии в городе склоняют по-разному, а нас, стало быть, нет...

Игорь с увлечением рассказывает о проведенных и запланированных обкомом мероприятиях по организации досуга комсомольцев области, об анкетировании самых разных слоев молодежи, о работе целого пленума, посвященного неформалам — рокерам и брейкерам, металлистам и волоникам, йогам и просто драчунам. В конце грустно замечает, что, мол, жаль, нет тесного контакта с «Перспективой» и Народным фронтом.

— Так нацупали бы контакт. Вышли бы в скверы, выступили на митингах...

— Легко сказать — «выступили бы», — Игорь явно раздосадован. — Во-первых, надо иметь определенную смелость выступать. Перед тобой несколько десятков тысяч человек, и они моментально осматривают любого, кто вышел просто побазарить.

— Так не базарьте...

— А во-вторых, все обвинения на митингах были не в наш адрес. Недостатки в продуктоснабжении, здравоохранении, экология, социальная несправедливость в распределении жилья и т. д., а вот комсомол не ругали...

— ...Тогда извини, — еле сдерживаю иронию. — Седьмого кто-нибудь из обкома был на площади?

— Честно говоря, особого желания участвовать в митинге у нас не было. Потом его запретили. Идти, чтобы поглазеть? Спасибо, посмотрелся. Мое мнение: нечего там было делать. Остальные ребята тоже это понимали!

Игорь на минуту задумался.

— Теперь-то понятно, — он достал пачку сигарет. — Нет, не буду... Понятно, что октябрьские события всколыхнули область, и, конечно, дивиденды заработали не мы, а наоборот. Словом, сели в лужу. Но, пойми, неформалы эти тоже хороши: создают вокруг себя эдакий ореол мучеников — слежка, погоня. Детектив да и только! Ре-во-лю-цио-не-ры! Будто бы им рот зажимают, преследуют, чуть ли телефоны не прослушивают...

Итак, восьмого актив Народного фронта во главе с «Альтернативой» выходит на экологический субботник по очистке водоемов города. Тем временем по заводам, фабрикам и вузам прокатывается волна возмущения против действий властей. Подписи, тысячи подписей. Оргкомитет НФ подает заявку на проведение демонстрации протеста: она назначена на 23 октября...

И тут...

— Мы сразу решили пойти им навстречу, — голос инструктора горкома партии А. Н. Никольского тверд и уверен. — Горком не видит причин для конфронтации и прекрасно

понимает, что процесс создания самостоятельных организаций, подобных НФ, необратим. Поэтому...

Поэтому горком КПСС обязуется:

1. Опубликовать декларацию оргкомитета НФ в одном из ноябрьских номеров партийной газеты «Волжская заря».

2. Организовать (совместно с оргкомитетом НФ) общегородской диспут по обсуждению декларации, а также проблем НФ.

Оргкомитет НФ, в свою очередь, обещал обойтись без демонстраций и забрал заявку.

...Битый час звоню по домашним телефонам членов оргкомитета НФ, но безрезультатно: одни на работе, другие, как потом выяснится, проводят политсеминары на предприятиях. Наконец, удача. Нахожу Марка Солонина и Юрия Никишина.

— Марк, обязательства соблюдены?

— Полностью. Более того, после публикации нашей декларации были опубликованы декларации сразу двух (!) новых оргкомитетов города. Так что активность растет и дискуссия предстоит серьезная.

Если летом реакция горожан на нас была весьма противоречивой, многие говорили, что, мол, неформалам делать нечего, работать они не хотят, вот и митингуют, то после Дня Конституции реакция была однозначной. Я увидел положительное отношение к своей деятельности со стороны людей, всегда крайне резко меня осуждавших. Понимаешь, произошел резкий поворот. Нам звонят, нас ищут, просят совета, благодарят за декларацию. Причем обращаются по любым житейским вопросам, многим нужна помощь...

— Марк, отметь: пошел отклик по вузам, чего долго не было...

— Я читал лекцию по бюрократизму в университете, — прошла очень бурно. В пединституте народ зашевелился. А в институте культуры вовсе — студенты провели комсомольскую конференцию, выбрали нового секретаря, подходящего им, и создали организацию — студенческий общестуденческий ревизионный комитет (сокращенно — ревком)... Что любопытно, они требуют ликвидации в общежитии комендантско-вахтенного режима с передачей ставок в распоряжение студсовета, вывода из состава совета института представителей администрации, исключения наказаний за неотработку сельхозработ и так далее...

— Юрий Александрович, ваши оппоненты (их не так уж много) считают вас крикливыми бездельниками, сеющими смуту. Чем конкретно занимается сегодня оргкомитет НФ и каковы ближайшие задачи?

— Кто-то назвал нас интеллектуальными лакеями, но, — Никишин усмехнулся в бороду, — на выкрики из-под куста мы не реагируем. Нет времени. Мы прекрасно понимаем, что тот всплеск интереса к нам необходимо отлить в организационные и содержательные формы. Нам разрешили участвовать в работе постоянных депутатских комиссий. Это большая удача. Поэтому для контакта с комиссиями мы специально отбираем активистов, причем на конкурсной основе, людей неформальных, но чтобы работали они «формально» хорошо. Создаем наши ячейки на предприятиях, по месту жительства, в вузах. Занимаемся пропагандистской деятельностью в виде лекций, политсеминаров, выпускаем журнал. В городе, скажем, две важнейшие проблемы — жилищная и экология. Так вот: мы решили провести инвентаризацию жилищного фонда города с использованием ЭВМ. В перспективе строгий контроль за распределением жилья, товаров и услуг. Экологическая работа ведется под эгидой «Альтернативы», и замыкается все это на деятельности тех же депутатских групп. Таково положение на сегодня. А задачи очевидны: до весны наработать теоретический багаж, накопить опыт, собрать под свои знамена как можно больше самостоятельно мыслящих людей, сплотиться и тогда уже выходить с серьезной платформой. Весной — выборы!..

г. Куйбышев

20

КОМНАТА

ЗАСЕДАНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Оформление
Г. Мурьшикина

Переписка «20-й комнаты».

«Бороться!»

«Комнату» читал в прошлом году очень часто, особенно ваши «20 вопросов и ответов». Даже сам написал идеалистическую ахиною. Интерес постепенно сменился удивлением и раздражением. Мне честно уже невозможно читать эти исповеди (за исключением некоторых). Дорогая редакция! Неужели вам не надоело печатать письма этих 19—20-летних мальчиков и девочек с разбитой жизнью (хотя впереди еще как минимум два таких срока!).

Посмотрите, истории почти одинаковые:

Девушки —

Она: мечтает о принце, о любви, о семье, о радости.

Он: снаружи ангел, внутри скотина и негодяй, поиграл и выбросил на помойку.

Итог: она ходит «по помойке» (то бишь по рукам): «Как страшно цепляться за веру, которой почти не осталось», и т. д., и т. п.

Мальчики —

Он: вижу — все вокруг хапают, а я чем хуже?

Родители говорят одно, делают другое.

Получил по голове и больше не суюсь.

Лично мне, да и многим, думаю, это мало что дает. Конечно, высказаться хочется... Но тогда создайте клуб «Излей душу». А я хочу (извините за эгоизм), чтобы вы давали конкретные примеры борьбы, перестройки сознания, мышления, учебы. Поездите по провинциям, пощипайте! Создайте клуб обмена опытом... Многовато все же душещипательных писем. Мне кажется, что их авторы лишь пишут и не делают ничего, чтобы изменить окружающий мир. И не потому, что не получится, а потому, что трудно и беспокойно это, а так — легко.

Одна девушка у вас спрашивает: «Я так и не решила для себя: бороться, плакать, обвинять, сдаваться?»

Бороться! Милая, дорогая девушка! БОРОТЬСЯ!

Не сидеть, не ждать. Действовать. И появятся единомышленники и друзья.

Быть пессимистом в сорок лет — грустно. В двадцать — страшно... Смотрите, сколько работы, время какое. Жить интересно, хоть и трудно. Но неужели не увлекает это? Я не понимаю.

Давайте говорить не монологами, а диалогами, спорить, дискутировать!

Я готов с любым пессимистом поспорить о жизни.

Игорь МАЛЬЦЕВ,
г. Москва

Перед тобой свободный микрофон. Говори!..

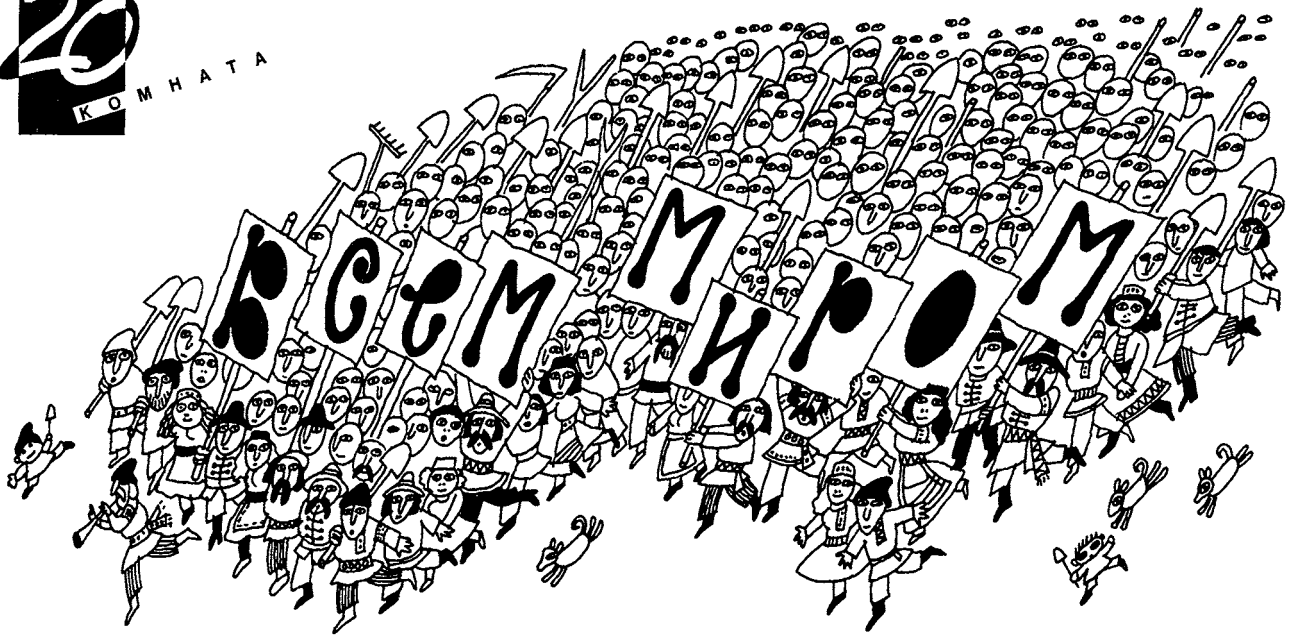
Уже почти два года минуло с тех пор, как в «20-й комнате» были заданы двадцать вопросов читателям. На редакцию сразу же обрушился поток писем-исповедей. От политических деклараций до рассказов о несчастной любви; от призывов «Верьте и боритесь!» до криков «Люди! Я гибну! Помогите!». За каждым письмом — личность со своими взглядами на мир, со своей философией... Все письма были прочтаны. Мы постарались ответить всем...

Но времена, как известно, меняются. И жизнь диктует новые вопросы.

Представь себе, что перед тобой — свободный микрофон. Твоя аудитория — все, кто слышит тебя, — три миллиона человек (столько подписчиков и читателей у «Юности»). Что ты скажешь? Твой лозунг, твоя программа? К чему люди должны прислушаться в первую очередь? Что осознать? Во что поверить?

...Подумай и напиши нам. На конверте делай пометку: «Свободный микрофон». Ждем!

По поручению «20-й комнаты»
Леля САГАРЕВА

Минскому неформальному объединению «Талака» — три года, его участники — люди разных национальностей, возраста, социального происхождения, партийности и вероисповедания. Наград не имеет. Зато неоднократно задерживалось милицией, оштрафовывалось.

Откуда это имя — «Талака»? В Белоруссии так истари называли традиционный обычай коллективной и безвозмездной помощи, когда всем миром брались за какое-то безотлагательное дело — строили хату, сельскую школу, копали колодец, осушали болото. Особенно частыми были «талаки» после пожаров, вызванных непрерывным военным лихолетьем в средневековой Белоруссии. Помогали в первую очередь вдовам, погорельцам.

Родилась «Талака» стихийно. Когда в Минске началась комплексная реставрация Троицкого предместья, единственного островка старой архитектуры, чудом сохранившегося до наших дней, сюда стали приходить люди для помощи реставраторам. Работая, они общались, знакомились друг с другом. Выяснялись общие стремления, цели. И логичным было их объединение в клуб, «шефом» которого стал Белорусский фонд культуры.

Но «стихийно» вовсе не означает «случайно».

Сами талачанс, рассказывая о создании клуба, подчеркивают, что возник он не на пустом месте. Истоки неформального движения в Минске можно найти еще в начале восьмидесятых годов. Тогда группа энтузиастов начала возрождать коляды — календарный праздник древних славян, ритуальные поздравления с наступлением зимы. Из молодежи, которая колядовала, и организовалось первое объединение «Беларуская майстроуня» (мастерская). Его участники увлекались фольклорными традициями, поставили почти забытую народную драму «Царь Максимилиан», изучали польский, литовский, эсперанто, углубляли познания в родном белорусском языке. Они и начали проводить первые акции против варварского уничтожения памятников отечественной истории. Вышедших на демонстрацию немедленно, без колебаний, забирали в милицию. Они якобы «нарушали покой» граждан, которые «безмятежно» спали под громохание чугунной бабы, разбивавшей здание, где в прошлом веке была поставлена первая национальная белорусская опера.

«Майстроуня» перестала существовать. В те застойные годы по-другому быть не могло.

После трагической гибели П. М. Машерова в республике особенно сильно развернулась борьба против всего национального. Борьба, нужно сказать, шла успешно. Вместе с забвением языка, народных традиций наступила удивительная забывчивость к событиям недавнего прошлого и радостно-мажорная склонность к лозунгам, громким фразам. Казалось, вся республика растворилась в кумаче. Фильмы о доблестных партизанах, шествия ветеранов, рапорты о трудовых победах белазовцев, солигорских химиков, о проросте беловежских зубров и увеличении производства белорусских сувениров с национальным орнаментом...

Демократизация общественной жизни вызвала в Белоруссии, как и везде, бурное появление различных неформальных объединений.

«Движение наше — явление закономерное. Потому что с ростом гражданского сознания люди обращаются к главным ценностям — языку, истории, понимают, что они звено в цепочке поколений, хранители традиций, которые, в свою очередь, передадут потомкам», — говорит один из лидеров «Талаки», преподаватель пединститута В. Вечорка.

Сама «Талака» называет себя клубом охраны памятников. Так записано в ее уставе. Цели самодельного клуба — «патриотическое, интернациональное, трудовое, эстетическое самовоспитание». Членом клуба становится только тот, кто отработал не менее пяти «талок» (то есть принял участие в добровольных субботниках по восстановлению памятников истории, археологических раскопках и т. п.). Руководитель клуба Сергей Витушко считает это требование основным: «Труд — главное. Чтобы не только языком молоть». В среднем за год каждый выходит на десять субботников. Летом раскапывали с учеными минское городище, в деревне Плебаны привели в порядок захоронения повстанцев, погибших во время восстания под предводительством Кастуся Калиновского в 1863 году. Привлек их внимание и местный костел, его хотят восстановить своими силами. Когда для создания белорусского музея народной архитектуры и быта понадобился камыш (не крыть же старые постройки современным шифером!), клуб организовал экспедицию «на болото». Резали камыш серпами, вязали в снопы...

Одной из приметных общественных акций «Талаки» стал митинг против непродуманного строительства 2-й линии метрополитена под историческим центром — Верхним городом. Минское метро прокладывалось и прокладывается преимущественно открытым способом, требующим масштабных земляных работ. При движении поездов возникают сейсмические волны вибрации, опасные для стародавних построек, а тем более для фресок соборов. Выступающие на митинге говорили о грубых просчетах в проекте станции «Немига», сооружаемой в непосредственной близости от местного кафедрального собора, бывших монастырей бернардинцев и бернардинок (XVII в.), Петропавловской церкви (1612 г.), других старинных зданий, которых в Минске и без того почти не осталось. Метростроевские работы на участке были приостановлены, место строительства станции «Немига» пересматривается. Промолчи тогда талачане — снесли бы, конечно, и собор, и церковь, и монастырь, а заодно и Музыкальный переулок, ширина проезжей части которого около средневековой стены — двум экипажам не разъехаться...

На площади Свободы стояли церковь и монастырь Святого Духа, который был поврежден гитлеровцами (за что Германия, кстати, выплатила значительную репарацию). Но в начале пятидесятых монастырь снесли. Сейчас талачане ведут борьбу за восстановление памятника, на месте которого построен пивной бар-стекляшка под лирическим названием «У ясеня».

Талачане выступают за сохранение центральной исторической части города в том виде, какой она была на рубеже прошлого — нашего столетий, превращение ее в музей-заповедник с четко сформулированным статусом.

Одна из забот «Талаки» — широкое использование белорусского языка во всех сферах жизни. Эту заботу легко понять. Языковая ситуация в республике в годы застоя считалась более чем нормальной. Издательства выпускали и выпускают книги на белорусском языке (правда, тиражи их катастрофически падают. Но кто, скажите, кроме специалистов, об этом знает?), академические многотомные словари, республиканское телевидение и радио вещают тоже на белорусском, есть академические национальные театры, а между тем в повседневной жизни, особенно в городах, белорусский язык перестал быть средством общения, начал безудержно превращаться в реликтовый — где-то на уровне мертвой латыни. Да и разве могло случиться иначе, если в целой 10-миллионной республике, по существу, не осталось белорусских школ? И «Талака» наряду с другими неформалами, Союзом писателей БССР делает многое для того, чтобы ситуация позитивно изменилась. Прежде всего сами возносят на белорусском и друзей клуба к этому призывают. Насильно, однако, собственную позицию никому не навязывают. Стараются убеждать. Убеждают, например, и родителей шестилеток, решающих, в какую школу определить своих чад, избавить их в дальнейшем от изучения белорусского языка или нет.

Талачане, кроме того, стараются возродить и почти забытые белорусские обряды, фольклорные народные праздники. Дается это непросто. «Отцы города» почти на все накладывают табу. Например, запретили разводить костры на берегу Свислочи в ночь на Ивана Купалу, мотивируя запрет ни больше ни меньше — угрозой общегородского пожара. Так и прошел праздник без костра.

Многих в Минске заставила содрогнуться правда о Куропатах — лесистой местности неподалеку от живописного микрорайона «Зеленый Луг». Оказалось, что здесь, в любимом месте отдыха многих минчан, покоились в заросших травой и лесом рвах останки тысяч и тысяч советских людей, уничтоженных кровавой сталинской мясорубкой. Об этих сатанинских злодеяниях с болью, гневно писали в газете «Літаратура і мастацтва» Зенон Позняк и Евгений Шмыгалев (публикация на эту тему была и в «Московских новостях»). Талачане предложили провести митинг памяти жертв сталинизма на месте массовых расстрелов. Официальный проходил по отретпированному сценарию перед театром оперы и балета. А самодеятельный — там, в Куропатах, где были найдены штабеля простреленных черепов. И он собрал несравненно большую аудиторию. Митинг, который вел Сергей Витушко, продолжался свыше четырех часов. И люди не расходились.

Кстати говоря, милиция и тогда наложила на клуб штраф «за нарушение общественного порядка». Но ведь о митинге было заявлено городским властям заранее и, под черкнем, в установленном порядке. Только ответа от официальных лиц вовремя не последовало. Забыли?..

На «Талаку» набросились газеты. «Эволюция политического невежества», «В чьих интересах?», «Демократия — не анархия», «Комсомол поддерживает», «Не надо спекулировать» — такими были названия статей. Статью «Эволюция политического невежества» подписали аж пять человек, перечисление званий и прочих регалий которых заняло бы весьма много места. Это Н. Дорожкин, А. Барданов, А. Филимонов, Д. Жмуровский, К. Доморад. Приведем только один пример. Так, А. Филимонов, председатель совета ветеранов войны и труда АН БССР, доктор исторических наук, Герой Советского Союза, в свое время защитил диссертацию на общественно важную тему «И. В. Сталин — организатор и руководитель печати бакинских большевиков (1907—10 гг.)». Комментарии, как говорится, излишни.

...Сегодня клуб охраны памятников «Талака» — один из центральных политклубов Минска. Заседания собирают огромную аудиторию. Но лидеры объединения не стремятся к особой массовости: далеко не все любители острых дискуссий выходят на субботники. Как сказал один из руководителей клуба: «Нам не нужно тысячной «Талаки», пусть будет тысяча «Талак». Одна ошибется — другие помогут, поправят».

Александр ЖИЛИН

С тех пор, как «20-я комната» провела первое выездное заседание в городе Касимове, с тех пор, как мы воочию столкнулись с десятками проблем, ставшими такими повседневными в провинции, стало ясно, что тема эта по крайней мере в ближайшее время не будет исчерпана.

Сегодня тему «Периферия» продолжает восьмиклассник Алексей ЗАДОРЖНЫЙ. Провинция, деревня, Россия... Не потеряны ли истоки, не обрублены ли корни, связывающие нас с огромным миром самобытной деревенской культуры, доживающей свой век в полуразрушенных селах?

Вагон — пыльный, жаркий плацкарт. Проводница недовольна, ее поджатые губы в пурпурной помаде горят, как стоп-сигнал. Чай кончился. До пункта назначения с чухонским названием Няндомы долго. Нормальные люди едут летом на юг, отдыхать. Мы едем на север, в Каргополь, работать, собирать и записывать песни, сказки, легенды, пословицы, поговорки... Мы фольклорная экспедиция.

Когда подойдишь к северной деревне, еще издали заметишь церковную маковку. Церкви укоризненно смотрят черными проемами окон. Строгие очертания куполов-свечек. Только строгость внешняя, стены у храмов деревянные, дерево — оно теплое, доброе... Входы заросли лопухами и крапивой. Внутри пустота, вороны под сводом... Разоренный иконостас выглядит более величественно и скорбно, чем с иконами. Утешает ли такая мысль? Таким ли способом следует достигать величия? Храмы реставрируют. На каждом табличка: памятник архитектуры, век, охраняется государством. Здания целы. Кто вернет им существование? Реставрацией занимается группа энтузиастов из Каргопольского краеведческого музея. Средств не хватает, настоящей мастерской нет...

А вокруг церковей — деревни. В деревнях живут старухи. Они чем-то похожи на церкви. Лица суровые, морщинистые, почти иконописные. Мозолистые руки с перекрученными венами... Это именно старухи, не «старушки». Произнесите «старушка» — сразу чудятся маленькие, злобные глазки,

сплетни, пересуды, хихиканье... Здесь живут старухи. Хранительницы фольклора.

Казалось, собирать фольклор несложно. Идем «бригадой» в два-три человека. Стучимся в избу. Открывают.

— Здравствуйте, мы приехали из Москвы, собираем старые песни, сказки, частушки...

— Здравствуйте, дорогие! Давно ждем вас!

И успевай лишь записывать.

Почему-то мним, что спеть нам старухи обязаны. Надеемся в любой избе встретит Кривополенову. Ошарашивает и слегка расхолаживает то, что на самом деле по-другому...

Стучимся. Никого — понятно, сенокос. Или — удача! — выходит на крыльцо.

— Здравствуйте, мы приехали из Москвы, собираем фольклор.

— ???

— Нам сказали, вы много старых песен знаете, частушек...

Отмахивается:

— Ой, ничего я не знаю... Лучше идите во-он в тот дом, к Ульяне, она-то знает, она песенница...

А Ульяна:

— Да я и не помню, идите к Марье...

А Марья:

— К Ольге ступайте...

Или вовсе:

— Подьте с богом...

Даже если пустили в избу, необязательно выйдешь с полным блокнотом записей. Старухи немногословны их трудно разговорить. И говорят больше о себе, о судьбе своей, а нас интересует только фольклор, «былички и заклички», и мы прислушиваемся к таким рассказам, как к неизбежному лирическому отступлению...

Но постепенно спадает нехороший охотничий азарт, и уже думается кощунственное: «Черт с ним, с фольклором!» Тут люди, живые люди. Вот одна из них. Мария Ивановна Шулепова. Нам представили ее таинственной колдуньей: «Живет за рекой и разговоры знает...» Мы переплыли реку на полугнилой лодочке и увидели три дома. Два заколочены, в третьем живет Мария Ивановна.

Я думал, такие судьбы бывают только в плохих фильмах. Вышла замуж перед самой войной. Муж ушел на фронт, она рыла окопы в Карелии; муж вернулся без ноги — а мужики в округе редкость — и стал председателем колхоза, вскоре загулял и сел в тюрьму за растрату; и опять нагрязнула беда — изба сгорела, Мария Ивановна с двумя малолетками маялась в землянке; старший сын в детстве упал с печки — и калека, другой молодым умер от желтухи, муж после тюрьмы тоже долго не жил; снова пришлось поднимать семью, да сестре помогать, да дочери...

Мария Ивановна рассказывала нам вещи сны. Они сулили лишь дурное — хорошего-то не случалось.

Меня сначала удивляло, что у всех увиденных старух мужа вернулись с фронта. Что — совпадение, счастливое везение?

Эпизод: нам показывали старинный, очень красивый, доставшийся от родителей рушник с кружевами по краям. Около кружев красными нитками вышито странное: «...О...Е...А...Я Х...АН...». Оказалось, раньше было: «БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ». А в коллективизацию пришлось убрать несколько букв...

Еще эпизод. Александра Федоровна Торокова. Пенсионерка. Живет с девяностолетней матерью, сумасшедшей. Та пенсии не получает. Существуют обе на 80 рублей.

— Бабушка, ну, а песни-то помните? В молодости, наверно, собирались на посиделки, пели?

— И-и, милый, какие посиделки, всё работали...

— Но праздники-то были?

— Да какие там праздники, все работа, работа...

Но, удивительно, старухи не озлобились, не очерствели сердцем. Парадокс: жизнь неизмеримо тяжелая, а люди радушны. Это не значит, что они лезли обниматься, напротив, некоторые и на порог не пускали сперва. Таков уж северный характер, молчаливый, строгий, недоверчивый. Но когда почувствуют: к ним с добром, — предлагают зайти, угощают чаем, пирогами, всем, что у самих есть, и поют, если могут... А ведь мы им абсолютно незнакомы. Позвать неизвестного пить чай! Нас, москвичей, подобное потрясает.

Перед такими людьми мы в вечном долгу. А долга-то они и не требуют по доброту своей. И хватит у нас совести так и жить с неоплаченным долгом?

Край здесь сказочный. Природа первозданная, на каждом шагу легенды.

Мы побывали в Александро-Ошевенском монастыре, закрытом в 30-е годы. Для Севера этот монастырь значил то же, что для Средней России Троице-Сергиева лавра.

А деревня Красная Ляга исчезла. Осталась церковь, в своем роде уникальная. В ней мирно соседствуют православный крест на куполе и языческие знаки солнца и земли на наличниках...

Районный центр Каргополь — маленький зеленый городок на Онеге. Любопытно: с XVI века не увеличилась ни площадь города, ни население.

В Каргополе много церквей, более-менее сохранившихся. Одна действующая. Квартирует артиллерийская часть. Водопровода нет. Есть книжный магазин, краеведческий музей, гипсовый монумент Ленина на площади, Октябрьский проспект, который можно перепрыгнуть...

В доме № 70 по Октябрьскому проспекту живет Вера Ивановна Шидакова. Ей 68 лет. Это замечательный человек. Очень образованная, начитанная, любознательная, интересуется всем на свете (показывала мне свой «архив»: «Вот рецепты травяных отваров... Советы для кухни... А вот хатха-йога... Вот у-шу...» — и я обалдел). Читает Замятина, Шергина, научно-приключенческую фантастику, переводы с древнекитайского и древнеяпонского. Вообще увлекается Востоком, спрашивала, можно ли в Москве достать Коран, Конфуция. Переписывалась с профессором Клюевым и студентами Пекинского университета. Занималась в стрелковом кружке, пела в городском фольклорном ансамбле. Сочиняет стихи, бережет полученную от матери бесценную рукописную книгу — сборник народных песен...

А жизнь ее не сахар. Муж бросил, детей не было. Работала всюду: на сплаве, трактористкой, на складе, на фабрике, в школе, сейчас — в библиотеке. Со здоровьем неважно...

И трагедия в том, что живет она, как в пустоте, потому что не с кем ей даже поговорить по душам, соседи презирают ее, «шибко грамотную» (но она на них не обижается!). Утешение — книги, воспоминания...

Я переписываюсь с ней. Она посылает тексты песен и разговоров из своей книги, а я лихорадочно пишу в ответ, боюсь, вдруг не успеет мое письмо, и не знаю, как буду жить, если не успеет.

В Каргополе был игрушечный промысел. Были мастера, грубовато, но выразительно лепившие из глины и весело раскрашивавшие коней, петухов, мужиков, «полканов» — русских кентавров. Теперь в городе создана игрушечная фабрика. Это уже не промысел, а поточное производство. Творчества не нужно, нужны шаблоны и план... Настоящих игрушечников осталось двое, отец и сын. Отец стар, больше не работает. Сын продолжает лепить, осознавая, что он последний и что промысел умирает...

Приводя в порядок собранные записи, я вдруг почувствовал, что без старух ни песен, ни частушек себе не представляю. На бумаге песни мертвы.

Без людей нет искусства. Поразительно то, что старухи еще помнят и поют. Жизнь будто швыряла в них камнями, изо всех сил пытаясь убить песню, но она проросла сквозь камни и распустилась, зачаровывая простой красотой.

Страшно, что никто со старухами вместе не поет... Песня проросла — и отцветает, а семена упали не в землю, на камни, и нет новых ростков...

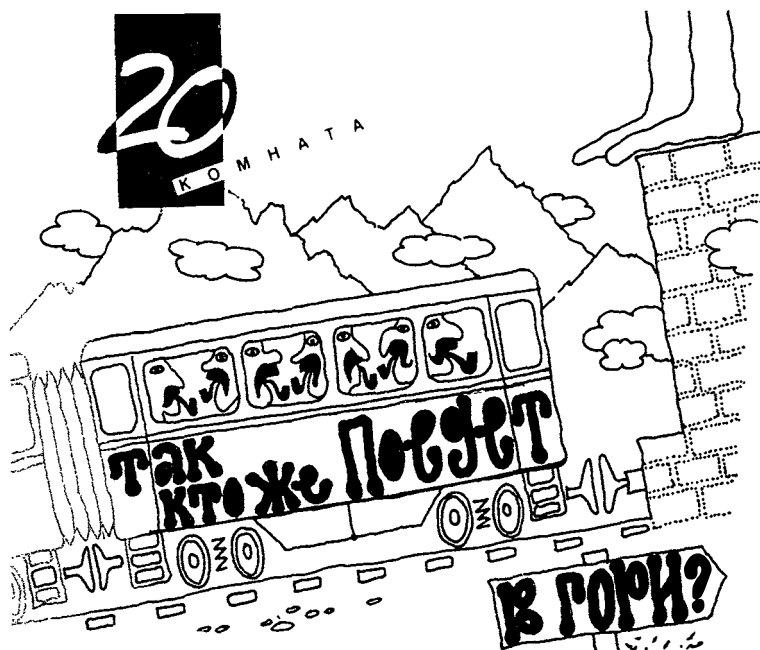
Без людей нет искусства. Значит, вместе со старухами умрет, кончится фольклор?

Фольклор жив, пока жив народ, умирают отдельные его жанры. Но почему, почему же они должны умереть?! Какая-то несправедливая предрешенность.

По утрам я ходил умываться на Онегу. Пена узорно расплывалась в воде — и тотчас бесследно пропадала в неторопливом течении ничего не заметившей реки...

Так и наша экспедиция. Скользнула, пронеслась мимо людского горя, мимо затаихающих песен... Нет, неделей не обойтись. Годами разрушали — и потребуются годы Возрождения, подлинного Возрождения Руси. Надо что-то делать.

По небу седыми космами разметались перья облака. И я понял: надо сюда возвращаться. Но мучает сомнение: вернемся ли мы?

Сталинщина: яснее причины и следствия. Но далеко еще не полон перечень всех преступлений режима. Рассеяны по безымянным могилам, по останкам колымских, вятских, мордовских лагерей, по тюрьмам и этапам, по ведомственным архивам, на которых амбарный замок, точные цифры жертв. С географических карт страны до сих пор не выведены фамилии Жданова, Ворошилова, Калинина...

Знаем, какими методами выколачивали следователи показания из арестованных — угрозами, пытками, избиениями. Но сидит же в какой-нибудь теплой многокомнатной квартире поседвший пенсионер, бывший кадровый работник НКВД, любитель ночных допросов «с пристрастием», держит на коленях нашалившего внука и внушает ему: «Не балуйся, слушайся маму, никогда не лги!» И приводит в пример себя. И пользуется ветеранскими льготами (не крови жажду, а нравственного самоосуждения!). А сотни бывших репрессированных доживают свой изломанный век в коммуналках на крошечные пенсии. Некоторые из них вообще не подавали на реабилитацию из-за сложности и забюрократизированности процедуры.

Слышнее голоса, различимее лица тех, кого расстреливали, пытались стереть в «лагерную пыль». Но, согласитесь, большинство журнальных и газетных публикаций о тех, кто оставил сколько-нибудь заметный след в истории (известные партийные деятели, ученые, писатели и т. д.). А что мы знаем о рядовых, обыкновенных советских гражданах — крестьянах, инженерах, студентах, партийцах низового звена, попавших под железный каток репрессий? Очень многие родственники жертв сталинского террора до сих пор не ведают, где могилы их отцов, матерей, сестер и братьев, когда они были расстреляны, какова формула приговора.

Больно читать некоторые письма, пришедшие в ответ на заметку об организации «юных сталинистов» («Юность» № 6, 1988 г.). В одних откровенно приветствуется деятельность «Орлят Сталина» (С. Фомина из Рязани, Афанасьева из Москвы). Другие требуют оставить Сталина в покое, переключиться на другие, более злободневные темы (О. Кузнецова из Киева, В. Лакоя из Кишинева). Кроме аргумента «...родившаяся в середине 60-х, не знавшая всех тягот и радостей жизни той эпохи, не имею права ни осуждать, ни оправдывать Сталина» (С. Астафьева, Ленинград), выдвигается и следующий: «сталинская тема» приелась, намозолила глаза, хватит, всем уже все ясно с прошлым.

Что ясно далеко не всем, меня убедила пачка писем от «сталинистов», и молодых, и в средних летах. Почитайте и сделайте вывод для себя: так ли уж обеззубела сталинщина и ее воздыхатели?

«Вы напечатали статью А. Малюгина о некой организации «юных сталинистов». В принципе это положительное явление, хотя их позиция вызывает иронию вследствие идейно-политической малограмотности. По существу, их позиция — это реакция на лжесторические публикации, массированно хлынувшие в прессу.

При этом гласность (хотя какая уж там гласность, если в прессе печатают только статьи с антисоциалистическим, буржуазным уклоном, а отповедь им не публикуется) выявила заметное идейно-политическое невежество очень многих журналистов, которого не видно было в период «застоя»

из-за шаблонности статей. В этом отличие многих журналистов от правых, буржуазных публицистов эсеро-меньшевистского направления. Таких, как Ю. Афанасьев, Шмелев, Попов, Лисичкин, Селюнин, Нуйкин, Бурлацкий и многие другие, которые, зная, что есть социализм, отвергают его. В застойные годы у нас образовался довольно заметный слой буржуазной интеллигенции, жаждущей ныне превращения социалистической перестройки в буржуазный термидор.

Но вернемся к статье. Конечно же, ребята не правы в том, что у нас не было безвинно репрессированных, следовало бы сказать иначе, что большинство репрессированных, несомненно, виновны. В том числе и немалое количество «реабилитированных». Вряд ли можно считать невинным монархиста Солженицына, правого оппортуниста Рютина или Бухарина — «генерала Власова» периода строительства социализма. В связи с этим нельзя не указать на такую глупость, как непродуманное решение о строительстве Мемориала, посвященного репрессированным. Этот памятник белогвардейцам, петлюровцам, кулакам, буржуазным саботажникам из интеллигенции, власовцам и регентам всех мастей является по существу преступлением против памяти большевиков, погибших за революцию в сражениях гражданской войны, против памяти миллионов советских людей, погибших при защите социалистической Родины в Великой Отечественной. (В семье автора этих строк были безвинно репрессированные, которые впоследствии полностью реабилитированы.)

«Аутодафе», которому подвергают эти юноши журналы с произведениями типа романа А. Рыбакова, — ребячество. Они не понимают пока, что дело в более глубинных процессах классовой и политической борьбы. Но прозрение со временем придет. Павок Корчагиных и Павликов Морозовых родит сама жизнь. «Сталь» закалится в борьбе за справедливость. Наше время формирует не только «неформалов» типа «рокеров», неофашистов, «металлистов» и прочую пену, но и большевиков» (В. Захарченко, 38 лет, Киевская область).

«...Сейчас мне очень неприятно читать и слушать, как всё валят на этого человека, который сделал для страны ничуть не меньше, чем Ленин. Именно во время правления Сталина шло такое быстрое экономическое развитие Союза, и он был признан многими капиталистическими державами. Пусть всё происходило благодаря железной дисциплине, страху за ответственность, но разве не этого нам сейчас так не хватает?

Неужели необходимо так досконально копаться в истории, чтобы выяснять, чем занималась жена Сталина и отчего она умерла? Разве мы не осуждаем тех, кто копаются в личной жизни известных людей?..

...Еще очень интересно узнать одну вещь. Сейчас многие пишут, что XX съезд раскрыл им глаза на деятельность Сталина. Но ведь это только слова! Что чувствовали люди, которые шли с именем Сталина в смертельные атаки, беспредельно верили ему, «как, может быть, не верили себе»?

Неужели человек, который был для них всем, после нескольких слов стал ничем?» (А. Д., 17 лет, Ленинград).

«...В статье «Кто поедет в Гори?» вы рассказали об организации молодых людей, которая борется с потоком клеветы, который льется на Иосифа Виссарионовича. Я думаю, они делают правильное дело. И зря все-таки Малюгину не врезал Лука. Я считаю правильными его рассуждения, а вы хотите возродить нэп, и так принесший много горя и бед народу в двадцатом. Я живу в другом городе, к сожалению, а то бы я сразу вступил бы в организацию. «Покаяние» давно уже пора снять с проката и уничтожить. Несколько человек из моего класса тоже бы вступили в организацию.

Да здравствует товарищ Сталин!

Долой врагов народа Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Камнева и др.!

Долой нэп 80-х!» (М. И., Казань).

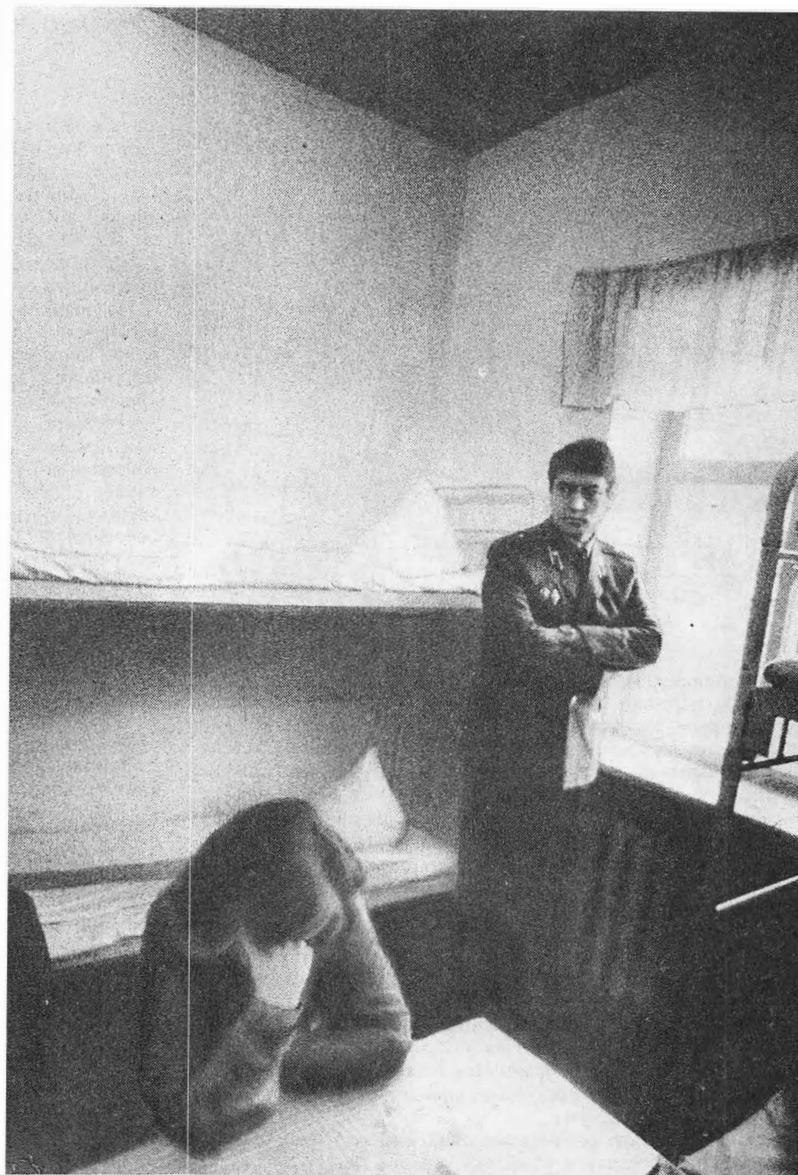
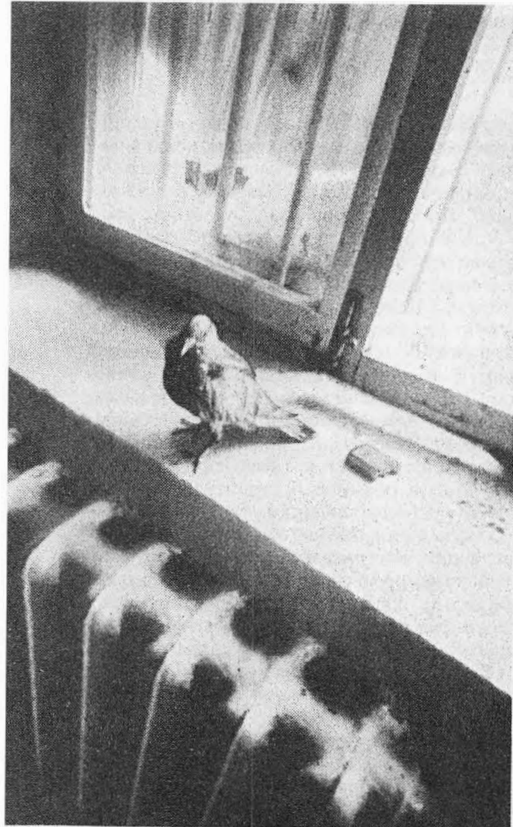
...Я не ожидал, честно говоря, что почта на заметку о «юных сталинистах» разделится примерно пятьдесят на пятьдесят, думал, хлынет поток осуждения приверженцев «геня всех времен и народов».

Держу в руках письма «в защиту». Наскучившая тема? Но что делать с ними, с анонимными и неанонимными авторами этих посланий?

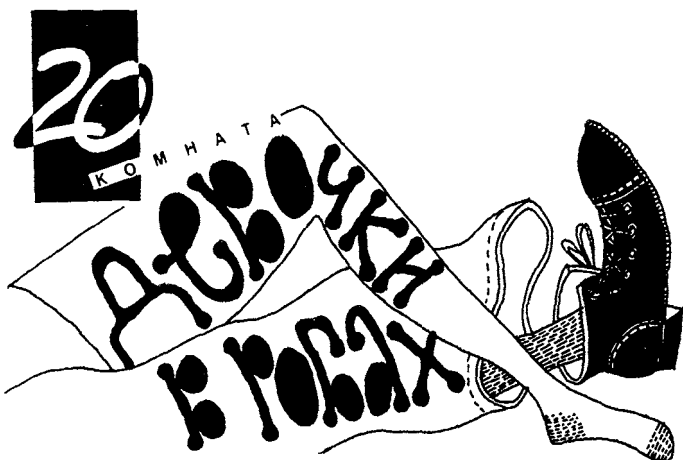
В Китае существует такая поговорка: учиться — то же самое что плыть против течения реки, стоит на несколько минут отпустить весла — и тебя отнесет назад.

Видимо, разоблачение сталинщины попадает в категорию «вечных» тем.

АЛЕКСАНДР МАЛЮГИН

В мелитопольской женской колонии уже год как жизнь идет по непрерывной для подобных заведений программе «Гуманизация». Основное в программе — желание изменить установившийся еще в незапамятные времена порядок жизни «зоны». Наши корреспонденты Владимир Павленко и Николай Шенгулин побывали в этой колонии и сделали вот такие снимки.

Кто-то сказал, что на свете нет ничего страшнее, чем женские тюрьмы и женские колонии. Неправда, есть. Это колонии, где отбывают наказание девочки-подростки. О них — беседа нашего корреспондента с Натальей ЕРМАКОВОЙ, кандидатом педагогических наук, старшим научным сотрудником НИИ общих проблем воспитания АПН СССР.

КОРР.: Наташа, вы работали в колонии для несовершеннолетних, проводили там социологические исследования. Чем отличаются воспитанницы колоний от своих «домашних» сверстниц?

Н. Е.: На первый взгляд это самые обычные девочки, слово «преступницы» с ними не вяжется — симпатичные, улыбочивые, мечтают о любви, о семье, хотят быть красивыми, даже делают тени из побелки — вечерний макияж. Но в свои 14—17 лет они столько пережили, так много повидали, что не у всякого пожилого человека есть такой страшный жизненный опыт. Это девочки из очень тяжелых, часто пьющих семей, воспитанные в грубости, привыкшие к унижениям. Обделенные лаской, они очень эмоциональны, ранимы, влюбляются друг в друга, в воспитательниц, могут подойти, положить голову на плечо, поцеловать. Характерная деталь — целуют только в плечо или в руку, считают, что ими брезгуют. Сами себе кажутся второсортными и прощальными. У них отсутствует правильная самооценка, она либо завышена («Я и так проживу!»), либо занижена («Я падшая!»). Мы пытались помочь девочкам осознать себя, определить свою жизнь после освобождения. Вообще психолог в колонии для несовершеннолетних необходим, так же как и сексопатолог, и хороший врач-терапевт, ведь там живут девочки с психическими и сексуальными отклонениями, повышенной нервозностью, к ним нужен особый подход, особое внимание и забота. Большинство воспитанниц ощущают себя несчастными и обделенными, считают, что их осудили неправильно, что приговор был слишком жесток. В этом есть доля истины, ведь некому было за них «хлопотать», никто не искал хорошего адвоката, никто не пытался разобраться в их сложной судьбе. Так возникает ненависть к обществу, негативное отношение к органам власти, озлобленность.

КОРР.: Колония для несовершеннолетних называется воспитательно-трудовой. Она действительно воспитывает?

Н. Е.: Нет. Она, если можно так выразиться, не лечит, а калечит. Вся система «воспитательных мер» направлена на то, чтобы приспособить человека к экстремальным условиям жизни в колонии. И девочки «привыкают», постепенно адаптируются, начинают считать это нормой и уже хотят попасть во «взрослую зону» — «романтика» тюрьмы проникает в их сердца.

Попробуйте на минуту представить себе эту «романтику»: колония почти наголо стриженных девочек в синих из грубого сукна платях и темных косынках марширует по плацу под бодрую музыку сталинских времен, что-то типа «Нам песня строить и жить помогает». Жуткое зрелище! Это строевая подготовка. Попробуйте увидеть еще гнилую картошку и тухлую селедку в железной миске — на тридцать семь копеек в день не приготовишь деликатесов. Конечно, колония не санаторий с усиленным питанием, но так ли уж необходимо наказание голодом? Ведь эти девочки и дома редко досыта ели, и организм у них еще находится в процессе формирования. Не секрет, что многие выходят на свободу не только с чистой совестью и искалеченной судьбой, но и с надорванным здоровьем. Это официальная жизнь колонии. Есть еще другая — теневая, скрытая от глаз постороннего человека. Там действуют «шншкарн» и «шестерки», там делают татуировки на веках «Спи спокойно!» и бьют по ночам непокорных, там ложками «откупоривают» девствен-

ниц и занимаются лесбиянством. Об этом прекрасно знает и начальство колонии, но предпочитает «не вмешиваться». **КОРР.:** Макаренко писал, что перевоспитать девочек, «побывавших в руках», очень трудно, почти невозможно. Что их может спасти?

Н. Е.: Я не знаю. Говорят, что женщин спасет только материнство. Но многие из воспитанниц колонии уже имеют детей. Сейчас их малыши растут у дальних родственников, в детдомах — такие же обездоленные и одинокие, как их юные мамы. Это — страшное материнство. Вот в таких семьях живут эти девочки. Туда же они возвращаются после отбытия срока — никому не нужные, с клеймом преступниц, фактически без профессии. Вполне понятно, сразу идут в свою старую компанию, где их и накормят, и напоят, и одежду дадут, и просто приласкают. И снова начинает крутиться эта страшная карусель, до следующей остановки.

КОРР.: Наташа, вы сказали «без профессии». Но ведь воспитанницы приобретают в колонии какие-то специальности?

Н. Е.: Да, но труд в колонии является наказанием. Это самое страшное, когда труд несвободен. В результате формируется ненависть к труду. Для подростков, побывавших здесь, он вряд ли когда-нибудь станет жизненной потребностью. Профессии, получаемые воспитанницами, не требуют ни умственных затрат, ни высокой квалификации, ни особых навыков. Например, «швей-мотористки» делают простыни для армии — три полотна сшиваются в одно. Конечно, с такой профессией после колонии трудно будет найти работу.

КОРР.: Как же тогда планируют воспитанницы колонии свою дальнейшую жизнь после освобождения?

Н. Е.: Никак. У них нет надежды и веры, нет жизненных планов. Они совершенно не представляют, что будут делать после выхода из колонии. «Перевоспитание» дает свои плоды: девочки привыкают к колонии, начинают считать ее родным домом и уже не мыслят себя в иной обстановке. Единственное желание — наесться, одеться, отоспаться. Это говорит о том, что колония сейчас не выполняет свою главную функцию — перевоспитания и подготовки подростков к свободной, честной жизни. Может быть, поэтому возникла идея создания социально-реабилитационных центров с более мягкими условиями содержания, где воспитанники колоний могли бы подготовиться к жизни «на воле», получить хорошую, высококвалифицированную специальность. Очень важно сформировать механизм социальной защищенности бывших осужденных, без этого наши слова о создании правового государства останутся лишь пустым звуком. Общество не должно гнать от себя этих юных девочек с поманнскими судьбами, на них еще рано ставить клеймо преступниц. Ведь часть вины за их проступки и преступления лежит на наших плечах. И наш долг — помочь им обрести уверенность в себе, найти свое место в этом огромном мире.

КОРР.: Правомерно ли сейчас говорить о возможности ликвидации такого института, как колонии для несовершеннолетних?

Н. Е.: В ближайшее время социологи прогнозируют рост подростковой преступности. Казанские группировки, любера, рэкет, наркомания, фарцовка — это, к сожалению, не бред воспаленного воображения. Так что вряд ли в обозримом будущем общество сможет обойтись вообще без колоний для несовершеннолетних. Но их число можно резко сократить, например, путем создания тех же самых социально-реабилитационных центров. И, конечно же, должна быть сформирована система ранней профилактики преступлений. В США сейчас на каждого новорожденного в районной школе заводятся психофизиологическая карта, в которой указываются условия жизни, генотип семьи, наследственные болезни. В три года малыша снова осматривают психологи и, если он отстает в развитии, помещают в группу выравнивания, и к пяти годам (времени поступления в школу) он уже не отличается от сверстников из нормальных семей. Учителя же получают карту с рекомендациями психологов и врачей, заранее знают характер и особенности развития ребенка, и им не приходится искать этот пресловутый «ключик», он уже найден. Результат — за последние годы в США сократилась преступность среди несовершеннолетних.

Мы должны идти к этому. Мы должны наконец научиться строить, чтобы не приходилось ломать. Слишком велика бывает цена наших ошибок.

Беседу вела Инна ЛЕЩИНЕР

«Фонд реставрации»

«Уважаемая «20-я комната»!

Откликаясь на призыв 9-го номера «Юности» за 1988 год, вам представляется молодежная инициативная группа «Архип и К^о», г. Москва. Название группы включает в себе основное направление нашей деятельности — Архитектурные памятники и культура. Цель группы — конкретные дела по восстановлению частично утраченных, композиционно уничтоженных, но существующих в искаженном виде многих объектов старой Москвы, в том числе и тех из них, которые не являются непосредственно памятниками архитектуры, но принадлежат определенному культурному периоду исторического формирования города.

Целью группы также является возвращение к жизни имен незаслуженно забытых талантливых зодчих, художников, скульпторов, возвращение на московские улицы и площади скульптур, некогда украшавших город.

В наши ближайшие планы входит пропаганда истории московских улиц путем оформления своеобразных мемориальных досок с кратким изложением истории заповедных улиц, наиболее интересных зданий и сооружений.

Наша группа летом 1988 года принимала участие в установке надгробного памятника Казимиру Малевичу в подмосковной Немчиновке.

Эмблемой группы является признанный во всем мире символ, предложенный Н. Рерихом, — три пурпурно-красных круга, заключенных в кольцо, что символизирует неразрывную связь прошлого, настоящего и будущего.

«Знамя культуры пусть развеивается над каждым культурным очагом. Оно повелительно скажет вандалам: «Не тронь — здесь всенародное достояние!» «Мир через культуру». Н. Рерих.

Группа «Архип и К^о» полностью поддерживает ваше начинание «Фонд реставрации старой Москвы», но мы думаем, что дело сохранения нашего культурного наследия — дело общенациональное и достойно самого широкого размаха вне рамок города, области, республики.

Мы будем рады всем увлеченным людям, разделяющим наши взгляды.

*Елена ГРЕБЕННИКОВА,
Игорь БЕЛОВ».*

«В номере 9 за 1988 год прочитала ваш призыв к участию в реставрации старой Москвы. Писатель Достоевский сказал: «Красота спасет мир». Так пусть посланные мною и дочкой сорок рублей пойдут на реставрацию нескольких «черепичек» куполов загубленной красоты.

О себе сообщаю: я инженер-теплоэнергетик, проработала четверть века преподавателем Кинешемского химико-технологического техникума. Двенадцать лет как на пенсии. Ветеран труда. С миром связь не прерываю — работаю общественным корреспондентом районной газеты «Приволжская правда» и областной газеты «Рабочий край». Все гонорары, получаемые за очерки и заметки, вношу в Фонд мира. Награждена значком «Активист Советского Фонда мира».

Доброго пути Фонду реставрации на славные дела!
С уважением

*Антонина КАРПОВА
г. Кинешма Ивановской области».*

«В нашем полку прибыло», — подумали мы в «20-й комнате», когда к нам пришло приглашение на благотворительный вечер в московский Центр международной торговли. Агентство «АРТА» совместно с комитетом ВЛКСМ ЦМТ организовали концерт в Фонд реставрации старой Москвы. Счет Фонда № 609110 пополнился еще 3500 рублями.

Что примечательно, в концерте, кроме советских артистов — группы «Джокер», певцов Ирины Отисовой и Сергея Пенкина, — выступали и зарубежные рок-группы: итальянские «Авион Трэвел» (кстати, она лауреат этого года в Сан-Ремо) и «Ким Скуад» (участник телемоста Европа — Рим — Лос-Анджелес) и американская группа «Тин Уайт Роп».

Мы от имени Фонда реставрации благодарим за помощь всех участников этого благотворительного концерта, особенно зарубежных, так как у них был всего вечер перед гастролями в Тбилиси и Прибалтике. Большая заслуга в том — директора «АРТА» Валерия Курашова.

Елена Сивалева, ответственная за культурно-массовый сектор в комитете ВЛКСМ ЦМТ, от имени комсомольцев предложила вариант использования средств из Фонда реставрации:

— Неподалеку от нашей работы находится старинный парк-усадьба «Студенец», от которого сегодня осталось лишь одно название. Мы хотим восстановить «Студенец». Что касается нашей молодежи, мы можем провести в парке несколько субботников, а от Фонда мы просим помощи профессионалов-реставраторов.

Анатолий КАРПОВ

«ПЕРЕСТРОЙКА — ЭТО БОРЬБА И ДЕЙСТВИЕ»

Кропоткинская, 10... Небольшое двухэтажное здание в центре Москвы. Каждый день из разных городов и стран приходит сюда огромное количество переводов и писем. Во многих из них есть такие слова: «Прошу принять мой вклад в Фонд мира...»

С чего начинался Советский фонд мира — одна из крупнейших общественных организаций страны? Каков его статус сегодня? Как и на что расходуются его средства? С этими вопросами мы обратились к председателю правления Советского фонда мира Анатолию КАРПОВУ.

— В пятидесятые годы, когда начало разворачиваться движение сторонников мира, многие люди стали присылать в Советский комитет защиты мира и в другие общественные организации денежные переводы. С каждым годом денег стало поступать все больше. Понадобился строгий учет и контроль над расходованием средств. И вот в 1961 году на собрании представителей десяти общественных организаций был учрежден Фонд мира. Бессменный председатель правления Фонда мира в течение многих лет его существования бывший главный редактор журнала «Юность» Борис Полевой говорил: «Фонд — это не только «копилка мира», наполняющаяся рублями или долларами, это также хранилище всех самых лучших человеческих чувств и стремлений: добра, щедрости, всеотзывчивости. Словом, Фонд мира — это и зер-

кало души советского человека». С этими словами трудно не согласиться.

Когда меня выбрали председателем правления Советского фонда мира, я воспринял это как высокое доверие советской общественности и вот уже семь лет выполняю эту почетную миссию.

Я привык много работать и в том вижу радость и смысл жизни. Свободного времени почти не остается. Но то время, которое я отдаю деятельности Советского фонда мира (на общественных началах, разумеется), приносит мне большое удовлетворение и сознание выполненного долга перед общественностью, перед народом, наконец.

— Фонд мира — это поистине массовая организация?

— Конечно, сегодня в фонде участвуют около 100 миллионов человек. В прошлом году на его счет поступило 201,6 миллиона рублей добровольных взносов.

— Как же расходуются такие огромные суммы?

— Они расходуются сообразно наказам людей, пополняющих Фонд мира. Фонд финансирует миротворческую деятельность семнадцати общественных организаций: Советского комитета защиты мира, Комитета советских женщин, Советского комитета ветеранов войны, Ассоциации содействия ООН в СССР, Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество, советских ассоциаций «Мир — детям мира», «Экология и мир» и других.

Средства Фонда мира используются на развитие международных связей советской миролюбивой общественности, проведение конгрессов, конференций, семинаров, организацию маршей, походов и круизов мира, других антивоенных мероприятий. Вот хотя бы недавно при финансовом содействии фонда проведены: советско-американская конференция «Новое мышление в ядерный век — социальные изобретения для третьего тысячелетия»; 38-я Пагуошская конференция ученых на тему «Глобальные проблемы и всеобщая безопасность»; 5-я информационная встреча представителей антивоенных организаций и движений; встреча в Вене генералов и адмиралов в отставке из стран НАТО и Варшавского Договора; Международный круиз мира по Днепру; регата мира на Балтийском море — список длинен... И это далеко не все грани. Сейчас мы стараемся активной поддерживать все направления народной дипломатии, молодежные и детские международные связи и контакты на безвалютной основе. Мы финансировали участие советских детей в поездке мира по Канаде. В США ежегодно направляется тысяча советских юношей и девушек. Финансирование этих обменов также осуществляет фонд.

Часть средств расходуется на выпуск книг, кинофильмов, брошюр по проблемам мира и разоружения.

Гуманитарная помощь народам Анголы, Эфиопии, Мозамбика, Вьетнама, Намибии и других стран, пострадавших от войн и агрессий; помощь беженцам, возвращающимся в Афганистан, многострадальному народу Палестины — это все на счету фонда. Осенью минувшего года в Никарагуа от наших берегов ушел «Корабль солидарности» с грузами для населения, пострадавшего от тропического урагана, и рождественскими подарками для никарагуанских детей. Акция проведена также при нашей поддержке.

Среди наших программ и такие, как программа «Через культурный диалог и сотрудничество — к взаимопониманию и миру» (совместно с Советским фондом культуры); участие в реализации Национальной программы конверсии, включая использование средств Фонда мира для решения социальных проблем, связанных с намечаемым переводом ряда военных предприятий на гражданское производство; создание совместно со Всесоюзным советом ветеранов войны и труда Всесоюзной книги «Память», куда будут занесены имена всех советских людей, погибших в годы Великой Отечественной войны; выделение средств на сооружение памятников жертвам фашизма; оказание материальной помощи населению районов нашей страны, пострадавших от стихийных бедствий...

Фонд мира активно участвует в реализации ряда социальных программ, направленных на улучшение условий жизни, здоровья советских людей. Крупные суммы выделяем детским домам, на строительство и оборудование госпиталей для ветеранов войны, создание отделений социальной помощи на дому, расширение патронажной службы для оказания помощи инвалидам, солдатским вдовам, одиноким престарелым людям.

Могу сказать, что на содержание штатного аппарата из добровольных средств, поступивших в Фонд мира, не используется ни одного рубля. Зарплата штатных сотрудников

начисляется от сумм, образующихся за счет нашей собственной финансово-экономической деятельности.

И еще один существенный момент хочу подчеркнуть: всю нашу финансовую деятельность контролирует ревизионная комиссия, которая правлению не подчиняется и отчитывается только перед конференцией Советского фонда мира.

— *Анатолий Евгеньевич, перебирая почту фонда, заметила, что большинство переводов и писем — от людей пожилого возраста. А много ли вкладов в Фонд мира от молодежи?*

— Дети, школьники — наши постоянные вкладчики. Похвально, когда они зарабатывают эти деньги собственным трудом — в летних трудовых лагерях, на субботниках, производственной практике. Во многих школах есть традиция: ярмарки солидарности, базары или аукционы по продаже сувениров, изготовленных самими ребятами. Сборы от таких ярмарок, спектаклей в школах, дискотек часто присылаются в Фонд мира. Вот одно из таких писем из города Рудного Кустанайской области: «Наш Клуб интернациональной дружбы во Дворце пионеров в течение многих лет участвует в пополнении Фонда мира. Суммы, которые мы перечисляем, конечно, маленькие. Но мы не хотим войны и делаем все в защиту мира: устраиваем ярмарки солидарности, собираем подписи, рисуем о мире и дружбе, проводим встречи с ветеранами войны. Мы все за мир!»

Денежные переводы часто поступают от известных советских деятелей искусства, культуры, науки. Они перечисляют в Фонд мира свои гонорары за опубликованные книги, премии. Многие актеры, певцы устраивают благотворительные концерты, средства от которых перечисляют на счет в Фонд мира.

Участвуют в фонде и многие иностранные гости страны, и наши соотечественники, живущие за рубежом.

— *Анатолий Евгеньевич, вы возглавляете Фонд мира с 1982 года. За это время в стране произошли большие изменения. Отразились ли они на работе фонда?*

— Да, конечно. Демократизация всех сторон общественной жизни, гласность оказали воздействие и на деятельность фонда. Мы развиваем наши общественные институты, расширяем права местных организаций, усиливаем роль гуманитарного фактора в нашей работе. Вот уже второй год мы публикуем в печати информацию о сумме поступлений и расходовании средств.

Но не всегда это удается сделать оперативно и полно. Ведь Советский фонд мира — чуть ли не единственная в стране общественная организация такого масштаба, которая не имеет своего собственного печатного органа. Несмотря на это, мы стараемся через средства массовой информации отчитываться о своей работе перед вкладчиками, как можно шире представить панораму нашей деятельности.

— *А сколько человек работает в фонде?*

— В аппарате правления СФМ и Московского городского отделения — 27 штатных сотрудников. Но я с благодарностью думаю об активистах-общественниках. Без них наша организация не могла бы существовать. Фонд имеет в стране около 350 тысяч комиссий содействия и более 4 миллионов активистов-общественников.

— *В письмах и переводах людей, особенно в последнее время, множество пожеланий передать средства в помощь воинам-интернационалистам, получившим тяжелые ранения в Афганистане.*

— В прошедшем году фонд выделил 12 миллионов для строительства госпиталя в Алма-Ате и 20 миллионов рублей на перепрофилирование четырех здравниц и создание двух центров медико-социальной реабилитации для воинов-интернационалистов. Это будут центры совершенно нового типа, оснащенные современным медицинским оборудованием. Здесь человек сможет вернуть к жизни, деятельной и нужной, помогут получить различные профессиональные навыки с учетом специфических особенностей каждого. Идея создания таких центров принадлежала нашим вкладчикам.

— *Анатолий Евгеньевич, согласитесь, все идеи, связанные с «афганцами», стали появляться только недавно. Почему в предыдущие годы воинам, вернувшимся из Афганистана инвалидами, людьми, пострадавшими не только физически, но и морально, не помогали в таком объеме? Афганистан был «закрытой» темой?*

— Об этом уже много писалось в печати. Что касается Фонда мира, то до недавнего времени мы вообще не участвовали в решении социальных вопросов внутри страны. Это новое направление в нашей деятельности. Я уже говорил, что инициативы Фонда мира рождаются самим народом. Но

так как об этом не говорили, то люди не знали главного — масштабов потерь, связанных с Афганистаном. Тема действительно была закрыта. Очень много молодых жизней осталось на афганской земле. И говорить об этом сейчас и горько, и больно. В мирное время такие потери непонятны ни разумом, ни сердцем.

— *Анатолий Евгеньевич, как известно, журнал «Юность» и Управление госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры Москвы учредили Фонд реставрации старой Москвы. Примет ли участие в его деятельности Фонд мира?*

— Уверен, что Фонд реставрации старой Москвы станет своеобразным центром познания истории архитектуры, зодчества. Необходим тщательный отбор архитекторов, которые займутся восстановлением и реставрацией уникальных сооружений, которых так много в Москве.

— *С этим пока очень сложно. Практически ни в одном институте, за исключением МАРХИ, нет специальных факультетов или отделений, которые бы готовили именно реставраторов. Или становятся большей частью либо живописцы, скульпторы, архитекторы, либо просто способные самоучки. Сейчас появились кооперативы по реставрационным работам, заключающие с фондами или организациями контракты на выполнение необходимых работ.*

— Кооперативы — это хорошо. Но кто может ручаться за профессионализм и качество их работы? Думаю, все же здесь необходимо специальное образование. Мы так много говорим о реставрации уникальных построек прошлых столетий, усадеб, домов, церквей, что стоило бы, на мой взгляд, действительно серьезно заняться подготовкой специалистов на государственном уровне. Ведь это же наша с вами история. Это наша Москва. Душа наша.

— *Вы часто бываете за рубежом. Есть ли в других странах подобные фонды, которые занимаются восстановлением старых зданий, связанных с историей города и народа, представляющих архитектурную ценность?*

— Конечно, эти проблемы есть во всем мире. Правда, в капиталистических странах многие дома и постройки являются собственностью владельцев, которые сами следят за их состоянием. Если же человек арендует то или иное помещение, значит, тем самым обязуется сохранять его в должном порядке. Например, в Голландии есть закон, по которому ни при каких обстоятельствах не разрешается изменять внешний облик здания. Дом ли, собор ли, флигель — вы можете только перестроить все внутри. Внешний вид здания всегда остается воплощением фантазии архитектора, по проектам которого оно было построено. Конечно, когда здание принадлежит государству, дело обстоит сложнее. Поэтому во многих странах имеются специальные фонды, которые финансируют необходимые реставрационные работы. Правда, конкретно с ними я не знаком.

— *Анатолий Евгеньевич, каждое молодое поколение приобретает свойственные только ему, обусловленные временем эпитеты. Как-то «скуучающие эгоисты» эпохи Онегина, «декаденты» конца XIX века, «эстетствующее поколение» первой мировой войны и так далее. Какой представляется вам молодежь сегодня?*

— Многие говорят: сейчас — счастливое время для молодых людей. Простор для творчества. Свобода выбора. Гласность... Все верно. Но нельзя забывать, что молодежь пережила перелом в сознании. На их глазах рушились идеалы. Люди, которым вчера верили, оказывается, были преступниками, ворами. Жизнь вдруг предстала в иных красках. Советский человек был закомплексован. Идеалы провозглашались, а жизнь проходила по другой схеме. И если раньше большинство людей хотели прожить жизнь как можно тише и незаметнее, то теперь молодежь хочет как можно скорее выразить себя. И ярче. Жаль, что они считают себя обделенными благами, не думая порой о том, что старшее поколение, быть может, обделено вдвойне: в молодости и сейчас.

Если говорить общими формулами, то нынешнее поколение не признает компромиссов и мало кому доверяет целиком. Довольно эгоистично, порой цинично, но учится думать по-новому, работать по-настоящему, когда сочтет необходимым. Одной фразой я сказал бы так: это стремительное поколение.

— *Как вы относитесь к средствам массовой информации?*

— Читаю в основном «по рекомендациям». Много работаю, а газеты и журналы сейчас стали «необъятными».

Много острых материалов. Но мне кажется, что некоторые газеты часто играют в сенсационность, подражая западной «желтой» прессе. Публикуются непроверенные факты, необоснованно полочутся имена. У читателей серьезное отношение к прессе. Ей верят. Но авторитет честного издания потерять легко. Факты могут не подтвердиться. А имя человека уже упомянуто. И трудно, практически невозможно «отмыться».

Или вот пример, связанный с деятельностью Фонда мира: мы часто предлагаем прессе материалы о расходовании средств СФМ — ведь многие советские люди сетуют на отсутствие гласности в этом вопросе, — а некоторые газеты, вместо того чтобы печатать эти материалы, публикуют заметки или письма читателей о том, что деятельность Фонда мира, дескать, окружена тайной. Мне кажется, это просто погоня за дешевой сенсацией. А если ее не получается, то остается как бы намек на то, что сенсация могла бы быть.

Несколько слов о шахматной прессе. Она стала откровенно злобствующей. Вместо того чтобы пропагандировать шахматы, их красоту, газеты проявляют нездоровый интерес к моим отношениям с Гарри Каспаровым. Стараются представить их с негативной стороны.

— Вы читаете «Юность»?

— Раньше, когда у меня было больше свободного времени, я прочитывал этот журнал от корки до корки, каждый номер.

— Что бы вам хотелось увидеть на наших страницах?

— Это вопрос скорее о том, что меня наиболее волнует... История России! Она необыкновенно интересна. Она удивительна и замечательна. Приложите все силы к восстановлению Правдивой Истории Страны. Это касается не только 20-х и 30-х годов. История наша, увы, неоднократно перепи- санная, нещадно отредактированная, напоминает не последовательную книгу, а клубок перепутанных оборванных нитей.

— И, наконец, традиционный для сегодняшнего дня вопрос: как, по-вашему, перестройка повлияла на нашу жизнь?

— Перестройка пробудила гражданские чувства миллионов людей. Вызвала энтузиазм, который необходимо поддерживать конкретными делами. Появилась возможность создавать общества типа Фонда реставрации старой Москвы. Люди понимают, что все зависит от них самих. Не ждут указаний свыше, а сами стремятся решить волнующие вопросы. Перестройка — это борьба и действие.

Конечно, много еще тормозящих моментов. Ведь невозможно решить одну проблему, не затронув другие. Все взаимосвязано. В любой области существуют инструкции, которые мешают решению конкретных вопросов. За годы Советской власти созданы целые тома различных указов, словно паутина окутывающих наше общество.

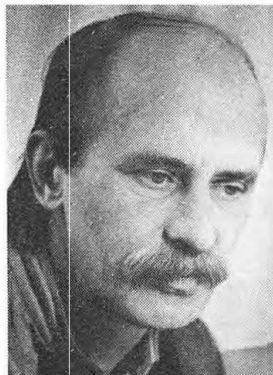
— Что бы вы сделали, чтобы устранить такое положение вещей?

— Я бы предоставил предприятиям и организациям полную свободу действий. И сократил бы количество контролирующих органов.

— Что бы вы пожелали читателям «Юности»?

— На Канарских островах 350 из 365 дней в году — солнечные. Я желаю всем людям такого же соотношения радостных и грустных дней. А если серьезно, — хочу, чтобы все люди знали, что победа перестройки необходима; и, если никто не останется в стороне от борьбы, — неизбежна.

Беседу вела
Ольга ДОНСКАЯ

Николай
НАТАРОВСКИЙ

☆☆☆

Дом, над которым когда-то мы шефствовали, — дом номер два по улице Чернышевского.

Три остановки от школы автобусом было нам в тягость ездить, оболтусам.

В тягость и мы — если по-честному. Сына она потеряла в Отечественную.

Дверь открывает, бывало, и хмурится: «Что ж, проходите, коли тимуровцы...»

И ни к чему ей была наша помощь! В доме, где каждый предмет: «А ты помнишь!» —

Было нам скучно, были мы лишними все поголовно — даже отличники.

Так ничего тогда и не поняли. Сына Серегу мы, что ли, отняли?!

Дом номер два по улице Чернышевского — дом, над которым безжалостно шефствовали...

☆☆☆

А. А. Ахматовой

Напоследок: «Поклон всем старухам. Слава Господу, я пожила».

Боже мой, хоть земля будет пухом, что ей камнем при жизни была.

А живой никогда б не простили: по указке ничьей не жила.

Испокон так хоронят в России: ломом землю, чтоб пухом была!

☆☆☆

Шла по белому снегу — по хрупкому, разговор незатейный вела, из сельпо две кошелки с продуктами — хлеб да сахар — жива чуть несла. Хлеб, да сахар, да мятные пряники, да медовую карамель, да еще селедочку пряную, да еще зачем-то фланель. На свою нехитрую пенсию накупила столько добра исключительно из опасения: не прогнали б ее со двора. Может, это ей только кажется, но уж больно невестка крута, и зачнет вдруг, зачнет вдруг куражиться! И куда ж ей, боже? Куда?!

Московская область, г. Солнечногорск

Иван КУНИЦЫН

«ВОТ ТЕБЕ, БАБУШКА, И ЮРЬЕВ ДЕНЬ...»

По-мосму, майор милиции явственно ощутил гул рушащихся за стенами его кабинета незыблемых устоев.

— И что же — вы за восемь месяцев после выполнения интернационального долга и возвращения из-за границы так еще и не прописались? — не с удивлением даже, а с каким-то трепетом спросил он, начальник паспортного стола одного из отделений милиции города Москвы.

Должен признаться, что его возбуждение передалось мне, и я почувствовал себя если не преступником, то, во всяком случае, закоренелым правонарушителем.

— Да... Так вот вышло, — растерянно заправдывался я. — Сначала болезнь тяжелая, потом документы почти все утерял разом, да и работа, знаете ли, — я ведь опять стал журналистом... командировки там, разъезды...

— Так вы и из Москвы уезжали? — Казалось, что товарищ майор надеялся, что я тут же развсю эту нелепую для него мысль.

— Уезжал. И не раз. Поездил по Союзу, даже на Дальнем Востоке был...

— И билеты на самолет вам продавали, и в гостиницах регистрировали?

— Ну да.

— Этого не может быть... Не должно... Невероятно. Да за это вам... Да за это нам...

Но устои надо было спасать. Майор пришел в себя и, учитывая, что я не рецидивист, надежды на исправление есть, раскаяние налицо, да и журналист опять же, — в общем, всплил он мне положенный штраф, и я с облегчением побежал в ближайшую сберкасса. Когда вернулся и отдавал ему оплаченную квитанцию, мы уже оба улыбались. Он — потому что устои выстояли, а я... потому что беспокойства мои кончились и на руках было подтверждение, что я не какой-то там бесхозный гражданин, чей «адрес — Советский Союз», а живу в столице, по улице такой-то, там-то, в квартире номер... Полновесный документ, что я — это я.

До какой же степени впитались в наше сознание и даже в кровь паспортная система и правила прописки, все то, что в разговорах между собой мы, обобщая, называем паспортным режимом.

Для большинства поколений советского народа — «всегда так было». Для необъятного слоя наших чиновников — «всегда так должно быть!». А на самом деле?

Да, паспорт — неотъемлемая реалья нашей жизни, хотя, впрочем, и многих других стран. Паспорт — это социальное явление — это атрибут, ставший символом. Чего?

То, что отдаленно напоминает современную паспортную систему, сформировалось на Руси при Петре I и известно как система «прозжих писем». Ввел ее великий государь, чтобы пресечь попытки своих подданных уклоняться от рекрутской и подушной повинности и подушной подати. Но до горьчества паспорта в нашей стране было еще далеко.

Восторжествовал он значительно раньше в европейских государствах в эпоху великих буржуазных революций и в совершенно новом качестве. Он стал там знаком свободы, символом антипривилегии. Во времена феодализма привилегией считаться личностью обладали только суверены и феодалы. А паспорт, как ласточка свободы, порожденный буржуазными революциями, всех уравнивал в правах, всех сделал гражданами. Он стал удостоверением личности. Отныне любой человек был волен жить, где ему угодно. Из всего этого можно сделать вывод, к которому позднее мы еще вернемся: ограничения в паспортной системе есть форма крепостничества.

Паспорт пришел и в Россию. Но не в сиянии освободителя-уравнителя. Скромно пришел. Об этом можно судить хотя бы по Толковому словарю В. Даля 1882 года: «Паспорт — вид, свидетельство, лист или письмо для проходу, проезду или проживания». И все. Еще несколько производных от этого слова, в них можно почерпнуть больше. Например, «Паспортник, паспортница, кто ходит из дому по паспорту». Шло осуществление реформы крепостного права, и возникновение слова «паспортник» подтверждает, что освободившиеся крестьяне вольны были уходить, куда им вздумается. Но паспортная система так и не успела до конца сформироваться, стать всеобщей.

И вот — 1917 год. Вожди и теоретики социализма не могли, конечно же, обойти вниманием такую важную социальную сферу, как паспортная система. И что же предпринимает новое российское правительство? Оно упраздняет паспортную систему! Что это, шаг назад? Ни в коем случае. Потому что заменяется-то паспортизация более демократичной легитимационной системой. При легитимационной системе гражданин обязан по требованию соответствующих органов предъявлять достаточные доказательства его личности. Сойдет любое удостоверение с вашей фотографией. И только если есть законные основания забрать вас в участок, там могут потребовать от вас данные «...с указанием сведений об имени, общественном положении, постоянном местожительстве, гражданстве»*.

Эта система сейчас действует во многих странах, о которых мы с оттенком некоторой зависти говорим: «У них нет паспортного режима». Да, паспортов в нашем понимании нет, а учет (это в общем-то одна из основных функций паспорта, помимо «удостоверения личности») существует. И еще какой: и преступников ловят без всякой прописки, и налоги исправно взимают, и страховые полисы всегда находят своего конкретного адресата. То, что нам с нашей стороны баррикад кажется, будто «у них» нет системы учета, говорит не об ее отсутствии, а о ее совершенстве.

Но вернемся в историю. Итак, юное социалистическое государство, вступая в гражданскую войну, упраздняет паспорта, а выйдя из нее, отказывается и от введенных на это время общегражданских трудовых книжек, вызванных проведением трудовщины. Что это? Путь к анархии, бесконтрольности? Нет! Отвергнув прописку, привязывающую человека к определенному углу, и трудовую книжку, вынужденно приковывающую человека к станку, к плугу, к конкретному наделу — «умри, но выработай и отдай предписанное», — государство создавало одно из важнейших условий нэпа. Какой это был взлет разоренной страны, теперь-то мы можем оценить по достоинству. И осуществлен он был так фантастически быстро и эффективно, потому что трудовому люду было предоставлено право торговать тем единственным, что есть только у него, — своей рабочей силой. А закон торговли — торговать своим товаром там, где есть спрос, следовательно повышенный. Любые ограничения на торговлю своей собственной рабочей силой, какими бы «высшими» экономическими расчетами они ни прикрывались, неизбежно приведут к рабству, холопству и крепостничеству.

В конце 20-х годов паровоз нэпа еще радостно пыхтел и упирался, выволакивая нищую страну на крутую гору уровня жизни 1913 года. Выволок. И резво задымил дальше, выше...

Но тормозной путь ему был уже рассчитан.

* БСЭ, 1953, т. 24.

«Первый железнодорожник всех времен и народов» уже раскладывал по ящикам своего несобятого стола «винтики», живущие какой-то непонятной, хаотичной жизнью. Этого размера — сюда, побольше — туда, ~~мургульские~~, красненькие, а вот эти, неоправданно большого размера, — в ящике «Лубянка».

И настал «великий перелом». А за ним великий голод. Миллионы людей были вырваны с корнями из родимой земли и пошли на удобренные сибирской тайги и северной тундры. Более удачливые уходили в города. К концу «перелома» население городов увеличилось на 13 миллионов человек. Но эти толпы пришли сюда не волюно торговать своей рабочей силой — не до этого; они пришли прятаться и есть. А голод все толкал и толкал к городам составы, полные беженцев.

Проведенная наганами и трибуналами коллективизация высвободила для индустриализации неслыханную армию дармовой «рабсилы». Успех превзошел все ожидания. С этими миграциями и бесконтрольными перелетными стаями пора было кончать. И «великий инженер человеческих душ» захлопнул одни ящики, открыл другие. Нерассортированных «винтиков» оставалось еще много, слишком много.

27 декабря 1932 года ЦИК и СНК СССР за подписями М. Калинина, В. Молотова (Скрябина) и А. Енукидзе принимают трагическое для десятков миллионов тогдашних наших сограждан и для многих последующих поколений нашего народа постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и об обязательной прописке паспортов» и «Положение о паспортах».

Почему же «трагическое»? Ограничения в паспортной системе есть форма крепостничества. Потому что паспортная система, если она несовершенная, из фактора раскрепощения превращается в фактор порабощения и вновь, на ином уровне, создаст систему привилегий.

«Положением о паспортах от 27/XII 1932 г. и последующим законодательством вводится паспорт для всего населения... городов, рабочих поселков, районных центров, новостроек, транспорта, совхозов, мест расположения МТС, стокилометровой западной европейской полосы СССР. Во всех прочих сельских местностях... граждане паспортов не получают и учет этого населения ведется по поселенным спискам».

А ведь «во всех прочих сельских местностях» проживало тогда две трети населения страны. И отныне они лишались права жить где-либо, кроме своей деревни, и даже, навстречу своим родственникам или кого-то еще в «городах, районных центрах и поселках городского типа своей (выделено мной. — И. К.) области, края или республики, не имеющей областного деления», могли пожить там без прописки «сроком не более 5 суток». Как тут не вспомнить: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Поражает хитросплетение паутины регламентаций, назойливо предписывающих, кто, в какой срок и где по прибытии должен зарегистрироваться, кто прописаться, что нужно для прописки, что для выписки. Вроде бы параграфы, да и только, но все они выверены, рассчитаны, расставлены непроходимым образом, и любой участковый или постовой, потянув за невидимую нить этой сети, спокойно выловит «нарушителя».

Может быть, все это создано только для ловли преступников? Легко этим утешиться. Но, во-первых, в других странах не хуже нашего хватают жуликов без паспортно-прописочного режима, во-вторых, преступники наши прескрасно знают все возможности и узлы этой сети и умсют из нее выскальзывать. А вот в чем ее свойства действительно незамыслимы, так это в том, чтобы «каждый сверчок знал свой шесток», чтобы все были привязаны к своим углам и не вылазили.

Для этого предусмотрены и другие параграфы: об административных и уголовных наказаниях. Вовремя не зарегистрировался — штраф, вовремя не прописался — штраф, отказано в прописке, а ты тут болтаешься — штраф и удаление, еще раз попался — «удаление» уже по-другому. Удаление куда? Да в небытие, в беспаспортную зону, а то и в зону вечного молчания.

Зачем же все это понадобилось Сталину? Постановлением от 27 декабря 1932 года созданный им административно-репрессивный аппарат решал сразу как минимум три сверхзадачи. О первой уже сказано. Удар поддых крестьянству,

нанесенный принудительной коллективизацией, довершился паспортным нокаутом, и село перестало быть социальной силой, став лишь средоточием бесправной рабочей силы.

Вторая — запретить рабочий класс на предприятиях, приковать его пропиской к определенному станку, оторваться от которого по своей воле он уже не мог. Мог только по воле сверху. Сам термин «паспортная система» был сформулирован придворной наукой в духе этой задачи: «Паспортная система — порядок административного учета, контроля и регулирования передвижения населения...»: «Административного регулирования» — это означает, что рабочая сила, вопреки экономическим законам, регулировалась «по ящичкам» чиновником. Люди теперь, наряду с появившимися фондами и лимитами, «направлялись». Или не направлялись. Вот оно, торжество командно-репрессивного управления. Но было еще одно, главное, торжество. Захлопнув города и огородив невидимой решеткой село, исключив перетекание из одной области в другую, репрессивный аппарат развернул террор уже, что называется, по полной программе. Прятаться стало нелегко. И пошла охота — за флажками.

Вдумаемся в текст постановления 1932 года: «В целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах..., а также в целях очистки этих населенных пунктов от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов...»

Все мы знаем теперь, как «разгружали» и от кого «очищали».

Вот, вкратце, чем обернулось для нас введение в СССР паспортной системы в варианте 1932 года.

«Положение о паспортах», утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 21 октября 1953 года, принципиальных новшеств не содержит, так как выросло еще при Сталине. Оно стало только более многословным и детальным.

Эпоха террора кончилась! Должно же это было как-то отразиться в нашем паспортном режиме? Отразилось, но странным образом. Оставаясь по сути своей ограничительной, система эта в новых условиях стала заметно видоизменяться. Что-то в ней покочнулось, скрипнуло, сдвинулось, и смещенный из-за этого центр тяжести вынес во главу проблемы прописку. В судьбах крестьянства сдвигов из-за этого не произошло, а вот для паспортизированного населения прописка стала как бы поплавкой поверху ограничительных сетей. Когда наплыв осмысленных после 1953 года иногородних все чаще и чаще становился чрезмерным для, конечно же, не резиновых, но таких привлекательно-сытых городов и полавки начинали захлебываться, их срочно укреслили и поддерживали. Чем? К сожалению, не оздоровлением экономики и всего социального климата и не беззастенчивым раскрепощением товара — рабочей силы. В нашем быту замаячила и моментально стала непреодолимой реальностью Санитарная Норма. Вот уж так палочка-выручалочка! Смогла отсечь даже родственников из павшей деревни и оголодавших городов, потянувшихся наивно большими косяками к братьям, дядям и тетям в «колбасные» да культурные очаги.

Первый поплавок подлатали в 1961 году постановлением Совета Министров СССР от 28 сентября, в соответствии с которым Москва становилась исключением из «Положения о паспортах» 1953 года, той его части, где устанавливались общие для всех правила прописки и выписки. В 1967—1968 годах вдруг было паспортизовано сельское население одной области и двенадцати районов. Вроде бы хорошо — начали давать паспорта крестьянам. Хорошо, да не совсем. Область-то Крымская, а районы — Батумский, Боржомский, Гагринский, Кобулетский и т. д. — все курортные. Народ-то к этому времени уже так после репрессий поуспокоился, что начал рыскать по стране в поисках, где потеплее и посутнее. Есть разница, где свои 120 руб. получать: в разрушенном Нечерноземье или там, где тепло, фрукты и море. Но для них жилье строить надо, условия создавать, работу искать. А тут паспортизировали коренное население, прикрылись, как щитом, санитарной нормой — и нет проблем.

И пошли на системе прописки отростки и волдыри, нарывы и опухоли — исключения и устроения. Закрыли Ленинград, Киев, другие крупные города, на всякий случай при-

* БСЭ, 1939, т. 44, стр. 322.

* Там же.

крыли районы АЭС, насоздавали множество больших и малых инструкторий.

А тем временем даже в самое неповоротливое сознание начинали проникать вопросы: «В каком веке живем? А если уже в последней трети XX, то что же делать с крестьянством? Не раскрепостить ли?»

Первое официальное послабление последовало в 1970 году. Пробный шар имел малозаметную и скромную форму «Инструкции о порядке прописки и выписки граждан исполкомами сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся», утвержденной приказом МВД СССР.

Все было в ней разложено по большим и малым полочкам, даже порядок прописки в сельсовете советских граждан, постоянно проживающих за рубежом. Но все касалось паспортизованных уже счастливчиков. Кроме маленького приложения, которое называлось как-то даже по-домашнему — «Памятка по вопросу документирования паспортами...».

«Памятка» подтверждала в пункте 2, что «граждане, родившиеся и постоянно проживающие в сельской непаспортизованной местности, проживают без паспортов». А дальше уже сам шар: «При выезде на жительство в другие местности... на срок свыше 30 дней, а также при выбытии на временную работу в промышленности по договорам или на другие временные работы... эти лица обязаны получить паспорта!».

Обязаны! Как будто кто-то отказывается. А в следующем за этой новацией примечании говорится: «В виде исключения разрешается выдача паспортов жителям сельской непаспортизованной местности, работающим на предприятиях и в учреждениях, а также гражданам, которым в связи с характером выполняемой работы необходимы документы, удостоверяющие личность».

«В виде исключения» это более понятно и привычно, а вообще любопытный документ.

В эту лазейку правдами и неправдами устремлялись обделенные социальной справедливостью и благами сельчан. Процесс вымирания деревни усилился. Уходила-то в основном молодежь.

Помимо перечисленных документов, в 1974 году были приняты ныне действующие «Положение о паспортах» и «Некоторые правила прописки граждан». «Положение» предопределило обмен паспортов на новые, красные, и — впервые после реформы 1861 года — поголовную паспортизацию крестьянства. Учитывая, что паспорта крестьянам выдавались по 1981 год, выходит, что реформа крепостного права растянулась в нашей стране на 120 лет! Октябрьская революция оказалась и не в начале ее, и даже не в конце. Как тут не вспомнить, что именно союз крестьянства с революцией определил ее успех.

За пять лет в сельской местности было выдано 50 млн. паспортов. Огромная цифра! Но разве это сопоставимо с двумя третями населения, которое составляло крестьянство в 1932 году? Вот что осталось от нашей деревни.

Были еще постановления Совета Министров СССР. Но они влились в могучее «второе дно» нашего законодательства, которое — «НДП», не для печати.

Вот и все, что я сумел выяснить и уразуметь о нашей паспортно-прописочной системе «домашним», так сказать, анализом после того случая в милиции.

И страшно захотелось мне наполнить этот сухой анализ конкретными живыми голосами. Тех людей, которые держат сейчас в руках нити паспортного режима.

Прежде всего меня заинтересовало, конечно же, юридическое обоснование действующей системы прописки.

Переговоры с Министерством юстиции СССР затянулись. Наталкиваясь то на недостаток времени, то на нежелательно обсуждать эту проблему, то на недоумение, я последовательно спускался от зам.министра, через должностных лиц других рангов к тому единственному, который не только согласится встретиться со мной, но и будет «владеть вопросом». И нашёл-таки его. Заслуженный юрист РСФСР В. Ф. Корягин является заместителем начальника Управления законодательства о государственном строительстве.

Виктор Федорович уже в первом телефонном разговоре определил свою позицию: ему как должностному лицу не с руки обсуждать действующее законодательство, нехорошо это. Да не надо обсуждать, дайте только юридическое обоснование тому, что действует, комментарий за нами. Ну ладно, только никаких магнитофонов. Как скажете. На том и порешили.

И вот ведь незадача: когда в условленное наконец время я подходил к Минюсту, то вспомнил, что не захватил с собой

паспорт. Ведь по существующим правилам я должен постоянно его иметь при себе. А ну как не пропустят в бюро пропусков? Однако пропустили, удостоверения члена Союза журналистов хватило. Это обнадеживало.

Виктор Федорович все-таки согласился на присутствие при нашей беседе магнитофона. Итак, в полном смысле живой голос.

— Вы взяли тему-то неинтересную... — Виктор Федорович покачал головой. — Гораздо интереснее есть вопросы. Вот мы сейчас разрабатываем законы о печати, об органах общественного управления, о въезде-выезде, или вот перед нами стоит вопрос об изменении наградного законодательства, потому что это же безобразно, когда у нас три, пять раз присваивают звание Героя Советского Союза или Соц. Труда. Не может быть дважды дурака или дважды гения: гений есть гений.

— Трудно с вами не согласиться. Однако новые акты законодательства можно обсудить, когда они вызреют и будут приняты. Нас интересуют уже действующие положения. И вот какой вопрос кажется особенно неясным. Юристы формулируют такую презумпцию: чем выше юридическая сила нормативно-правового акта, тем более важные отношения он охватывает. Так?

— Наверное.

— Иерархия советского законодательства следующая: над всем стоит Конституция — основной закон, гарантирующий все наши права и определяющий обязанности. Затем идут постановления и решения Верховного Совета СССР, нашего высшего Законодателя, только они имеют силу Закона. Затем идут постановления и положения Совета Министров СССР, то есть правительства, его решения являются актами законодательства, но имеют силу подзаконного акта, а не Закона.

— Так. — По реакции В. Ф. Корягина я еще не могу уяснить, понял он, к чему клоню, или нет.

— Возникает естественный вопрос: почему правила прописки, регулирующие настолько важные общественные отношения, касающиеся в нашей стране буквально каждого, определяющие в значительной степени внутренний социально-экономический климат, все-таки не имеют силу Закона, а остаются на уровне подзаконного акта?

Виктора Федоровича мои хитрые построения не застают врасплох. Он не хуже моего знает, что в диалоге главное — убежденность в своей правоте. И он убежден.

— Это мнение ученых. Я, например, отношусь по-другому к правительственным актам. Конечно, их можно называть подзаконными, поскольку их юридическая сила несколько ниже, чем у Закона. Но что значит юридическая сила? — В. Ф. Корягин пытается открыть мне глаза на нашу реальность. — Каждое постановление правительства обязательно для исполнения всеми государственными учреждениями, организациями, гражданами. У нас вообще система такая! Если мы посмотрим за рубежом, там в основном принимаются только законы. А у нас 75 процентов, даже больше, актов законодательства — и по очень важным вопросам — принимаются правительством. Поэтому я не стал бы так ставить вопрос, что они что-то такое второстепенное. Просто чисто научное, так сказать, толкование — подзаконные, небольшая юридическая сила. Ерунда это. К тому же, — Виктор Федорович еще более оживился, найдя вдруг главное подтверждение своей категоричности, — право издавать постановления по самым серьезным вопросам дал Совмину сам Законодатель — Верховный Совет СССР в своем Законе о Совете Министров СССР. Поймите вы: Верховный Совет собирается два раза в год. Правительство же может очень оперативно изменить существующее положение. Сегодня одни условия — ввести ограничения, завтра другие — снять их. Это вопрос оперативного управления.

Итак, в Конституции и в Законах, изданных Верховным Советом СССР, нет никаких ограничений в прописке. А это ведь сияющая вершина нашего законодательного айсберга. Все ограничения и устроения принимались у нас не Законодателем, а Правительством. В ныне действующем, крайне ограничительном, Постановлении Совмина СССР от 28 августа 1974 года «О некоторых правилах прописки граждан» есть все же светлый четвертый пункт: «Установить, что исполнительные комитеты городских и районных Советов народных депутатов вправе в порядке исключения при наличии уважительных причин разрешать прописку граждан в случаях, не предусмотренных настоящим постановлением».

Хоть и в любимом нами «порядке исключения», но все-

таки «вправе... разрешать». А теперь заглянем еще глубже. И вот там, на самых подводных этажах, покоятся «закрытые» инструкции и постановления, которые противоречат своей крайней ограниченностью верхним этажам, но, продолжая аналогию с айсбергом, и являются основой. Их нам знать не положено.

Кстати, об упомянутых семидесяти пяти процентах нашего законодательства, составляемых подзаконными актами. Я как-то привык думать, что не может быть действующих, но взаимоисключающих друг друга законов. Такого быть не может! А вот взаимоисключающие подзаконные акты, как видим, прекрасно сосуществуют. Одни — для народа, другие — для ведомств. Сплошные удобства. Когда я со своим навязчивым «...а как с юридической точки зрения?» попросил В. Ф. Корягина дать объяснения по поводу такой терпимости нашего законодательства, он отослал меня к Совмину СССР. Поэтому, надеюсь, меня не обвинят в непатриотичности за то, что я все-таки сторонник той правовой системы, при которой на любой случай есть Закон.

А теперь о тезисе, что Верховный Совет дал право Совету Министров издавать законодательные акты по любому вопросу нашей жизни. Обратимся к этому Закону о Совете Министров СССР.

«Совет Министров СССР на основе и во исполнение законов СССР и иных решений Верховного Совета СССР и его Президиума издает постановления и распоряжения и проверяет их исполнение».

«...На основе и во исполнение...» Вот почему попытался я у В. Ф. Корягина, есть ли закон, изданный Верховным Советом, «во исполнение» которого Совмин превратил прописку в дубинку, тяжесть которой постоянно испытывают миллионы наших соотечественников. Нет такого закона. Верхушка айсберга чиста!

Но ведь существуют и другие уровни — мировые. Один из них — «Международный Пакт о гражданских и политических правах», который СССР подписал в 1968 году. Статья 12: «Каждому, кто законно находится на территории какого-либо государства, принадлежит, в пределах этой территории, право на свободное передвижение и свобода выбора местожительства».

Для справки: пакт подписан нами в 1968 году, ратифицирован в 1973 г., а вступил в силу в 1976 году, то есть в тот год, когда начали выдавать паспорта крестьянам. Восемь лет от подписи в жизнь — много это или мало?

Вернемся в кабинет В. Ф. Корягина.

— Да, мы присоединились к этому пакту. Нас и внутри страны, и за рубежом обвиняют, будто мы не соблюдаем статью 12. Но в этой статье сказано и следующее: «Упомянутые выше права не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимые для охраны государственной безопасности». — Виктор Федорович поднял палец и еще раз подчеркнул: «Государственной безопасности!» — «здоровья или нравственности населения»... и т. д. Следовательно, ограничения прописки в пограничной зоне, вблизи АЭС пакт разрешает.

— Камень преткновения не пограничные зоны...

— Да, у нас есть ограничения в городах, и, казалось бы, со статьей 12 пакта это не согласуется. Но эти ограничения по прописке направлены на более серьезные вещи. Они направлены, например, на соблюдение статей 40 и 44 нашей Конституции*. Наше государство по Конституции взяло на себя обязательство обеспечить человека и работой, и жильем. И оно вынуждено ввести ограничения в густонаселенных областях, потому что там оно не может гарантировать гражданам жилище, а иногда и работу.

— Выходит, что гарантия у нас в данном случае граничит фактически с насилием. Разве человек не вправе сам выбирать, где ему жить и работать?

— Я уже вам сказал... Ну, почему вы такое... Поймите же, когда капиталисты обвиняют нас в том, что у нас не соблюдаются права, они не учитывают главное, — что у нас совершенно разные системы. Ведь они о человеке не беспокоятся. Работает ли он, имеет ли жилье, их это не интересует. Пожалуйста, мол, приезжай... А живут они где? В каких-то трущобах.

Я, признаюсь, даже обомлел от этих заявлений. Видя мое недоумение, Виктор Федорович отработал чуть-чуть назад.

— Ну, есть такие... Во всяком случае, в пятнадцатимиллионном Мехико трущобы, конечно, есть. Они не гарантиру-

ют человеку жилье. А мы взяли на себя такое обязательство. Так вот давайте с этой точки зрения посмотрим на наши ограничения. Мне кажется, что государство вправе это делать.

— То есть вы считаете, что экономическими расчетами и аргументами можно и с законодательной точки зрения правильно ограничить человека в его правах?

— Можно и так говорить. Я считаю, что это **оправданные** ограничения. Вы прекрасно понимаете, что люди стремятся в Москву, например, не потому что она так уж им нравится, а потому что у них, в других городах, есть нечего.

Стоп! Вот он — кристалл, с которого спала вся словесная и бумажная мишура, рассуждения о правах и гарантиях. Снова сотни раз испробованное «не пущать!». Вот она, тень 1932 года. Экономика в упадке, сельское хозяйство в разорении, строительство в позавчерашнем дне, а люди чего-то требуют, о правах лепечут. Как поддержать все это распадающееся в разные стороны хотя бы в видимом равновесии? Да поставит барьеры-прописки, чего проще! А о правах поговорим, когда разбогатеем.

Только вот ведь в чем дело — не разбогатеем, пока на пути свободной миграции трудящегося населения будут стоять все эти препоны. Снять напряжение в городах можно, только экономически заинтересовав людей. Представляю, какую изжогу вызывают эти утверждения у большинства наших функционеров. Но давайте все-таки напомним на главный: любые гарантии мифические, если нет главной гарантии — свободы. А на протяжении В. Ф. Корягин мне сказал:

— Вы, пожалуйста, поймите: мы с вами никогда не найдем общего языка. Вы вправе критиковать любой закон, а мы этого не вправе делать. Я ведь с вами не как юрист разговаривал, а как должностное лицо, представитель Министерства юстиции. Закон есть закон. Если мы будем критиковать закон, то какое же к нему будет уважение?

Вот так. А я-то думал, что уважение к закону базируется только на его здравом смысле и — законности.

В МВД СССР, к моему удивлению, сразу пошли на контакт. Заместитель начальника Главного управления охраны общественного порядка В. В. Баркун проявил активную заинтересованность во встрече. А к кому еще обращаться, как не к нему. Ведь с тех пор как 15 лет назад он перешел на службу в МВД СССР из ЦК ВЛКСМ, он все время занимается паспортной системой.

Валерия Васильевича магнитофон ничуть не смутил, он вообще, видимо, из тех людей, о которых складывается впечатление, что скрывать им нечего. Зная, сколько через МВД и через его собственные руки проходит всяких закрытых инструкций и приказов, особенно оцениваешь такое качество.

— Это, конечно, не секрет, — широко улыбаясь и располагаясь к длинному разговору, начинает Валерий Васильевич, — что наша паспортная служба — милициска. Когда человек приходит прописываться, мы, естественно, изучаем его документы, смотрим, откуда приехал, и проверяем, не в розыске ли он.

Эта деталь произвела на меня впечатление.

— Ну, не у всех, в каких-то случаях. И находим! К примеру, из 100—120 тысяч алиментщиков, ежегодно находящихся в розыске, 90 процентов обнаруживаем и заставляем платить.

Эффект был достигнут.

— Так что как нам без паспортной системы? Ее возможности широко используются в борьбе с преступностью.

Хоть и очень это интересная и неоднозначная тема, но отложим все же ее и вернемся к нашему камню преткновения, который прочно лежит в фундаменте МВД, — к прописке.

— Я считаю, что в вопросе прописки необходимо разграничить полномочия МВД и обязанности исполкомов. Тут многое нужно менять.

Честно говоря, я не сразу разобрался, но мысль показалась очень примечательной.

— По-моему, — продолжал В. В. Баркун, — необходимо пересмотреть жесткую зависимость между санитарной нормой и пропиской. Раз на нас лежит функция учета, то давайте мы только ею и будем заниматься. Вот, например, приехал один человек к другому жить и тот согласен его прописать. Но все упирается в санитарную норму! Ну если кто-то согласен прописать на свою площадь, ухуdivив даже свои жилищные условия, почему мы должны этому препятствовать? Мы-то, милиция, согласны его прописать, а исполком упирается — санитарная норма. Пусть люди сами реша-

* Право на труд и право на жилище.

ют, в каких условиях им жить. Просто при этом надо пересмотреть правила постановки на учет для улучшения жилой площади. Не секрет — некоторые, кому это удается, прописывают на свою площадь побольше, чтобы потом получить большую квартиру и быстрее. Но ведь многие, имея свои положенные 12 метров на человека, хотят прописать своих родственников или кого-то еще, потому что им **нужно**. Они хотят жить вместе. Почему это должны запрещать? Ведь это делают не для того, чтобы обмануть государство, а в силу обстоятельств.

Не могу не разделить позицию В. В. Баркуна, посягнувшего на святая святых нынешней системы прописки — Санитарную Норму. Ведь парадокс: эта норма — 12 метров, а в очереди на первоочередное получение квартиры — 5 метров. Значит, кто-то, например, не может прописать своего брата, если тот совершеннолетний и вполне здоровый, так как при этом у него станет меньше 12 метров на человека. И в то же время разросшаяся семья не имеет шансов на первоочередную постановку на учет, если у них хоть чуть-чуть больше 5 метров на жильца.

Необходимо разорвать этот порочный антиконституционный круг «прописка — санитарная норма». Воспользуемся опытом хотя бы своих друзей. В ГДР, например, нет этой проблемы. Квартиросъемщик согласен — полиция приезжего прописывает, а квартирными вопросами занимается жилищно-коммунальное хозяйство. В данном случае это и не прописка вовсе, а скорее регистрация. И так в большинстве соцстран, хотя все они живут в условиях плановой экономики и, как и мы, предоставляют жилье из государственных фондов.

При нашей бедности, острейшей жилищной проблеме вопрос, видимо, должен стоять только так: при всех остальных равных условиях преимущество на получение новой площади имеет тот, кто дольше прописан в этом городе. А для первичной прописки не должно быть никаких ограничений.

А пока к старым проблемам добавляются новые. И самые неожиданные.

— Сейчас принята программа обеспечить к 2000 году каждую семью квартирой или отдельным домом, — говорит В. В. Баркун. — И что вы думаете? Сразу поступили просьбы еще более устрожить прописку. Например, в Минске, Риге, Таллинне сделали расчеты и установили, что при нынешнем наплыве иногородних они не выполнят эту программу. И сразу к нам: ужесточите. Но мы не согласились с ними. Надо решать жилищную и другие экономические проблемы, а не ограничивать законные права людей. Конституция гарантирует права и свободы, а низкий экономический уровень развития все еще противоречит этим гарантиям. Но не гарантии надо упразднить, а усилить их экономическое обеспечение. И планировать жилищное строительство с учетом реальных экономических законов. Ведь вы посмотрите: за 10 лет в Москву было набрано 500 тысяч рабочих по лимиту. Как правило, это бывшие сельские жители, они привезли жен, которых уже обязаны прописать, как и, естественно, детей. Вот уже получаем миллион. И это вместо того, чтобы вывезти из Москвы более 300 предприятий, без которых она преспокойно обойдется.

— То есть напряженная ситуация вокруг прописки связана напрямую с экономическими ошибками?

— Конечно, и прежде всего в планировании.

— Валерий Васильевич, мы все как-то привыкли, говоря об ограничениях по прописке, подразумевать запреты на въезд в города. Но барьер ведь, он по обе стороны барьер. Однако мало еще кто задумывался над социально-демографическими проблемами, связанными именно с городским населением. Ведь оно, благодаря прописке, оказалось фактически запертым. Десятки тысяч людей хотели бы выехать, будь у них такая возможность, в село. Устроиться в колхоз, скажем, пожить год, два — а вдруг понравится, а вдруг именно такая жизнь им близка? Оторваться от асфальта, припасть к земле, пустить корни. Но ведь не решаются, потому что лишаются прописки, и в случае неудачи эксперимента рассчитывать на возвращение им не приходится. Происходит что-то вроде «склероза» городов, не говоря уже о прямом старении городского населения: пенсионерам не дают возможности оторваться от бетонных ячеек.

— Правильный вопрос. Он еще раз высвечивает необходимость менять наши жесткие правила. По существующим правилам, уезжая более чем на 45 суток, человек должен выписаться и прописаться на новом месте, старая прописка теряется. А ведь помимо тех, о ком вы говорили, есть еще временные бригады строителей, рыбаков и т. д. Вы меня

немного упредили: мы готовим предложение в Совет Министров СССР по этому вопросу. Для этого нужно ввести категорию временной прописки без выписки с постоянной.

— То есть прописка удваивается?

— Это нужно, чтобы учесть, где человек находится.

— А на какой срок?

— Мы предлагаем вновь ввести упраздненный в 1974 году штамп «Прописан временно», только без выписки со старого местожительства, и писать в нем: прописан до... и дату.

— А вообще насколько изменились правила прописки с принятием «Некоторых правил прописки граждан» в 1974 году?

— Они ужесточились, что еще более сковало передвижение населения. Считаю, что и в экономическом, и социальном плане это неправильно.

Что ж, теперь просто все объяснить — были времена застоя. Но сейчас-то вместе со светом в окошке появился и ветер перемен. Как он отразился на интересующей нас проблеме? Признаться, после пафоса здравомыслия, который чувствовался в рассуждениях В. В. Баркуна, часто повторяемого им слова «антиконституционно», я рассчитывал услышать о каких-то готовящихся радикальных изменениях системы прописки. Но... Хотя будем утешаться, что начало положено, подвижка пошла. Какие же еще предложения разрабатывает МВД СССР?

— Во-первых, мы внесли предложение снять все существующие ограничения по прописке, связанные с судимостью. Не секрет, что во многих городах, пограничных зонах, других местностях существует очень много ограничений для этой категории людей. Они впрямую нарушают права человека и Конституцию. А в результате мы сами плодим преступников и порождаем рецидив, затрудняя социальную реабилитацию отбывших наказание. Ведь человек **отбыл** наказание и имеет стопроцентно те же права, что и мы с вами, особенно если судимость с него снята или погашена. Судимость — чисто уголовно-правовой институт. В Конституции о судимости ничего не сказано. А ей придают гражданско-правовые значения, ограничивая прописку отбывшего наказание, и мы запрещаем ему вернуться в город, где живет его семья, растут дети. Из этой проблемы вытекает другая: бомжи и бичи. Их количество исчисляется уже десятками тысяч. И в значительной мере это следствие таких ограничений в прописке.

Еще мы думаем, что надо снять ограничения на посещение некоторых городов в пограничной зоне. Например, Севастополь — город славы российского флота, а чтобы посетить его, нужно получить пропуск в органах милиции. Настало уже время ослабить ограничения и здесь. К концу года думаем внести эти предложения. Когда они будут приняты, затрудняюсь сказать. Раньше инстанции решали это годами. Если они только перестроятся...

— Как вы считаете, если будут приняты все ваши предложения, то существующая прописная система будет гармонизирована с Конституцией?

— Замысел такой есть.

— Вы сами признаёте, что положение с пропиской сложилось очень неблагоприятное...

— Да, с годами, да...

— И тем не менее вы не согласны, что система прописки в нашем отечественном виде является системой принуждения, ограничения свободы?

— Ну, в принципе я не согласен, потому что она служит целям и интересам граждан...

И последняя добродушная улыбка на прощание.

Удовлетворил ли читателя собранный и представленный мною материал? Меня нет. Недоставало еще одного, очень необходимого, живого голоса, который бы высветил проблему с других, неожиданных ракурсов — мнения ученого.

В Институте государства и права мне довелось познакомиться с доктором юридических наук, лауреатом Государственной премии СССР профессором А. М. Яковлевым. Александр Максимович по специальности криминолог, руководит сектором теории и социологии уголовного права и «вышел» на паспортно-прописочную систему прежде всего потому, что ее недостатки, о чем уже говорилось, порождают огромный процент рецидивистов и стимулируют количественный рост бомжей и бичей.

Однако, как ученый, он смотрит на вопрос значительно шире, затрагивая скрытые от непосвященных глаз области.

Первые вопросы в нашей беседе задаю не я, как положено, а Александр Максимович.

— Откуда возникает то обстоятельство, что вы или

я являемся гражданами СССР? Чем обусловлено ваше гражданство?

Честно говоря, я не сразу нашелся, как ответить.

— Рождением,— не очень-то уверенно начал я.

— Правильно!

— Пребыванием...

— Рождением и пребыванием, и все! Но для очень многих у нас гражданин — это только тот, у кого есть паспорт гражданина СССР. Вы замечаете здесь сдвиг?

В сознании очень многих гражданство идентифицируется с внутренним паспортом, что совершенно неверно. Значит, если у тебя нет этого документа, то возникает вопрос, советский ли ты гражданин. Произошло это из-за действующей поныне формулы, что паспорт — это основной документ, удостоверяющий личность советского гражданина. Это очень страшно и очень серьезно. Люди чувствуют себя без паспорта действительно как без права на жительство, как без права на гражданство. Это ужасно, что документ стал у нас не только олицетворением, но и принял на себя вовсе не подлежащую ему функцию удостоверения факта гражданства.

То же касается и прописки. Люди настолько свыклись с этим понятием, что им даже не коробит слух частое упоминание такого явления, скажем, в песнях. Прописка наравне с другими стала нашим гражданским атрибутом, и мы считаем, что она есть естественное наше бытие, что она натуральна и вечна. Скажите кому-нибудь: откажитесь от паспорта! Да человек испугается. В его понимании он весь в этой бумажке с пропиской, и отказаться от нее все равно, что отказаться от своих прав, кстати, весьма ограниченных самой паспортно-прописочной системой.

— Какие конкретные нарушения прав вы могли бы выделить?

— Например, создан совершенно невероятный заколдованный круг: без прописки не принимают на работу, а без работы не пропишут. В ответ на это гражданин, приверженный существующему паспортному порядку, скажет: все правильно, давай прописывайся, тогда и поступишь на работу. Но обратимся к постановлению «О некоторых правилах прописки граждан». Знаете, когда я прочитал, что супруг к супругу может прописаться, а, скажем, брат к брату или племянник к дяде не могут, мне как-то стало не по себе, честно говоря. А имеет ли право государство, если оно правосознание регулирует такого рода отношения: так сказать, не только сферу личных интересов, а сферу лично-семейных интересов, может быть, наиболее интимную?

— Такого рода регламентация привела к невероятным искажениям. Взять хотя бы всем нам известные браки с целью прописки в закрытых городах...

— Совершенно верно. Самое святое святынь — формирование семьи регулируется положением о паспортах. О каком естественном чувстве семьи и любви можно говорить, если перед тем, как стать новобрачными, люди обмениваются информацией о прописке. И сколько браков распадается из-за этого. Разве это можно терпеть! Институт прописки находится в явном противоречии с конституционными правами на труд, на жилище и... на образование. В ст. 34 Конституции записано, что «граждане СССР равны перед законом, независимо... от места жительства и других обстоятельств». А иногородних в вузы не принимают! Сколько новых Ломоносовых мы потеряли из-за таких ограничений! И кто подумает моральные, социальные и экономические издержки от того, что люди постоянно бьются и не могут пробить стену ограничений? Какими «выгодами» можно это уравновесить?

— Чем же можно объяснить существование в нашей стране такой порочной системы? Неужели только жилищной проблемой?

— Нет, конечно. По большому счету это попытка регулировать экономическую и социальную жизнь народа не методами экономического стимулирования желательного поведения, а методами внеэкономического принуждения. Механизм здесь простой и страшный: не сам гражданин должен выбирать, где ему жить и работать, а это за него решается свыше прежде всего при помощи установления правил, согласно которым он может быть прописан или не прописан. Знаменитые лимитчики — что это такое? Это превращение паспортного режима в средство получить рабочую силу вопреки экономическим интересам тех, кто соглашается на это,— за счет того, что им даруется исключение из общего правила.

— То есть вновь система привилегий.

— Насчет привилегий. Что это такое? Это то, что нельзя другим, но можно некоторым. Отсюда возникает парадоксальное явление: чем больше нельзя другим, тем больше возможностей для раздачи привилегий. Чем больше очередей, тем проще некоторым категориям граждан дать привилегию ходить без очереди. И никому не приходит в голову, что очередей не должно быть. Чем больше ограничений в прописке, тем больше возможность «вознаградить» человека, дав ему естественную и элементарную возможность жить и работать в своей собственной стране там, где он считает нужным и правильным для него. Поймите меня: можно и нужно регулировать естественные демографические и миграционные процессы, но это необходимо делать, только экономически поощряя желаемые способы поведения, а не созданием запретительно-привилегированной системы.

Сейчас предпринимаются усилия для оздоровления экономики, развития кооперативов. Но результат будет достигнут только тогда, когда и госпредприятия, перешедшие на хозрасчет, и кооператоры будут иметь реальную свободу экономического маневра, то есть будут разрешать производство там, где есть сбыт, близкие источники сырья и есть рабочая сила, а не там, где это позволяет прописка. Какое же может быть экономическое развитие, если оно постоянно будет упираться в вопрос: завозить или не завозить лимитчиков?

— Но ведь сейчас уже решили вопрос с лимитом...

— Вопрос решили опять-таки по-старому, прикрыв это дело. Но я боюсь, что если не раскрыть другие возможности для естественного притока экономически заинтересованных лиц, то получается вообще тупиковая ситуация. Если устранению административного принуждения не сопутствует экономическое стимулирование, то, прямо скажем, не будет делаться и то, что до сих пор делалось по принуждению.

Кстати, по поводу известного утверждения, что прописка помогает бороться с преступностью, и связи этого утверждения с экономической реальностью. В нас воспитан стереотип, что времена нэпа — это разгул жирных уголовных воротил, барышников и спекулянтов. Я, как криминолог, могу вас заверить, что с 1922 по 1926 год преступность у нас постоянно сокращалась, а жизненный уровень рос. Весь реконструктивный период, до 1932 года, прошел без прописки, и ничего не рухнуло. Почему-то об этом сейчас не говорят.

Я попросил Александра Максимовича Яковлева прокомментировать предложения по усовершенствованию паспортно-прописочной системы, разрабатываемые МВД СССР и Министерством юстиции СССР.

— Они улучшат положение, и я приветствую эти меры. Но это только часть моего мнения, и она не колеблет основного упрека, который я не могу не адресовать в принципе к паспортному режиму. Он заключается в том, что право решать, где я, гражданин своей страны, буду жить и работать, принадлежит только мне. И никакие планируемые усовершенствования системы прописки этого кардинального нарушения моего базисного конституционного права не устраняют. В полумерах есть страшная опасность. С одной стороны, они оправдываются беспечностью, так сказать, несотрясенным, невведшимся дезорганизации. Но, с другой стороны, у нас нередко частичные меры выдаются за реальное решение вопроса и тем самым кардинальное решение из поля зрения устраняется. Поэтому я хотел бы предостеречь. Эти меры, безусловно, сыграют доброе дело, открыв миллионам людей отдушину в стене. Но не надо принимать отдушину за уничтожение самой бетонной стены.

— В чьих же силах и в чьей компетенции все-таки изменить эту систему?

— Верховного Совета СССР. Я предлагаю новому его составу и прежде всего Комитету конституционного надзора, который будет создан Верховным Советом, в свою повестку дня среди прочих незамедлительно поставить вопрос о соответствии паспортной системы Конституции СССР.

Закончить этот материал хотелось бы древней аналогией.

...В обществе, как и в организме, существуют нервные узлы и кровеносные сосуды, по которым беспрепятливо и бесконечно (пока живо, конечно, это общество) идет перелив людей, товаров, материалов, интеллектуальных и материальных ресурсов: из города — в деревню, из деревни — в город. Нет ни одной клеточки, исключенной из этого процесса. Исключение — это болезнь, смерть. В организме же нашего общества целые органы и области оказались перекрытыми, парализованными. Чувствуете? Всем нам необходимо срочное, радикальное лечение — здравым смыслом.

Виктор ЛИПАТОВ

«...НА ЖИЗНЬ, НА ТОРГ, НА РЫНОК...»

Сытые на выставке голодного — зрелище. Сытые разнежены и сочувствующи, голодный собран и напряжен. В этом теле дух, конечно, богаче, пахнет хлебом, пашней, цветами. В голодном — дух, как меч, и пахнет железом.

Аскет всегда фанатичен? Фанат обязательно аскетичен? Аскет поновеле, фанат по жизненной удаче, Павел Филонов, о выставке работ которого — речь, расхохотился с окружающим миром в определении счастья. Космос будущего, где надлежало расцвести цветку космоса внутреннего мира человека, был — для тех, от кого и само существование художника зависело. — лишь туго набитым брюхом и корыстной властью.

Мерила счастья катастрофически не совпадали. Мощная сосредоточенность времени, излучающая на современность, и современность, безнадежно отстающая от времени, но цепко держащая его в узде.

Художник-исследователь — вот как он себя называл. А вообще-то для Филонова обязательна триада: художник — исследователь, изобретатель, революционер.

Если обобщить — вдохновенный жрец Бога Разума: «...проламывать дорогу интеллекту в отдаленное будущее». Грандиозные просторы грядущих дней Филонов провидит трезво и причинно: «чтобы человечество вошло туда (в будущее. — В. Л.) не таким кретином, каким оно является ныне». Стремление к свету предполагает резкое высветление мешающего. Он не судит человечество, а предлагает ему свою помощь; нет, — навязывает. Потому что «...чрезвычайно горд и нетерпелив... Всякую половинчатость он презирал». И учеников учил жестко: «Плачь, но рисуй». Вместе с тем добр, предан, мелких раздоров не любил. Когда Мандельштам вызвал Хлебникова на дуэль, именно Филонов «образумил их».

Познание мира — долг. Картина — «фиксация интеллекта». Лишь вбирая интеллект, картина его же и излучает. Действует адекватно силе, «с какой действовал над собою мастер». Только сильно развитый разум позволяет сквозь привычные покровы увидеть движение мыслей и рождение эмоций. Постигнуть бег частиц в потоках течений, образующих организм. «...так как я знаю, анализирую, вижу, интуитивно, что в любом предмете не два предиката, форма да цвет, а целый мир видимых и невидимых явлений, их эманаций, реакций, включений, генезиса, бытия, известных или тайных свойств, имеющих, в свою очередь, иногда бесчисленные предикаты...».

В руках у художника маленькая кисть: чтобы и самую ничтожную, величинной с игольный укол, почти невидимую часть природы заметить и сработать на диво. Он странится, что большой кистью смахнет эту важнейшую кроху. Ведь и она — «единица действия».

«Не так интересны штаны, сапоги, пиджак или лицо человека, как интересно явление мышления с его процессами в голове этого человека или то, как бьет кровь в его нере через щитовидную железу...». В стремлении постичь круговращение внутренней жизни в организме и природе усматривали предвосхищение достижений науки бионики.

«Живая голова» — попытка наблюдать рождение мыслей и ощущений, рождаемых пульсацией крови и движениями мышц. Изображение сна искорок жизни.

На автопортрете худое скульптурное лицо, лоб мыслителя. Художник кистью нацеливается на точку атома. «Каждый атом должен быть сделан».

Он говорит о «сделанности» вещи как о ее главном мерице — в противовес интуиции и вдохновению. Разум и высокий профессионализм. Рассчитать и превосходно сделать.

Заметим, что художник умел великолепно изображать и штаны, и сапоги, и пиджак, и лицо, о чем убедительно свидетельствует портрет А. Ф. Азисера, написанный в лучших традициях реалистической живописи рубежа веков. Но главенствует постулат: «Интересен не только циферблат, а механизм и ход часов...»

Воспевая трезвый и всепроникающий холод разума, Филонов понимает цвет, как тепло. Цвет «въедается» в атомы, как тепло в тело». Внутри цвета солнечный свет. Картина напоена цветовым теплом. Жизнь расцветает. Картина растет, как кристалл, как живой организм — «атом за атомом, как совершается рост в природе». Творение картины — это один из процессов природы. Многие свои картины именует он формулами.

Мастер действует над собой, картина отражает эти действия. Оттого так огромно уважение к «Всевидающему глазу» и «Знающему глазу». Поднимается знамя аналитического искусства как наиболее революционного. Велимир Хлебни-

ков, описывая художника (очевидно, Филонова), вкладывает ему в уста следующие слова: «Я тоже веду войну, только не за пространство, а за время. Я сижу в окопе и отымаю у прошлого клочок времени». Художник, как спасатель. Он бросается в бурное движение волн жизни, чтобы не дать исчезнуть биоэнергии в пучине времени.

Человек с лицом подвижника и «фигурой апостола», Филонов всегда социален. Человечество — кретин... «Кому нечего терять»: каменные надолбы города сминают одеревеневших людей-роботов. Предреволюционная Россия. Среди машинного ритма странно смотрится человек, прислоняющий руку ко лбу. Робот-мыслитель? В «Волах» художник откровенно объясняет: сцены из жизни дикарей. Гюрьмами смотрятся хаты, уродливые животные бродят по улицам. Вымученно-бледный серенький колорит... У «Дворников», восседающих у самовара, — лица осведомителей. А в штольнях жизни движутся крепкие фигуры рабочих — механическое, заученное, «связанное» движение фигур.

В «Формуле городского» и «Казни»: обнаженные, врастающие в стену в ожидании расстрела, распятия с распятиями и властвующие — квадратные люди на квадратных лошадях.

«Подкрадывается город с кинжалом Брута», — писали футуристы. Филонов с душевной теплотой рисует московский дворик, но город в целом видит, как столпотворение слепоглазых зданий, как каменное месиво. «Растущее торжество Машины» (Маринетти) вызывает в нем не восхищение, а тревожное беспокойство. Хлебников называл Филонова малоизвестным певцом городского страдания.

Каменная пустыня порождает мутантов — зверей с мордами, в которых угадываются черты человеческих лиц. Мотив расправы: лениво-угрожающе и победоносно звери потягиваются среди трупов мужчин, женщин, детей. Но чаще звери похожи на оживших, непомерно выросшие игрушки, в которые страшно играть.

«Человек отнял поверхность земного шара у мудрой общины зверей и растений и стал одинок... — писал Велимир Хлебников. — Изгнанные из туловищ, души зверей бросились в него... Построили в сердце звериные города».

Звериное в человеке приобретает у Филонова и политическую, антимещанскую окраску. В «Формуле буржуазии» последняя представлена свиноподобным существом. «Ломовые», управляющие лошадьми с человеческими глазами, звероподобны. В «Шпане» звероподобятся лица хулиганов. А в картине без названия на фоне города в кресле-каталке сидит-правит обезьяноподобное существо. Намек художника?

Превращения людей в зверей и зверей в людей — два взаимонаправленных, но несовмещающихся потока.

**Я со стены письма Филонова
Смотрю, как конь усталый, до конца.
И много муки в письме у оного,
В глазах у конского лица.**

Через муку художника к муке конского лица. Таким увидел себя в портрете Велимир Хлебников.

Апофеоз бессмысленности бытия — война («Германская война»). Каток «Войны Великанши» кристаллизует лица, ноги, руки — асфальт уничтожения. Свет и тени мечутся над расслоением человеческих тел: «На немецких полях убиенные и убойцы прогнили цветявом».

Солдат Филонов, участник этой войны, стал революционным солдатом. Его избирают председателем солдатского съезда в Измаиле, председателем центрального исполкома Приднестровского края и военно-революционного комитета. А в Петрограде он — руководитель отдела общей идеологии института художественной культуры. Природный организатор и целеустремленный человек, Филонов всегда искал единомышленников. Он создает группы молодых художников, и это социально направленные группы.

Самому Филонову свойственно то, что впоследствии назвали утопией о братской жизни на земле. Он воспевает крестьянскую семью. Горбатится силой могучий апостоловидный муж — мужик. Его руки вознесены — меж них парит ребенок. Прекрасная жена восхищается ребенком. Верный пес шерит зубы, петух с курицей деловито клюют, а нежный лошенок подбегает к людям, излучая преданность и сочувствие мягко-бархатными человеческими глазами. Пышное царство растений, цветов, плодов окружает семью. Люди — всдержители земли. Второе название картины — «Святое семейство». Мотив святости и в другой картине — «Трое за столом». Дед-лесовик, женщина с чашей и воздающий хвалу — пред чудом цветущей жизни. Самозабвенное созерца-

ние возносящихся, движущихся форм, волшебного мира цвета и света. Лица обозначены благодарственным настроением.

Но уже в «Коровниках», где также рассказ о жизни на природе, с природой и в природе — резко усиливается мотив недоумевающей притчи. Мир коровниц и коров, осененный изобилием сочно вылепленных плодов, возносится над дальними каменными строениями. Но сами коровницы уже смотрятся и существами пришлыми из лесных закоулков, из степных далей. Они как идолы, как божки — в фигурах сделанность, высеченность и из иного, неживого, вещества. Угластые коровы с осмысленным выражением глаз проявляют самостоятельность. Густота, дробность, смещение реальных соотношений мира... Возможно, следует отнести к этому ряду и «Масленицу», где, усыпанная цветами, веселая кутерьма людей, лошадей создает ощущение праздника, происходящего по ту сторону сознания.

Человек рождает мир, мир рождает человека. Филонов не делил землю на страны, а свою планету видел в общем хорюде Вселенной, которую пытался выразить одной формулой.

**Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текущая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.
(В. Хлебников)**

В картине «Победа над вечностью» множество цветных полусфер-парусов, наполненных ветром космических просторов. Это — итог, а начало плавания — в «Кораблях», где, как летучие голландцы, скользят светлые легкие парусники без единого человека на борту.

Художник создает переменчивый и переимчивый красочный мир кристаллических решеток, атомов, частиц, знаменующих рождение мыслей и чувств, биение сердца и бег крови — из этого мира летится человек. Слово занавесы раздвигающей и из цветовой мозаики выглядывают, выплывают всматривающиеся лица, лики: возникают контуры людей-невидимок. В этой пестроте фигуры мужчины и женщины — формирующиеся, парящие в воздухе, в космосе. Мотив летящих фигур. Их оттеняет действие жизни: от шута до бессмысленного монарха.

Филонов сочиняет «Декларацию мирового расцвета» и пишет цикл картин «Ввод в мировой расцвет». Его призывы: «Художник... имей идеологию в мировом масштабе, научное восприятие и его запросы» — подтверждает: он мыслит планетарно и думая о лучезарном будущем. Цветы — символ этого будущего — кристаллически множатся, устремляются вверх, нежно пылают. Цветы, как соединяющая поэзия жизни. В букетах светло-розовых цветов (рисунку на ковре) художник изображает любимую сестру, кому выпало сыграть в его жизни охранительную роль. Она спасла его картины и подарила Русскому музею. Перед нами портрет слушающего собеседника, чей душевный мир незамутнен и ясен, а облик полон прелести и изыска. За неимением холста портрет написан на переднике дворника. Другого, близкого Филонову человека — Велимира Хлебникова назовут «священником цветов».

Вера в мировой расцвет была связана с верой в бессмертие человеческой души. Еще в манифесте «Интимной мастерской живописцев и рисовальщиков «Сделанные картины» было сказано: «могучая работа над вещью, в которой он (художник. — В. Л.) выявляет себя и свою бессмертную душу... мы первые открываем новую эру искусства... и на нашу родину переносим центр тяжести искусства, на нашу родину, создавшую дивные храмы, искусство кустарей и иконы». Филонов, один из лидеров русского авангарда, выступал антагонистом нового искусства Запада и его лидера — Пикассо, не находя в нём «революционного значения».

В сложной, трехчастной взвихренной «Формуле петроградского пролетариата» сквозь переключившиеся токи и конструкции нагромождений, купаясь в восходящих потоках рассыпающейся геометрии, прорываются познающие и молящиеся лица и люди, животные, дома, группирующиеся в башни. Вырастает человеческая фигура с расслаивающимся большеглазым лицом — «единица». Филонов учил: «Точка — это единица действия, а единица может быть разной величинами».

Целое состоит из множества точек, а каждая точка может стать обобщающим целым.

Перед нами формула движений и связей.

Фигуры времени возникают на картинах художника: рабочий, колхозник с истовым, печально-задумавшимся лицом; механик, шкест-изобретатель. В тридцатые годы Филонов вспоминает революционные события ушедших времен и рисует грустное лицо Ленина, его фигурку на фоне красных и синих линий электросистемы («ГОЭЛРО»). Ленин как пахарь на расцветающем поле. Сосредоточенно-недоумсвающие лица людей в цилиндрах — лица буржуазии? Единую устремлен солдатский ряд рабочих с молитвенно сложенными руками.

Художник пытается всмотреться в лицо человечества. Во многих картинах — массы людей — протестующие, движущиеся к какой-то цели, люди со множеством рук...

Иные рисунки и акварели художника выглядят пиктограммами. Знак у него носитель определенного символа. В «Формулах» пластика знаков соединяется с конкретной реальностью, представляя явные только ему присущие красочной характеристикой.

В один непрекрасный момент встает между художником и пролетариями, строящими социализм, некто, затянутый во френч или тужурку, безапелляционно осуществляющий политику власти в области искусства. И когда Филонов преподносит в «Дар Пролетариату» свои картины, их ставят лицом к стене запасника. Художник знает: даже повернутая к стене, картина излучает, но утешение это слабое.

Власть захватила «изосволючь». Не совпадали цели, разнился образ жизни, не был даже родственным язык. Собраты по кисти оказались зайцами, храбрыми лишь во хмелю.

Начиная с «Петроградской ночи» («Налстички») звучит в картинах Филонова тема налета. Унижения и запоздалого гнева. Насилия и порабощения.

Распластанные, сшибленные люди. И — уже поднявшиеся, стягивающие первую изморозь оцепенения, негодующие простирающие руки. Сквозь людей прорастает событие, таящее в себе опасность. Мотив побывавших и ежесекундно могущих вернуться зверей.

Филонов оказывается в вакууме. Изосволючь надежно ограждает его от выставок и от минимальных средств к существованию. Цепную реакцию зла осуществляют люди. Оказывается, самым опасным в страшном ряду: Сталин, Берия, Ягода, Ежов — является именно он — Ивасенко, человек во френче, спец по искусству, зам. директора Русского музея. Его слова импонируют той эпохе: «...я разъяснил партийным кругам (читай: донес.— В. Л.), что искусство Филонова отрицательное явление, ...что оно непонятно. Я поднял против него советскую общественность. Его искусство — контрреволюционно». И пошли по партийным кругам — круги.

Тюремные двери запасников захлопывались за картинами Филонова. Люди режима тешили себя спецхранами и спецзапасниками. Поносить в печати опального художника стало признаком хорошего тона. Преподавать ему запретили.

Филонов никогда не сомневался в своей правоте. Был искренен, честен и негибасем. Слова Хлебникова «Родина сильнее смерти» могли бы стать его девизом. За границу уехать не мог — мог жить только у себя дома, здесь был нужен. Голодал, но картины за рубеж не продавал, считая зазорным. Все — в Дар Пролетариату: «...сделать... выставку в городах Союза и в Европейских центрах и сделать из них музей аналитического искусства».

Он, «беспартийный большевик», мог эмигрировать лишь внутрь самого себя, абсолютно уверенный в том, что «...ведет подпольную революционную работу в области творчества», что пролетарии его понимают. Когда в 1929 году созвали для осуждения его готовящейся выставки рабочих-передовиков, т.е. вопреки ожиданиям организаторов травли, осуждать не торопились. «Рабочие сами, — говорил один из выступавших, — смогут расшифровать искусство Филонова». Подтверждалось убеждение мастера, что «Художник-пролетарий должен действовать на интеллект своих товарищей пролетариев не только тем, что им понятно в нынешней стадии развития». Конечно, ивасенки приходят и уходят, а народ остается, но остается он в меньшем количестве, потому что ивасенки шагают по лестнице, коей ступени сложены из трупов. Народ остается в замкнутом кольце страха, а ничтожный червь большого аппарата говорит от имени народа и решает за него. И художник-пролетарий обречен на голодное существование. Из дневника за 1935 год: «...жил только чаем, сахаром и одним кило хлеба в день. Лишь один раз купил на 50 коп. цветной капусты да затем, сэкономив на хлебе, купил на 40 к. картошки, «раскрасавицы картошки». Дней за десять до 30 августа, видя, что мои деньги подходят

к концу, я купил на последний чай, сахара, махорки и спичек и стал, не имея денег на хлеб, печь лепешки из имевшейся у меня белой муки... спеш утром последнюю лепешку из последней горсти муки, готовясь по примеру многих, многих раз — жить, неизвестно сколько, не свши». Он сам шьет себе рубахи, штаны, обувь. Картины пишет чаще всего на бумаге и картоне, денег на холст и хорошие краски не было.

Сын прачки и кучера, Филонов с детства научился переносить лишения. Когда в молодости путешествовал в Италию, Францию, Иерусалим — за кусок хлеба раскрашивал вывески и заборы. Что думал он, вырисовывая сталинские усы на портрете для клуба балтийских моряков? Какие чувства владели им? Отвращение или спокойствие талантливого человека, рожденное отвращением от злобной суевы мира? Тоненькая светлая ниточка дара в сплошном мраке и человек, сле лоявший ослабшающими руками ускользающий лучик, — а все же бредит и бредит, не зная и не теряя надежды.

Были арестованы близкие ему люди. Повесился в тюрьме любимый ученик. Убили Кирова — в дневнике появляется болезненный вскрик. Началась война. Филонов жил, как все честные ленинградцы. Когда сестра предложила записаться провантом, ответил резко: «Если такие люди, как вы и мы, будут делать запасы, это будет преступление». Всю жизнь он жил под знаком совести. Гордо, без тени всепрощения, не примирясь с жирной властью и изосволючью.

**Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок.
И войско песен поведу
С прибоем рынка в подинок.**
(В. Хлебников)

Но прибой набегал все сильнее и постоянно бил его о камни...

В лихую военную годину художник не прекращал работы, гасил бомбы-зажигалки, заботился о близких. Последние четыре картошины отнес сестре. И в декабрьские дни 1941 года умер.

**четвертован
вулкан погибших сокровищ
великий художник
очевидец незримого
смятия холста.**
(М. Крученых)

Голым он пришел в этот мир, нищим жил в нем, едва ли не голым положили его в сырую землю. В своей интересной статье о художнике Александр Васинский рассказывает, что Союз художников оказал единственную услугу Филонову: дал девять досок на гроб. Такого благородство палачей: вгоняя в гроб, они еще и стучат молотком, забивая последние гвозди.

«Настояны судьбой филоновские соты...» (Андрей Вознесенский). Поэты всегда понимали творчество художника. Может быть, и потому, что он и сам был поэтом. Во всяком случае, Хлебников хвалил его стихи. Художник М. Матюшин писал о книге «Пропевень о проросли мировой»: «Как бы коснувшись глубокой старины мира, ушедшей в подземный огонь, его слова возникли драгоценным сплавом...»

Холодом тихой кромешности отмечены иные картины Филонова. Подземный огонь бликует на фигурах королей. Кажется раскаленными каменные кресла. «Художник написал пир мертвых, — замечал Хлебников о «Пире королей», — пир мшья. Мертвцы величаво и важно сдят овощи, озаренные подобно лучу месяца бешенством скорби. Мертвые короли, мертвый шут, мертвый философ. Короли — идолы, которым мажут губы кровью. Отслужив свою идольскую службу, сходятся они за столом, предаваясь бешенству скорби о былом могуществе. Иногда, впрочем, кажется, что это пируют самочинные короли, узурпаторы, кроваво захватившие власть, — и потому стократ зловещ, мрачен и лихорадочен пир времешников.

Девять дней, пока не было досок, лежал мертвый художник под этой картиной. Короли пировали. Радовались упыри. Закрылись вишневые глаза неспокойного человека, которые могли, не отрываясь, долго смотреть на солнце.

На автопортрете кривая крупная костлявая рука обхватила голову, в которой трудно и самобытно вращался его интеллект, стремившийся подарить людям то незримое, что сделает их жизнь прекрасной и расцветающей.

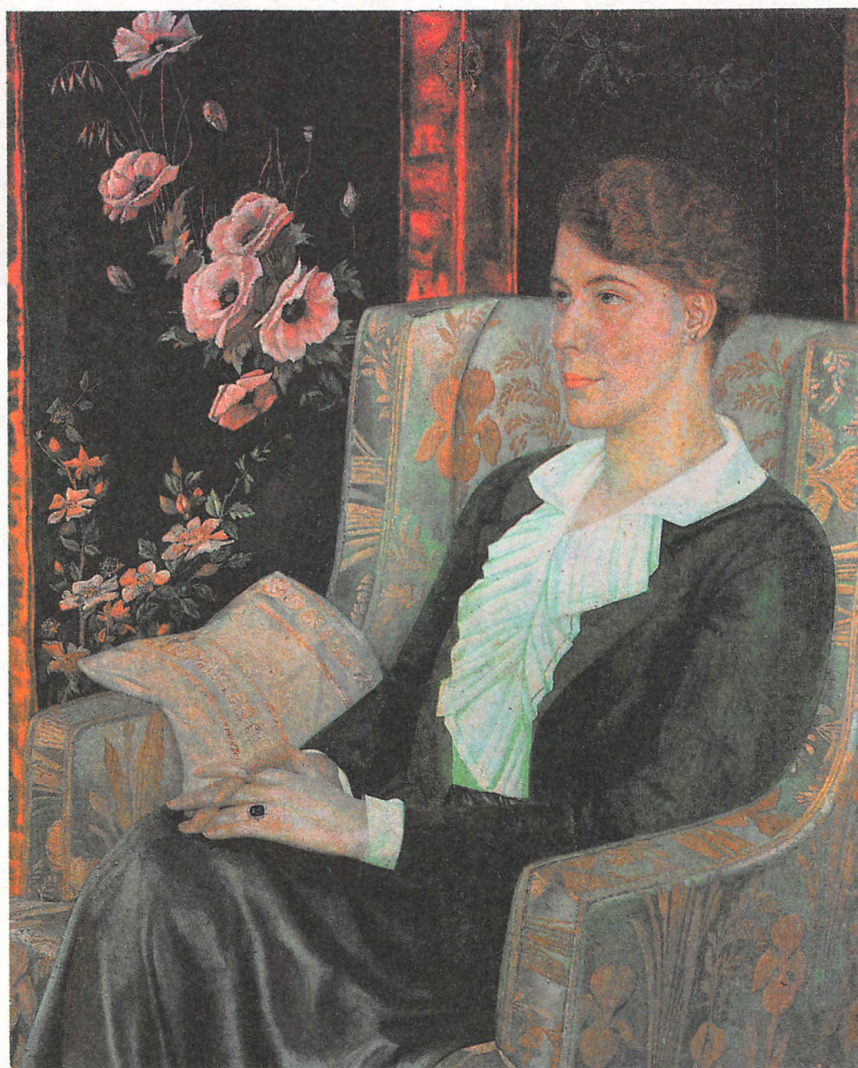

Пир королей. 1913 г.

Из произведений
П. Н. ФИЛОНОВА
1883—1941 гг.

Масленица. 1913 г.

Портрет Е. Н. Глебовой. 1915 г.

Крестьянская семья. 1914 г.

Нарвские ворота. 1929 г.

Марк АЛДАНОВ

АСТРОЛОГ *

Рассказ

Марк Александрович Алданов (1886—1957) в ряду русских писателей-эмигрантов старшего поколения занимает почетное место. Его книги переводят на многие языки, о нем защищают диссертации, пишут воспоминания.

Главный труд Алданова, дело его жизни — серия из шестнадцати крупных по объему романов, охватывающая почти два столетия русской и европейской истории: от дворцового переворота 1762 года, когда на русский престол, приняв имя Екатерины II, взошла немецкая принцесса Софья Фредерика Августа, до 1953 года, когда умер Сталин. Описания исторических событий, портреты выдающихся деятелей у Алданова исключительно рельефны.

Люди как высшая ценность, значимость отдельной человеческой жизни — едва ли не главная тема Алданова. Он убежденно повторял слова Декарта: «Законы общества ставят себе целью, чтобы люди помогали друг другу или по крайней мере не делали друг другу зла». Знаменитости, исторические деятели в его книгах зачастую не выше рядовых людей, их просто поднял на поверхность Его Величество Случай.

Химик по образованию, Алданов дебютировал в 1915 году в России книгой «Толстой и Роллан». В дальнейшем почти вся его писательская жизнь прошла во Франции. Лишь в годы второй мировой войны, спасаясь от фашистов, он обосновался на некоторое время в США. Но главной его темой, главной любовью оставалась Россия. В русском характере, русской культуре он видел воплощение внутренней гармонии, «красоты — добра».

Рассказ «Астролог» обращен к сравнительно редкой для Алданова зарубежной теме. Он состоит из двух частей, объединенных общим замыслом. Вначале зарисовка характера «маленького человека», представителя загадочной профессии. Затем личность героя отодвигается на второй план масштабными историческими событиями. «Судьба человеческая» сливается с «судьбой народной».

Тех из читателей, кто захочет лучше познакомиться с творчеством этого большого и своеобразного художника, отсылаем к журналам «Сельская молодежь» и «Дружба народов»: в них опубликованы романы Алданова «Девятое термидора» и «Ключ».

* Автор осенью прошлого года посещал в Европе французских и немецких астрологов. Их сообщения и сеансы частью послужили материалом для настоящего рассказа.

«Сударыня, я получил Ваше письмо и благодарю Вас за доверие. Я тотчас приступил к сложным вычислениям, которых требует составление гороскопа. Эта работа еще далеко не закончена, но я уже мог убедиться в том, что судьба складывается для Вас как будто весьма благоприятно.

Могу уже сделать и некоторые выводы относительно Вашей личности. Ваш характер весьма симпатичен. Вы очень умны, хотя Ваши недоброжелатели это отрицают. Вы сотканы из противоречий. Иногда Вы тверды и мужественны, но иногда легко поддаетесь чужим, не всегда благотворным влияниям, теряете мужество и бодрость. Вы страстно жаждете жизни, однако порою чувствуете большую душевную усталость. Некоторых противоречий Вашей сложной натуры Вы еще не знаете сами. Не все люди видят Ваши редкие и прекрасные качества.

Счастливы ли Вы? Не думаю. Между тем в Вашей судьбе заложены возможности великого счастья. Некоторые из них уже были Вами упущены, о чем Вы, вероятно, и не догадываетесь. Опытный руководитель мог бы сделать Вас счастливейшей женщиной. Предлагаю Вам свое испытанное руководство.

По Вашим словам, Вас еще больше, чем Ваша судьба, интересует отношение к Вам человека, которого Вы любите. Но разве одно не связано теснейшим образом с другим? Думаю, что Вы созданы для этого человека и могли бы сделать его счастье. К сожалению, указаний, которые Вы о нем даете, совершенно недостаточно. Для бесспорного ответа на волнующие Вас вопросы я должен составить и гороскоп этого лица. Поэтому мне необходимо знать дату его рождения. Кроме того, многое может быть выяснено и не астрологическим путем. Вам известно, что я не только астролог. Не считите меня нескромным, если я скажу, что своей мировой славой я обязан в такой же мере своим познаниям в хиромантии, онеиромантии, офиомантии, рабдомантии, экономантии, — великих и древних науках, изучению которых посвятили долгую жизнь и я, и все мои предки.

Все это требует личного свидания и беседы. Вы спрашиваете о моих условиях. Как Вам, конечно, известно, я не корыстолюбив и охотно работал бы на пользу людей совершенно безвозмездно, если бы

I.

в этом не было элемента, оскорбительного для моих клиентов. Ваша личность так привлекательна и судьба Ваша так меня заинтересовала, что я готов предоставить Вам льготные условия, которых я не предоставляю даже самым знаменитым писателям, врачам, адвокатам, удостоивающим меня издавна своего доверия. Предлагаю Вам следующее:

1) За сообщенное в настоящем письме я не беру с Вас ничего.

2) Ваш полный гороскоп обойдется Вам в двести (200) марок. С рядовых клиентов я обычно беру вдвое больше. До войны мне случалось составлять гороскопы представителей англо-американской плутократии, как Франклин Рузвельт, Рокфеллер, Вандербильт, герцоги Вестминстерский и Норфолькский, сэр Вальтер Скотт. Они платили мне тысячи долларов, которые я почти целиком отдавал на благотворительные дела.

3) Если Вы пожелаете иметь также гороскоп человека, о котором Вы говорите в письме, то я по совокупности возьму с Вас за оба гороскопа триста пятьдесят (350) марок.

4) Если Вы сделаете мне честь посетить меня в среду, в 10 часов утра, то консультация, с раскладкой карт, обойдется Вам лишь в пятьдесят (50) марок.

В ожидании Вашего скорого ответа прошу Вас принять уверение в моей совершенной преданности. **Neil Hitler!**»

За подписью следовала дата: «13 апреля 1945 года. Сидеральный час 10.30'». Наверху листа были выгравированы имя и адрес Профессора, номер его телефона и слова: «Просят прилагать почтовую марку для ответа». Имя у него было длинное и странное. Прежде он считался индусом, но с начала войны говорил, что он индонезиец.

Профессор перечел копию своего письма и вздохнул. Не любил обманывать людей, однако надо было жить. «Ах, Боже мой, очень многое в жизни построено на человеческом легковерии, и какое это было бы несчастье, если бы люди не были легковерны!» — подумал он и на этот раз. Пожалуй, в письме не следовало упоминать об англо-американской плутократии, особенно теперь, когда дела Германии шли так плохо. Но Гестапо нередко вскрывало его корреспонденцию. Кроме того, в день, когда он писал письмо, положение стало лучше: русские больше не наступали, радиокomentаторы говорили, что между большевиками и демократиями произошел разрыв. Умер президент Рузвельт, и это событие тоже толковалось радиокomentаторами, как огромная удача национал-социалистов. Быть может, лучше было бы и не упоминать о Вальтере Скотте; впрочем, Профессор по долгому опыту знал, что его клиенты в громадном большинстве люди необразованные. «Письмо написано хорошо. Нет такой женщины, которая не думала бы, что она очень умна, что у нее редкие, прекрасные качества и сложная, противоречивая натура, что она создана для любимого человека и что ее не ценят недоброжелатели».

В письме, полученном им от этой дамы, не было ничего интересного. Большая часть клиентов не называла вначале своего имени и просила посылать письма «до востребования». Позднее же многие, особенно дамы, не только называли имена, но и сообщали о себе все, вплоть до самых интимных дел. Профессор первые свои выводы делал по слогу письма, по бумаге и почерку. Перед свиданием он всегда перечитывал запрос и копию своего ответа. Годы на нем сказались: память ослабела, он стал в последнее время болтлив и повторял одно и то же еще много чаще, чем это делают все люди.

В этот день у него с утра было знакомое неприятное ощущение под ложечкой, обычно, хотя и не

всегда, предвещавшее припадок. Он плохо спал, проснулся очень рано, первым делом отворил окно, застегнув халат, чтобы не простудиться, и прислушался. В Берлине говорили, будто по ночам слышится отдаленный грохот пушек. «Нет, кажется, ничего не слышно... Ночью налета не было... Ох, пора уезжать»...

Это был маленький старичок с желтыми волосами вокруг желтой лысины, с хитрыми желтыми глазками, с желтой бородой, с желтым утомленным лицом. Профессор страдал болезнью печени и по возможности это скрывал, чтобы не повредить своей торговле: хотя клиенты не могли требовать, чтобы астролог был бессмертен, болеть ему не полагалось. Он был чистокровный немец, но с годами в его внешнем облике появилось что-то восточное, — это было даже не совсем безопасно: могли принять за еврея. Говорил он с неопределенным иностранным акцентом, справедливо рассчитывая, что в Берлине никто не может знать, с каким именно акцентом говорят по-немецки индонезийцы. Разумеется, полиция прекрасно знала, кто он. Однако астрология запрещена в Германии не была. У Фюрера были свои астрологи. Первого из них, Гануссена, давно убили — это могло объясняться его еврейским происхождением. Новый астролог Гитлера, Дитерле, по слухам, и теперь постоянно у него бывал, в рейхсканцлерском дворце, на фронтах, в «Орлином Гнезде», в нынешнем подземном убежище на Вильгельмштрассе. В последнее время астролог Вульф стал посещать Гимmlера. Профессор был знаком и с Гануссеном, и с Дитерле, и с Вульфom; отзывался о них всегда сдержанно-корректно, как порядочный врач отзывался о других врачах, но в душе их терпеть не мог и считал шарлатанами.

Он прошел в ванную комнату — горячей воды давно не было — и минут сорок занимался туалетом. Чистота была слабостью Профессора; он говорил приятельницам, что у порядочного человека может быть в общественной жизни только один идеал: дожить до того времени, когда купаться каждый день будет так же обязательно, как есть каждый день. Надушившись крепкими восточными духами, расчесав золотым гребешком бороду, срезав торчавшие из ушей и ноздрей желтые волосы, он надел черный костюм, сшитый у лучшего портного, с двумя внутренними карманами, с отворотами на брюках, правда, сшитый уже довольно давно, в ту пору, когда из Бельгии и Голландии привезли в Берлин прекрасное английское сукно. Профессор не был богат. Его состояние, скопленное годами труда, растаяло в пору инфляции, — знакомые скептики, к крайней его досаде, издевались: «Как же вам звезды не сообщили, что марка полетит к черту?» Правда, заработки его увеличились при Гитлере. Все случившееся в Германии было так странно и неправдоподобно, что, по-видимому, люди стали больше верить в колдовство. Попадались клиенты и среди новых господ. Профессор их боялся, но и они боялись астрологов; впрочем, платили скупом, торговались и порою намекали на свои связи. Он с достоинством отвечал, что кое-какие связи найдутся и у него, однако тотчас соглашался на скидку. По своей доброте и жизнерадостности, Профессор недолюбливал национал-социалистов и до 1933 года называл Гитлера «Маляром». Веймарскую республику Профессор тоже недолюбливал — всего больше за инфляцию — и называл Эберта «Шорником». Настоящая жизнь была до первой войны. Профессор ненавидел войну и приходил в уныние, когда в газетах начинали появляться географические карты.

Его небольшая квартира была обставлена частью в готическом стиле, частью в восточном: не то индийском, не то турецком. Профессор был женат два раза. Обе жены от него ушли: первая признала, что он для

нее слишком глуп, вторая — что он слишком глубок: они не интересовались астрологией, и им было с ним скучно. «Чаще всего люди разводят оттого, что им не о чем говорить друг с другом», — грустно думал он. Впрочем, он не очень горевал и находил, что в одиночестве есть известные преимущества: например, очень приятно спать одному — зажигаешь лампу, когда хочешь, тушишь, когда хочешь, тянешь к себе одеяло, как хочешь. Его приятельницы жаловались, что он всегда рассказывает одни и те же истории, все больше астрологические. Он недоумевал: неужели это не интересно? Однако иногда сам удивлялся, что ему не о чем рассказывать: так мало событий случилось с ним за семьдесят лет, в самую бурную эпоху истории. Изредка он приглашал бывших приятельниц на обед, всегда в очень хороший ресторан, и заказывал дорогие вина. Скуп никогда не был, хотя, случалось, с легким огорчением вспоминал об истраченной без необходимости сотне марок. Любезен он был чрезвычайно и всем знакомым, дамам и мужчинам, говорил в глаза только приятное, зная, как мало этим люди избалованы и как это ценят. В пору своих поездок на курорт он в вагоне, надев шапочку и мягкие туфли, угощал соседней конфетами и хвалил удобства железных дорог. Профессор даже о погоде старался отзываться лестно, точно допускал, что и она любит комплименты. О политике же он старался не говорить, особенно с июля прошлого года: заговор парализовал его еще больше, чем война — войны бывали всегда, но уж если вешают германских фельдмаршалов, значит, в мире возможно решительно все.

В столовой был приготовлен утренний завтрак. Профессор не держал ни горничной, ни кухарки. Он всегда чувствовал неопределенное беспокойство, когда в доме находился посторонний человек. Утренний завтрак готовила уборщица Минна, угрюмая, неболтливая женщина, приходившая только на два часа в день. Она была совершенно равнодушна к личности своего работодателя и к его занятиям, убирала же квартиру хорошо. Прежде по утрам Минна готовила ему яичницу с салом, овсянку, компот. Теперь все было трудно доставать. Яичница запрещалась при камнях в печени. Профессор выпивал утром только две чашки кофе с поджаренным хлебом. Однако утренний завтрак по-прежнему составлял одну из лучших радостей его жизни. Кофе был сносный. Но он помнил настоящий кофе, тот, что был при императоре Вильгельме, тот, что он пил у Кранцлера, у Бауера и в Café Victoria.

За завтраком Профессор развернул газету и изменился в лице. Русские начали наступление на фронте шириной в триста километров. Наступали одновременно десять советских армий. На первой странице был помещен приказ Фюрера по войскам восточного фронта. «Наш враг № 1, иудо-большевики, бросили свои азиатские орды против нашего отечества с тем, чтобы положить конец германской цивилизации. Мы предвидели это наступление и с 11 января установили прочный фронт», — читал Профессор с проклятиями. «Знаю, как Маляр все предвидел! Красил бы лучше заборы!» — думал он. «...Большевиков на этот раз ждет участь всех азиатских завоевателей. Они погибнут под стенами нашей столицы...» — «Вот оно что! Уже дошло до «стен нашей столицы», — мрачно думал Профессор. «...В момент, когда судьба убрала из мира величайшего военного преступника всех времен, решается судьба войны...» Профессор не сразу понял, что величайший военный преступник всех времен был президент Рузвельт. «Кажется, Маляр совершенно выжил из ума...» На западном фронте дела были не лучше, чем на восточном. Третья американская армия генерала Паттона перешла чешскую границу. Первая армия генерала Ходжеса тоже стремительно

продвигалась вперед. «Хоть бы они сюда пришли первыми, а не русские», — подумал Профессор. «Конечно, надо бежать, но как? Давным-давно надо было уехать в Швейцарию...»

Он вздохнул и перешел в свой рабочий кабинет. В этой большой роскошной комнате на одной стене висела огромная картина, изображавшая процессию факиров на Ганге, а на другой — знаки Зодиака. На полках стояли прекрасно переплетенные Эфемериды. На небольшом узком столе, крытом желтой бархатной скатертью с вышитыми на ней восточными письменами, лежали магический шар и старинный футляр с картами. По сторонам узкого стола стояли два высоких готических стула. Все было в совершенном порядке. В комнате приятно и странно пахло. Профессор отворил готический шкаф, надел желтую мантию и белый тюрбан. Несмотря на многолетнюю привычку, ему всегда было немного совестно надевать этот наряд.

До времени, назначенного клиентке, еще оставалось минут десять. Он плотно затворил дверь и пустил в ход радиоаппарат. В этот час обычно говорила тайная германская радиостанция. Профессор относился к ней подозрительно: не очень верил в существование тайной радиостанции в Германии. Кроме того, три четверти ее сообщений казались ему враньем. Сердитый голос внезапно с середины фразы закричал, что теперь дело Гитлера, конечно, совсем кончено. Никак не приходится ему надеяться и на расприю между большевиками и демократиями: президент Трумэн твердо решил не включать в свой кабинет Бернса, который высказывается против уступок России, а назначение Молотова главой советской делегации в Сан-Франциско свидетельствует об искренней дружеской симпатии Сталина к новому президенту Соединенных Штатов.

В передней прозвучал очень короткий, какой-то робкий и жалостный звонок. Профессор поспешно закрыл радиоаппарат и перевел стрелку на другую, далекую волну. Затем усилил огонек под медной чашкой с восточными ароматами и вышел в переднюю. Он отворил дверь, приложил правую руку к тюрбану и впустил даму в кабинет.

II.

— Прошу вас садиться, — с индонезийским акцентом сказал он, пододвигая даме готический стул и внимательно в нее вглядываясь. Личные наблюдения над клиентами были главным источником его предсказаний. Он был наблюдателен, знал (особенно прежде) толк в людях и отлично понимал клиентов. «Помесь Фрейда с жуликом», — сказал о нем посетивший его из любопытства иностранный писатель.

На даме была густая вуаль. В этом для Профессора тоже ничего необычного не было: многие клиентки вначале скрывали наружность, хотя он никак не мог их знать, и поднимали вуаль лишь минут через десять. «Одета хорошо. Молода и, кажется, красива», — подумал Профессор. Женщины теперь волновали его меньше, чем прежде, но волновали (в прошлом году он по-настоящему расстроился, когда в первый раз в его жизни дама уступила ему место в автобусе). «Очень нервна... Деньги требовать вперед незачем: эта заплатит...» Клиенты иногда его обманывали: отказывались платить за гороскоп да еще ругались. Это обычно бывало в тех редких случаях, когда гороскоп оказывался неблагоприятным. Профессор отлично знал, что неблагоприятные гороскопы невыгодны, и по возможности их избегал. Однако, когда клиент требовал уж слишком большой порции счастья, когда уродливая дама желала пламенной любви, глубокий старик — еще полустолетия жизни, биржевик — уд-

воения стоимости акций Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft, профессор им в этом отказывал: нельзя было портить себе репутацию однообразием благоприятных предсказаний. Если же клиент повышал голос или начинал скандалить, профессор кротко говорил, что не несет ответственности за показания небесных светил и денег насильно не требует. В таких случаях не прикладывал руки к тюрбану, но полицией никогда не грозил. Недолго любил полицию даже во времена императора Вильгельма.

— Вы пришли в ранний час: в час Сатурна,— сказал он медленно глубоким низким голосом. Говорил обычно одно и то же: больше для того, чтобы дать клиентке время справиться с волнением. Вдобавок любил себя слушать.— Чем раньше беседовать с Рокком, тем лучше. Я всегда встаю до зари и каждое утро люблю великим чудом мира. Темная ночь бежит от восходящего Солнца. Пышно и величественно появились величайшего из небесных светил. На Востоке появляются первые пурпурные полосы. Но еще темн небосклон на Западе. Солнце всходит. Солнце взошло. Его приветствует вся тварь земная. Пюют птички. Все радуются начинающемуся дню. Только слабый безумный человек не радуется каждодневному чуду. Отчего?

— Я... Не знаю,— тихо сказала дама. Профессор, впрочем, и не ожидал ответа: знал, что даже очень находчивому человеку трудно ответить на его вопрос. Он по-прежнему изучал даму. Она ни на что не смотрела: ни на его мантию, ни на знаки Зодиака, ни на картину. «Женщина легкого поведения? Конечно, нет. Артистка? Тоже нет»...

— Солнце,— продолжал профессор,— исполнено разума. Это знал еще Кеплер, величайший из всех астрономов и астрологов мира. Помните ли вы его трактат о Марсе? В нем он мудро говорит: «Планеты должны обладать разумом: иначе они не могли бы так правильно следовать по эллиптическим путям в полном соответствии с законами движения».

Дама, очевидно, не помнила кеплеровского трактата о Марсе. Она сидела молча, неподвижно глядя перед собой.

— Ваш приход сюда, сударыня,— сказал профессор,— показывает, что вы приняли мое предложение и мои условия. Перед тем, как перейти к картам, я должен задать вам несколько вопросов. Вы страстно любите одного человека. Судьба обычно снисходительна к нашим страстям, если они чисты, не губительны для души и не вредят другим людям. Вы писали, что сомневаетесь в любви этого человека к вам. Он не женат, обещал вам на вас жениться и не выполняет своего обещания. Так, сударыня? — спросил профессор. Он называл своих клиенток по-разному, то «сестра моя», то «госпожа моя», то «радость моей души», то просто «сударыня».

Дама молча наклонила голову.

— От астролога не должно быть секретов, да и не может быть: звезды скажут мне то, что вы утаили бы от меня... Вы находитесь в греховной связи с этим человеком?

— Нет... Да,— поколебавшись немного, прошептала дама.

— Думаете ли вы, что он любит другую?

— Нет.

— Быть может, ему нужны деньги, а их у вас нет?.. Я это говорю не в плохом для него смысле. Очень порядочные люди иногда не женятся потому, что не могут содержать семью...

— Деньги тут ни при чем.— перебила его дама.

— Чем же вы объясняете его отказ исполнить свое обязательство?

— Я... Я именно это хотела узнать у вас.

— Я это вам и сообщу,— сказал профессор и пододвинул к даме магический сосуд.— В этом шаре находится вода Ганга. Положите на него левую руку. Но сначала, конечно, снимите перчатку. И если вам все равно, поднимите вуаль. Зачем она? Зачем скрывать лицо, когда я вхожу в соприкосновение с вашей душой?

Дама подняла вуаль. Она в самом деле была хороша собой. «Что-то есть в ней простонародное. Кажется, здорова как бык, но глаза маньячки, очень странное сочетание»... По привычке он хотел было определить, представляет ли эта женщина доброе или злое начало жизни, но затруднился. «Нет, доброты ее лицо не выражает. Страстность — да. Неразделенная страсть».

— Левую. Я сказал левую.— поправил он ее. Когда дама положила руку на шар с водой, профессор немного помолчал и подлил жидкости в медную чашку. Приятный, чуть пьянящий запах усилился.

— Сусабо! Мизрам! Табтибик! — глухим голосом сказал профессор и положил свою руку на руку дамы. Ее рука была холодна. Лицо ее все бледнело. «Очень нервная»,— подумал он, не сводя с нее глаз. Затем он закрыл глаза. Он и сам был немного взволнован. «Жаль, что написал о Вальтере Скотте... Неглуша... Бедная женщина... Кажется, она плохо кончит»,— думал он, готовя свой ответ.

— Я не могу... Я больше не могу! — шепотом сказала дама. Профессор открыл глаза и сказал строго:

— Вы должны были молчать. Ваши слова нарушили цепь душ. Теперь ее надо восстановить.— Он встал, вспырнул руку жидкостью из хрустального флакона, вытер ее белоснежным платком, снова положил ее на руку даме и снова закрыл глаза. Его лицо тоже стало бледнеть. Через минуту он поднял руку и приложил ее к тюрбану.

— Вы будете счастливы. Вы будете жить очень долго: еще сорок девять лет, семь месяцев и шестнадцать дней.

— А он? — спросила дама, безжизненно на него глядя. По-видимому, его слова не произвели на нее впечатления. Это немного задело профессора.

— Позвольте перейти к картам,— сказал он, точно не слыша ее вопроса, и взял со стола футляр.— Как вы знаете, карты колоды соответствуют разным человеческим характерам. Вы трюфая дама. Трюфая дама означает доброту, благородство и ум, при некоторой неустойчивости характера.— Он принялся метать.— Правая карта указывает на характер человека. Левая говорит о том, что его ждет. Вы видите, я не ошибся: трюфая дама лежит справа.

Он положил карты и поднял руку.

— Сусабо! Мизрам! Табтибик! — повторил он еще внушительнее, чем в первый раз, и, по-прежнему не сводя глаз с дамы, снова взял колоду.— Девятка бубен... Сударыня, вы находитесь накануне важных решений. Очень, очень важных. Девятка бубен выпала аргонавтам, когда они решили сесть на корабль Арго. Шестерка червей... Благородный, самоотверженный поступок,— сказал профессор, качая головой, точно с сомнением.— Восьмерка червей... Свершится то, чего вы давно и страстно желаете... Думаю, что вы будете счастливы.

— Значит, вы не уверены?

Профессор немного помолчал.

— Сударыня, в жизни есть два начала: доброе и злое. Какое из них сильнее, этого не дано знать людям. На первый взгляд ненависть более могущественное начало, чем любовь. Но прочно в жизни только доброе начало. Вечное начало любви, то единственное, что дает счастье в жизни. Ненависть приносит удачу, счастья же она не дает,— сказал он и задумался.

мался, с сокрушением глядя на даму. Профессор точно вдруг спохватился.— Вот то, что я пока могу вам сказать. Но, как вы знаете, ваш гороскоп еще не вполне составлен. Показания небесных светил обычно не расходятся с показаниями карт. Однако бывали и исключения. Великий Валленштейн был исключением... Еще был ли он, впрочем, велик? У великих людей этого рода, в сущности, необыкновенна была только энергия. Всем их идеям была грош цена. Может быть, и как людям им была грош цена... Не всем, конечно,— вставил Профессор, опять спохватившись.— Это, конечно, не относится к такому необыкновенному человеку, как Фюрер... Вы спрашиваете, женится ли на вас человек, которого вы любите. Я должен вернуться к тому, что сказал в письме. Для полной уверенности я должен составить и его гороскоп. Если вы небогаты, я сделаю для вас скидку. Второй гороскоп обойдется вам всего в сто марок. Деньги совершенно меня не интересуют.

— Дело не в деньгах!.. Но... Я не могу вам назвать его имя... Это было бы с моей стороны нескромно.

— Его фамилия мне не нужна. Я ведь не спрашивал о фамилии и вас. Для удобства я желал бы знать ваше имя?.. Впрочем, и это необязательно. Прародительница женщин была Ева,— с улыбкой сказал Профессор то, что он говорил всем клиенткам, не желавшим себя назвать.— Так вас и будем называть в гороскопе. Мне нужно знать число и год его рождения или число и год его зачатия. Больше ничего.

— Как?.. Как вы?.. Как можно знать число зачатия человека?

— Разумеется, в громадном большинстве случаев дату зачатия можно знать только приблизительно. Но небесные светила не меняют своего положения в домах Зодиака в одно мгновение. Ошибка в несколько дней не имеет большого значения. Ведь даты рождения людей в древности не были известны с совершенной точностью. Между тем их гороскопы были составлены и сбылись... Разве вам не известна дата рождения человека, которого вы любите?

— Нет... Да, она мне известна... Он родился 22 апреля 1889 года.

«Не очень же он молод, ее голубчик!» — подумал Профессор с некоторым удивлением. Он взял стилограф, наполненный красными чернилами, и написал на блокноте красивым, четким почерком с завитушками: «Рожд. 22 апреля 1889 г.»

— Оба гороскопа будут готовы через неделю. Зайдите ко мне в среду, опять в сидеральный час Сатурна... В десять часов утра,— пояснил Профессор и вспомнил, что через неделю он, быть может, уже уедет.— Или, если хотите, заплатите мне сейчас, а я pošлю вам гороскоп по почте... До востребования.

— Ради Бога... ради Бога, сообщите мне все раньше!

— Хорошо, во вторник.

— Еще раньше, умоляю вас. Неужели нельзя получить гороскоп завтра? Ну, хоть послезавтра.

— Тогда мне придется работать всю ночь. Я готов для вас и на это, но я должен буду прибегнуть к помощи одного молодого сиамца, которого я посвятил в простейшие тайны нашей науки. Он помогает мне в вычислениях. Вы поймете, однако, что я не могу эксплуатировать его труд. Это будет вам стоить еще пятьдесят марок.

— Я охотно заплачу что надо. Нельзя ли завтра?..

— Нет, завтра нельзя,— строго сказал Профессор.— Он спорил только для престижа: ему было совершенно все равно, когда сдать гороскоп.— Знаю, с каким трепетом люди ждут моих предсказаний. Поверьте, вам нечего волноваться: мне уже почти ясно, что гороскоп будет благоприятен. Он женится на вас.

— Вы думаете? Вы уверены?

— Я почти уверен: почти,— внушительно сказал Профессор.

III.

Четыреста марок были деньги. Однако настроение духа у Профессора улучшилось лишь на несколько минут. Неприятное ощущение под ложечкой не проходило. «Настоящее счастье в мире одно: никогда не чувствовать ни одной точки своего тела. И именно это счастье мы начинаем ценить только тогда, когда оно исчезает», — подумал Профессор. Он любил философию и в молодости одолел половину «Критики чистого разума»; только дочитав до 300-й страницы, решил, что незачем истязать себя: «Я не приват-доцент и не факир». Книг же вообще прочел довольно много.

Профессор спрятал деньги в потайной ящик письменного стола. Минна воровала только натурой: таскала сахар, кофе, реже простыни, но денег не брала. Лучше было, однако, не вводить людей в искушение. В ящике лежало пять тысяч марок, триста пятьдесят швейцарских франков, десять золотых монет императорского времени, золотой портсигар, два кольца. Больше у Профессора ничего не было. Страхового полиса он не имел, так как не верил в прочность валюты, в банке денег не держал, так как не верил банкам. При виде военного с пышными усами, с гордо закинутой головой, Профессор, вздохнув, подумал, что в то счастливое время человека, не верившего банкам, сочли бы психопатом, а о падении валюты никто и не слышал. «Да, плохо. Все стало гадко. Пожалуй, еще можно улететь».

Один сановник-клиент, хорошо к нему относившийся и гораздо более благодушный, чем другие, мог достать ему место на аэроплане. Виза в Швейцарию у Профессора была готовая: он давно чувствовал, что их дело идет к концу,— так вошел с годами в роль восточного волшебника, что теперь на немцев смотрел как бы со стороны и даже мысленно говорил «они». «Везде в мире очень многое зависит от успеха, но у них от успеха зависит решительно все. Они циники и нигилисты, сами того не замечая», — думал Профессор. Тем не менее уезжать было тяжело. Он любил Германию, любил Берлин, когда-то такой уютный, любил свою квартиру, мебель, вещи. «Минна растащит все... И как же это: уехать навсегда? В политике будто бы ничего не бывает «навсегда». Но когда человеку под семьдесят лет, то «навсегда» не очень много и значит»... С некоторых пор стал читать медицинские статьи в газетах. «Однако гороскоп дал прекрасные результаты»...

Профессор не верил ни в хиромантию, ни в офидомантию, ни в рабдомантию. В сны не верил совершенно: они обычно бывали слишком глупы даже для самых глупых клиентов. Но в астрологию, в настоящую астрологию, он верил твердо. Помнил, что Теаген с точностью предсказал Октавию его судьбу, что Скрибоний составил изумительный гороскоп Тиберию, что Нострадамус предсказал мировые события за четыре столетия вперед. Для своих клиентов он особенно не старался: нельзя было тратить месяц на каждого клиента. Над собственным же своим гороскопом работал очень долго и лишь недавно его закончил. Он вынул тетрадь в прекрасном кожаном переплете.

В тетради были отлично вычерченные карты, страницы расчетов, текст заключений. Все было написано разноцветными чернилами, старинным письмом. В день рождения Профессора Солнце и Сатурн шли параллельно в 9-м и 10-м домах Зодиака. Так было в день рождения Людовика XIV, и этот король жил 77 лет. Сатурн находился в сфере влияния Марса. Это обычно ничего хорошего не обещало. Влияние

Марса сказалося на судьбе Сади Карно, который, правда, стал президентом Французской республики, но был заколот анархистом. «Правда, при некоторых обстоятельствах влияние Марса парализуется влиянием Венеры, и у меня дело обстоит именно так. Гороскоп отличный... Но уезжать все-таки надо. Денег года на два, при скромной жизни, хватит и в Швейцарии. Правда, очень противна скромная жизнь», — рассеянно думал он сразу о нескольких предметах.

В передней вдруг прозвучал звонок, совершенно не похожий на первый: властный, долгий, непрерывный. Так часто звонили люди из Гестапо. Профессор поспешно встал и направился к двери. «Что это такое? С ума он сошел, что ли»... Посетитель не отнимал пальца от пуговки. В переднюю не вошел, а скорее ворвался высокий, очень широкоплечий человек в черном штатском пальто. «Грабитель!»

— Что такое?.. Что вам угодно?

— Я к вам... По делу, — сказал незнакомый человек неприятным сиплым голосом. Очевидно, он грабителем не был, да грабитель и не стал бы так звонить. Тем не менее Профессор продолжал смотреть на него растерянно. Лицо у незнакомца было рассечено шрамом от уха до рта. «Где я его видел?.. Кто это? Чего ему нужно?» Незнакомый человек, не снимая пальто, вошел в кабинет, бросил быстрый взгляд по сторонам, впился тяжелыми глазами в хозяина и, не дожидаясь приглашения, сел на высокий готический стул, который чуть хрустнул под его тяжестью.

— Прошу покорно садиться, — сказал Профессор, забыв об индонезийском акценте. Сердце у него билось. Он и сам не мог понять причины своего волнения. Никакого злого умысла у этого человека все-таки быть не могло. «Кто такой? Какая зверская морда!.. Шрам не от мензурки и скорее недавний... Выправка военная, но у кого же из них нет военной выправки? Одет плохо, хотя все новенькое и дорогое. Не умеет носить, не привык»...

— Вы этот... Колдун? — спросил человек с шрамом.

«Может быть, он пьян? — подумал Профессор. — Если бы он был подослан Гестапо, он был бы вежлив и любезен».

— Я не колдун, а астролог, — мягко сказал он. — Я предсказываю людям их участь главным образом на основании научной астрологии. Иногда я пользуюсь также методами хиромантии, онейромантии, офиомантии, рабдомантии и экономантии, — добавил он. Профессор вначале говорил всем одно и то же, но о восходе солнца, о птичках и о Кеплере этому посетителю не сказал. Человек с шрамом тотчас перебил его.

— Я ничего ни в каких таких мантиях не понимаю! Мне сказали, что вы гадаете по картам, по звездам и по руке.

— Смею ли спросить, кто вас ко мне направил?

— Это все равно.

— Мне это действительно все равно. Моя наука, в которой нет ничего недозволенного, открыта всем. Кроме спекулянтов. Ко мне изредка приходят люди, желающие знать, когда кончится война. Им это верно нужно для их биржевых операций. Но небесные светила не интересуются денежными вопросами, и положение планет на небе не может быть использовано для наживы, которая противоречила бы воле Фюрера, — сказал с самым невинным видом Профессор, слышавший, что Гестапо в последнее время подсылало к предсказателям провокаторов, справлявшихся о будущем курсе военных займов. «Вот сейчас увидим, спросит ли он, кто у меня бывал по этим делам». У Профессора был готов ответ, что он никогда не спрашивает фамилию клиентов. Однако человек

с шрамом такого вопроса не задал.

— А что показывают эти... небесные светила? — спросил он.

«Нет, не провокатор», — подумал Профессор. «Может быть, клиент из Гестапо, таких много. А может быть, и не из Гестапо». Ему было хорошо известно, что у многих деятелей Гестапо вид очень мирный и добродушный.

— Наша наука, — сказал он уже спокойнее и с индонезийским акцентом, — основана на одном факте, проверенном мудростью столетий. Этот факт заключается в следующем. В жизни каждого человека бывают два момента, когда его судьба пишется на небе и определяется на всю жизнь. Это день его рождения и день его зачатия. Впрочем, древние мудрецы определяли положение небесных светил еще и в третий момент: в день смерти человека.

— Зачем в день смерти человека?

— Для определения благоприятного момента для погребения: для того, чтобы обеспечить человеку радужный прием в лучшем мире, — сказал Профессор и увидел, что радужный прием в лучшем мире не интересует этого клиента. «Конечно, грубый материалист, как они все», — подумал он с презрением: терпеть не мог материалистов. «По всей видимости, наци... Это мы тоже сейчас проверим». — Показания небесных светил, — продолжал он, — желательно дополнять показаниями волшебных карт. Есть разные системы гадания по картам. Я, например, никогда не пользуюсь древней системой египетского тарока, потому что в нем все основано на сопоставлении судьбы человека и букв еврейского алфавита. Это было бы несогласно с предназначениями Фюрера. Каждая буква еврейского алфавита, как мне известно из обличительной литературы, что-то означает. Так, буква «шин» означает близкое сумасшествие, а буква «ламед» — виселицу.

— Ламед? — повторил, вздрогнув, незнакомец.

— Да. Как ариец, я не желаю пользоваться этой системой, хотя Аристотель именно по ней предсказал будущее Александру Македонскому.

— «Ламед»! К черту ламед! — сердито сказал незнакомец. «Так и есть, наци. Едва ли офицер. Скорее из Гестапо или дружинник», — подумал Профессор.

— Я и говорю. Но есть другие, чисто арийские, системы. Вам угодно ограничиться картами?

— Сколько все это стоит?

— С вас я взял бы всего двадцать марок за гадание по картам и столько же за гадание по линиям руки. Гороскоп должен стоить дороже: пятьдесят марок, — сказал Профессор. Он назначил ничтожный гонорар, лишь бы не спорить с этим человеком и поскорее от него освободиться.

— Я вам дам за все пятьдесят марок. Этого больше чем достаточно.

— Деньги меня совершенно не интересуют. Я согласен, — сказал Профессор. — Благоволите показать мне руку. — «Ну и рука! Ему бы быть палачом!» Рука у человека с шрамом была толстая, громадная, с волосатыми короткими пальцами. «Пальцы короче кисти — бестялность. Линия жизни, к сожалению, длиннейшая. А вот на линии головы островок: быть может, он сойдет с ума. Если он уже не полусумасшедший. Давно я не видел столь противной фигуры!»

— Ваша линия жизни очень длинна. Это почти обеспечивает вам долгую жизнь. Правда, она красна и широка.

— А это что значит? — быстро спросил человек с шрамом.

— Это свидетельствует о сильных страстях. Извините меня, у вас тяжелый характер, — сказал Профессор. Он, собственно, больше и не смотрел на руку клиента: смотрел, скрывая отвращение, на его

лицо.— У вас есть враги. Опасные враги, но и вы им опасный враг.

— Что с ними будет? — спросил незнакомец, слушавший очень внимательно.

— По вашей руке я могу предсказывать только вашу судьбу. Если вы хотите знать судьбу ваших врагов, вы должны прибегнуть к картам и к гороскопу... Я продолжаю. В мире есть два начала: начало любви и начало ненависти. Вы начала любви не выражаете. Линия головы...

— О чем говорит линия головы? — перебил его человек с шрамом.

— Об умственных и моральных особенностях человека...

— Это меня не интересует, — сказал незнакомец, отдернув руку так резко, что Профессор вздрогнул. — Перейдем к картам. Но так как предсказание по руке не закончено, то я за него заплачу вам меньше. Сколько всего есть линий?

— Пять, — сухо ответил Профессор, хотя линий было девять.

— Вы хотели за предсказание по руке двадцать марок. Значит, я вычту шестнадцать.

— Очень хорошо... Вы хотите знать вашу судьбу или судьбу вашего врага? Главного врага? Отлично, — сказал он и взял в руки колоду. По правилам здесь надо было бы произнести: «Сусабо! Мизрах! Табтибик!», — но Профессор смутно чувствовал, что этого теперь говорить не надо. «Каков может быть его враг?» Он принялся метать.

— Червонный король, — неопределенно заметил он. — Но на эту карту нельзя гадать вашему врагу. Червонный король означает мирную натуру, целиком отданную религии, богоугодным и благотворительным делам.

Человек с шрамом грубо рассмеялся.

— Да, ему на эту карту гадать нельзя!

— Я так вам и сказал... Его карта будет первой слева... Шестерка пик. Я так и думал.

— Что означает шестерка пик?

— Шестерка пик означает страшный обман, замеченный слишком поздно. Троянцам выпала шестерка пик, когда они впустили в свои стены греческого коня. «Кажется, подействовало. Больше не гогочет», — подумал Профессор. — Тройка пик, еще хуже: танец смерти, его танцуют Парки... Я не хотел бы быть на месте вашего врага. Быть может, вы не настаиваете на составлении его гороскопа?

— Когда может быть готов его гороскоп?

— Обычно это берет три дня...

— Я должен иметь все завтра.

«Странно, странно», — подумал Профессор. Его безотчетная тревога росла. Этому клиенту он не сказал о молодом сиамце и не потребовал прибавки.

— Хорошо, я вам пошлю завтра. Благоволите сообщить мне день рождения или день зачатия вашего... знакомого, — сказал он, снова вынимая из кармана самопишущее перо.

— Как же к черту можно знать день зачатия человека?

— Ошибка в несколько дней не имеет большого значения. Небесные светила не меняют в одно мгновение своего положения в домах Зодиака. Надо просто вычестить 270 дней из даты рождения.

— Его день зачатия 17 июля 1888 года, — сказал, подумав, человек с шрамом.

— 17 июля 1888 года, — повторил Профессор и записал на том же листе блокнота: «Зач. 17 июля 1888 г.». Неприятное ощущение под ложечкой у него вдруг усилилось. — Это все. Завтра я пошлю вам гороскоп, куда вы укажете.

— Я сам зайду за ним завтра, в 11 утра, — сказал незнакомец. Профессор хотел было сказать, что зав-

тра не будет дома, но вместо этого поспешно ответил:

— Я мог бы послать до востребования. Разумеется, как вам угодно.

— Послушайте, — вдруг нерешительным, почти просящим тоном сказал незнакомец. — Я вижу, вы дельный человек... Вы только предсказываете события? Я хочу сказать: быть может, вы умеете... Вы умеете на них и влиять?

«Вот оно что!» — подумал Профессор.

— Нет, я влиять на них не могу, — ответил он холодно. Его самоуверенность увеличилась, как только уменьшилась самоуверенность клиента. — Я могу сказать, что будет с этим человеком, но его участь от меня не зависит... Вероятно, вы, узнав его карты, хотите ему помочь? Нет, я тут ничего не могу сделать. Карты показали, что ему грозит тяжелая участь. Если гороскоп это подтвердит, то никакие силы спасти вашего знакомого не могут.

— Вы угадали, я именно хотел помочь ему, — сказал, вставая, человек с шрамом.

Проводив его, Профессор вернулся в самом мрачном настроении духа. Он испытывал такое чувство, будто после ухода этого клиента надо отворить в кабинете окна и вспрыснуть карболкой готический стул. «Конечно, он хочет кому-то сделать большую пакость. Но тогда, значит, он не из Гестапо? Люди из Гестапо могут сделать кому угодно пакость и без астрологов»... Профессор хотел было вернуться к своему гороскопу, но почувствовал, что больше не в состоянии сосредоточиться. «Разве выпить?» — подумал он. Профессор вышел в столовую и, хотя это было строго запрещено врачом, выпил залпом три рюмки коньяку. Стало легче. Он вернулся в кабинет, сел за стол, рассеянно взглянул на блокнот — и мертвел.

На листке, одна под другой, были написаны две даты: 22 апреля 1889 года и 17 июля 1888 года. Профессор мысленно добавил 270 дней. Кровь отливала у него от сердца. «Что же это?.. Господи, что же это такое!.. Быть не может!.. Да, конечно, это он!.. Ведь я им сам сказал, что ошибка в два-три дня не имеет значения, они изменили дату, каждый по-своему. Но кто же они? Чего они хотели? Что я им сказал?.. Господи!»... Ему было теперь ясно, совершенно ясно, что женщина и человек с шрамом, незаметно, заматавая следы, говорили с ним об одном и том же человеке: 20 апреля 1889 года родился Гитлер.

«Но если так, то надо бежать! Бежать сейчас же, сию минуту», — сказал себе Профессор. Он понимал, что запутался в страшную историю. «Правда, ей я ничего не сказал! Сказал только, что она выйдет за него замуж... Ему и это может очень не понравиться. Но тот! Что я наговорил тому!..» В памяти Профессора замелькали обман, троянский конь, танец смерти, тяжелая участь, никакие силы. «Кто же это был? Заговорщик? Провокатор? Одно хуже другого. По тому заговору погибли десятки ни в чем не повинных людей!» Он ясно понимал, что для людей, запутавшихся хоть как-нибудь, хоть очень отдаленно, в дело о заговоре, есть только одно спасенье: бежать, бежать без оглядки, бежать не теряя ни минуты.

Тяжело дыша, Профессор прошелся по кабинету и столовой, выпил еще большую рюмку коньяку, затем отворил потайной ящик, рассовал по карманам все, что там было, взял с собой кожаную тетрадь. Паспорт всегда находился при нем. «Неужели так навсегда все бросить?..» Опустил шторы и снова их поднял. «Если он места не даст, я все равно сюда не вернусь. Оставить записку Минне? Нет, не надо... Теперь она, конечно, все разворует... Да может быть, мне все приснилось?.. Может быть, я сошел с ума?.. Ведь мой гороскоп благоприятен!.. А если он именно потому и благоприятен, что я сейчас уйду отсюда

и вечером улечу в Швейцарию? Нет, нет, оставаться здесь нельзя!.. Взять с собой вещи? А вдруг они уже следят? Уж лучше вернуться за вещами в сумерки... Первым делом надо узнать об аэроплане»... Он надел пальто, запер за собой дверь и вышел на улицу, оглядываясь по сторонам.

IV.

В этом глубоком двухэтажном подземелье были телефоны, радиоприемники, телеграфные аппараты, трещали пишущие машины, снизу доносился слитный, ставший почти незаметным шум моторов, а сверху отдаленный, с каждым днем усиливавшийся гул канонады. Мимо кухни, через общую столовую, стараясь не оглядываться по сторонам, точно им было стыдно, подчеркнуто-бодрой решительной походкой проходили фельдмаршалы и генералы. В сопровождении сыщиков и телохранителей, тоже очень быстро, но теперь с менее решительным видом, спускались по лесенке в нижний этаж убежища люди, значившие в последние годы больше фельдмаршалов. Днем и ночью по коридорам, лестнице, столовой, небольшой проходной комнате, названной «конференц-залой», растерянно пробегали секретари, слуги, шоферы, рассыльные и, случалось, толкали сановников, сами тому на бегу изумляясь.

Лица у всех были зеленые, с воспаленными глазами, измученные от бессонницы, от вечного электрического света, от вечного шума, от спешки, от страха, от желаний казаться спокойными, от тесноты и всего больше от дуроты. Несмотря на искусственную вентиляцию, на семисаженной глубине под землей не хватало воздуха. Порядок еще кое-как соблюдался, но прежней дисциплины, почтительности, подобострастия уже быть не могло. В столовой иногда закусывали (не полагалось говорить: обедали, завтракали), телефонистки или стражники из *Begleitkommando*¹ почти рядом (все же не совсем рядом) с людьми, имена которых в последние двенадцать лет беспрестанно упоминались в газетах всего мира. И хотя люди эти делали вид, будто им очень приятно товарищеская близость с младшими сослуживцами, и ласково улыбались,— от их престижа, после смущения первых дней, уже оставалось немного. Из левой комнаты нижнего этажа, служившей кабинетом самому главному вождю, иногда и в верхний этаж доносились истерические крики. В этот кабинет и теперь еще на цыпочках входили секретари и как бы на цыпочках сановники. Около дверей стояли зверского вида часовые из *Reichssicherheitsdienst*², и быстро поглядывали на проходивших сыщики из *Kriminal Polizei*; однако все понимали: то да не то,— если вражеская армия подходит к Берлину, то значит Фюрер не совсем Фюрер. Смельчаки же, особенно из военных, случалось, пожимали плечами, слыша доносившийся из кабинета или конференц-залы дикий гортанный крик, еще недавно наводивший по радио страх на весь мир.

За столом в кантине некоторые служащие с жаром говорили, какое было бы счастье умереть за Фюрера. Сановники одобрительно кивали головой. Думали же об этом всерьез лишь очень немногие: эти понимали, что их все равно найдут и не пощадят. Они наскоро вспоминали то, что знали о Валгалле, о Нибелунгах, о последней картине *Götterdämmerung*³, о прыжке Брунгильды в костер Зигфрида. Больше всего, задыхаясь от отчаянья, ненависти, бешенства — была в руках полная победа! — думал об этом самый умный из находившихся в убежище людей,—

человек, который был талантливее Гитлера, говорил лучше, чем он, и не стал самым главным вождем преимущественно из-за неподходящей наружности.

Были в подземелье и люди, собиравшиеся ценой Гитлеровой головы спасти свою собственную. Теперь это мысленно называлось: освободить Германию от безумца. Один же из главных сановников, чуть ли не лучший друг Фюрера, превосходный архитектор и техник, проходя с любезной улыбкой по подземелью, ласково раскланиваясь с младшими товарищами, обмениваясь крепкими, много без слов говорившими рукопожатиями с другими сановниками, заглянул в вентиляционный отдел и принял давно задуманное решение: ввести в трубу ядовитый газ, лучше всего Tabun или Sarin, изготовленные на случай химической войны,— тогда через несколько минут погибнут — что ж, легкой, безболезненной смертью — и сам Фюрер, и все важнейшие вожди. «Да, это будет нетрудно»,— подумал сановник, обсуждая про себя технические подробности. Выйдя из убежища, он принялся за осуществление плана,— позднее был очень огорчен, узнав, что в подземелье есть отводная труба, благодаря которой Фюрер может и не погибнуть.

Однако и этот сановник, и генералы, теперь снова считавшие Гитлера невежественным безумцем, и люди, спустившиеся в подземелье для того, чтобы помочь Гитлеру совершить самоубийство, иногда не могли отделаться от сомнений: что, если он найдет выход из безвыходного положения? что, если он вернется и на этот раз? Десять лет его сопровождала невиданная в истории удача. По законам логики, по теории вероятности, он давно должен был находиться в могиле: в новой Валгалле или в яме повешенных. Но не все в мире идет по законам логики или хотя бы по теории вероятности.

Громадное же большинство собравшихся в убежище людей сами не знали, для чего их тут держат, чего ждет начальство, на что оно надеется. Думали же почти исключительно о том, как бы спасти шкуру от «казачков». Проще всего было бы незаметно ускользнуть из подземелья. Но это строго запрещалось, инерция дисциплины еще кое-как действовала, да и выйти из подземелья при все усиливавшейся бомбардировке было чрезвычайно опасно. В трезвом виде люди скрывали друг от друга все: мысли, чувства, содержимое бумажников, чемоданов, сумок, поясов. Однако пили почти все, даже женщины, гораздо больше обычного, и иногда языки развязывались. Люди шепотом говорили, что не остается больше ничего, кроме капитуляции: «Если бы дело шло об американцах или англичанах, это был бы, конечно, лучший исход. Но русские! Казаки!..» — «А чем же будет лучше, если казаки нас возьмут без капитуляции?» — «Это, конечно, так, но...» — «Кто знает, быть может, именно с русскими будет легче всего договориться. Сталин очень умный человек, я всегда это говорил!» — «Да разве он согласится на капитуляцию!» — «Все-таки не можем же мы погибать с женой и детьми оттого, что он не согласится!»

Случалось же, по подземелью проносился слух, будто в другом подземелье в глубокой тайне устроен аэродром, что на нем держатся про запас десятки самых лучших новейших аэропланов, что их всех скоро вывезут с семьями и имуществом. Тотчас приходили и более точные сведения: аэродром находится под развалинами гостиницы Адлон, 62 аэроплана вывезут всех сегодня ночью, ровно в 12 часов. Женщины бросались складывать чемоданы, рассовывали драгоценности и валюту по еще более потаенным местам («в суматохе особенно легко украсть!»), жалостно спрашивали мужей: нельзя ли все-таки перед отъездом как-нибудь пробраться к себе на *Motzstrasse* и захватить оставшееся там серебро,— бедная фрау Ко-

¹ Сопроводительная команда (нем.) (здесь и далее примечание ред.).

² Охрана общественного порядка (нем.).

³ «Сумерки богов» (нем.).

ген, ведь все равно ее вещи тогда пропали бы,— просто нельзя себе простить, что так много добра оставили дома, когда уходили в это проклятое подземелье,— но ты мне ни слова не сказал,— разве ты со мной говоришь о важных вещах,— разве я могла знать,— разве это женское дело,— Господи, кто только мог думать?..

V.

В помещении, оставшемся от нового канцлерского дворца, принимал немолодой чиновник с растерянным, измученным лицом. «Хорошо, что старик»,— подумал Профессор, зная по двенадцатилетнему опыту, что в Германии кое-как еще можно иметь дело лишь с пожилыми людьми. Чиновник изумленно на него взглянул, так же изумленно пробежал пропуск и, вместо того, чтобы заполнить формуляр о посетителе, предложил поискать сановника в убежище. «Его здесь нет, теперь все в убежищах, спросите там». — «В каком же именно убежище и пропустят ли меня?» — мягко начал Профессор. «Поищите во всех! Скорее всего у Геббельса»,— раздраженно сказал чиновник и, схватив карточку, на которой было напечатано: «Führerbunker»¹, что-то на ней написал. «Искренно вас благодарю, но если?..» — «Идите ко всем... Ради Бога, идите!» — вскрикнул чиновник и схватился за голову. «Извините меня. Теперь прежних формальностей нет». Профессор не обиделся, но был озадачен, в особенности тем, что чиновник назвал министра пропаганды просто по фамилии. «Да видно их дела очень плохи»,— подумал он не без удовольствия, хоть с тревогой: к несчастью, с их делами были связаны и его дела.

Он бродил более часа по убежищам Wilhelmstrasse и все не мог добиться толку. Сановника нигде не было. В какой-то Dienststelle² сказали, что он уехал на фронт и ожидается с минуты на минуту в «Führerbunker». «Так я там его — подожду?» — робко спросил Профессор и, не получив ответа, отправился в это убежище. Как только он оказался в главном подземелье, находившемся под старым канцлерским дворцом, началась сильная бомбардировка. Люди сбегали вниз, пропусков больше не спрашивали.

Профессор немного осмотрелся: как будто ничего страшного не было. Только дышать было тяжело. Он прошелся по коридору. Какая-то девица отдыхала у пишущей машинки, обмахивая себя вместо веера листом бумаги. Она с любопытством взглянула на Профессора, вынула из сумочки зеркальце и подвела брови карандашом. В конце коридора у лесенки стоял часовой. «Там, верно, покои Фюрера?» — спросил без индонезийского акцента Профессор. В девице тоже не было ничего страшного, и женщин он боялся меньше. Она засмеялась и подкрасила палочкой губы. «Сначала ее покои, покои Эбс,— сказала она,— с собственной ванной, не так как мы живем! Но горячей воды все-таки нет, и трубы утром испортились,— радостно добавила девица.— Его покои дальше, слева от конференц-зала». Профессор был поражен. «Какая Эбс? И уж если Гитлера называют он!..»

Походив по коридорам, он устало сел на табурет в углу комнаты, которая служила столовой. Ему очень хотелось есть и пить, но он не решился обратиться к угрюмому человеку за стойкой, сердито отпускаящему пиво и сандвичи. Проходившие люди иногда поглядывали на него с удивлением, но никто его ни о чем не спрашивал. Говорили о бомбардировке, она усиливалась с каждой минутой. «Надо вести себя здесь очень, очень дипломатично»,— думал Про-

фессор. Осмелев, он подошел к одной группе, подошел с неопределенно-любезной улыбкой: каждый мог думать, что его знают другие. Профессор, ласково улыбаясь, послушал разговор. Говорили об ужине, будет ячница с колбасой. «Я полжизни дал бы за то, чтобы закурить»,— сказал кто-то. «Полжизни — это, может быть, теперь не очень много»,— ответил другой. Все преувеличенно радостно засмеялись. «Кажется, они не очень здесь заняты? Странно... Может быть, все делается в нижнем этаже?»

К вечеру сановник не вернулся. Люди говорили, что такой бомбардировки еще никогда не было. От волнения ли или от выпитого коньяку у Профессора вдруг начались боли. Он еле добрался до чиновника, ведавшего хозяйством в подземелье, объяснил ему дело, назвав сановника своим близким другом, и попросил разрешения провести ночь здесь. «Говорят, выйти — верная смерть!» Чиновник что-то сердито пробормотал,— по-видимому, здесь каждый новый человек считался врагом,— однако велел отвести койку. Поместили Профессора в очень тесную каморку с тремя голыми койками, находившуюся рядом с уборной. Два бывших там молодых человека даже не кивнули головой в ответ на его учтивое приветствие и тотчас, с ругательствами, вышли в коридор.

Воздух в камере был ужасный. В первую минуту Профессор подумал, что не высидит здесь и четверти часа. Он спрятал под матрац кожаную тетрадь и бесильно опустился на койку. Знал, что при болях лучше всего сидеть, не прикасаясь ни к чему спиной. «Ах, если б он приехал утром, если б он дал мне место!.. Господи, что же делать?..» Он не взял с собой ни пижамы, ни мыла, ни зубной щетки. Из лекарств был только белладонна: накануне купил в аптеке и забыл вынуть дома из пиджака. Профессор с усилием, без глотка воды, проглотил пилюлю.

Через полчаса он почувствовал себя лучше. Снял пиджак, сложил его так, чтобы ничто не могло выпасть из карманов, и прилег, положив его себе под голову. Думал, что в убежище должны быть блохи, мыши, даже крысы. Думал, что не сомкнет глаз. Однако скоро мысли его стали мешаться. «Все-таки гороскоп благоприятен, очень благоприятен»,— говорил он себе. Иногда пользовался системой Куэ, но она давала хорошие результаты только тогда, когда и обстоятельства жизни складывались с каждым днем лучше, все лучше.

Молодые люди вернулись поздно и, по-видимому, были навеселе. Он заметил, что на них белые чулки. «Значит, принадлежат к его молодежи, к фанатикам. Вероятно, они служат на кухне или в кантине... Они тоже легли на свои койки не раздеваясь. Засыпая, он смутно слышал их разговор. «Ну, что, кажется, ты еще не улетел?» — саркастически спросил старший. «Нет, я еще не улетел»,— ответил, подумав, другой, видимо, понимавший шутки не сразу. «62 аэроплана еще стоят под гостиницей Адлон?» — «Да, они еще там стоят». — «Куда же нас увозят? В Москву?» — «Нет, совсем не в Москву. Зачем в Москву? В Москве русские. Нас увезут в Берхтесгаден». — «А что же мы будем делать в Берхтесгадене?» — «Как, что делать? Защищать Фюрера и Германию. Там приготовлены неприступные укрепления». — «Такие же неприступные, как линия Зигфрида, или еще лучше?» — «Говорят, еще лучшие». — «Говорят также, что там в холдильниках приготовлено сорок миллионов гусей с яблоками и столько же бутылок рейнвейна. Впрочем, ты всегда был дураком». — «Нет, я никогда не был дураком»,— ответил, подумав, второй.

Под утро Профессор проснулся и опять услышал доносившийся сверху глухой слитный гул. Он взглянул на часы и ахнул: двенадцатый час. Молодых людей в камере не было. Ему очень хотелось пить. Рога

¹ «Бункер Фюрера» (нем.).

² Контора (нем.).

для надевания туфель не было. Пришлось подсовывать под пятку указательный палец, это было неудобно и больно. Он сразу устал. Бумажник был цел, кожаная тетрадь по-прежнему лежала под тюфяком. «Что будет, если он еще не приехал! — подумал Профессор, оправляя воротник, галстук, бороду.— Все-таки где-нибудь же здесь да моются?..» Он вышел, чувствуя, что голова у него работает плохо. «Верно, от белладоналя»...

Вдруг дверь позади его с шумом распахнулась. Профессор оглянулся и остолбенел. Из уборной выходил Фюрер. По привычке Профессор вытянулся, поднял руку и сорвавшимся голосом закричал: «Neil Hitler!» Впрочем, тут же почувствовал, что лучше было бы не кричать. Фюрер бросил на него быстрый, подозрительный взгляд,— в глазах его проскользнул ужас. При свете фонаря лицо у Гитлера было землисто-желтое, измученное и больное. Он был сгорблен, одна рука у него отвисла, пальцы тряслись. «Просто узнать нельзя!» — с удовольствием подумал Профессор, не раз видевший его и вблизи, и издали. Гитлер немного разогнул спину, тоже поднял руку и, должно быть, хотел придать себе величественный вид. «Правда, очень трудно принять величественный вид человеку, выходящему из уборной... Верно, его уборная испортилась?.. Или это для общения с массами: у Фюрера одна уборная с обыкновенными людьми!.. Затравленный зверь! Что ж, не все же травить других»,— думал Профессор, с изумлением глядя вслед Гитлеру. Впереди люди отшатывались к стене, вытягивались и поднимали руки, но никто приветствия не выкрикивал.

Перед стойкой кантины выстроилась очередь. Кофе не было. Профессору сунули в руку бутерброд и кружку пива. Он отошел с ними в угол и прислонился к стене, чтобы не упасть. «Холодное пиво при камнях строго запрещено. Это гораздо вреднее, чем коньяк»,— подумал он. Но ему мучительно хотелось пить. Он с наслаждением залпом выпил всю кружку и откусил кусочек хлеба. Вдруг шагах в двадцати от себя он увидел человека с шрамом! Он пил что-то прямо из бутылки, запрокинув назад голову. Профессор уронил бутерброд, вскрикнул и на цыпочках побежал по коридору.

В каморке он повалился на свою койку. Боли у него тотчас усилились. Через полчаса они стали невыносимы. Он подумал, что у него камень проходит через канал: врачи говорили, что это может случиться. Стоны его понемногу перешли в крики. Таких болей он никогда в жизни не испытывал. Хотел было достать белладональ, но и это было выше его сил.

Старший из молодых людей, зайдя в камеру, изумленно на него взглянул и спросил, что с ним. Спросил грубо, впрочем, больше потому, что не умел говорить иначе. «Доктора... Ради Бога, доктора»,— прошептал Профессор. Молодой человек пожал плечами и вышел. В подземном убежище были врачи Фюрера, беспрестанно дававшие ему какие-то особые, нарочно для него придуманные снадобья, и почти целый день проводил врач для простых людей.

Минут через двадцать врач для простых людей пришел с молодым человеком, осмотрел Профессора и что-то ему впрыснул. «Его бы отсюда убрать. Куда-нибудь в больницу, что ли? Что ему здесь валяться? Только будет мешать спать людям, которые целый день работают»,— сердито сказал молодой человек. «Может быть, и автомобиль за ним прислать?» — спросил врач. В убежище теперь очень многие говорили только в саркастическом тоне. «Лежите здесь, я буду заходить»,— добавил он.

Боль у Профессора стала слабеть, затем совершенно исчезла. В бреду он горячо благодарил молодого человека, с жаром говорил, как он любит Фюрера,

говорил, что президент Рузвельт был прекрасный человек, что, наверное, очень хороший человек и президент Трумэн, что скоро сюда придут американцы. Они арестуют того злодея, уберут эту уборную, очистят воздух и дадут очень много денег на восстановление Германии, как они всегда делали. Говорил, что он получит от американцев большое вознаграждение, если Минна разворует его квартиру, что он немедленно уедет в Швейцарию, где не гуляют на свободе такие страшные люди. Говорил также, что очень хотел бы принять ванну и что у порядочного человека есть только один идеал, купаться должно быть так же обязательно, как... Молодые люди, теперь совсем пьяные, вели свой разговор. «Дурак, я тебе повторяю, он женится на Эбе. Она сама рассказывает, что скоро будет фрау Гитлер»,— говорил старший. «Я не дурак, а ты все врешь»,— ответил другой. «Я никогда в жизни не врал! Что угодно могут обо мне сказать, но никто не скажет, что я вру!» — «А вот я скажу»,— «Ее зовут Ева Браун, и она колдунья!» — продолжал первый молодой человек. «Фюрер не может жениться на колдунье»,— возражал другой. Старший заплетающимся языком что-то сказал о молодоженах, о свадебном путешествии, об Амуре и Венере. Профессор не слушал их разговора, как они не слушали его бреда. Но слово «Венера» дошло до его сознания. На глазах у него выступили слезы. В день его рождения Солнце и Сатурн шли параллельно в 9-м и 10-м домах Зодиака. Марс же тут ничего поделывать не мог, так как его по рукам и по ногам скрутила добрая и могущественная богиня Венера.

VI.

Сколько он пролежал в своей камере, Профессор потом не мог выяснить: потерял счет времени. Врач к нему заходил каждый день, давал питье, делал впрыскивания. Как-то спросил его имя и записал. Это ничего хорошего не предвещало, хотя Профессор теперь чувствовал себя много лучше.

— Доктор, мое положение опасно? Скажите правду,— прошептал он.

— Было опасно. Теперь, думаю, опасность миновала,— ответил врач.— Я хочу сказать: опасность от болезни. Русские в трех километрах отсюда,— уходя, добавил он с усмешкой.

«Русские? Как русские? Как в трех километрах? — с недоумением подумал Профессор.— В трех километрах, это значит, что они в Берлине? Вероятно, я ослышался»... Он, впрочем, не чувствовал тревоги. Какое ему было дело до русских! «Точно они могут преодолеть волю Венеры!» — подумал он и опять задремал. Когда он приснул, в камере было странно тихо. Профессор прислушался: слышен ли сверху слитный гул. «Кажется, слышен... Нет, не слышен... Ах, как я устал, как я слаб!» Он надел туфли, отдохнул после этого усилия, почистил как мог пиджак и вышел, слегка пошатываясь.

В коридоре никого не было. Подземелье как будто опустело. Исчез и стоявший у лесенки часовой. В конференц-зале сидели двое военных и та самая девица. Перед ними на столе стояла бутылка. На одного из этих военных, немолодого подполковника, Профессор обратил внимание еще в первый день: лицо его было изрезано шрамами от мензур. «Но он тогда был без монокля»... Все трое курили, что прежде было строго запрещено. Вид у них был оживленный, почти веселый и вместе несколько растерянный. Девица улыбнулась Профессору, как старому знакомому.

— Где же вы были? На свадьбе? — спросила она. Язык у нее немного заплетался. Подполковник выпустил из глаза монокль и снова вдел его. Второй офицер, артиллерийский капитан как будто остался недоумен словами девицы.

— Какие события, какие события! — сказал он. — Человеческий ум теряется! В чем был смысл?..

— Смысл очень ясен, — сказал подполковник, не обращая никакого внимания на незнакомого человека. — Смысл в том, что Шикельгруберы¹ не должны были командовать германской армией. — Он опять выпустил монокль, что, по-видимому, доставляло ему удовольствие, и хотел было подлить себе коньяку, но бутылка оказалась пустой. — К несчастью, он был музыкален. Его погубил Вагнер. И та дура тоже была из «Нибелунгов»... «Walküre bist Du gewesen!»² — с напевом продекламировал он.

Артиллерийский капитан вздохнул.

— Посмотрим, что сделает Дениц... Нет, ум человеческий теряется, просто теряется. Увидите, придет новый Кант или Гегель и объяснит, и все сразу осветится как от света молнии!

— Свадьба была в комнате карт. Подали шампанское. Для Эбе, конечно, нашлось шампанское, — сказала девица, подмазывая палочкой губы.

— Тогда он всем и объявил о своем намерении покончить с собой, — заметил, вздыхая снова, капитан. — Впрочем, не объявил, а только дал понять. Если б объявил, то даже они не устроили бы бала.

— Было очень весело. Я танцевала с Борманом, он чудно танцует, — сказала девица.

— Отчего же не с Геббельсом? Этот красавчик создан для танцев. Говорят, он сегодня тоже покончит с собой. Жаль, что все они не сделали этого раньше, особенно Шикельгрубера, — сказал подполковник. Он имя «Шикельгубер» выговаривал как-то особенно, ласково-саркастически, растягивая первую букву, точно в ней было все дело.

— Геббельс хочет отравить детей, — сказала девица. — Ему все равно, потому что это не его дети. Она изменяла ему на каждом шагу. Он женился на ней в пьяном виде... Бедный этот, актер, как его?.. Вашего несчастного фельдмаршала я тоже раз видела, — сказала она, обращаясь к подполковнику, лицо которого дернулось.

— Все-таки как же это было? Одни говорят, пустил пулю в рот, другие — пулю в сердце.

— Эбе отравилась, — сказала девица. — Мне говорил Кемпка, он выносил ее в сад.

— Там будто бы вчера расстреляли Геринга, — сказал капитан.

— Вздор! Господин «райхсфельдмаршал» давно усакал в Каринголл.

— Верно, чтобы еще раз нацепить на Эмми все бриллианты, — вставила девица. — И что он в ней нашел! Она не только не красавица, но даже не хорошенькая... Мне, однако, говорили, будто он уехал в Баварию, чтобы устроить новую линию защиты.

Подполковник засмеялся.

— Хороша будет защита и хорош защитник! «Ни один снаряд не упадет на территорию Германии»... Что, тот еще горит?

— Час тому назад еще горел, — сказал капитан. — Я издали видел. Они были завернуты в белое, но его черные брюки торчали. Ужасный запах, я убежал.

— Простите, кто горит? Я не понимаю, — робко спросил барышню Профессор. Голова его совершенно не работала. Подполковник повернулся к нему, точно лишь теперь его заметив.

— Ш-шикельгубер, — с удовольствием сказал он. — Ш-шикельгубер с супругой. Monsieur et Madame Adolphe Schickelgruber.

— Какие события, ах, какие события! — грустно повторил капитан. — Но увидите, придет новый Кант, и все станет ясно как день.

В кантине, где было много людей, находился покровительствовавший Профессору сановник. Он с жадностью что-то ел. Увидев Профессора, он приветливо помахал ему рукой. Хотя о бегстве в Швейцарию больше не приходилось думать. Сановник крепко пожал ему руку — совершенно как равный — и даже не спросил его, как он оказался в этом убежище. Теперь в самом деле удивляться ничему не приходилось. Он был как тот итальянский фашист, который говорил, что его мог бы удивить только беременный мужчина: «все остальное я видел».

— Каковы дела, а? — сказал он и горяча объяснил, почему опоздал и не простился с Гитлером. Впрочем, тотчас пожалел о своих словах, перевел разговор, сообщил, что сейчас уезжает опять на фронт. — А вы, оказывается, были во всем правы, — смеясь, сказал он.

— В чем я был прав?

— Не вы лично, а вы, астрологи. Гитлер как раз на днях послал за своим гороскопом, и оказалось, что звезды все предсказали: его приход к власти, войну в 1939 году, два года блестящих побед, а затем тяжелые поражения.

— Небесные светила никогда не ошибаются. Наша наука основана на фактах, проверенных мудростью столетий, — сказал Профессор.

— Правда, в гороскопе еще говорилось, что в апреле 1945 года Гитлер одержит полную победу над всеми, — продолжал сановник. — Сделайте одолжение, дайте мне еще бокал пива, — ласково обратился он к проходившему буфетчику. По-видимому, он начинал новую главу жизни, как простой, рядовой, самый обыкновенный человек. Буфетчик презрительно взглянул на него и прошел дальше, ничего не ответив. Лицо сановника дернулось, но он тотчас снисходительно улыбнулся с видом Наполеона, терпящего оскорбления по пути на Святую Елену.

— Значит, аэропланы еще летают? — спросил после некоторого молчания Профессор.

— Какие аэропланы?.. Помилуйте, фронт сейчас у Ангальтского вокзала. Но подземная дорога еще действует, мы по ней возим солдат, продовольствие и даже артиллерию... Вы живете в западной части города? Я тоже. Хотите, поедем вместе? Мы сядем в вагон с солдатами и вернемся назад с ранеными в район Курфюрстендам... Скажите, у вас должны быть знакомые евреи, а? Вы ведь знаете, я никогда не был антисемитом и даже как-то говорил Гитлеру, что нам вредит его антисемитская политика... Между нами говоря, он был не совсем в своем уме, — доверительно сказал, по привычке понизив голос, сановник. — Если бы вы знали, что он выделял в последние дни! Мне рассказывал генерал Штейнер. В своих приказах он нес совершенный вздор, грозил казнью всем и каждому, хотя больше никто не считался с его приказами и угрозами... У вас, наверное, найдутся знакомые евреи? Или хоть социал-демократы? Не все же погибли.

— Но как пробраться к подземной дороге?

— Я не знаю как. Десять минут могу вас здесь подождать, больше не могу.

Профессор, все пошатываясь, побежал по коридору. Из боковых комнат поспешно выходили люди с чемоданчиками, несессерами, узелками. В своей каморке Профессор схватил кожаную тетрадь, подобрал упавший носовой платок и выбежал. Дверь уборной была отворена настежь. Там в башмаках, надетых на босу ногу, стоял старший из его соседей по каморке. Он бросал в раковину белые чулки.

1947 г.

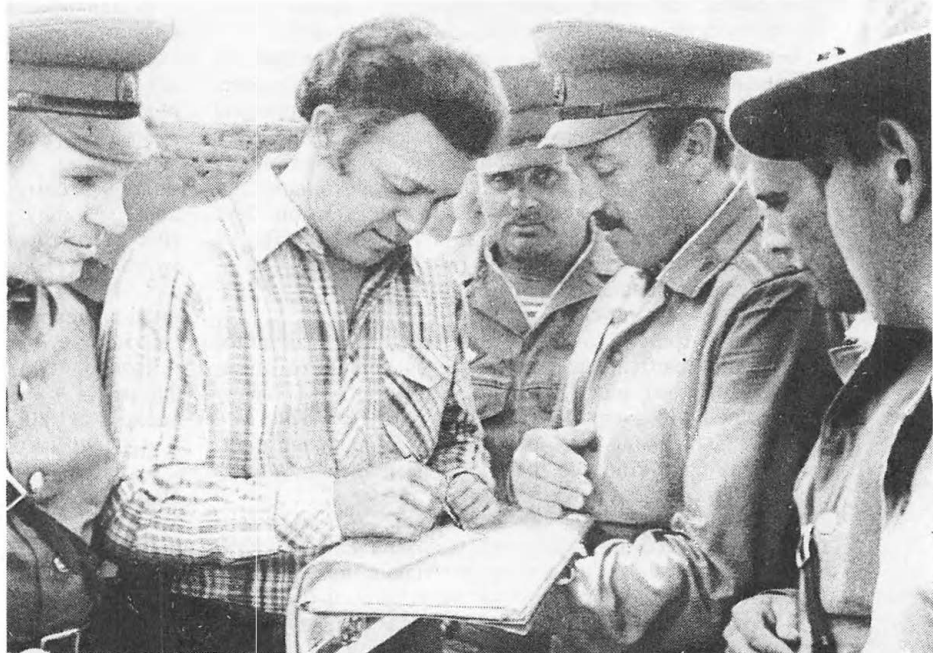
Предисловие и публикация Андрея ЧЕРНЫШЕВА

¹ Шикельгубер — настоящая фамилия Гитлера.

² «Была ли ты, Валькирия!» (нем.).

Иосиф
КОБЗОН

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД

После своих первых поездок в Афганистан я неохотно давал интервью. Знал, все, что для меня важно и дорого, будет вычеркнуто. Время тогда было другое. Замалчивалась истина. На многое закрывали глаза. Пресса наша писала о чем угодно: об исторических всах нашей дружбы с афганским народом, о том, как любят наши песни, о ликвидации безграмотности, о положении женщин, о дтях, ставших жертвами душманов.

А меня, да и не только меня, мучил вопрос: почему наши юноши в солдатских гимнастерках должны сражаться за пределами Родины?

Восемь раз побывав в Афганистане, близко видя войну, я толком так и не понял суть этого интернационального долга. Хотя я и сам интернационалист. Твердо и с гордостью говорю об этом. Родился я на Украине. В годы Великой Отечественной войны наша семья жила в Узбекистане. Рос я среди русских и узбекских мальчишек. Мама, кроме нас, троих братьев, воспитывала еще русскую девочку Катю. Мой отец плечом к плечу сражался рядом с русскими, украинцами, латышами у стен Сталинграда. Вернулся израненный, с наградами. Я объездил, считай, весь мир, встречался с разными людьми. Во многих городах, наверное, на всех континентах у меня остались прекрасные, верные друзья.

Первый раз, в апреле 1980 года, отправляясь на гастроли в Афганистан, я фактически ничего не знал о той войне. Группа Москонцерта первой из советских артистов выехала в Кабул по приглашению Министерства культуры Афганистана на празднование годовщины Апрельской революции. Мы должны были выступать только перед афганской общественностью, никакие встречи с нашими воинами не предполагались.

И вот мы в Кабуле: ансамбль «Время», певица Татьяна Филимонова и я. Относительно комфортабельная гостиница, где есть даже кондиционеры. В городе в основном спокойно, хотя мятежники периодически обстреливают жилые кварталы. Введен комендантский час. Но еще не применялись ракеты «стингер», спокойно летали наши самолеты и вертолеты, не было жестокой миной войны. И мы тогда еще не осознавали всю глубину трагедии.

Теперь уже можно сказать открыто: в Афганистане, особенно первое время, на нас смотрели как на оккупантов. В той междоусобной войне они разобрались бы и сами. А мы пренебрегли истиной: в чужой монастырь со своим уставом не ходи! А вчерашнему школьнику как объяснить: зачем он с оружием пришел в этот чужой монастырь? Это была странная война — война, прикрытая чадрой. Только сейчас по-настоящему открылось ее лицо.

В Кабуле тогда оказались наши журналисты Тимур Гайдар, Леонид Золотаревский, Генрих Боровик. Мы встретились в гостинице, и меня удивил их внешний вид. Они были одеты в полевую форму, с пистолетами. Что это? Бравада, лань моде военного времени?

Но, разговорившись с журналистами, я понял, что не все так просто, как мне показалось вначале. Друзья рассказали, что выслазили в гарнизоны и были свидетелями вылазок душманов и наших потерь. И вот тогда я начал думать: неужели усду, не повидавшись с нашими солдатами, не спую для них? И я обратился в советское посольство с просьбой помочь мне встретиться с нашими воинами. Не могу сказать, что просьба эта вызвала большой восторг, ибо никто не мог гарантировать группе безопасность. Но в конце концов договорились, что каждый день в 8 утра и в 12 дня (пока еще не так жарко) мы будем выезжать в гарнизоны. А вечером, естественно, запланированный концерт в Кабуле.

В назначенный час к гостинице, что в центре города, грохоча на весь квартал, подъехали два БТРа. Постояльцы, среди которых было много иностранцев, беспокойно выглядывали в окна. Что это, опять босвая операция? Оказывается, этот транспорт прибыл за нашей группой. Бравый старший лейтенант доложил: «Приказано охранять вас!»

Вижу недоумение и неприязнь на лице хозяина гостиницы. Раздумываю, предвижу разговоры местного населения: даже артисты уже разъезжают в босвых машинах, наверное, скоро и стрелять начнут... Отказываюсь схать в БТР, прошу обыкновенный автобус.

Помню концерт у десантников. Для них это была первая встреча на чужой земле с советскими артистами. Как они ждали, как готовились! Ангар для самолетов — эту раскаленную до сорока градусов железку пересоборудовали в зрительный зал. Расставили скамейки, сколотили сцену и даже сшили занавес, который мне показался на первый взгляд просто роскошным: мягкие складки серо-голубоватого шелка, словно кучевые облака, колыхались над сценой. Позже мне приходилось выступать на борту КамАЗа, на крыше автобуса, на составленных в ряд столах. Но тот занавес не выходит из памяти. Он впервые приоткрыл мне всю трагедию событий, кульминация которых была еще впереди. Оказывается, ребята сшили его из списанных парашютов тех десантников, которые не вернулись из боя... причем использовали лишь мизерную часть списанных парашютов.

Не знаю, где теперь этот занавес, но мне кажется, настает время, будет создан музей воинов-интернационалистов... И этот занавес должен стать одной из дорогих реликвий.

В другом гарнизоне, неподалеку от Кабула, за дворцом Амина, есть амфитеатр, где я выступал в первый свой присзд. Узнав накануне, что утром мы присздаем с концертом, солдаты, отказавшись от сна, за одну ночь обыкновенными саперными лопатками на склоне горы сделали уступы. Не что похожее на амфитеатр. И вот мы подъезжаем на автобусе, а они уже, заняв места спозаранку, тесно сидят рядком, как воробьи на ветках, и ждут. Тронут я был до слез.

После Афганистана я побывал в Греции, выступал на подмостках настоящих древних амфитеатров, но всегда вспо-

минались мне тот амфитеатр под Кабулом и наши ребята, которые умеют так слушать и ждать.

Та экстремальная обстановка обостряет чувства. Все воспринимается сердцем, доходит до глубины души. В одном гарнизоне, помню, начал я петь «Журавлей»:

**Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня.**

Пою и вижу — сначала первые ряды солдат, сидящих на земле, начинают подниматься, за ними, как волна, встали все «стальные». Без команды, не сговариваясь. Так и стояли, пока я пел. Тихо. Без аплодисментов.

Вспоминаю один из моих первых концертов в центральном военном госпитале Кабула. Мы с аккордеонистом Валентином Абрамовым и молодой очаровательной певицей Наташей Борисковой ходили по госпиталю и давали маленькие импровизированные концерты. Каждый раз, переступая порог новой палаты, улыбался, а внутри у меня все стыло, ком застревал в горле при виде беспомощных, запеленатых в бинты ребят. Трудно было сохранять самообладание в такой обстановке. Что сказать, о чем спросить?

В одной из палат, помню, лежал, отвернувшись к стене, совсем еще мальчишка. Без ног. Я наклонился над ним, спросил:

— Что спеть тебе, сынок?

Он повернулся и еле слышно прошептал:

— Холодно, знобит...

Я поправил его тоненькое одеяло, снял с себя куртку, накрыл его ею поверх одеяла, присел у койки, взял его руку и тихонечко стал напевать. Даже не вспомню, что именно. Мелодия пришла сама собой. Кажется, я не пел, а нашептывал ему какие-то слова. Валентин Абрамов на аккордеоне тихонько подхватил мелодию. Парнишка повернулся ко мне, и я увидел его наполненные слезами глаза. А мне каково? Продолжаю петь только для него. И постепенно лицо парня светлело, чувствовалось, что он уже осознанно слушает, песня вливается в его душу. Смолк аккордеон. И парнишка сказал, слегка улыбувшись:

— Спасибо вам...

А я, перешагнув порог следующей палаты, опять бодро улыбался. Боже, как это тяжело — улыбаться, когда хочется кричать, плакать навзрыд, убежать куда глаза глядят... Вот уж где надо быть артистом.

Пела Наташа Борискова, и я чувствовал, как дрожит ее голос, как в паузах она отводит глаза, чтобы не видеть запеленатых в бинты ребят, чтобы не смотреть им в глаза.

После того концерта, едва вышли из госпиталя, с Наташей случилась истерика.

Свинцовая усталость и безразличие навалились на меня. Я даже и думать не мог, как, вернувшись домой, буду опять выходить на эстраду, петь, смотреть в благополучные спокойные лица, раскланиваться, принимать цветы...

Меня часто спрашивают, бывали ли какие-то экстремальные случаи во время концертов. Это как посмотреть. То, что здесь мы считаем экстремальным, там это была обыденная жизнь. Начиная с посадки в самолет, который не застрахован от «стингеров». Летать в отдаленные гарнизоны приходилось на грузовых, разгерметизированных самолетах, иде, особенно в первые годы, и парашютов не было. Сидим, как рыбы, глотаем воздух, а прилетаем — и сразу петь...

А концерт — само скопление людей — объект повышенной опасности, прекрасная мишень для обстрела. Поэтому во время концерта часто поднимались наши самолеты. Утюжило небо, наблюдали обстановку. В небе рокочут самолеты, вдали слышатся раскаты оружейных выстрелов. На эти «мелочи» уже просто не обращали внимания.

За эти годы много артистов побывало в Афганистане. Нам там всегда очень жгут и бережно охраняют. За все годы с артистами не было ни одного трагического случая.

Приезжая в Афганистан, мы каждый раз, по самым скромным подсчетам, давали в воинских частях не менее тридцати концертов. Не считая разных импровизированных, которые случались на каждом шагу. Как, например, такой... Мы закончили трехчасовое выступление в гарнизоне, ансамбль уже зачехлил инструменты. Сели в автобус, едем дальше. Навстречу движется группа солдат в пропыленных, просоленных потом гимнастерках. Видать, не с прогулки идут ребята. Притормозили автобус. Оказывается, рота возвращалась после боевой операции.

— Тяжело пришлось, потери были?

— Да нет, — отвечают, — обошлось. Обидно только, что на ваш концерт не попали.

Ну, что тут было делать? Музыканты достали инструменты, солдаты присели на обочину пропыленной дороги, а я тут же у автобуса целый час пел для них.

После таких встреч в меня всеялась вера, что эти ребята станут моими слушателями и здесь, на Родине. Это ребята того поколения, которое здесь, в Союзе, скажу честно, мои концерты обходит стороной. Для меня это очень болезненный вопрос. Много размышлял на эту тему. Почему они ушли от меня или я от них? Где разошлись наши пути?

Когда я начинал свой артистический путь, молодые пели вместе со мной — на стройках, на открытых площадках, на эстрадах. И то поколение слушателей осталось вместе со мной. Они и сейчас не пропускают мои концерты. Можно сказать, что мы взрослые вместе. А новая молодежь не примкнула к нам. Другие времена — другие песни.

И вдруг там, вдали от Родины, на выжженной солнцем и огнем афганской земле, они потянулись к песне о Родине, о матери, к мелодиям военных лет. К песне, которая волнуется душу, томит, радуется и очищает.

Да, «афганцы» и здесь, в Союзе теперь, бывают на моих концертах. Сразу, интуитивно узнаю их среди разноколки публики. Приходят родители, жены и, увы, вдовы «афганцев»... Вот одна из записок, которую я получил во время концерта: «Сегодня исполнилось бы 18 лет нашей семейной жизни. Но он погиб в Афганистане. Он слушал вас в Шиндате и восторженно писал мне об этом. Доживите, допойте, что не успел он. Ольга Антоновна».

Обычно каждый концерт в гарнизоне заканчивал одним и тем же пожеланием: своевременно завершить службу и вернуться домой. Не раньше назначенного срока. Ибо раньше — это ранение или... И еще любил рассказывать о напутствии своей мамы. Каждый раз перед отлетом в Афганистан она говорила мне: «Ты не очнь-то высовывайся там, сынок, и передай это всем нашим...» Наивные материнские слова, кажется, оберегают меня в жизни, хотя «не высовываться» в современной обстановке сложно.

На прощание спрашивал солдат: может быть, у них есть какие-нибудь просьбы или пожелания? Однажды в десантной части, это было еще в мой первый приезд, подошел ко мне десантник, представился: Андрей Ивонин. Поблагодарил за песню «Эх, Андрюша» и сказал, что у него есть просьба. А я слушал парня и не мог налюбоваться: каких же богатырей родит наша земля! Высокий, косяя сажень в плечах, белозубый красавец. Он сказал, что хочет после службы в Афганистане поступать в рязанское десантное училище. Но туда трудно попасть. Вначале я удивился и лишь потом узнал, что у нас в десантное училище труднее поступить, чем в консерваторию Конквиста 10—15 человек на место. Значит, есть у современной молодежи стремление к романтике, желание идти трудными дорогами. Вот только нужно уметь поддерживать и направлять эти устремления. И в первую очередь давать дорогу «афганцам». Но таких привилегий при поступлении в военные училища у них нет. После моего отъезда мы с Андреем переписывались, а потом, когда кончилась его служба в Афганистане, он подал документы в десантное училище. Приехал в Рязань специально в эти дни на гастроли, побывал в училище. Короче, поддержал парня. Хотя, думаю, что он и без моей помощи поступил бы.

Потом наша связь как-то прервалась. В 1984 году приезжаю в Афганистан, опять выступаю в десантной части. После концерта ко мне приходит браво старший лейтенант с орденм Красной Звезды на груди. Я так и ахнул:

— Ба, мой крестник!

Андрей успешно окончил десантное училище и вновь попросился в Афганистан. Мы долго говорили с ним... Я все допытывался:

— Зачем ты здесь опять? Ведь ты же отслужил свое...

— А зачем же тогда я учился в десантном? Где я могу еще применить свое умение, испытать себя?

Андрей после ранения вернулся из Афганистана. Сейчас служит в Белоруссии. В последний раз мы встретились в позапрошлом году. Он приехал в Москву, позвонил мне. Как всегда, было туго с гостиницами, пригласил его пожить у меня дома. Тем более что и жены, и детям много рассказывал о своем крестнике. Это были прекрасные дни. Он очень подружился с моим сыном, тоже Андреем, рассказывал об Афганистане, учил его каратэ. А приезжал Андрей в Москву, чтобы навестить в Загорске свою вторую мать.

солдата, который в бою прикрыл собою его, командира. а сама погиб.

Я благодарен судьбе за то, что афганская земля породила меня с замечательными людьми. И наше братство неразрывно до конца дней моих.

Некоторые из моих афганских друзей были делегатами XIX партконференции. Заканчивалась ее работа, а мы в течение недели так и не смогли свидеться. У делегатов весь день — заседания, а вечерами у меня концерты. И вот последний день конференции, я уж и надежду потерял. И неожиданно, уже к ночи, в тот жаркий июньский вечер ко мне нагрянули мои афганские братья...

С генерал-лейтенантом Борисом Грозовым мы познакомились еще в 1980 году, тогда он был полковником, начальником штаба. Подчиненные прозвали его пионером — за молодость и открытость характера. Стройный, белокурый, красивый, всегда сдержанный. Типично русский образ, чем-то похожий на Юрия Гагарина. Вот только глаза его. часто воспаленные от солнца и недосыпания и всегда тревожно-грустные. Это — тревога и боль за тех ребят, которые каждый день шли под пули душманов, гибли на минных полях или в небе. Это тревога и за своих двух сыновей, которые остались без матери. Четыре года тому назад потерпел катастрофу самолет, на борту которого находилось командование Прикарпатского военного округа. У Натальи Николаевны Грозовой был тогда билет на рейсовый самолет Аэрофлота. Но командующий ВВС пригласил ее на спецрейс... Эта трагическая весть настигла Бориса Громова в Афганистане. Его отозвали в Москву. И, конечно, в связи с серьезными семейными обстоятельствами Громов имел все основания остаться в Союзе, поближе к своим малолетним сыновьям. Но он опять вернулся в Афганистан. Сказал:

— Выведем войска, тогда и вернусь...

Мне нравилось приходить к нему в кабинет, тихонечко, сидя в сторонке, наблюдать за ним, слушать, как спокойно, но твердо он отдает команды, как однажды распекал своего подчиненного:

— Смотри! На выводе за каждого солдата ты будешь отвечать своей головой... И, пожалуйста, побереги себя тоже...

В этом году Громову исполнилось 45 лет. И, думается, у него большое будущее.

Вместе с Грозовым в тот вечер ко мне приехал делегат партконференции, мой давний друг Герой Советского Союза Руслан Аушев. Познакомились мы в Афганистане, когда Руслан был еще лейтенантом. За эти годы лихой десантник вырос до подполковника. О его подвигах неоднократно писали «Правда» и «Красная звезда». Но этот усатый красавец, боевой бесстрашный офицер не любит пышных орденов, теряться от громких слов, редко надевает свою парадную форму с орденами.

Однажды земляки пригласили Аушева на какой-то праздник и решили присвоить его имя рабочей бригаде и пионерской дружине. Любят у нас еще такую помпезность. Но Аушев тактично отклонил это предложение. Обращаясь к землякам, он сказал:

— Я, как каждый живой человек, не застрахован от ошибок и не хочу, чтобы вам когда-нибудь было стыдно за меня. Есть много светлых и чистых имен моих друзей, погибших в Афганистане. Прошу вас, возьмите их имена.

Последний раз на афганской земле мы встретились с Русланом, когда ему исполнилось 32 года. После тяжелого ранения он находился в кабульском госпитале. Тогда я привез ему новую песню Александры Пахмутовой с дарственной надписью автора. В песне есть такие слова: «В глухих горах Афганистана все в жизни выпало тебе: твои победы, боль и раны...»

Его тяжело ранило на Салангском перевале, где наша колонна попала в засаду. Аушев с малочисленной группой сдерживал натиск душманов, давая возможность уйти нашим. За этот подвиг он был представлен к высокой награде, но не получил ее, поскольку нарушил уставные нормы: во время боя был без бронжилета, который полагается носить офицерам. В этом весь характер Руслана: не думая о себе во время боя, он спас сотни жизней наших солдат.

Сейчас Аушев служит на Дальнем Востоке. Сам захотел поехать в этот отдаленный, трудный край. Хотя после тяжелого ранения имел все основания попроситься в родные места, остаться поближе, где служба легче.

Прошлым летом я выступал в Одессе. После одного из концертов на сцену поднялась молодая миловидная женщина. Она подошла к микрофону и представилась:

— Я — медработник Нина Александровна Дворник. Недавно вернулась из Афганистана. Дважды со своим ансамблем в нашем гарнизоне выступал Кобзон. И всем нам очень полюбили его песни, поэтому-то я и пришла сегодня на концерт.

Я слушал слова Нины Александровны и испытывал чувство неловкости. Война — дело мужское. И не положено бы в мирное время посылать слабый пол на войну. Но в Афганистане было немало советских женщин, разных возрастов и профессий, добровольно приехавших туда. И хочется поклониться им низко от имени матерей и отцов, чьих сыновей выхаживали они в госпиталях, тащили ранеными на себе, обстирывали, готовили, кормили...

Их никто не принуждал тогда идти под пули. Могли они, если становилось невмоготу, в любую минуту вернуться домой.

И это ерунда, когда говорят, что вольнонаемные поехали туда за длинным рублем. Какой там длинный рубль. Медсестры, например, получали здесь, в Союзе, 70 рублей плюс столько же там в инвалюте. Да за такую службу золотом надо платить! А они за свои чеки покупали соки, воду, дефицитные продукты и подкармливали ими раненых.

О советских людях, служивших в Афганистане, так сказал президент республики Наджибулла: «За все время пребывания на нашей земле они ничего не брали — лишь отдавали: свои жизни, здоровье, тепло своих рук и сердец».

И если говорить о длинном рубле, то и мы, артисты, ездили туда не за ним. Все концерты в воинских частях — шефские. И лишь за выступления перед афганской общественностью мы по договору с Министерством культуры Афганистана получали чисто символические гонорары, которых хватало на воду и какие-то сувениры.

Пускай злые языки говорят! В ташкентской таможене цеплялись к каждой мелочи. Был случай, когда музыкант нашего ансамбля провез одну дубленку, не указанную в декларации. Неприятностей и шуму было — от Ташкента до Москвы: слыхали, группа Кобзона задержана за контрабанду дубленки. Дескать, за тем туда и ездили. Пускай говорят. Все это шелуха. Несмотря ни на что от этих поездок всегда оставалось светлое, очищающее чувство.

И каждый раз, кроме новых песен, я старался привезти ребятам небольшие подарки, которые хоть немного скрашивали бы их тяжелую службу. Первые годы обращался в наши творческие союзы — композиторов, художников, писателей, в фирму «Мелодия». Просил книги, пластинки, ноты, песенники. Но это оказалось слишком хлопотно. Надо было сделать десятки звонков, доказывать, просить, оформить дюжину бюрократических бумаг, чтобы получить какие-то крохи. Легче и проще купить что-то за свои деньги. Так и делал в дальнейшем.

Но и здесь были сложности: везу один-два ящика с книгами, пластинками, нотами, кассетами... Не пропускают в ташкентской таможене. Зачем так много? Не положено. И все тут...

Зато в следующий раз я был уже умнее, знал, как перехитрить таможенников. Купил в Ташкенте 50 гитар и на каждой сделал металлическую гравировку «Воину-интернационалисту — от Йосифа Кобзона». Здесь уж у таможенников вопросов не было.

Не знаю, где сейчас эти гитары, у кого они в руках, но хочется надеяться, что они доставили минуты душевной радости нашим ребятам. После каждого концерта в гарнизоне я вручал две гитары комсору и просил подарить их тем ребятам, которые любят петь. Инструменты обычно отправляли на горные заставы, на отдаленные патрульные точки, где особенно тяжела солдатская служба. И мне представлялось, как в горном ущелье, под чужим небом в руках нашего парнишки тихонько зазвучит гитара и польется песня, унося его на Родину, к матери, к любимой...

Это уже в последние годы в Афганистане создавался воинский самодельный ансамбль «Каскад», а вначале ничего не было. Удивительно! Сколько воинских частей я объездил в нашей стране, и всюду, даже на отдаленных заставах и подводных лодках солдаты играют, поют, создают какие-то ансамбли, устраивают вечера самодельности. А в Афганистане словно забыли об этом. Как-то, помню, в Шиндате наши ребята показались мне какими-то слишком подавленными и равнодушными. Разговорились. Обстановка в то время в Шиндате была относительно спокойной, но солдат угнетала тяжелая, однообразная служба. А ведь какой прекрасной эмоциональной разрядкой в такие моменты бывают музыка, песни. Поинтересовался:

— Самодятельность у вас есть? Петь-то вы любите?

Оказываеся, в этом гарнизоне, да и в других, не было никаких музыкальных инструментов. Вот тогда-то я и решил хоть несколько гитар подарить ребятам.

В один из своих первых приездов мы давали концерт в Кабульском клубе офицеров. Большой зал, неплохая акустика, а вот рояля нет. Поинтересовался, почему? Все-таки столичный клуб. Говорят: инструмент полагается только в окружном Доме офицеров, а здесь — гарнизонный.

Это равнодушно-бюрократическое «не положено», спущенное откуда-то сверху, из Москвы, без скидки на жестокие обстоятельства войны, принесло немало бед советским людям, оказавшимся в Афганистан. Да что там рояль... Все снабжение в военных гарнизонах — всецое, продовольственное и даже медицинское осуществлялось по нормативам мирного времени. И это там, где каждый день шла война, где лилась кровь... Часто не хватало самого элементарного — воды, еды, медикаментов, перевязочных материалов. И часто наши врачи, медсестры, наши советники за свои деньги покупали для раненых солдат разные лекарства.

Об одном таком «не положено» рассказывал мне первый секретарь ЦК ВЛКСМ Виктор Мироненко, который неоднократно бывал в Афганистан. Однажды солдаты обратились к нему с просьбой: нельзя ли тяжелые кирзовые сапоги при сорокаградусной жаре замснить какой-нибудь более легкой обувью. А ведь действительно, отправляя наших ребят на войну в тяжелые климатические условия, хозяйственники Министерства обороны, сидя в своих удобных креслах, и не подумали об этом. В ЦК комсомола быстро отреагировали тогда на просьбу воинов: выдесли деньги, срочно заказали несколько тысяч пар кроссовок на какой-то фабрике, уже готовы были отправлять обувь в Афганистан. Согласовывают этот вопрос с Министерством обороны и получают ответ: носить солдатам кроссовки не положено, это нарушение уставных норм. А оставаться без ног — это положено?

И вот, через это «не положено» я все-таки решил привезти в Кабул пианино и подарить его воинам-интернационалистам. Большие сложности были с транспортировкой, но мне помог армейский комсомол. И сколько же теплых душевных минут принес инструмент людям за эти годы. Сколько сыграно на нем, сколько спето...

Каждая поездка в Афганистан — калейдоскоп встреч, лиц, характеров, событий. И каждый раз уезжал я отсюда с чувством душевной боли и неудовлетворенности. Каждый раз кажется, что где-то я не успел побывать, для кого-то не спел, кому-то не помог.

Летом 1988 года, когда я в седьмой раз был в Афганистане, президент республики Наджибулла за значительный вклад в развитие культурных связей между двумя народами вручил мне афганский орден Красного Знамени. Я принял его из рук президента. Не мог не принять. Но носить не смогу. Считаю, что не достоин такой высокой награды. Этот орден вручался нашим солдатам и офицерам за настоящие боевые подвиги. И многим посмертно.

Каждый раз я был в Афганистане по три недели. В общей сложности более полугода. На фоне тех девяти лет, что восвали там наши ребята, это, конечно, малый срок, не дающий мне права на серьезные обобщения и выводы. И все-таки кое-что хочется сказать.

Афганистан болит в душе моей. Это боль за тех, кто погиб на чужой земле, и за тех, кто вернулся домой. Теперь они крепко держатся друг за друга, потому что атмосфера сурового и благородного воинского братства несовместима с общественной глухотой, карьеризмом, рвачеством, с которыми им часто приходится лицом к лицу сталкиваться в нашей светливой мирной жизни.

Пройдя бой, перешагнув смертную черту, с кардинально изменившимися взглядами они возвращаются в общество, часто не тронутые переменами. Желание изменить что-то в соответствии со своим пониманием встречает противодействие. «Афганцев» пытаются задвинуть подальше, они некомфортны для большинства из нас. Они тревожат наш покой.

В последнее время неоднократно принимал участие в благотворительных концертах, средства от которых перечисляются на счет № 705 — в фонд строительства реабилитационных центров для воинов-интернационалистов и помощи семьям погибших. Многие «афганцы» бывают на этих концертах. Для них это — место встречи, радость общения. Они приходят с матерями, женами, невестами, друзьями, надев свои десантные штормовки. Приводят, бережно придерживая, тех, кто сам передвигается с трудом...

И опять вижу их глаза и чувствую, как ловят они каждый звук, как впитывают в себя песню. И опять я пою для них. И опять я счастлив!

Но как же они ранимы, эти ребята, как могут тонко чувствовать, понимать, переживать. Помню, на одном из концертов, это было в Центральном Доме литераторов, в первых рядах сидел парень. Здоровый, красивый. Я исполнил песню «Бой гремел в окрестностях Кабула». Смотрю, парень наклонил голову, закрыл лицо руками... Как же мне хотелось сказать ему: да плачь ты, не стесняйся своих горьких и добрых слез! Если песни будоражат твою память и душу, значит, ты жив еще...

А для меня общение с «афганцами» — это возвращение к молодости. И уверен, теперь они не расстанутся с нашими песнями, потому что это отрывок их жизни, жестокой и светлой. И думается, не стоит перекраивать их нелегкие характеры.

«Афганцы» с их обостренным социальным неравнодушием — сила, бесспорно, стремящаяся к обновлению общества. Надо только помочь адаптироваться им, увести в себя. Особенно тем, кто ранен и искалчен. И много пользы еще Россия будет иметь от своих сыновей.

У нас в стране много разных праздников — День гоголя и торгового работника, День Военно-Морского Флота и танкистов. Думается, что в этом ряду 15 мая — дата начала вывода советских войск из Афганистана могла бы стать Днем интернационалиста. Этот праздник еще больше укрепит дружбу «афганцев» и их связь со старшим поколением, среди которого еще живы интернационалисты Испании и Халхин-Гола. И будь такой день, — скорей всего, не случился бы тот, печальной памяти «десант голубых берстов», который неожиданно «высадился» 2 августа 1988 года в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. Среди десантников было немало и «афганцев», которые, влившись в общий поток, вли себя, мягко говоря, не лучшим образом. Этот неуправляемый взрыв накопившихся отрицательных эмоций можно было предвидеть и упредить, если бы к воинам-интернационалистам проявлялось больше внимания и понимания. Их энергию, их нераспределенный потенциалный заряд можно и нужно направлять по правильному руслу. Здесь есть над чем подумать и комсомолу, и Главлуру Министерства обороны. И нам, работникам искусства, тоже.

Я не в обиде на судьбу. Она щедро одаривала меня благодарными слушателями. Но высший момент творческого счастья, мой звездный час был не перед элитной публикой у нас в стране, не где-то за рубежом, а там, в Афганистане, когда я общался с нашими ребятами, пел для них...

Мы, артисты, не слишком суверены. И все-таки старасмся никогда не произносить слова «последний концерт». Говорим — «прощальный концерт». Но свою восьмую поездку в Афганистан я смело называю последним концертом, прощальным аккордом. И думаю, не ошибусь. Надеюсь, что ни мне, ни моим коллегам уже никогда не придется на этой многострадальной земле выступать перед нашими ребятами, перед нашими солдатами.

Я очень рвался в эту поездку. Девять лет тому назад я был первым советским артистом, выступавшим перед воинами-интернационалистами. И теперь я стремился к логическому завершению, хотелось проводить наших солдат домой.

Опять пришлось напряженно работать. Для нас, артистов, условия, несмотря на военное затишье, были, пожалуй, сложнее, чем раньше. Каждый день давали концерты, хотя солдат наших в начале февраля там оставалось уже совсем немного. Войска шли на вывод. И мы мотались без отдыха, догоняли воинские части на дорогах, в походных условиях, на привалах, на открытом морозном воздухе с ансамблем «Время» давали концерты. Я пел написанную специально для этой поездки песню «Славянка», где есть такие слова: «Наконец-то на нашей земле не прощанье, а встречи...»

Вечером, накануне моего отъезда из Афганистана, мы прощались с командующим армией Борисом Громовым. Говорили о той минуте, когда 15 февраля в 10 часов утра он последним перейдет Хайратонский мост, что соединяет Афганистан с Термезом. А в конце моста, на нашей земле, его будет встречать сын Максим...

Так и случилось.

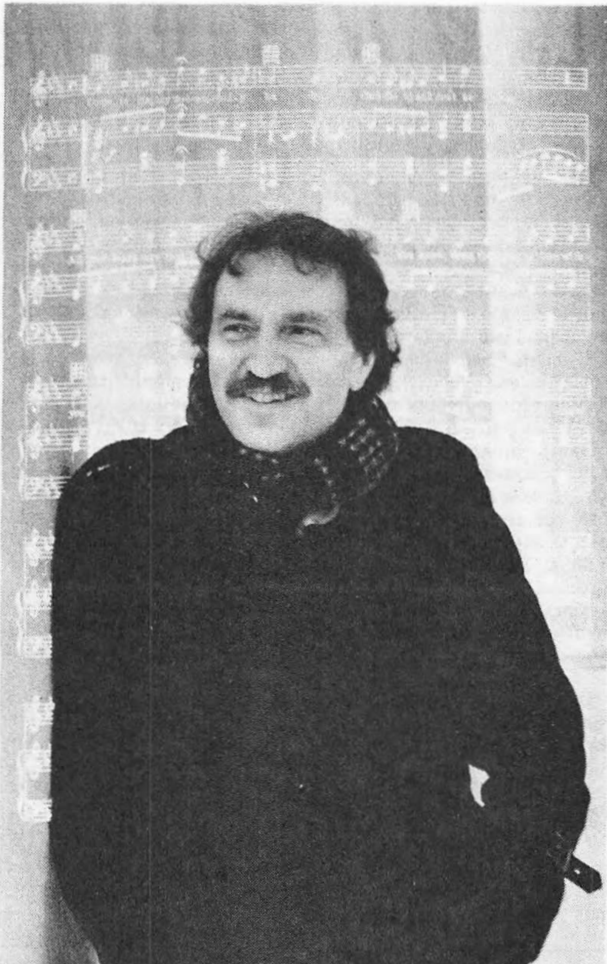
Записала Алла ОСАДЧАЯ

В конце ноября 1988 года в Филадельфии (США) проходила международная встреча молодежи двух стран, организованная КМО СССР. 180 молодых советских специалистов в различных областях науки и культуры впервые сели за стол переговоров с американскими коллегами. В заседаниях комиссии средств массовой информации принимала участие и корреспондент «Юности» Анна Пугач.

С американской стороны на встрече были журналисты из «Вашингтон пост», «Филадельфия энквэйрер», «Чикаго трибюн», агентства Ассошиэйтед Пресс. Репортеры подробно расспрашивали о традициях журнала (обновляется он или предпочитает консервативную форму подачи материала) и, конечно же, о писателях, когда-то открытых «Юностью». Зашел разговор и о Василии Аксенове — в свое время популярном авторе журнала, ныне проживающем в США.

Предлагаем вашему вниманию запись встречи нашего корреспондента с Василием Павловичем Аксеновым.

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ: «Я, ПО СУТИ ДЕЛА, НЕ ЭМИГРАНТ...»

Разыскать вашингтонский телефон Аксенова было не самым трудным делом. Сложнее было ему позвонить. Я не знала, как представиться. В то время, когда слухи о его скором отъезде поползли по Москве, я была студенткой университета и только начинала работать в «Юности», поэтому познакомиться с маститым автором журнала не успела. От побывавших за рубежом наших соотечественников знала, что Аксенов представитель прессы не жалует, интервью не дает да и вообще к подобным встречам не стремится. И все же, приехав в Вашингтон и мысленно подготовив себя ко всем проявлениям «особенностей аксеновского характера», я решила набрать номер, представилась сотрудником «Юности»...

После короткой паузы: «В каком отеле вы остановились? — знакомый по выступлениям чуть хриловатый голос Аксенова. — Через час я могу к вам приехать». Итак, первый стереотип о некоммуникабельности писателя сломен.

Сижу в холле гостиницы, пытаюсь составить вопросы, вспоминаю все, что читала и знала о творчестве Аксенова.

Первый главный редактор «Юности» Валентин Катаев когда-то заметил, что после публикации в 60-е годы повестей А. Гладиллина и В. Аксенова «тираж журнала пополз вверх, как температура у гриппозного больного».

1960 год. 27-летний врач одной из московских больниц присылает в «Юность» свою первую повесть «Коллеги». С этого же года и вплоть до отъезда за границу в 1979 году критика не прекращает яростных споров вокруг прозы Аксенова, его творческой манеры.

11 октября 1961 года. «Вечерняя Москва». Среди молодых, только что принятых членов Союза писателей — В. Аксенов, автор повестей из жизни современной советской молодежи: «Коллеги», «Звездный билет».

Василий Аксенов начинает определять ситуацию в молодежной «исповедальной» прозе. Вместе с ним в журнал приходит целая плеяда молодых, ярких, талантливых людей, по-новому рассказывающих о себе, своей жизни, своих ровесниках.

«С повести Аксенова все же начинается большой разговор, выделенный «молодежную тему» как бы в особую линию в литературе, и журнал «Юность» приобретает физиономию, отличную от других журналов», — писал в одной из полемических статей критик А. Макаров. Точкой отсчета при размежевании печатных органов и читательских симпатий становится отношение к «молодежной прозе».

Романтики, приверженные идеалам своих родителей, молодые писатели называли себя детьми XX съезда. Их «звездные мальчики» приходили на страницы книг из жизни, мучительно искали себя, уезжали в тайгу, уходили с геологами, отправлялись в дальние плаванья. «Звездный билет», «Апельсины из Марокко» «Затоваренная бочкотара», — на этих книгах Аксенова выросло целое поколение тех самых «шестидесятников», которое и сегодня на своих плечах вытягивает перестройку. Не случайно физики и лирики, кому давно за сорок, с ностальгически-горьким привкусом вспоминают ту эпоху, породившую своих кумиров, одним из которых был В. Аксенов.

Из хроники:

1962 год, Ю. Белаш: «В. Аксенов — несомненный лидер четвертого поколения».

1963 год, журнал «Пограничник». Вас. Захарченко. «Борьба с абстракционизмом и другими видами буржуазного проникновения в нашу идеологию»: «В. Аксенов в «Звездном билете» и «Апельсинах из Марокко» романтизирует безвольных молодых людей».

1963 год, пленум правления Союза писателей СССР. В. Аксенов подвергается критике за безыдейную повесть «Апельсины из Марокко».

1963 год, «Правда». В. Аксенов: «Я мечтаю создать такого героя, который был бы настоящим сыном своего времени. Мне надо еще многое увидеть, многое передумать, многому научиться».

1963 год, «Юность». Ф. Кузнецов: «Первые произведения молодых в ответ недругам, придумавшим конфликт «отцов и детей» в советской литературе, утверждали преемственность революционной традиции отцов».

1968 год, «Октябрь». А. Ланшиков: «...Характеры — самое узкое место писателя. Аксенову совершенно неподвластна логика человеческих характеров... Так даже средней руки мастер никогда бы не стал писать». «...Не зная реальной жизни народа, не ведая истории своей Родины, даже игнорируя то и другое, авторы исповедальной литературы высказали ряд очень незрелых и неглубоких, но зато «своих» мыслей». «...Рассказ «Дикой» особенно отчетливо демонстрирует беспомощность Аксенова как художника».

1977 год, «Литературная газета». В. Аксенов: «Стать личностью — вот идеал, к которому должен идти человек, и особенно в молодые годы».

1977 год, «Наш современник». В. Сахаров объявляет творческий опыт Аксенова нежизнеспособным.

1978 год, «Литературная учеба». Г. Белая: «Книги Аксенова поразили тем, как широко и свободно вообрали они в себя городскую разговорную речь, даже то, что еще несколько лет назад казалось лежащим за пределами литературы, вплоть до жаргонных ходовых словечек».

1978 год, «Литературное обозрение». Е. Евтушенко о новом романе «В поисках жанра»: «Аксенов не застрял в собственной юности,

красота языка то романтически-возвышенная, то иронически-убийственная... От повести дышит нечаянностью чуда».

1978 год, «Литературное обозрение». Редакционное заключение по поводу романа «В поисках жанра»: «Со многими замечаниями критика (Л. Аннинского), в том числе с основным упреком — в «дисконтактности главного героя с окружающим миром», с призывом к большей «социальной чуткости», трудно не согласиться».

1978 год, «Литературная учеба». С. Чупринин: «Молодые сейчас явно предпочитают не ввязываться в бой «за место под солнцем», а поуютнее обживаться в заранее (и не ими) подготовленных ячеек, не создавать, рискуя своей репутацией, поэтическую «погоду на завтра», а приравливаясь к сегодняшней, какой бы она ни казалась; ...не заявлять о себе как о первопроходцах, колумбах, а мирно пристраиваться в хвосте уже существующих, апробированных шеренг и «обойм»...»

— Вы еще не видели город? Если у вас есть время, с удовольствием покажу.

Так началась наша встреча.

И мы отправились по главной 15-километровой автостраде Вашингтона, пересекающей его с запада на восток, — Пенсильвания-авеню. По той самой улице, по которой новый президент в день инаугурации проедет к западному входу Капитолия.

— Это как бы наша Горького-стрит. — начал объяснять Василий Павлович. — Только там сейчас, наверное, людей больше... Вы знаете, что произошло в Армении? Я сейчас слушал радио, где-то около 50 тысяч погибших. Но это еще не точная цифра. Как все это ужасно... Горбачев вылетел в Москву...

Из этого обрывочного дорожного разговора было понятно, что живет русский писатель нашими же проблемами, привычно вникая во все происходящее. По дороге мы заехали в книжный магазин «Kramer books», там же находится и писательское кафе, «что-то вроде нашего Дома литераторов. — поясняет Аксенов, — только я сюда редко захожу...». На специальной именной полке, где выставляются произведения писателя, роман «Ожог», переведенный на английский язык. Остальные книги распроданы.

— У вас есть здесь свои читатели? Когда-то в интервью «Литературной газете» вы говорили, что писателю необходимо видеть своего гипотетического собеседника.

— У меня небольшая читательская аудитория. Я не говорю про русскую интеллигенцию, которая здесь есть. Они-то читают. А среди американцев это небольшой цивилизованный круг, с таким международным проявлением, что ли. Надо сказать, здесь вообще меньше интеллигенции в русском понимании. И потом — колоссальный отрыв... Вот чего я себе не представлял, что Россия так далека. Здесь, может быть, Китай даже ближе. Хотя вон сколько выходцев из России. Сейчас, правда, все меняется, и не без помощи новой иммиграции. Мы очень многое тут изменили в отношении к России, оживили представление о ней. Студенты читают немало современной русской литературы, где-то достают. Недавно увидел у них роман «Пора, мой друг, пора».

— Это, наверное, ваши студенты? Вы ведь преподаете в университете?

— Да, я как бы почетный профессор в университете Джордж Мейсон в Вашингтоне, по русской литературе и творческому письму, то есть по писательским делам. У меня две группы студентов, где-то по 25 человек. Кафедра славистики здесь в отличие от некоторых университетов очень маленькая, но я надеюсь, что мне удастся их немного расширить, поскольку я сейчас занимаю особую позицию.

— Кстати, о позиции, она у вас действительно особая по отношению к нашей стране и к своим друзьям-ровесникам. В прошлом году многие советские писатели, побывавшие на Луизианской встрече в Дании, остались разочарованы вашим выступлением и тем, как холодно, отчужденно вы держались.

— Почему разочарованы? Я что, должен был бросаться им на шею?! Я вел себя очень сдержанно.

— Да, это все отметили.

— Ну что ж, у меня есть на то основания. К новому поколению я отношусь иначе, а к своему, простите, не очень хорошо. И это, к сожалению, открытие самого последнего года. Именно гласность открыла мне глаза, и я узнал очень много разочаровывающего.

— А поехали вы на встречу в Луизиану, уже понимая степень разочарования, или хотелось проверить свои впечатления?

— Поскал, во-первых, потому что датчане пригласили, потом, конечно, было интересно — посмотреть на всех... Мы здесь в течение первых трех-четырех лет в такой глухой

изоляции жили, что сейчас, когда люди из Союза стали появляться, это как призраки.

— И все же странно, почему ваш круг оказался разомкнутым, нам, из «другого поколения», хотелось бы понять, что произошло, почему начинавшие когда-то вместе единомышленники сейчас, в разгар обнадеживающих перемен в нашей общественной жизни, оказались по разную сторону границ, и не только географических.

— Скажите, а вы читали журнал «Крокодил»? Вы знаете, что там про меня писали? Совсем недавно там публиковались читательские письма такого рода — надо его привязать к позорному столбу и всем народом плевать ему в лицо. То есть мне. Неужели вы всего этого не читали? Фан-тас-тика! Вы уже третий человек из Союза, который ничего не знает об этой публикации. Думаю, это еще раз показывает степень равнодушия интеллигенции к судьбе **своего** писателя... Никто, ни один из моих друзей, даже слова не сказал в защиту. Никто, нигде, хотя это сейчас совсем не опасно.

— А как вы сами это объясняете? Насколько я знаю, среди ваших друзей много людей отважных, в разные годы сумевших противостоять своим творчеством официально протвещающей серости и безликости?

— Да нет, я ни к кому никакого счета не предъявляю, знаю, что говорили моим друзьям: «Он-то вот сорвался на Запад, живет себе в комфорте, а вам тут жить, печататься...» Потом у вас, по-моему, как-то преувеличивают мое политическое значение. Изображают вождем какой-то группы, какого-то направления, таким свирепым антисоветчиком. Это абсолютно немыслимое преувеличение. Например, я читаю в «Молодой гвардии» беседу маршала авиации с И. Шевцовым и узнаю, что за границей действует банда «Аксенов и другие» — это же бред. Я очень далек от всяких политических дел. Здесь есть определенное движение, есть люди, которые этим занимаются, но не я, я этим не занимаюсь, мне это неинтересно. Я занимаюсь своей преподавательской работой и, в основном, писанием романов, на это-то не хватает времени. Правда, с конца августа прошлого года я стал замечать нейтральное упоминание моего имени в советской печати, без эпитетов. Видимо, отношение ко мне немного изменилось — слава богу. Но это, наверное, еще очень далеко от того, чтобы напечатать мои вещи. У меня очень много было написано до отъезда.

— Ну, что же, времена меняются, когда-то Евгения Гинзбург принесла в «Юность» роман «Крутой маршрут», несмотря на то, что надежд на публикацию не было никаких. И вот через двадцать лет выходит 9-й номер «Юности»...

— Да, я видел публикацию мамы в «Юности», в журнале «Даугава», но вот появляется рецензия на этот роман в «Московских новостях», говорится обо всех — о моем отце Павле Васильевиче, о моем брате Алексее, о сестре, о внуке, то есть моем сыне Алексее, все упоминается, кроме... кроме мамино сына. Ничего, ни слова...

— Василий Павлович, может, все-таки обидой и раздражением объясняются многие ваши выступления по радио, в печати, часто несправедливые, с резкими выпадами против всех нас, поверивших наконец-то в реальность возвращения утраченных в последние годы ценностей. Не с поисков ли идеалов началось ваше расхождение с временем в 70-е годы? А теперь? Как сокрушительно-разочаровывающе подействовала на молодых людей (к которым вы относитесь иначе) ваша подпись под письмом десяти: «Пусть Горбачев предоставит нам доказательство», опубликованном во французской «Фигаро» и перепечатанном у нас.

— Странно, почему вдруг такую реакцию вызвало именно это письмо? Можно было еще десяток, два, три аналогичных письма найти. Я таких писем подписывал за свою эмигрантскую жизнь много.

— Да потому, что это письмо совпало с долгожданным для всех нас периодом возрождения страны.

— Вы знаете, в этом письме нет ни одного слова неправды, там все правда, другое дело, что я не был его активным участником. Я просто подписал. Тогда, два года назад, письмо вызвало переполох, но за это время многое изменилось в стране, и многие наши пожелания уже воплотились в жизнь, так что письмо тоже было перестроечным.

— Вы думали о возвращении на Родину?

— Пока об этом рано говорить. Я лишен советского гражданства. Нас здесь человек тридцать таких. Понимаете, это было сделано в 1979 году, вопреки всем международным нормам. Человека можно лишить прав, но не страны, где он родился. Скажем, в Америке меня могут лишить граждан-

ства, поскольку я получил его впоследствии, но невозможно лишить гражданства ни одного американца, что бы он ни совершил. Я, по сути дела, не эмигрант и не беженец даже, а просто высланный.

— *Где-то с начала 70-х годов ваше имя все реже и реже стало появляться в периодике, из книг — только повесть о соратнике Ленина Л. Красине «Любовь к электричеству» в серии «Пламенные революционеры» (кстати, удивительно, что многие писатели, впоследствии оказавшиеся оторванными от Родины, приняли участие в создании книг этой серии), хотя было известно, что вы много работаете, занимаетесь переводами...*

— Мне всегда было довольно трудно печататься, а в 70-е годы это стало практически невозможно. Жил тем, что писал сценарии для театра, кино. Но и там не все удавалось... Фильм по одному из моих лучших сценариев «Q, этот выноша летучий...» на материале русских анонимных сатирических повестей XVII века (повести о Шемякинском суде, о Фроле Скобесве и др.) так и не появился, кто-то что-то там усмотрел не то.

— *Да, но после затяжного молчания в 1978 году в «Новом мире» публикуется ваш экспериментальный роман «В поисках жанра». И хотя время было уже совсем не романтическое, ваш герой — артист оригинального эстрадного жанра — отправляется на своем старом «жигуленке» колесить по земле в поисках чуда. Не случайно тогда Евгений Евтушенко назвал рецензию на ваш роман «Необходимость чудес». Значит, чудеса происходили даже в те грустные времена?*

— Вы не знаете предыстории этой публикации. Я был в Париже в 1977 году, когда мне позвонила жена и сказала, что уже одобренный и набранный в «Новом мире» роман «зарублен» по непонятным причинам, выброшен из набора. Я пришел в жуткое бешенство, позвонил представителю «Голоса Америки» и дал интервью. Я сказал, что мне это все уже надоело и если не восстановят «В поисках жанра», я приму соответствующее решение. Затем я дал телеграмму в Союз писателей и в «Новый мир» из Парижа: «Требую восстановления рукописи». Роман восстановили, но мне этого не смогли простить. Один из руководителей Союза писателей так потом и сказал: «Вы нас за горло берете, и не в первый раз. Мы вам этого не простим». По сути дела, это была моя последняя публикация. Да, в «Неделе» еще был напечатан рассказ «Памяти Красаускаса» — и все. После довольно долгого трепыхания на поверхности я понял, что все двери захлопнулись и мне ничего не светит. Я к тому времени еще из Союза писателей вышел, то есть оказался вне всякой организации.

— *Насколько я знаю, вас не исключали из Союза, это была добровольная акция?*

— Я отправил свой членский билет по почте в Союз писателей в знак протеста после того, как Секретариат Правления СП РСФСР отозвал свое решение о приеме в члены Союза писателей молодых талантливых литераторов Евгения Попова и Виктора Ерофеева¹ — участников альманаха «Метрополь». Так же поступили писатели Инна Лиснянская и Семсн Липкин.

— *Вы один из организаторов этого рукописного журнала, может быть, расскажете подробнее о «Метрополе», десятилетие которого сегодня отмечается уже официально. Тем более что история с альманахом была, по моему, завершающей в вашем длительном мировоззренческом споре с теми, кто еще вчера вершил судьбами нашей культуры?*

— Я считаю создание «Метрополя» одним из самых ярких событий в советской литературе 70-х годов. В нем участвовали: Б. Ахмадулина, Ю. Алешковский, А. Битов, Ф. Искандер, В. Высоцкий, уже названные мною Е. Попов и В. Ерофеев; более двадцати талантливых литераторов, разных по своим эстетическим принципам, стилистической манере письма, но объединенных желанием бросить вызов царящей тогда серости и тоске. Более мрачного времени, чем 1978 год, трудно себе представить, и вдруг возникает такой яркий литературный союз, вдохновляемый общей идеей. Это был клуб литературного маскарада, озорства, вдохновения. И главное — ощущение единства вопреки всему. Мы чувствовали, что тучи сгущаются, но никто не ожидал, что поднимется такой шум и у нас в стране, и за

рубежом. Нам пытались инкриминировать связи с подрывными центрами, называли пособниками спецслужб и т. д. Литературные круги Запада, наблюдая такое развитие событий, тоже очень возбудились. К моему удивлению, «Метрополь» здесь, за границей, известен до сих пор, несмотря на общую литературную пресыщенность.

— *Для справки: газета «Московский литератор», 1979 год, 23 февраля. «20 февраля состоялось совещание Московской писательской организации, на котором члены СП, знакомившиеся с материалами, представленными в машинописном альманахе «Метрополь», рассказали о своих впечатлениях и выводах. С материалом альманаха ознакомились более 100 писателей. Подводя итоги, первый секретарь Московской организации СП РСФСР Феликс Кузнецов сказал: «Все писатели сошлись в одном: крайне низкий художественный уровень большинства материалов сборника с полной очевидностью убеждает, что его организаторы, по-видимому, и не помышляли о литературных целях. Они ставили перед собой совершенно иные, далекие от литературы, искусства и нравственности задачи»¹.*

— *Ну, а как развивались события после Московского совещания?*

— Шуму еще хватило надолго, наш товарищеский союз, конечно, распался под давлением бюрократической машины, как в поговорке «на что старая ведьма ни глянет — все вянет». Через какое-то время Феликс Кузнецов дал мне понять, что ждать больше нечего: «Твой отъезд устроил бы всех»². Подобный совет из уст руководителя Московской писательской организации звучал как уже согласованное и санкционированное руководство к действию. В тот же день я позвонил знакомому профессору Калифорнийского университета и попросил прислать приглашение. Довольно скоро я его получил по почте и выехал вместе с женой в гости на полгода.

— *Мне вспоминаются споры, происходившие тогда в московской студенческой среде. Одни считали, что вы всю историю с «Метрополем» затеяли специально, чтобы уехать, другие надеялись, что вы все же вернетесь...*

— Мы уезжали в полной растерянности, было ощущение, что нас выпроваживают навсегда. Поэтому как дальше действовать, что делать — не знали. Три месяца мы были во Франции, Италии, просто бродили по миру, еще не зная, куда ехать. Денег было очень мало. Потом пришло приглашение на временную работу в университет Южной Калифорнии. Так мы оказались в Америке. Спустя два месяца после принятого постановления в Ведомостях Верховного Совета СССР я прочел указ о лишении меня гражданства за подписью Брежнева и Георгадзе, т. е. два месяца об этом не сообщали ничего. Вслед за мной так же отправили В. Войновича и Л. Копелсва, лишив их потом гражданства.

— *Почему вы избрали местом жительства США? Вам тут хорошо работается?*

— Да, я уже свыкся с этой страной, в Европу схать поздно, романо-германские языки я не очень хорошо знаю. В течение года я работал по приглашению института Кеннона в Вашингтоне, нам понравилось в столице, и мы решили остаться здесь жить. Нью-Йорк я не полюбил, а здесь мне действительно хорошо работается. Я отношусь к этой стране, как к дому, не как к Родине, вы это поймите, а как к дому. Мне здесь дали приют, не ощущение покоя, но ощущение дома. Я не чувствую себя белой вороной, поскольку тут таких, как я, — миллионы — различных беженцев со всего мира. Посмотрите кругом, вон югослав, вон подошел кореец, вон эфиоп, еще кто-то, бог весть кто. Тут все есть, и это даст ощущение нового этноса.

— *То есть в отличие от многих из нашей так называемой третьей эмиграции вы легко адаптировались?*

— Ну, сказать, что легко... Это, наверное, в Союзе укоренилось такое мнение, потому что я не хнычу. Эмиграция — это процесс мучительный. Первый год особенно мучительный, в какой-то момент все тебя начинает дико раздражать, становится ненавистным, ты делаешь обобщения... Хуже всего, когда начинаешь делать обобщения... Про меня почему-то всегда было принято говорить, что я прощающийся. Это в Союзе-то, где я не вылезал из долгов, да и здесь мы живем не по средствам, а только благодаря американской системе кредита. Никаких больших денег я тут не сделал,

¹ Большинство представленных в альманахе произведений было опубликовано в советской печати в 1985—1988 гг.

² Ф. Кузнецов, «ЛГ», 1977 г.: «В нашем обществе созданы максимально благоприятные условия для развития и выявления самых разных человеческих дарований и талантов».

¹ В 1988 году В. Ерофеев и Е. Попов восстановлены в рядах СП СССР.

работаю, вот и все. Денег я, правда, зарабатываю много, но трачу еще больше. Тут нет потолка, получаю я, например, выше среднего, но предела тут нет... Среди людей, которые на самом деле богаты, я не считаю себя обеспеченным. Писатели в Америке редко хорошо зарабатывают, только те, кто пишет бестселлеры.

— Василий Павлович, вы один из самых активных писателей среди русской эмиграции (я не имею в виду написанные, но не изданные в Союзе книги), но новые произведения вы все равно пишете на русском материале — «Бумажный пейзаж», «Скажи, Изюм», т. е. американская культура остается вам чуждой?

— Обо всем этом я написал в книге об Америке «В поисках грустного бэби». Это не роман, это как раз Америка глазами русского писателя-эмигранта.

— Да, об этой книге я слышала от многих выходцев из России, недавно обосновавшихся здесь: «Хотите знать, как мы живем? Читайте Аксенова».

«...Поймать, ощутить, уловить — жалкие попытки выброшенного из своего мира беженца, построить вокруг себя новую жизнь, хоть чуточку напоминающую старую!»

— Да нет, конечно, то, что осталось в Союзе, мне дорого, это моя жизнь. С одной стороны, в страшном сне не приснится то, что со мной было, а с другой... В эти годы было не только плохо, было много замечательного — любовь, вдохновение... 60-е годы, начало молодежной субкультуры, именно тогда это начиналось. У меня сейчас выходит собрание сочинений в Гарборсе, в первую книгу я включил свои ранние вещи: «Коллеги», «Звездный билет», во вторую «Пора, мой друг, пора», «Ангельсины из Марокко» и три рассказа. Всего будет шесть томов. На самом деле это только половина из того, что я написал. А вчера закончил новый роман «Желток яйца», на английском написал, можете себе представить? Три года работал, университет много времени забирает.

— Можно сказать, что вы решили стать англоязычным писателем или это всего лишь эксперимент?

— Нет-нет, я не собираюсь переходить на другой язык. Просто в процессе улучшения своего английского я попробовал написать роман. Это сугубо авантюрное, наглос такое предприятие.

— Василий Павлович, в «Юности» сохранилась рукопись вашей повести «Золотая наша железка», отданной в 1973 году в наш журнал, но в силу разных причин так и не вышедшей в свет; как бы вы отнеслись к сегодняшней ее публикации?

— Я бы это только приветствовал. Помню, как многие сотрудники «Юности» хотели ее напечатать, по идее она должна была тогда выйти, но кто-то в последний момент усмотрел в ней страшную угрозу «священным принципам». Сегодня эта вещь с точки зрения политической остроты — ничто. Она вызовет интерес, но не вызовет роковых вопросов века. Это такие стилистические упражнения пера. В чем-то повесть ностальгическая. Мне хотелось написать книгу о своем читателе, сказать «good buy» нашей общей молодости, иллюзиям прошлого десятилетия. Для меня «Железка» — это как клавикорды. Не симфонический оркестр, не медные трубы, а... клавикорды.

Я держу в руках подаренную Василием Павловичем книгу «Золотая наша железка». 1980 г., изд. «Ардис».

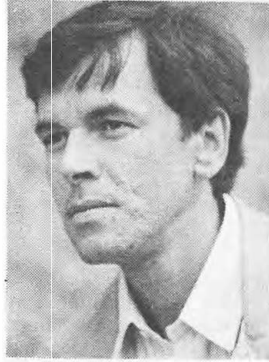
«Не забывай, не забывай, не забывай ярко-синего моря и всего, что связано с ним, не забывай ярко-черного рояля и всего, что связано с ним, не забывай ярко-желтой яичницы и всего, что связано с ней, не забывай ярко-красной, леденящей и пьянящей рябины и всего, что связано с ней, не забывай ничего голубого».

Этот призыв памяти адресован нам, как и многие книги, написанные в Советском Союзе, но изданные в различных зарубежных издательствах, вне дома.

Беседу вела Анна ПУГАЧ.

Вашингтон — Москва

Поэзия

Игорь
МУРАТОВ

Дебют в
«ЮНОСТИ»

В городском саду

Орchestra духового вздохи,
Его одышка, хрип грудной
Не соответствуют эпохе,
Рациональной, молодой,
Настырной, джинсовой, летящей,
От крика тянущейся в крик,
Непонимающе глядящей,
Как он — уста в уста — приник,
Румянец дел его сердечных
Ее волчатам незнаком,
Для большинства он как сердечник
С таблеткою под языком,
Ей надо яростней, дешевле,
Не — горячей, а — сгоряча,
Такой, как он. — не по душе ей,
Не по крутым ее плечам!
...Вот на ротонде, на полянке
Играет он в последний раз...
И марш «Прощание славянки» —
Как будто первый трубный глас.

☆☆☆

Коммунальной квартиры непрочный уют,
В коридоре — корзины и санки,
В этой комнате — спят, в этой — пьют и поют,
В этой — строят воздушные замки...
«Я, как вор, на носках за тобою пройду,
Ни одной половицей не скрипну,
Дверь прикрою, дыхание переведу
И услышу далекую скрипку.
Вот и свиделись мы...» На пороге зимы
Покраснело у осени веко,
А глаза ее черные устремлены
На далекого ей человека,
На далекого ей, непонятого ей,
Преступающего все границы:
С каждым днем на душе у него холодней,
А ему захотелось мириться!
Вот идет он по улице, входит он в дом
И в квартиру какую-то входит,
И хотя ничего не находит он в том,
Уверяет себя, что находит.
И музыку отважную слышит и в ней
Видит, словно предзнаменованье,
И прощенье, и свет небывалых огней
(Где-то сбоку плетется прощанье...)
У любимой его — и не то чтобы грусть,
Так — «Потешится пусть, порезвится,
То, что было, связать попытается пусть
С тем, чему никогда не случиться...»
Он холодную руку подносит к лицу,
От внезапной удачи бледнея.
Как понять ему, умнику, трусу, глупцу,
Что он сделал с собою и с нею!

г Пермь

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Реакция на публикацию «Помогите благо сбыться!»*

Сначала послышался голос. Но не тот, ставший уже привычным всем нам.— сухой, резкий, не терпящий возражений — чиновный. А совсем наоборот: теплый, мягкий и даже, как нам показалось, сочувственный. Собеседника представил по телефону Евгений Николаевич Кочневой — главным специалистом Минздрава СССР. Однако, к сожалению, нежный голос, журчащий из министерского далеска, вымолвил, по сути, то, что с давних времен стало уже стандартом:

— Как вы могли такое напечатать, не посоветовавшись со специалистами?

И далее Евгения Николаевна заговорила о некомпетентности...

Что касается «компетентности автора», мы поговорим об этом чуть позже. А пока позволим себе заметить: все попытки разъяснить главному специалисту, что журналист, прежде чем написать свой репортаж, конечно же, советовался, и неоднократно, с учеными, знакомился со специальной литературой (советской и зарубежной) по вопросам аллотрансплантации, от начала и до конца присутствовал на операции по пересадке зубных зачатков, длительное время изучал материалы исследований профессора Драновского... не произвели на нас, увы, никакого впечатления. Оставалось задать Е. Н. Кочневой один-единственный вопрос:

— Вы-то сами встречались с Геннадием Ефимовичем, знаете о его работе хоть что-нибудь?

Как вы думаете, что мы услышали в ответ?

— Мы обязательно с ним встретимся. Поговорим, выслушаем.

— Пожалуйста, поинтересуйтесь судьбой ученого и его вынужденно прерванного исследования! Ведь, собственно, об этом публикация «Юности».

— Мы обязательно это сделаем.

Может быть, мы ошиблись и поторопились в своих выводах и разочарованиях? Зря усомнились в справедливости и искренности главного специалиста Минздрава СССР?

В нашем присутствии она назначила профессору Драновскому по телефону деловое свидание в здании Центрального научно-исследовательского института стоматологии. Видели бы вы, как взволновался, преисполнившись надежд, Геннадий Ефимович! Как ожило и помолодело его лицо! Внезапно возникшая вера в то, что он наконец будет неспровоцированно и доброжелательно выслушан, что объективно рассмотрят материалы, подтверждающие научную состоятельность его работы, слайды, на которых зафиксированы результаты исследований, неузнаваемо преобразила профессора. Он умчался из редакции, словно школьник — готовиться (уж в который раз!) к экзамену. Явился в ЦНИИС с портфелем, туго набитым документами. Но они ему не понадобились. Вспервах, потому, что сама Евгения Николаевна на свидание не явилась (очевидно, забывавшая, что оно — деловое, именно сию назначенное). А во-вторых, внезапно появившийся вместо нее цвет стальной стоматологической науки, как оказалось, менее всего интересовало содержимое его портфеля. Шестерых рассерженных профессоров, двух докторов и одного кандидата медицинских наук занимало лишь одно: как умудрился их коллега из провинции докатиться до такой жизни: участвовать в посягательстве на непрерывность авторитета советской стоматологии?..

И ничего удивительного в том, что он был сломлен дружным натиском именитых «товарищей по цеху». Возвратился

домой с так и нераскрытыми папками документов. И... с сердечным приступом.

Редакция располагает протоколом данного заседания ученых-стоматологов, присланного руководством ЦНИИС в «Юность».

Приведем несколько цитат из этого документа. Для начала: «Все (подчеркнуто нами.— Ред.) специалисты отмечают, что работы профессора Драновского Г. Е. по аллотрансплантации зубных зачатков представляют значительный научный интерес, способствуют дальнейшему прогрессу в изучении проблем трансплантации в стоматологии». Но погодите радоваться. И прочитайте последнюю фразу протокола: «Поскольку выявлена недостаточная компетентность и моральность автора этой статьи, мы с согласия автора метода (можете вообразить себе?!!) и по рекомендации министра здравоохранения т. Чазова Е. И. должны направить письмо в редакцию с тем, чтобы возложить ответственность за нежелательные последствия опубликования этой статьи на ее автора. А т. Драновскому Г. Е. мы желаем дальнейших творческих успехов в научной и практической работе...» (подчеркнуто нами.— Ред.)

Внимательно, а главное, без предвзятости прочитавший нашу публикацию, уверен, поймет, что основополагающим ее мотивом является как раз утверждение научной ценности исследований Драновского. И в ней нет ничего противоречащего заключению составителей цитируемого «Протокола»: «В то же время практический выход данной работы в клинику незначителен». Спрашивается: как же он может быть значительным, если исследование ученого прервано? Об этом и говорится в репортаже, начиная с самого его подзаголовка («Об уникальном исследовании, которое прервали зависть и клевета») и до последних строк. И вдруг столь категоричный вывод, сопровождаемый пожеланием Драновскому «дальнейших творческих успехов». Право же, оно звучит в данном контексте как «скатертью дорожка».

Но в чем же тогда истинная причина негодования его составителей? — очевидно, спросите вы. Найти ответ в тексте самого обращения в редакцию, признаться, оказалось совсем не просто. Понадобилось несколько раз подряд перечитать его, чтобы обнаружить наконец глубоко упрямую и сложную казуистику опаривания в общем-то достаточно простых истин, подлинную суть недовольства публикацией. Всего лишь полфразы: «...позорит советскую стоматологию и незаслуженно представляет МЗ СССР и ЦНИИС ретроградями». Так вот оно, где «собака зарыта!» Да разве можно опозорить отставание на полвека (по меньшей мере)? И незаслуженно представлять происходящее в действительности?

И автор репортажа решил обратиться с письмом к министру здравоохранения СССР Евгению Ивановичу Чазову:

Уважаемый Евгений Иванович!

В восьмом номере «Юности» опубликован репортаж «Помогите благо сбыться!», с подзаголовком: «...об уникальном исследовании, которое прервали зависть и клевета». Признаться, мы были уверены, что уже по этим приметам объективному читателю станет ясно: редакция ставит своей целью призвать на помощь, содействовать продолжению научной работы профессора Г. Е. Драновского, а не подвергать злоумышленной критике кого-либо, в частности, Минздрав СССР. Как же прореагировали Ваши подчиненные и высокопоставленные коллеги героя репортажа на публикацию? «В статье ошибки. Чувствуется некомпетентность автора...» Но мы уже это слышали в прошлом неоднократно. Когда специалист из аппарата, не потрудившись изучить проблему, безоговорочно берет на себя роль верховного судьи над научными исследованиями (в которых порой так неспроста разобраться и крупным ученым), кончается это тем, что он вводит в заблуждение не только общественность, но и собственное руководство. Так случилось несколько лет назад, когда руководителем МЗ СССР пришлось принести свои извинения органу ЦК КПСС газете «Советская Россия» за их ответ, составленный подобным способом «компетентным сотрудником» аппарата. Извинения, ибо по настоянию Ученого совета МЗ рассматривалась работа Драновского и одобрил ее. Похоже, что нечто подобное может случиться и на этот раз. Ибо наша нынешняя публикация — о необходимости срочной и действенной помощи уже признанной Минздравом работы. В ней скрупулезно переданы неопровержимые факты. Опирающиеся не только на документы и увиденное нами воочию, но и на информацию зарубежных специалистов о том, что они уже успешно рабо-

тают по методике профессора Драновского. Считая ее перспективной. Организованный вчера ужасом Е. Н. Кочневой разбор репортажа, превратившийся скорее в расследование, если не сказать, судилище над многострадальным коллегой, не смог обнаружить в нем в действительности каких-либо принципиальных ошибок. Претензии свелись к давнему бюрократическому негодованию: «Как вы это допустили? Как посмели обидеть уважаемых учреждения и уважаемых лиц? При каких обстоятельствах и по чьей вине появилась эта публикация?» А ведь публикация-то не об этом. Она о тяжелой судьбе ученого и его вынужденно прерванной работе. Маститые его коллеги, по сути, подтвердив наше и ваше — МЗ СССР — давнее утверждение о необходимости и полезности исследования Драновского, признав его научную ценность, яростно обрушились на то, чего нет в публикации: требования широкого его внедрения в практику. И усилия уважаемых ученых полностью сосредоточились на утверждениях о невозможности этого сегодня (о чем недвусмысленно сказано и в нашей публикации), избличении героя и редакции в злокозненных действиях, выработки ниспровергающего ответа за Вашей подписью редакции и на возможные письма читателей... Но, увы, ни в коей мере не на призыве журнала: «Помогите благу сбыться!» И тем более на помощи страждущему коллеге.

Огорченные подобной реакцией печального прошлого, мы вновь обращаемся к Вам с настоятельной просьбой: редакция и читатели ждут от Вас, уважаемый Евгений Иванович, не анализа якобы допущенных ошибок и неточностей в терминологии («Юность» не специализированный медицинский журнал, а литературно-художественный и общественно-политический), а ответа на один только вопрос: когда и какая конкретно помощь будет оказана Минздравом СССР профессору Драновскому?

А тем временем события развивались бурно. Не проходило и дня, чтобы по редакционному телефону не раздавались разгневанные голоса, представляющиеся громкими титулами. И уже открыто выдвигающие обвинения автору и журналу. В невольном унижении советской стоматологии и ее единственного и уважаемого академика.

Вдумчивому читателю, разумеется, понятно, что в этой «игре без правил», затеянной рядом именитых стоматологов с редакцией, главным козырем является обвинение в некомпетентности. Однако, уверовав в ее неоспоримость в партии против любителей, профессионалы упустили из виду не одно, а несколько существенных обстоятельств.

Во-первых: автор репортажа «Помогите благу сбыться!» занимается освещением проблем медицины и здравоохранения более 25 лет. Им написаны десятки материалов по самым сложным вопросам медицинской науки и практики, опубликованные в центральной печати и за рубежом. И, как правило, никаких нареканий в компетентности у медиков не вызывавших. Однако вернемся к написанному им о профессоре Драновском. И напомним уважаемым медикам о том, что автор впервые обратился к его научной работе... 8 лет назад. Опубликовав в газете «Советская Россия» репортаж «Граничит с фантастикой». Отличается он от нынешнего тем, что был посвящен главным образом подробному описанию самих исследований ученого. И в нем практически не было допущено не то что критики — малейшего упрека.

Ни в чей адрес. По настоятельной просьбе самого Драновского и его сотрудников. Уж такие были времена. В результате, как мы знаем, работа Геннадия Ефимовича была рассмотрена и одобрена Президиумом Ученого совета Минздрава СССР. Более того, орган ЦК КПСС содействовал ее выдвижению (среди исследований группы других трансплантологов) на соискание Государственной премии СССР. И тут мы вынуждены вернуться к личности и роли во всей этой печальной истории человека, о котором в репортаже «Юности» сказано всего лишь три с четвертью предложения. Однако именно они, как выяснилось, в значительной степени явились побудительным мотивом всего нездорового ажиотажа, угроз и инсинуаций, затеянных частью стоматологов вокруг нашей публикации. Речь идет об академике АМН СССР А. И. Рыбаков. Учитывая, что центральная пресса, в том числе «Правда» и «Известия», довольно обстоятельно рассказывала уже о негативных сторонах его деятельности (после чего, собственно, и были сделаны, как говорят в таких случаях, объективные оргвыводы, и человек, занимавший буквально все ключевые посты в советской стоматологии, стал бывшим), автор лишь вскользь упомянул

о нем в репортаже. Но этого оказалось достаточно, чтобы всколыхнуть его приверженцев. Мы все-таки не будем перечислять здесь весь длинный ряд постов и должностей, занимаемых А. И. Рыбаковым в прошлом. Ограничимся проявлением его роли в судьбе профессора Драновского.

По стандартам, введенным в застойные времена, одним из неперемненных условий кампании по выдвижению научных работ на соискание Госпремии являлась публикация статей, представляющих их широкой общественности. Предпочтительно в центральной печати. И весьма желательно за подписью самих патриархов в конкретных областях науки. Следующему «правилу», группа стоматологов-соискателей обратилась с просьбой подготовить такую статью именно к... автору репортажа о Драновском (очевидно, не сомневаясь в его компетентности). И убила журналиста тем, что таким образом он поспособствует признанию научной работы своего героя. Статья была им подготовлена. И опубликована в центральной печати. За подписью... уважаемого академика А. Рыбакова. И без единой его поправки. Но и без... упоминания имени Драновского. Не оказалось его имени и среди группы выдвинутых вместе с ним, но получивших без него Государственную премию СССР трансплантологов.

Апофеозом их негодования явилась угроза подать в суд на автора и редакцию. Признаться, не сразу, но после некоторых раздумий нас осенило: а почему бы и нет? Нам представляется бы уникальная возможность добиться подлинно общественного суда над вопиющим отставанием отечественной стоматологии. От которого страдаем все мы — миллионы советских людей. Над безобразиями, творящимися в ней повседневно. Над тем, например, о чем пишет в редакцию читатель А. И. Морозов: «В стоматологической поликлинике здоровенные дяденьки в белых халатах, насмешливо поглядывая на наши искаженные от боли лица, не стыдясь произнести: «Лечиться даром — даром лечиться». По-видимому, не случайно при всей отсталости советской стоматологической науки и практики (а может быть, благодаря именно ей), по утверждению юристов, это наиболее криминогенная область нашей медицины и здравоохранения. Ничем в этом смысле не уступающая сферам торговли и бытового обслуживания. И, как нам представляется сейчас, не в последнюю очередь поэтому многим коллегам Драновского он представляется некой «белой вороной». Ибо по сравнению с большинством стоматологов вынужден влачить жалкое существование. Неопровержимое подтверждение тому мы приведем позже. Устами — кого бы вы думали? Самого прокурора. Поблизе узнав Геннадия Ефимовича, мы, признаться, даже невольно задались вопросом: как такому человеку удалось стать профессором и доктором наук в столь специфической области нашей медицины?

Попробуем пояснить нашу мысль. И все-таки, и все-таки талант — он скромнен. Не случайно родилось: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами». Пожалуй, именно это является генетической нормой, сложившейся в процессе тысячелетней эволюции человечества. И думаем, несправданно уповать на единичные примеры проявления в нашей науке (и не только в ней) даровитых людей, сочетающих в себе еще и то, что принято теперь называть пробивной мощью. Как говорят в Одессе: «Если у двух белых лебедей выросли клыки — это еще не закон природы». А закон природы все-таки в том, что истинный талант всегда скромнен. Все же остальное — исключения. Так вот Драновский относится именно к такому типу таланта. Да, это тихий, застенчивый и, если хотите, в чем-то даже робкий человек. Нуждающийся в заботе и защите. Но почему же в таком случае Драновский стал профессором и доктором наук именно в этой области? — можете спросить вы. Да потому, что он — великий труженик и ученый-самородок. И все его научные работы имеют непробиваемый запас прочности. Кстати говоря, докторская диссертация целиком посвящена им именно проблемам аллотрансплантации.

...Наши несвеселые раздумья прервал звонок из Минздрава СССР. Поступило сообщение: «Министр здравоохранения СССР Е. И. Чазов приглашает профессора Драновского на аудиенцию». Мы попросили Геннадия Ефимовича сделать стенограмму этой встречи. Вот она наконец, реакция самого

МИНИСТРА

(Беседа состоялась 4 октября 1988 года. Длилась 55 минут.)

Е. И. ЧАЗОВ: Давайте поговорим о проблеме пересадки зубных зачатков. Я сам занимался и занимаюсь вопросами

трансплантации, но других органов. Хотелось бы узнать, как обстоит дело с аллотрансплантацией зубных зачатков. Какие успехи достигнуты у нас в стране?

Г. Е. ДРАНОВСКИЙ: В стране уже выполнены шесть кандидатских и две докторских диссертации, посвященные различным аспектам пересадки зубных зачатков. Однако почти все они освещают в основном теоретические вопросы.

Теперь о наших исследованиях. Мы поставили цель выяснить, можно ли добиться приживления и развития зубных зачатков у реципиента (больного, которому производится пересадка.— Ред.) без применения каких-либо иммунодепрессантов (препаратов, препятствующих отторжению пересаженных органов и тканей.— Ред.) и какие при этом необходимы условия? После проведения большого количества экспериментов выяснили и изучили особенности и закономерности приживления и развития зубных зачатков. Для доказательства и проверки наших исследований провели в клинике семнадцать пересадок детям, у которых отсутствовали жевательные зубы на нижней и верхней челюсти, и у значительной части также получили положительные результаты. Затем нам пришлось прервать свои исследования.

Е. И. ЧАЗОВ: Скажите, сколько у вас было осложнений и какие отдаленные результаты?

Г. Е. ДРАНОВСКИЙ: Непосредственно после операции было 4 случая осложнений, связанных с техническими погрешностями в оснащении операций и последующим воспалением ткани у оперируемых. В остальных случаях было хорошее приживление. Отдаленные результаты наблюдали у части больных, в основном от трех до семи лет.

Е. И. ЧАЗОВ: Владимир Федорович, что вы можете сказать об этой работе?

В. Ф. РУДЬКО (проректор Московского государственного стоматологического института): В свое время мне пришлось по линии МЗ СССР и МЗ РСФСР проверять эту работу непосредственно на месте, в городе Махачкале. Я и еще один товарищ из ЦНИИС — Гунько — были туда командированы. Мы познакомились с первичными материалами экспериментальных и клинических исследований, фотографиями и рентгенограммами больных. Документы были достаточно убедительны. Кроме того, имели беседу с зав. кафедрой профессором Максудовым и другими сотрудниками. Хочу сказать, что исследования Драновского имеют большое научное значение для дальнейшего развития метода аллотрансплантации. Однако широко внедрять сегодня этот метод в практику еще рано. Представленные документы показывают, что, хотя зачатки приживаются и превращаются в зуб, они имеют не совсем правильную форму. Неизвестно, смогут ли выдержать опору протеза. Показания к пересадке зубных зачатков ограничены, неизвестно, как будут приживаться и развиваться у взрослых. Хотя я повторяю, что исследования Драновского имеют большой научный интерес. В настоящее время широкое применение получает метод имплантации (введение металлических стержней, на которые в последующем закрепляются зубные протезы.— Ред.).

Е. И. ЧАЗОВ: Ну и как этот метод имплантации идет?

В. Ф. РУДЬКО: Да, этот метод идет...

В. М. БЕЗРУКОВ (зам. директора ЦНИИС): Хорошо и потихоньку распространяется. Хотя и бывают неудачи. Нам надо подключать более активно химиков для его улучшения.

Е. И. ЧАЗОВ: А ваше мнение, Геннадий Ефимович?

Г. Е. ДРАНОВСКИЙ: Евгений Иванович, только что вам сказали о том, что метод имплантации оправдан для применения в клинике. И его стараются широко распространить. А ведь лет пять назад он был у нас категорически осужден и даже запрещен! Как метод, наносящий вред здоровью больных. И этот запрет исходил от двух-трех наших ученых, не желавших вникнуть в суть вопроса. Сейчас мы спохватились и выяснили, что метод себя оправдывает при определенных показаниях. Но пока спохватились — отстали от других стран более чем на двадцать лет. Как минимум. Правильно я говорю?

В. Ф. РУДЬКО: Да!

Г. Е. ДРАНОВСКИЙ: Боюсь, что с проблемой аллотрансплантации зубных зачатков случится то же. За границей сейчас продолжают заниматься этой проблемой. И довольно усердно. Я считаю, что ею заниматься надо и нам. И заниматься следует в нескольких направлениях: необходимо провести серию экспериментов для решения ряда практических вопросов, а также параллельно набирать клинический мате-

риал. Вопрос о широком внедрении нашего метода в практику сегодня не ставится. Ни мною, ни журналом «Юность». В публикации сказано, что надо помочь продолжать исследования и довести их до логического конца. Еще раз подчеркиваю: этой проблемой заниматься надо, чтобы потом не оказаться в хвосте научного прогресса.

Е. И. ЧАЗОВ: Как вы считаете, есть ли наш приоритет в науке по аллотрансплантации зубных зачатков?

В. Ф. РУДЬКО: Да, есть!

Е. И. ЧАЗОВ: Тогда надо его развивать. И поэтому ставится такой вопрос: кто будет этим заниматься и что для этого надо? Вы, Геннадий Ефимович, можете продолжить эти исследования?

Г. Е. ДРАНОВСКИЙ: Для их продолжения необходимы: во-первых, материальная база, во-вторых, штаты — люди, которые бы занимались этой проблемой. Я готов продолжить эти исследования.

Е. И. ЧАЗОВ: Ну, тогда мы можем выделить четыре-пять ставок для создания лаборатории, скажем, при Дагмединституте.

Г. Е. ДРАНОВСКИЙ: Евгений Иванович, дело в том, что в связи с тяжелой моральной обстановкой в институте я, очевидно, вынужден буду уехать оттуда.

Е. И. ЧАЗОВ: И где вы будете работать?

Г. Е. ДРАНОВСКИЙ: Не знаю, где буду работать. Если вы можете мне помочь, я бы поехал в любое место.

Е. И. ЧАЗОВ: Владимир Федорович, у вас в институте есть возможность трудоустроить Драновского?

В. Ф. РУДЬКО: Нет, Евгений Иванович, Драновскому нужна профессорская должность, а у нас все занято.

В. М. БЕЗРУКОВ: У нас тоже идет сокращение и лишних ставок нет. (Просим читателя обратить внимание на это, мягко говоря, необычное обстоятельство: в то время как министр выражает готовность выделить Драновскому 4—5 ставок для создания лаборатории, уважаемые профессора не замечают этого. Чем же они пренебрегают при этом: служебной субординацией или коллегой Драновским?)

Е. И. ЧАЗОВ: Ну, что же делать? Может быть, когда вы переедете в Москву, мы свяжемся с зав. горздравотделом Мудраком и для начала постараемся найти вам место в практическом здравоохранении? А в дальнейшем, когда вы будете работать, постараемся решить эту проблему...

Таким образом, несмотря на, признаться, смутившие нас некоторые нюансы прошедшей беседы, министр, насколько мы понимаем, практически расставил все точки над «i». И редакция выражает ему свою признательность за искреннее стремление по-государственному подойти к проблемам стоматологической науки и, в частности, профессора Драновского. Хочется верить в позитивный исход этой встречи. А пока в «Юность» пошла волна читательских писем. В этой связи стоит привести еще одну, последнюю цитату из вышеупомянутого «протокола». «Что делать с письмами, которые непременно сейчас будут поступать в редакцию и МЗ СССР в больших количествах, в которых будут задаваться вопросы о том, как попасть на живление зубов?» (Да простит нас читатель за грамматику и терминологию компетентных авторов!) Так вот, уважаемые ученые ошиблись и в этом своем прогнозе. В отличие от них читатели объективно и беспристрастно разобрались в содержании репортажа. Среди многочисленных откликов ни одного с подобной просьбой не оказалось. Чтобы проиллюстрировать наше утверждение, приводим несколько писем, характеризующих реакцию

ЧИТАТЕЛЕЙ

«Дорогая редакция!

В номере 8—88 вашего замечательного журнала я прочел превосходную, толковую статью о профессоре Драновском.

Он невольно ассоциируется с другим кудесником — окулистом Федоровым! Разве не напрашивается открытие института, подобного федоровскому? На основе хозрасчета. Института Драновского?!

И почему сам Драновский так поразительно пассивен, если не сказать, труслив в борьбе с этими гнусными завистниками и ретроградами, со всеми этими жалкими анонимщиками и липовыми академиками?! Ведь дело-то верно!..

Пусть Федоров поучит Драновского, как надо преодолевать «пустяковые трудности», воздвигаемые этим легионом дураков, чиновных бюрократов, честолюбцев и завистников,

которые расплодились в брежневскую эпоху. И несть числа им!

Очень хотелось бы, чтобы редакция «Юности» взяла под особый контроль создание в Москве в оперативнейшем порядке НИИ Драновского и клиники подобно Федоровской!

Я думаю, С. Н. Федорову не занимать благородства и гуманизма, располагая валютой, он мог бы ссудить Драновскому миллион-другой долларов для срочного приобретения импортного оборудования НИИ Драновского! Свои люди — сочтутся.

С уважением,

А. П. Бодайбин, инженер-механик
г. Горький.

Боже упаси поддаться нам вашим, пусть, несомненно, благородным, но сверхкипящим эмоциям, дорогой Александр Павлович. Нам бы живу остаться от скромной просьбы — помочь Драновскому довести свою работу до логического конца. Ему бы хоть лабораторию какую предоставили, где уж там институт Драновского?

А у Федорова своих забот полон рот. К тому же миллион долларов ссудить в нашем с вами развитом обществе — задача, поверьте, увы, не арифметическая.

А вот письмо совершенно иного порядка:

«То, что вы описали в своей статье, глубоко касается моей личной трагедии. С молодого возраста потеряла большую часть зубов. Спасибо нашим стоматологам — как могли, поставили «мости», но на длительное сохранение их не смогли дать никаких гарантий. И вот под постоянным страхом (надолго ли хватит?) и ужасом, что смолоду придется пользоваться протезами (съёмными), моя нервная система не выдержала, и я сделала попытку уйти из жизни. К счастью или несчастью, меня спасли врачи. И вот «мости» рухнули. И я осталась, как говорится, ни с чем. До этого несколько раз приходилось их ремонтировать. И я пережила нервно-психический стресс. И теперь можно надеяться только на чудо.»

Ваша статья подала мне какие-то надежды. Я прочитала, в каких трудных условиях работает желанный спаситель многих беззубых людей. Я услышала ваш призыв помочь ближнему сбываться.

Я бесконечно за!!!». (Мы не указываем имени автора этого письма по ее просьбе.)

И еще. От помощника прокурора Советского района г. Махачкалы С. М. Мустафаса. Вот что нам пишет Султан Магомедханович из, как говорится, самого «эпицентра событий»:

«Прочитал в журнале статью под названием «Помогите благо сбыться!». Большое спасибо корреспонденту, который точно описывает жизнь замечательного человека, доктора медицинских наук, профессора Драновского Геннадия Ефимовича.»

Извините за откровенность, но хочу свое мнение написать вам по этому поводу. Сперва должен был я написать статью под названием «Помогите Драновскому!», а уж потом вы бы написали свою.

Вы указали в статье о том, что ему мешают клеветники. Да, это правда. Доктор медицинских наук, профессор, имеющий огромный талант, с мировым именем, даже не заведует кафедрой.

Ведь не все время на него пишут анонимки, клеветнические заявления. Эти грязные новости появляются именно тогда, когда он подает заявление на конкурс — на заведование кафедрой. Это факт. Таким вот образом ректорат и те зловещие «силы», которые стоят за клеветниками, делают и делают свое черное дело. От зависти..

Мне приходилось сталкиваться с т. Драновским, и у меня сложилось о нем определенное мнение. Высокопорядочный человек, компетентный специалист. Ученый с большой буквы. И такой человек, который мог бы принести еще больше пользы науке, обществу, людям, скитается по углам, не имея жилья. Это тоже факт. Это продолжение той же грязной возни, которая вокруг него ведется. Прочитав статью, я решил немедленно написать свой отзыв. Поэтому еще не знаю точно, как решилось одно уголовное дело, возбужденное на старшую лаборантку кафедры, где работает Драновский. Она написала клеветническое письмо-заявление не в следственные органы, а в партком. В этом институте такие лаборантки, кажется, следственными органами больше считают партком — в лице его секретаря. Мне известно,

что следователем предъявлено ей обвинение за клевету на Драновского и за оскорбление его чести и достоинства.

Страдает этот человек ни за что. Ему не дают заниматься наукой так, как он хотел бы. А его желания и возможности очень большие, и вы правильно написали об этом. Он талантливый ученый. Но этого талантливого ученого у нас таким не считают и не считаются с ним. Разве допустимо, чтобы профессор не имел жилья? А раз нет жилья, так как же он должен заниматься наукой? Ему же нужен еще и отдых, уголок, где бы он мог отдохнуть.

У меня шесть членов семьи. Но я, честное слово, готов одну комнату отвести ему — этому замечательному человеку. Я очень хотел бы, чтобы вы в редакции высказались в этот вопрос и помогли ему получить квартиру, чтобы он свое драгоценное время отдавал науке, а не поискам временного жилья. Драновский очень нужен науке, народу, нашему государству, медицине, и все мы должны способствовать тому, чтобы он совершил еще новые открытия.

Спасибо за выступление, очень бы прислал, чтобы этим, не затронутым вами, но не менее серьезным проблемам посвятили еще одну маленькую статью. А там и обком КПСС наш проснулся бы, и быстро нашли бы ему квартиру и создали все другие условия для нормальной работы, хотя бы на кафедре (без клеветы и анонимок)..

Думается, письма эти говорят сами за себя и пора уж ставить точку. Но удивительное время, в котором мы с вами начинаем жить, все чаще и чаще преподносит нам сюрпризы и неординарные решения. И вот на публикацию «Юности» отозвался голос

КООПЕРАТОРОВ

Поздним вечером в редакцию позвонил генеральный директор коммерческого банка города Мурманска В. М. Кириченко. Вячеслав Михайлович горячо просил нас связать его с профессором Драновским. Признаться, не забывая о преклонении оппонентов репортажа, мы приготовились услышать от него просьбу о «вживлении зубов». Однако голос с Севера произнес:

— Мы беремся построить Драновскому Центр, подобный руководимому С. Н. Федоровым. Создадим ему все условия. Согласны принять и учесть все его пожелания. Предоставим ему полную свободу по созданию и формированию своего коллектива. Вы только свяжитесь с ним и помогите убедить, уговорить его...

Не успели мы в полной мере осознать и порадоваться услышанному, как на стол отдела науки «Юности», словно в подтверждение только что прозвучавшему, в эфире, легло официальное обращение. Отпечатанное на изыщном бланке с красивым и внушительным грифом: «Экокультура». Научно-исследовательское объединение. А выше — кооперативное.

Читасм:

«Консультативный комитет Совета директоров внимательно рассмотрел вашу публикацию. Наше объединение готово предоставить т. Г. Е. Драновскому все необходимые средства. Причем, учитывая профиль нашего объединения, мы сможем на первом этапе предоставить средства безвозмездно. В дальнейшем, когда будем убеждены, что никто не сможет прервать поступательный ход его работ по аллотрансплантации, т. Драновский сам будет волен решать — продолжить ли работу за счет наших ресурсов в стенах создаваемого в рамках НИО Института красоты и здоровья, организовать ли свой кооператив или продолжить работу в государственном лечебном учреждении. Просим вас также не отказывать в любезности проинформировать руководство «Юности» в том, что наше объединение готово поддержать любое творческое начинание...

С. И. Целуйко, коммерческий директор
г. Тула»

Замечательно, не правда ли? Но погодим, погодим еще разодваться...

Мы очень надеемся на счастливое продолжение этой непростой истории. Как для самого профессора Драновского, так и для всех нас — его доброжелателей и его потенциальных пациентов. Как видите, оснований для этого более чем достаточно. Но вот действий? Действий пока, в сущности, никаких. Будем ждать еще?

Иван Куницын, Ольга Кузнецова, Алексей Николаев.

От имени «безголосого» поколения

Поводом к этому письму послужили опубликованные в № 10 «Юности» рассказы Варлама Шаламова. Каждый из этих рассказов буквально потряс меня — своей беспощадностью, своей откровенностью, своей собственной живой болью, которую мне, читателю, эту боль уже почувствовавшему, предстоит еще осознать и осмыслить. Сделать это тем более трудно, что мне только 16 лет, и я, по существующему законодательству еще даже не имею права на собственный голос.

Немного о себе. В прошлом году я ушел из школы. Есть «кое-какие» познания, но они так же далеки от реальной жизни, как «развитый социализм» от существующего. Поэтому «я в рабочие пошел» — вот уже год как работаю на больничном заводе. Самостоятельно зарабатываю себе на хлеб, помогаю матери. Учиться жизни предпочитаю не в школе — не та система. Хочу стать квалифицированным рабочим и своим трудом способствовать возвращению рабочему классу того престижа, который был утрачен им вчера даже. По-моему, ТРУД из «дела чести, дела доблести и геройства» (по И. В. Сталину) должен — давно пора! — превратиться в потребность души и тела. Рабочий человек должен видеть реальные плоды своей трудовой деятельности в обновлении жизни, страны. Вот почему идеи перестройки так мне близки. Мне кажется, что именно моему «безголосому» поколению и проводить их в жизнь.

Если бы остался в школе, если бы не понял заводскую жизнь и не увидел себя на всеобщем фоне взрослых, был бы пустым, дохлым, огульным, нищим во всех отношениях. Завод дает мне право на самоуважение — видишь, чувствуешь свою причастность к большому делу.

На заводе встречал людей, прошедших через 1937-й и другие годы. Люди эти замкнуты, но не озлоблены. И в их глазах видишь не безверие в происходящие в стране перемены, а глубокую печаль от того, что перестройка и все, что она с собой несет людям, не явилась «чуть раньше». Но, видимо, всему свое время. Стыдно, конечно, что на 71-м году Советской власти мы «учимся демократии». Но отрадно, что на 71-м году власти Советов к руководству страной пришли мужественные люди, способные осознать пройденный народом путь, усеянный, как выяснилось, не только победами (они бесспорны), но и человеческими костями (они очевидны). Возможно, поколению даже моих родителей (маме 39 лет) еще были нужны «всепобеждающие» идеи. Моему — необходимы идеи, освобождающие нас от лжи, невежества, полуграмотности, полусоседаментности. Убежден, что именно этими идеями руководствовался редакционный коллектив «Юности», публикуя — повторяю — страшные, но наполненные каким-то ВСЕПОБЕЖДАЮЩИМ СВЕТОМ РАЗУМА «Колымские рассказы» Варлама Шаламова. Когда я узнал, что впервые все эти рассказы были опубликованы не в застойной Москве, а в цветущем Париже, и прочитал в вашем журнале о том, что издание их у нас «еще только готовится», я пришел в неопределимый ужас: как ТАКОЕ можно было скрывать от советских людей на протяжении столь долгих лет. Появились они в наших журналах своевременно, не проливали бы мы сейчас слезы по поводу отсутствия в нас милосердия, присутствия жестокости и цинизма. Истребительная «идеология Колымы» просматривается и прослушивается сегодня во многих местах: от гневных разговоров в очереди, до приглушенных разговоров фарцовщиков на Невском.

Интересно, приходит ли все это в головы моим сверстникам, уже прочитавшим в «Юности» и несколько рассказов Варлама Шаламова, и фрагмент из «Воспоминаний» Н. Я. Мандельштам? Хотелось бы прочитать об этом на страницах «Юности».

Лев ЛУЦЕНКО,
г. Ленинград

«Литовцы у моря Лаптевых»

Прочитал в «Юности» воспоминания Евгении Гинзбург. Нет нужды говорить о том, что этот страшный рассказ не может никого оставить равнодушным. Под впечатлением прочитанного я хотел бы поделиться с редакцией материалом, который ей, возможно, не знаком.

Мы с женой последние 12 лет каждый отпуск проводим на собственных колесах. В 1977 году мы совершили тур по Литве, оставивший у нас самые теплые воспоминания. В 1986 году повторили это путешествие, после чего я заговорил литовским языком — древнейшим из индоевропейских языков, современником латыни и древнегреческого. В августе этого года мы вновь решили проехать по Литве. В Вильнюсе я купил № 8 журнала «ПЯРГАЛЕ» («Победа»). Раскрыл этот номер журнала и решил начать чтение с очерка Дали Гринкявичюте «Литовцы у моря Лаптевых», полагая, что речь пойдет о каких-то старинных русских экспедициях на север с участием литовцев. Однако материал оказался совершенно иного рода. Вот как начинается этот очерк (в моем переводе):

«14 июня 1941 года в три часа ночи по приказу Москвы по всей Прибалтике — Литве, Латвии и Эстонии — одновременно начались массовые аресты и депортация людей в Сибирь. Для этой цели были мобилизованы чекисты из Белоруссии, Смоленска, Пскова и других мест.

Переполненные эшелоны один за другим шли на восток, увозя людей, большинству из которых никогда не суждено было вернуться.

Везли народных учителей, преподавателей гимназий и высших школ, юристов, журналистов, семьи офицеров Литовской армии, дипломатов, служащих различных учреждений, землевладельцев, агрономов, врачей, предпринимателей и т. д.

Везли из поселков, везли из городов, везли из деревень. Грузовики непрерывным потоком направлялись к железнодорожным вокзалам, где мужчин, глав семей, чекисты отделили и направляли в другие, передние вагоны, говоря, что разделяют временно, — только на время поездки. В действительности же их судьба была уже predetermined — в лагере ликвидации Красноярска и Северного Урала, хотя эти люди не были ни под следствием, ни осуждены.

Ни в чем не повинные, они шли в те вагоны, не зная, что уже являются смертниками, что в этот момент им надо попрощаться и в последний раз обнять своих детей, жен, родителей.

Их обманули.

Членов их семей от младенцев до едва двигающихся стариков в заколоченных вагонах для скота другими эшелонами везли в глубь Сибири, часто не дав возможности взять с собой самые необходимые вещи. Родственников, которые пытались передать в вагоны продукты или теплую одежду, часовые не подпускали, били ружейными прикладами.

Только из Литвы в течение этой страшной недели были вывезены десятки тысяч людей.

Каков же в действительности был размах этой депортации, до сих пор неизвестно — ее неожиданно прервала война. Только 22 июня с началом войны органы НКВД были вынуждены приостановить массовые аресты и вывоз в Сибирь ни в чем не повинных людей.

Каждая фраза этого очерка потрясает. Автор — в то время 16-летняя девушка — описывает жизнь переселенцев за Полярным кругом, на острове Трофимовском. Похоже, что подобный материал в Литве опубликован впервые. Число депортированных литовцев, включая депортированных в послевоенные годы, сейчас оценивают в 200—250 тысяч. Некоторые из выживших переселенцев и их потомки до сих пор не получили возможности вернуться в Литву.

А. Е. МЫШКИН, г. Москва

«Провокационная» дискотека

Хочу рассказать об одном случае, который, думаю, вас заинтересует, поскольку связан с материалом, опубликованным в «Юности».

8 ноября во Дворце культуры «Асбест» состоялась очередная дискотека. Ведущий, Андрей Степовик, решил посвятить ее советской милиции. А воспользовался он материалом из статьи Г. Рябова, опубликованной в 3-м номере «Юности»; «Сколько лиц у милиции». Подчеркнул в ней несколько ключевых мест и прочитал эти отрывки

в микрофон. На дискотеке присутствовали сотрудники милиции.

Дальше все развивалось по законам детективного жанра. 9 ноября. 8.30 утра. Дома у Андрея раздается телефонный звонок. Женщина, представившаяся инспектором по делам несовершеннолетних (О. П. Бойко), просит зайти в горотдел милиции: «На вас тут заявление поступило».

В кабинете начальника милиции (М. Н. Лагутин) выяснилось, что не одно даже, а несколько заявлений поступило. Показав стопку бумажек, Лагутин объяснил: «Обвиняют вас в том, что необоснованно плохо вы о милиции нашей отзываетесь. Кто обвиняет? Вот два заявления от учащихся СПТУ, вот — от инструктора горкома комсомола, есть и от нашего сотрудника».

(Удивительно, как за ночь родилось столько «заявлений»). Неужели нашлись поклонники наших стражей правопорядка, которые — ночь не спали, переживали?)

Разговор в кабинете начальника милиции продолжался минут сорок. Ведущему дискотеки, в частности, указали на то, что он занимается подстрекательством, посоветовали: «Гласность гласностью, но ею нужно умело оперировать». (Этак ручки-ножки ей отрезать, когда нужно.) Затем в горкоме комсомола спешно собрали бюро, в котором присутствовали начальник милиции, зав. отделом агитации и пропаганды горкома партии, заведующая гороно, комсомольские работники во главе с первым секретарем горкома ЛКСМ (Р. Булудов). Сюда же была приглашена и директор Дворца культуры Г. С. Котельникова.

Вот несколько цитат из довольно забавной справки «О работе видеосалонов и дискотек города по идейно-политическому воспитанию молодежи». Стилистика сохраняется.

1. «В ходе проверки работы видеосалонов и дискотек было выяснено, что показ видеофильмов и проведение дискотек находится на низком идейно-художественном уровне».

Интересно, как это «показ» может находиться на «низком идейно-художественном уровне»?

2. «Операторы видеомагнитофонов не имеют контакта с посетителями, не контролируют реакцию зала».

«Контролировать реакцию» во время фильма — это что, следить, чтобы зрители, где нужно, смеялись, а где нужно — плакали?

3. Конкретно о программе: «Приводились сравнения западных блюстителей порядка с событиями в нашей стране (эта корявая фраза, наверное, имеет отношение к тому месту в статье Г. Рябова, где дается статистика преступлений в США). Приводились примеры митингов в гг. Москве, Ульяновске, Казани (не было этого в статье, не было этого и на дискотеке). Были призывы проведения таких митингов у нас в городе (ну, это вообще наглая ложь, до чего разыгралось воображение у аппаратчиков!)».

В результате родился еще один «документ» — постановление бюро горкома комсомола. Первым пунктом в нем: «Ходатайствовать перед профсоюзным комитетом ДАГОК (Джетыгаринский горно-обогатительный комбинат — спонсор) Дворца культуры) рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего использования в качестве руководителя дискотеки т. Степовик Ю.».

В пылу сотрудники аппарата горкома комсомола не удосужились даже уточнить имя человека, которого они постановили уволить чужими руками.

Теперь коротко о самой дискотеке. Самое интересное — программа о милиции — не исключение среди тех, что готовит Андрей. Он довольно часто говорит о серьезных проблемах. Для подготовки дискотек часто используются материалы из «Московских новостей», «Огонька», «Литературной газеты», «Московского комсомольца», ряда молодежных газет союзных республик. То есть о низком «идейном уровне» говорить как раз и не приходится. Скорее наоборот — программу о милиции можно назвать одной из самых удачных. Своими глазами видел, с каким интересом ребята слушали ведущего. Но, видимо, городское «начальство» считает, что нашей молодежи вредно знать о том, что в стране и в мире происходит. Чего они боятся? Митингов? Наверное, была бы их воля, они бы и телевизионный ретранслятор во время «Взгляда» или других «острых» передач выключили.

Но поражает еще позиция горкома комсомола. Ведь кому как не комсомолу защищать интересы молодежи. Получилось наоборот, где-то хлопнули в ладоши, и аппаратчики из горкома мигом ринулись принимать меры, не удосужившись как следует во всем разобраться. Зачем? Раз гово-

рят, не думать надо — делать! Вот до какой степени переродился у нас комсомольский аппарат. Будет ли доверие к такому горкому среди молодежи?

Случай довольно показательный. Достаточно было заговорить о чем-то серьезно, о чем вроде бы не принято говорить во время дискотек, как сразу раздалось злобное шипение того бюрократического чудовища, которое живо и, как вы видели, в довольно бодром здравии со времен застоя. А нес бы Андрей всякую чушь «о погоде и природе», как это чаще всего бывает на различных дискотеках, было бы все отлично. И идейно-политический уровень был бы в норме, и все остальное.

Так кто и какую молодежь хочет воспитать в нашем городе?

Кстати, спасибо Гелию Рябову за такую замечательную статью.

Сценарист некоторых программ дискотеки
В. ЛАЗАРЕНКО.

С письмом согласны и под ним подписываются: всего 21 подпись.

г. Джетыгара Кустанайской обл.

От редакции

В ответ на наше обращение в Кустанайский обком партии редакция получила следующее письмо:

Факты приглашения А. Степовика в органы внутренних дел и горкома комсомола, изложенные в письме в редакцию журнала «Юность», имели место. Действительно, ведущий А. Степовик на дискотеке, проведенной 8 ноября 1988 года в канун Дня милиции, вне всякой связи с темой дискотеки прочел отрывки из статьи Рябова Г. Т. «Сколько лиц у милиции». При этом умышленно акцентировал внимание слушателей на негативных фактах деятельности правоохранительных органов, дополняя их примерами о проведении митингов и демонстраций против милиции в разных городах страны, а также призывал молодежь к участию в подобных мероприятиях.

И естественно, что указанные действия А. Степовика были расценены и сотрудниками ГОВД, работниками горкома комсомола, непосредственно присутствовавшими на дискотеке, как провокационные.

При разборе обстоятельств дела непосредственно на месте были проведены беседы с руководителями дискотек города, авторами письма, членами бюро горкома комсомола и сотрудниками ГОВД.

Идеологическому отделу горкома партии указано на имеющиеся недостатки в политико-воспитательной работе среди молодежи и необходимость принятия дополнительных мер по совершенствованию этой работы.

Б. БАЙМАГАМБЕТОВА,
секретарь обкома компартии Казахстана

В редакционном письме в Кустанайский обком КПСС, в частности, говорилось: «Надеемся, что сегодняшняя атмосфера гласности и демократизации с вашей помощью коснется комсомольских и городских властей г. Джетыгара».

Судя по ответу, эта атмосфера не коснулась не только г. Джетыгара, но и г. Кустаная.

Читателям «Юности»

Публикация фрагментов моей книги о Лаврентии Берия вызвала большой интерес читателей. Все замечания и уточнения приняты мною с благодарностью и будут использованы при подготовке книги к изданию.

Письма читателей содержат справедливые нарекания: М. И. Калинин скончался в 1946 году, неверно указано захоронение А. А. Жданова, Берия пробыл на гарнизонной заутвахе не сутки, а целую неделю, замечены неточности в описании правительственного автомобиля, генерал-майор Косынкин был заместителем коменданта Кремля, И. Г. Зуб был начальником Полтуправления войск МПВО...

Я очень сожалею о том, что мною были допущены подобные неточности.

В биографиях И. Сталина и Л. Берия главными источниками до последнего времени являлись свидетельства современников. Здесь ошибки и неточности неизбежны, и долг историка, публициста, писателя — свести их к минимуму.

А. В. АНТОНОВ-ОВСЕНКО

**Стив
ШЕНКМАН**

ЦЕНА ПРЫЖКА

**Валерий БРУМЕЛЬ
говорит начистоту**

Мы шли с Валерием Брумелем по людной улице, и никто его не узнавал. Никто. Вот цена спортивной славы! А ведь Валерий Брумель трижды назывался лучшим спортсменом года. Три года подряд не было в мире спортсмена более популярного, чем Брумель. А теперь вот не узнают!

Для меня Валерий Брумель всегда был образцом целеустремленности. Вся его спортивная жизнь, все ее многочисленные эпизоды представляются мне единым неудержимым порывом, когда жажда победы не знает преград, когда нет силы, способной остановить, удержать человека.

И вот мы сидим в небольшой двухкомнатной квартире Брумеля и под магнитофон беседуем об этой самой целеустремленности.

— Целеустремленность — это абстракция, производное неких психофизических данных, еще не разгаданных учеными, — говорит Валерий Николаевич. — Мы пока можем рассуждать о стимулах, питающих, если хочешь, тренирующих эту целеустремленность.

— *Хорошо, поговорим о стимулах. Что вело тебя (мы с Брумелем уже сто лет на «ты») к медалям, к титулам, рекордам?*

— На вопросы о стимулах всегда у нас было положено отвечать рассуждениями о чести флага, патриотизме, воле к победе. В худшем случае — о честолюбии. Конечно, спортивном и здоровом. Таковы были правила игры в идеального олимпийца. Не знаю, верила ли в такого замечательного спортсмена широкая публика, но мы, конечно, посмеивались. Вынужден разрушить образ: для меня главным был материальный стимул.

— *Стипендии, премии?*

— Да, стипендии, премии, выгодные поездки. То, о чем так долго вслух не говорили. Стипендию я получал очень приличную — 250—300 рублей в месяц. Примерно такие же были премии за победы на чемпионатах Европы, в матчах СССР—США. Очень хорошо платили за мировые рекорды — 1200—1300 рублей, за олимпийское золото — особая плата. Победив в 1964 году в Токио, я получил 1500 рублей. Сейчас, конечно, платят больше, но и покупательная способность рубля сильно упала.

— *Объясни, почему для тебя, совсем молодого парня, было так важно хорошо заработать?*

— Причины самые простые. Рос я в большой, бедной семье. Отец был инженером, получал 170 рублей в месяц, мать работала копировальщицей — 80 рублей, бабушка получала пенсию 20 рублей. И нас — четверо детей, вечно голодных, плохо одетых. И у меня, и у моих младших братьев постоянной заботой была еда. Но ведь и мороженого хотелось, и в кино сходить, и на велосипеде покататься. А уже лет в 13—14, когда появились первые заметные успехи в легкой атлетике, я понял, что спорт — дело выгодное: на сборы возят, форму дают, талоны на питание. Кормили тогда на 3 рубля в день. Это по тогдашним ценам было прекрасно. Я чуть ли не впервые почувствовал, что можно жить, не испытывая унижительного голода. Да и семье мои спортивные успехи облегчали жизнь — во время сборов одним едоком меньше. Конечно, я очень дорожил своим положением и тренировался, не щадя себя. Огромное впечатление произвел на меня в свое время разговор моего тренера Петра

Семеновича Шеина с его товарищем, барьеристом из Одессы. Этот барьерист бегал по первому спортивному разряду. Я слушал их беседу, и меня потрясло, когда одессит сказал, что спортобщество платит ему 80 рублей в месяц. Боже мой, такие деньги! Сколько на них можно купить — и брюки, и ботинки, и матери помочь!

Тут уж меня остановить было невозможно. Я тренировался до изнеможения. Выступал в соревнованиях каждый раз так, словно решалась судьба всей моей жизни. Через год я выполнил норму мастера спорта. Из Ворошиловграда, где я жил, спортобщество «Аванград» направило меня во Львов к известному тренеру Дмитрию Ивановичу Оббарвиусу. Оформили меня инструктором физкультуры Львовского жиркомбината с окладом 60 рублей. Это было меньше, чем я ожидал, но все равно очень здорово. Оббарвиус тренировал тогда группу сильнейших десятиборцев страны. Это были здоровенные парни, всесторонне развитые красавцы-мужчины. А я, семнадцатилетний цыпленок, старался на тренировках делать все, что делают они, и даже больше. Я понимал, что только спорт выведет меня из нищеты. Тяжелая спортивная работа, а работы я не боялся. Правда, эти нагрузки и подрывали здоровье...

Когда меня взял к себе тренер сборной СССР по прыжкам в высоту Владимир Михайлович Дьячков, он первым делом вполнину снизил нагрузки. Буквально гнал из зала. Шеин и Оббарвиус меня ведь тоже не перегружали, я сам брал через край, но из зала они меня не гнали, не сдерживали, а Дьячков гнал. Снизились нагрузки, появилась свежесть, и тут я стал выдавать отличные результаты. Прыгнул на 2,17, это был рекорд Европы, и сразу получил место в команде, которая отправлялась в Рим на Олимпийские игры.

Таково было начало потрясающей спортивной карьеры Брумеля. В Риме он завоевал серебряную олимпийскую медаль, сразу после Олимпиады установил подряд три рекорда Европы. После чего отправился в турне по Америке, где несколько раз выиграл у знаменитого Джона Томаса, рекордсмена мира. Следующим летом он трижды бил мировые рекорды и выиграл все, что можно было выиграть. *Репортер «Экспресс» писал: «Русские прыгнули выше всех: с помощью ракеты это сделал Гагарин, безо всяких технических средств — Брумель».*

Послушаем этого баловня удачи теперь.

— За Олимпиаду и европейские рекорды я получил 4 тысячи рублей. Такой финансовый задел меня вполне успокоил. Я купил машину, обставил однокомнатную квартиру, которую мне дали через год после Олимпиады. До этого у меня были две комнаты в коммунальной квартире. Спал я там на полу, на каком-то тюфяке. Комнаты были холодными, но меня это не волновало. Жизнь была прекрасная! И вот, представь себе, поездка по Америке. Американцы — люди деловые, в первом же разговоре обязательно спрашивают, сколько зарабатываешь. Я не скрывал — 80 рублей в месяц. Надо мной весело смеялись: «У тебя, наверное, папа миллионер. А у нас даже сын миллионера не станет без денег бегать и прыгать». Вспомнил я папу, который на свою зарплату детей досыта накормить не может, и так обидно стало! А американцы рассказывают о своих порядках: для известных спортсменов — бесплатное обучение (там это огромная проблема), бесплатное питание и экипировка, 20 долларов в день — карманные расходы (а доллар тогда стоял очень высоко). Да плюс дорогие призы за победы. Двукратный олимпийский чемпион по прыжкам с шестом Боб Ричардс, которого называли «летающим пастором», выступал по три раза в неделю, получал хорошие призы и, конечно, тут же их продавал. Говорили о том, что он приобрел себе телефирму.

Позволь себе прервать повествование Брумеля и напомнить читателю ситуацию тех лет. Международный олимпийский комитет тогда строго стоял на страже правил о любительстве. Спортсмены под страхом пожизненной дисквалификации не имели права получать деньги за занятия спортом, а стоимость призов не должна была превышать 100 долларов. Но уровень результатов был настолько высок, что уже тогда требовал профессионального отношения к занятиям спортом. Иначе говоря, человек, отдававший серьезным тренировкам и выступлениям в соревнованиях 8—10 лучших лет своей жизни, хотел получить за это соответствующую материальную компенсацию. Если замкнутый круг нельзя было разорвать открыто, то приходилось делать это тайком.

Помню сенсационные разоблачения известного спринтера

Майка Агостини. Начинались они так: «Эту статью я пишу на машинке, которую нелегально получил за участие в таких-то соревнованиях». А дальше или даты, фамилии, города, суммы. Популярный шведский бегун Дан Вэрн рассказал о системе оплаты выступлений в традиционных соревнованиях. Допустим, его приглашают выступить в Риме, Лондоне, Женеве, Кельне, Брюсселе и еще где-нибудь. Организаторы обеспечивали его авиабилетами Гетеборг — Рим и обратно, Гетеборг — Лондон и обратно, и так далее. Он, естественно, билеты сдавал в кассу, ехал прямым маршрутом из города в город, а набегавшись и исчерпав запас приглашений, возвращался домой. Разумеется, Агостини и Вэрна дисквалифицировали, но, думаю, их разоблачения были хорошо оплачены журнальными гонорарами.

Наши, конечно, тоже бегали и прыгали не бесплатно, но умели помалкивать. И появились у нас призовые денежки, насколько я понимаю, не с выходом на олимпийскую арену в 1952 году и даже не с началом наших выступлений в международных соревнованиях в первые послевоенные годы, а гораздо раньше. Читайте воспоминания жены Николая Ковтуна, нашего прыгуна в высоту, который первым преодолел 2 метра. Сделал он это в 1937 году, а через несколько дней был арестован — объявлен врагом народа. Жена рекордсмена, оставшись без средств, бросилась в спортобщество, чтобы получить, как она рассказывает, деньги, полагающиеся мужу за установление рекорда (впрочем, денег она не получила, а сам рекорд был вычеркнут из официальных списков). Так вот, платили всегда! Даже, между прочим, в Древней Греции. Там сыпали дарами не только чемпионов, но и тех, кто в специальных лагерях месяцами готовился к олимпиадам. Тому есть письменные свидетельства.

— Древние, неспорченные люди не стеснялись, а наша ханжеская мораль понуждала изображать незамутненную невинность. Мало того, обманывали не только публику, называя нас инструкторами физкультуры или токарями, но и нас самих. Просто беззастенчиво, грубо обманывали. Помню, ехали на очередной матч СССР — США. Матч был, как всегда, очень ответственный. Надо было, как обычно, доказать наше превосходство, что было именно в тот момент очень важно. («Нам победа, как воздух, нужна» — пелось в спортивной песне. А кому она не нужна?) Но результаты у американцев перед матчем выглядели значительно солиднее. Что делать? Вот тут-то и сказали, что за победу будут платить по 1500 рублей. Мы поднатужились и победили. Но денег нам не заплатили! И этот случай не единственный. Сколько раз недоплачивали, произвольно урезали оплату, бесконечно тянули. Да что говорить: со спортсменом можно было делать все что угодно, поскольку никаких законов или органов, защищающих его права, не было и в помине.

— *А сейчас?*

— Сейчас по крайней мере говорят об этом вслух. А какой журнал в те времена опубликовал бы сообщение, что спортсменам не уплатили обещанных денег? В отличие от прежних времен сейчас существует множество официальных международных призов — у футболистов, легкоатлетов, теннисистов, да почти в каждом виде спорта. Особенно большие призы у шахматистов. С официальным международным призом ничего не поделаешь: выиграл — получи официально, по закону, причем в конвертируемой валюте. Но у нас эти призы обложили совершенно фантастическим налогом — отбирают до 92—93 процентов.

— *Стране нужна валюта.*

— Во-первых, это не довод. Не знаю страны, которой валюта была бы не нужна. Однако везде налогообложение на спортивные призы не отличается от налогов на все другие доходы. А во-вторых, у нас в госбюджет идет отнюдь не самая большая часть этих отчислений. Анатолий Карпов, выступая по телевидению, сказал, что после его матча с Виктором Корчным 20 процентов его призовых денег пошло в госбюджет, а еще 70 — в доход Спорткомитета, который должен был вложить эти деньги в строительство Дворца шахмат. Дело было 10 лет назад, строительство Дворца так и не начали. Где же доллары? Ольга Морозова, тренер наших теннисисток, в телевизионном интервью сказала, что ее девочкам едва ли достаются сотую часть валютных гонораров, завоеванных в заграничных турнирах. Но девочки пока помалкивают... Произвол и беззаконие действуют разлагающе.

— *Но многие считают, что разлагающе на спортсменов будут действовать как раз большие деньги.*

— Стремление к уравниловке губительно для общества. — *Надо сказать, что не только «наверху», но и «внизу»*

есть немало людей, которые считают спортсменов дармоедами, получающими сумасшедшие, с их точки зрения, деньги только за то, что гоняют мяч или прыгают.

— Это точка зрения обывательская, а мировая практика показывает, что труд известных спортсменов оценивается очень высоко.

— Понятно: спортсмен добился громкой победы, стал известен, его имя приобрело определенную коммерческую стоимость. Это, по сути дела, конъюнктура.

— Ты пытаешься объяснить категориями приземленными. А я помню, как Федоренко, который в 60-х годах был нашим представителем в ООН, говорил мне после моего первого турне по Америке, что за одну поездку я сделал для нашей страны больше, чем все посольство за год активной пропагандистской работы. Однако труд спортсмена достойно оценивают где угодно, но только не в нашей стране. Этой несправедливости спортсмены противопоставляют бизнес на импортных товарах.

— Спекуляцию, скажем так!

— Во всем мире это называется бизнесом! Покупать дешевый товар в одном месте и продавать его за более высокую плату там, где он пользуется повышенным спросом, — это нормальная торговая операция.

— Думаю, Валерий, что ты неправ: спортсмен едет за границу, чтобы участвовать в соревнованиях.

— Не знаю, мы возили шмотки, потому что видели: по сравнению с западными спортсменами мы получаем крохи — так что приработок оправдан. А после того матча с американцами, за который нам так и не заплатили, был матч во Франции. Вот туда мы повезли огромное количество икры и таким образом постарались компенсировать то, что нам недодали. Да, я согласен — операции эти малоприятные, но они чаще всего носили вынужденный характер.

— Дело прошлое, я не прошу называть фамилии, но были среди ребят, с которыми ты выступал, такие, кто не возил?

— Точно сказать не могу, не присматривался. Но думаю, что возили все. В том числе и руководители, правда, не сами. Это делали для них доверенные спортсмены и массажисты.

— Позор!

— Конечно, позор. Однако во Всесоюзном спорткомитете прекрасно знали об этой системе и даже фактически узаконили ее. То есть договорились с таможенщицей, что она не будет досматривать членов спортивных делегаций. Руководитель делегации получал на этот счет документ из спорткомитета.

Могу подтвердить слова Брумеля. Правда, даже при такой полуофициальной поддержке время от времени случались в Шереметьеве громкие скандалы — то из-за партии мохера, то из-за штанги, которую пытались вывезти за границу для продажи, то из-за незаконного провоза валюты, а однажды — из-за боевого пистолета, который оказался в сумке спортсмена, возвращавшегося из американского турне...

— Сейчас ситуация меняется, — продолжает Брумель. — Но отношения спортсмена и Госкомспорта продолжают оставаться неравноправными. Чиновники произвольно назначают не только зарплату и премии спортсменам, но и отчисления от призов, которые наши спортсмены завоевывают в международных соревнованиях. Миллионы в твердой валюте бесследно исчезают в недрах госкомспортовской бухгалтерии. Никто не знает, на что расходуются эти деньги. Пару раз в выступлениях спортивных руководителей говорилось, что эта валюта идет на помощь сборным командам, на развитие массового спорта. Честно сказать — не понимаю, как доллары могут увеличить количество бегающих трусцой или играющих в городки. Закрытость порождает слухи и недоверие. Почему бы Госкомспорту не отчитываться публично (хотя бы на страницах «Советского спорта») о своих валютных расходах? Право налогоплательщика (в данном случае — спортсмена, у которого изъяли эти деньги) — знать, на что пошло заработанное его нелегким трудом.

Мне кажется, что финансовый произвол вреден не только из-за своей несправедливости и порождаемых тем самым нравственных проблем. Думаю, что мы, наше общество, несем и очень серьезные спортивные потери. Вот пример. Футбольные сборные СССР и Голландии вышли в финал чемпионата Европы. К этому времени обе команды заработали примерно по два миллиона долларов. Но голландцы знают, что из заработанной суммы получат не менее 60 процентов, а наши знают, что в лучшем случае — 10. Для профессионального спортсмена деньги — основной стимул. Вот и судите: какой был стимул перед решающей игрой

у голландцев и какой — у наших футболистов. Самые заметные наши успехи очень часто связаны с видами спорта, не имеющими абсолютной мировой популярности, — со стрельбой, греблей на байдарках и каноэ, с борьбой. Когда-то мы были лидерами в стайерском беге, в шоссейных велогонках, в коньках. Но как только эти виды обрели популярность, как только на Западе вместе с ажиотажем в этих видах поднялись гонорары, нашим спортсменам была навязана жесткая конкуренция, и далеко не все советские мастера при их малой материальной стимуляции сумели выдержать новый уровень соперничества. Чем больше будет разница в оплате труда спортсменов у нас и у них, тем труднее нам будет соперничать.

— В Сеуле советским спортсменам за победу платили по 12 тысяч рублей, а скажем, южнокорейским — по 130 тысяч долларов, да еще пожизненную пенсию 820 долларов в месяц. Однако такая мощная денежная инъекция не затопила хозяев дождем золотых медалей. Зато мы по количеству золотых наград заняли первое место.

— Золотая олимпийская медаль и сама по себе очень высокий стимул для любого спортсмена. Ведь Олимпиада бывает лишь раз в четыре года, то есть один, максимум два раза в жизни спортсмена. Но не она определяет уровень его заработка, его благосостояния.

— Приведу доводы, которыми порой у нас оправдывают супернормы на спортивные призы. Ты занимался под руководством тренеров, в детской спортшколе, тебя возили на соревнования, на сборы, кормили, давали спортформу, ты пользовался спортооружениями. И все это бесплатно. А теперь, когда ты стал чемпионом, пришло время отдавать долги.

— Это не довод. Во всем мире способных детей и подростков бесплатно тренируют, возят на соревнования, одевают, кормят и т. д. Причем делают это, как правило, на более высоком уровне, чем у нас. Что же, наш чемпион должен отдавать долги за ту кормежку, которую ему давали, когда он был еще в спортшколе? Теперь все говорят, что человек должен знать: чем добросовестнее он трудится, тем большим будет вознаграждение. Все годы занятий спортом я трудился как вол. Никто в нашей сборной не тренировался так напряженно. Это известный факт. Да, я достиг больших спортивных успехов. А материально? Мы с тобой сидим в моей двухкомнатной квартире. Самая дорогая вещь у меня — телевизор. Машины нет, дачи нет, видеосистемы нет. Нет счета в банке, на сберкнижке — 87 копеек, нет и драгоценностей. Нет даже постоянного заработка. Пенсию назначили лишь летом 1988 года — 110 рублей. А скажем, Пеле — миллиардер. Хотя он был один раз лучшим спортсменом мира, а я — трижды! И без средств я не потому, что я какой-нибудь пьяница или любитель развлечений. Я очень расчетливый человек. Даже не курю.

— Ты привел пример с Пеле, но по популярности с футболом не может сравниться ни один вид спорта.

— Хорошо, возьмем Яшина или Стрельцова — они так и не поднялись над средним уровнем жизни. Но вот не футболист, а легкоатлет — Карл Льюис, американец, — миллионер, его доходы растут как на дрожжах. Его дважды называли лучшим спортсменом года в мире. Уверю, что я не менее расчетлив и инициативен, чем он. Говорю об этом, чтобы показать, как нивелируют у нас личность, стараюсь подогнать ее под одну мерку, не поощряют людей, которые пользуются популярностью, приносят славу стране. Это одна сторона, а другая — в том, что отдал я спорту не только труд, но и свое здоровье.

— Плохо со здоровьем?

— Плохо. Мы с тренером подсчитали: я сделал за свою жизнь 30 тысяч прыжков, это 30 тысяч мощных ударов ногой о землю. Нет материала, который выдержал бы такие перегрузки. Понятно, что это ведет к развалу организма. Это перегрузки, так сказать, плановые, заложенные в программу подготовки. Но не забудь, что в мое время прыжковая яма была действительно ямой. Сейчас она представляет собой гору мягкого поролоната, а тогда это был слегка взрыхленный песок, насыпанный в яму вровень с землей. После каждого прыжка ты втыкался в него то руками, то боком, то грудью, то спиной, а то и головой. Отсюда постоянные травмы, сотрясение мозга. Все прыгуны жалуются на травмы — и Игорь Кашкаров, и Юрий Тармак, и Владимир Яценко. Недавно спросил у Роберта Шавлакадзе, олимпийского чемпиона, болит ли у него что-нибудь. «Послушай, — ответил он, — ты спроси, что у меня не болит!» И так в любом виде спорта. Мой приятель Валерий Пичужкин,

член сборной по современному пятиборью, умер, когда ему не было и 30 лет. Вместе с ним выступал Альберт Моксев, олимпийский чемпион. Он умер на тренировке. вскрытие обнаружило на его сердце семнадцать рубцов. Он перенес 17 микроинфарктов, ничего не зная об этом. А девочки-гимнастки! Их уродуют с малых лет, а в 22 выпроваживают из спорта за ненадобностью.

— *Но твоя дорожная катастрофа...*

— Да, это был элементарный несчастный случай, в котором винить некого. Спасая ногу, мне сделали тридцать операций, пока я не обратился к Илизарову. Его лечение было настолько удачным, что я смог возобновить тренировки. Вернулся в сектор, снова участвовал в соревнованиях. В 1971 году прыгнул на 2,08...

— *А не будь этой катастрофы?*

— Думаю, что я прыгал бы еще лет десять. Добрался бы до 2,40. Ведь уже в 1968 году (то есть через три года после моего ухода) прыгали с рекортана. А он подбрасывает, как пружина. Потом появились фиброгласовые гнущиеся планки. Позднее я опробовал их и управлялся с ними в воздухе очень ловко — чуть ли не ложился на планку, а она не падала. Это еще прибавка сантиметра в три. Да и сам я не исчерпал своих возможностей. Прибавлял бы и прибавлял. Допрыгался бы до времени, когда в ход пошли допинги. Вполне возможно, что, как и другие, стал бы их потихоньку приминять: новые времена — новые уродства, вполне возможно, что не избежал бы их и я. Так или иначе, но 2,40 были для меня вполне реальным результатом.

Я готов поверить ему. За всю свою пятилетнюю спортивную карьеру (после Олимпиады в Риме) Брумелль проигрывал (не был первым) лишь дважды, причем на тех соревнованиях, где победа не имела большого значения. Зато в главных соревнованиях равных ему не было. Он установил шесть мировых рекордов, причем три из них на матчах СССР — США, престиж которых был необычайно велик. Помню матч 1963 года в Москве. В это время Н. С. Хрущев встречался с Гаришманом. Оба они приехали в Лужники, хотя Хрущев был равнодушен к спорту. Но политика диктует вкусы. Представляю, как эмоциональному и взрывному Хрущеву хотелось нашей победы. Брумелль понял это лучше других. Он знал, что выиграет, но решил сделать это красиво — с мировым рекордом. И установил невероятный по тем временам рекорд — 2,28!

Беседа с Брумелем, я вспоминал, какие он демонстрировал потрясающие образцы духовного взлета, моральной стойкости, спортивной отваги и упорства, и никак не мог ухватить это с разговорами о премиях, стипендиях, деньгах. Но Брумелль говорил даже так:

— Скажу откровенно: если бы не платили, спортсменом я бы не стал. Я пришел в большой спорт вечно голодным парнем в рваных тапочках на босу ногу...

— *Ты вкусил славу...*

— Да, знаменитые люди почитали за честь быть со мной в компании, девушки никогда не была для меня серьезным стимулом. Слава эфемерна, я всегда это чувствовал, а сейчас — знаю точно. Меня прельщают более весомые ценности. Впрочем, сейчас я остался и без славы, и без денег. Но если первое мне глубоко безразлично, то второе очень тревожит.

— *Наверняка тебе было безразлично, когда в Сеуле кто-то рвался к золоту?*

— Да, жаль, в Сеуле мне побывать не удалось. Смотрел прыжки по телевизору. Олимпийским чемпионом мог стать любой из восьми — десяти сильнейших прыгунов сезона. Перед самой Олимпиадой кубинец Сотомайор установил невероятный мировой рекорд — 2,43! Однако опять в олимпийские дела вмешались неспортивные интересы, и Сотомайора с его товарищами мы в Сеуле не увидели. Обидно! Он придал бы соревнованиям еще большую остроту, а золотую медаль чемпиона сделал бы еще весомее. Честно сказать, я симпатизировал Игорю Паклину, человеку тонкому, интеллигентному, высокоодаренному. Но что-то помешало Игорю, это был не его день. Он занял лишь седьмое место. А победил в отчаянной борьбе Геннадий Авдесенко. Победил заслуженно, хотя немногие прочили ему золотую медаль. Знайки считали, что выиграет швед Шёберг или кто-то из западных немцев. Авдесенко из тех спортсменов, кто не очень замесен в сутолоке заурядных соревнований, но удачно выстреливает в самых главных. Напомню, что в его активе золотая медаль чемпиона мира. Да и сеульский результат у Геннадия великолепен — 2,38!

— *Я вспоминаю, что ты был членом ЦК ВЛКСМ...*

— В 1962 году проходил очередной съезд ВЛКСМ. Незадолго до съезда ко мне подошел секретарь институтского комитета комсомола и сказал, что «есть мнение» избрать меня делегатом съезда. Я, конечно, не возражал. К тому времени я привык, что меня постоянно куда-то приглашают, выбирают. На съезде я прослушал бодрый доклад Павлова, восторженные выступления делегатов, а при выборах в руководящие органы с удивлением услышал в списке свою фамилию. Потом я многократно присутствовал на пленумах. Как и большинство членов ЦК — шахтеров, токарей, трактористов, доярок, выдвинутых, подобно мне, для видимости, а не для дела, — в работе никакого участия не принимал. Разве что мне с курьером, под расписку, присылали для ознакомления все материалы ЦК, которые я потом, тоже под расписку, сдавал в секретную часть.

— *Ты считаешь, что известному спортсмену нечего делать в ЦК комсомола?*

— Дело не в том — известный он или неизвестный, а в том, чтобы он активно работал. В стране сейчас, как и двадцать лет назад, из рук вон плохо с массовым спортом, с оздоровительной физкультурой. Молодежь наша в своей массе плохо физически подготовлена, от спорта далска, подвержена многим социальным порокам, крепким здоровьем не отличается. А ты спрашивашь, нужны ли в ЦК спортсмены. Еще как нужны! Но для дела, а не для отчета.

— *А в трудные времена ты чувствовал поддержку ЦК комсомола?*

— Конечно, нет. Членство было формальным и отношением ко мне таким же. Никто из ЦК меня не навещал в больнице, не звонил. На очередной съезд, который состоялся в 1966 году, меня, покалеченного, не пригласили. На том и завершилась моя комсомольская карьера.

— *А как насчет привилегий?*

— Не знаю, какие привилегии были у комсомольских функционеров, у аппаратчиков ЦК, а я, «вншштатник», лишь однажды воспользовался членством в практических целях — попросил определить ребенка в детский сад.

— *Давай подведем итог: что дал тебе спорт, чего лишил.*

— Итоги подводить, может быть, рано. Мне 46 лет, еще не вечер. Если бы я не стал профессиональным спортсменом, то, вероятно, пошел бы по стопам отца — стал бы геологом. Учился я всегда легко, люблю бродяжничать, так что, думаю, геологом был бы неплохим. Это профессия надежная. А в реальности я окончил инфизкульт, но работать тренером — не мое дело. Меня потянуло в литературу, выпустил несколько книг и пьес (в соавторстве с Александром Лапшиным, Юрием Шпитальным), читаю лекции от Всесоюзного общества книголюбов. Это мне нравится, но денег не хватает. Так что светлым будущим — ни в смысле профессиональном, ни в материальном — спорт меня не обеспечил. А что дал? Я жил чрезвычайно насыщенной жизнью. Объездил Союз и мир, повидал прекрасные города и страны. У нас был замечательный тренер Гавриил Витальевич Коробков, человек высокой культуры. Он водил нас не по лавкам, а по музеям и театрам. Низкий поклон ему за это. Кроме того, хотя это звучит банально, спорт закалил мой характер, потому что характер закаляется в борьбе, в преодолении трудностей. А наиболее чистый вид борьбы и преодоления — это спорт.

Разумеется, дал мне спорт и какие-то материальные блага. Геологом я бы за пять лет столько ни за что не заработал. Но геология — это стабильный, прогрессирующий заработок до пенсии. У меня же пять лет отличных заработков, а потом — стоп. Правда, еще несколько лет выплачивали стипендию, но лечение и развал семьи разорили меня. А создать серьезный задел — пусть и не такой, как у Пеле или у Карла Льюиса — мне не дали.

Убедил ли меня Брумелль? Среди стимулов, побуждающих одаренного молодого человека стремиться к спортивным победам, материальный стимул сегодня все более весом. Но что получается? Нашему спорту навязывают гонку чемпионских гонораров. Включиться в нее? Боюсь, что эту проблему, взятую отдельно, не решить. Соизмеримо ли вознаграждение за «рекордный прыжок» у нас и «у них» не только в спорте, но и в любой другой сфере деятельности? Вот где ниточка, солзаситеся, за которую надо тянуть, чтобы распутать этот узел.

Ян САТУНОВСКИЙ

ОТ ИРОНИИ ДО САРКАЗМА

Поэт Яков Абрамович Сатуновский, или как его звали друзья, Ян Сатуновский (1913—1982) издавал книжки для детей, писал статьи о Маяковском, Чуковском, печатал рецензии, но только небольшой круг людей знал, что подлинное его призвание — поэзия. Ян Сатуновский сочинил свыше тысячи стихотворений, которые обычно так и помечал — номерами. Все они очень короткие, и любое из них, перепечатанное на машинке, умещается на половине машинописного листа. Были у Я. Сатуновского и стихи длиной... в одну строчку.

Конечно, это был поэт лирический. Но лирика у него была особенного склада. Мысль в ней высказывалась с той прямотой, которая, кажется, не оставляет места для поэтического чувства. Но это была лишь видимость. Накал чувства обнажал мысль поэта и подсказывал тон — от иронии до сарказма и гнева. Ян Сатуновский был поэтом, остро чувствующим время и не поражающим моменту. Не зря поэт Геннадий Айги назвал его представителем той «последовательно искренней, не спекулятивной и не конъюнктурной» ветви в поэзии, которая зародилась в годы сталинщины.

Молодость Я. Сатуновского совпала с войной, на которую он ушел из родного Днепрпетровска и которую закончил в Праге и Вене. И после войны, до середины 60-х годов, он работал инженером-химиком в научно-исследовательском институте под Москвой. Но это из «трудовой книжки». А жил он и был предан только поэзии, литературе.

Человек высокого достоинства и серьезности, он внушал уважение к себе с первого взгляда. И в этом смысле его поэзия и его облик никак не расходятся.

Сегодня «Юность» печатает стихи Яна Сатуновского.

Ян Сатуновский.
Автошарж. 1966 год.
Архив В. И. Глоцера.
Публикуется впервые.

* * *

Коль скоро,
прежде чем,
поскольку,
не так чтоб,
именно,
зато,
как будто,
вследствие,
и только,
тем более,
что ни за что,
но лишь,
ввиду того что,
ибо,
едва-едва,
и либо-либо —
добро бы,
ежели кабы,
равно как,
нежели,
дабы!

<19>58

* * *

Здесь, на площади?
При всем салюте?
Слушай,
ты сошел с ума —
кругом
Москва,
люди,
лошади...
А что нам — люди?

Захотим, и будем
сами.
Сам.
Сама.

* * *

Слушай сказку, детка.
Сказка
опыт жизни
обобщает
и обогащает.
Посадили дедку за репку.
Выросла — большая-пребольшая.
Дальше слушай.
Посадили дедку за репку.
Посадили бабку за дедку.
Посадили папку за бабкой.
Посадили мамку за папкой.
Посадили Софью Сергеевну.
Посадили Александру Матвеевну.
Посадили Павла Васильевича.
Посадили Всеволода Эмильевича.
Посадили Исаак Эммануиловича.
Тянут-потянут.

Когда уже они перестанут?

* * *

В закрытой лаборатории
сиджу
за секретным отчетом.
И глупые мысли —
одна за другой —
тревожат о чем-то.

Вот
верткая птичка,
головкой направо,
головкой налево,
то сверху глазок, то снизу,
прилетела, опять улетела.
И — дикая мысль — нет,
это не птица:

японский биолог
присел
ознакомиться с грифом «секретно»
на подоконник.
Присел и профессорский
хвостик почистил,
налево, направо.
Теперь все высмотрит,
сфотографирует
и —
к себе, в Июкогаму!

* * *

Бурные, долгие годы не смолкающие
аплодисменты.

12 июн<я 19>70

* * *

В век сплошной электрификации
всем
всё
до лампочки.
Так что даже левые поэты
пишут
правые стихи.

2 окт<ября 19>71

* * *

Пришел ко мне

товарищ Страхтенберг.

Какой он старый,
просто смех и грех.
Товарищ Страхтенберг,
товарищ Мандраже,
садитесь; — не садится; — я уже...

15 янв<аря 19>69

* * *

А у вас — кока-кола

и ку-клукс-клан,

а у вас комсомол,
а у вас кислый квас,
а у вас астронавты,
а у нас космонавты,
а у вас культ личности,
а у вас суд Линча,
а у нас кино:
куба си, янки нооо!

7 сент<ября 19>54

* * *

Выскажу вам

мысль —
на всю
хватит
жизнь:
глупо стесняться,
если
глупости снятся.

24 ноя<бря 19>69

* * *

Огни над окнами
в едином лозунге.
Знамена подняты.
Знамена в воздухе!
И их количество
переходит в качество,
как электричество
в очковтирательство.

12 окт<ября 19>68

* * *

У истории
свои
знаки препинания.
Вся История — на н:
вся — иносказание.

15 сент<ября 19>68

* * *

В некотором царстве,
в некотором государстве,
в белокаменной Москве
краснопролетарской
тридцать лет и три года
жили-проживали
старичок со старушкой
в полуподвале.
А на тридцать четвертый год
случилось чудо:

в переулке,
где ютилась их лачуга,
точно вынутые из улья
восковые соты,
от лесов освободили дом высотный.

И теперь старичок со старушкой,
проживающие в полуподвале,
за окошком видят Герб Союзный,
за который мы воевали.

<19>51

* * *

У меня — отличное здоровье,
никакого малокровия,
ни черта, врут все врачи,
желудок варит как часы,
вчера, в час дня,
все
женщины смотрели на меня.

* * *

И хоть слушаешь их вполуха,
рапортчик этих слова,
от Великой Показухи
засупонивается голова,
так,
что сам начинаешь верить,
что до цели — подать рукой.
Так веди нас, товарищ Зверев
(чем он хуже, чем любой другой!).

сент<ябрь 19>61

* * *

Разучившись мыслить
(в силу прогрессивных актов)
в силу фактов
(объективных,
субъективных
и декларативных),

вера и не веря
(принцип революционера),
я хотел бы
вскрикнуть,
но не в силах даже пикнуть.

25 мар<та 19>68

* * *

Верлибр — это рубленая проза.
Строчка — рубль.
А нам не платят ни копейки
ни за прозу,
ни за верлибр.
И рифмы тут ни при чем.
Как слышно?
Перехожу на прием.

10 апр<еля 19>68

* * *

Хочу ли я посмертной славы;
Ха,
а какой же мне еще хотеть!

Люблю ли я доступные забавы?
Скорее нет, но может быть, навряд.

Брожу ли я вдоль улиц шумных?
Брожу,
почему не побродить?

Сижу ль меж юношей безумных?
Сижу,
но предпочитаю не сидеть.

20 июля <19>67

*Вступительное слово,
публикация
и подготовка к печати
Владимира ГЛОЦЕРА.*

В НОМЕРЕ:

Проза

Петр КОЖЕВНИКОВ. Ученик. Повесть. Предисловие Евгения Попова (5)
Филип К. ДИК. Помутнение. Роман. Перевод с английского В. Баканова (26)

Наследие

Марк АЛДАНОВ. Астролог. Рассказ. Предисловие Андрея Чернышева (65)

Поэзия

Борис ЧИЧИБАБИН (2), Роза МУКАШЕВА (3), Владимир САЛИМОН (4), Яков КОЗЛОВСКИЙ (24), Владимир КАЛИНИЧЕНКО (25), Николай НАТАРОВСКИЙ (55), Игорь МУРАТОВ (83)

Публицистика

Андрей КОЛОБАЕВ. Демократия по разрешению (40)
20-я комната. Заседание двадцать третья (45)
Анатолий КАРПОВ. «Перестройка — это борьба и действие» (53)
Иван КУНИЦЫН. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...» (56)

Критика

Василий АКСЕНОВ: «Я, по сути дела, не эмигрант...» Беседу вела Анна Пугач (80)

Культура и искусство

Виктор ЛИПАТОВ. «...На жизнь, на торг, на рынок...» (62)
Иосиф КОБЗОН. Последний аккорд (76)

Наука и техника

Противостояние. По следам публикации «Помогите благу сбыться» (84)

Почта «Юности» (88)

Спорт

Стив ШЕНКМАН. Цена прыжка (90)

Зеленый портфель

Ян САТУНОВСКИЙ. От иронии до сарказма (94)

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.
Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в издательство «Правда» по адресу: 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24

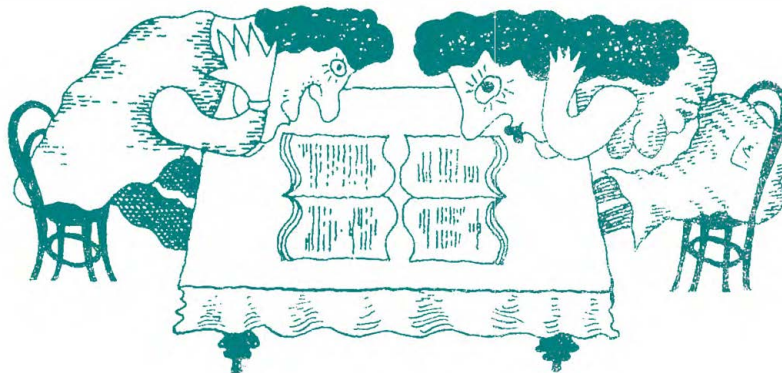
Оформление обложки А. Сальникова
Главный художник О. Кокин
Художник Ю. Цишевский
Технический редактор О. Трепенюк

Адрес редакции: 101524, ГСП, Москва, К-6,
ул. Горького, д. 32/1. Тел. 251-31-22

Сдано в набор 18.01.89. Подп. к печ. 02.03.89. А 04698.
Формат 84×60%. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,68. Усл. кр.-отт. 19,53.
Уч.-изд. л. 17,75. Тираж 3 100 000 экз.
Заказ № 91. Цена 70 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24

© Издательство ЦК КПСС «Правда»,
«Юность», 1989 г.

Дорогие читатели!

В этом году и в начале будущего «Юность» предполагает опубликовать следующие произведения:

Василий АКСЕНОВ. Золотая наша железка. *Повесть.*
Энн ВЕТЕМАА. Пришелец. *Роман.*
Вячеслав КОНДРАТЬЕВ. Этот сорок восьмой. *Повесть.*
Анатолий ПРИСТАВКИН. Кукушата. *Роман.*
Юрий ПОЛЯКОВ. Апофегей. *Повесть.*
Анастасия ЦВЕТАЕВА. Зимний старческий Коктебель. *Рассказ.*

Дебют в «Юности»: рассказы Владимира ГАВРИЛИНА, Александра ШАРЫПОВА, повесть Олеси НИКОЛАЕВОЙ. Стихи постоянных авторов «Юности». Как всегда — дебюты молодых и рубрика «Испытательный стенд».

Под рубриками «Наследие» и «Наши публикации»:

Аркадий АВЕРЧЕНКО. Рассказы из книги «Дюжина ножей в спину революции» с предисловием В. И. Ленина.
Марк АЛДАНОВ, Святая Елена (Последние дни Наполеона). *Роман.*
Надежда МАНДЕЛЬШТАМ. Воспоминания. (*Продолжение*).

Владимир НАБОКОВ. Рассказы.

Василий РОЗАНОВ. Опавшие листья.

Сергей СОЛОВЬЕВ. Слово о Пушкине (комментарий А. Лосева).

Павел ФЛОРЕНСКИЙ. Статьи об искусстве.

Владислав Ходасевич. Из «Некрополя».

Стихи Георгия ИВАНОВА, Николая СТЕФАНОВИЧА, Николая УШАКОВА, Бориса СЛУЦКОГО, Юрия БЕЛАША, Ларисы РЕЙСНЕР, Юрия ОЛЕШИ и других. Новые переводы Омара Хайяма.

Продолжаем публиковать главы из книги Роя МЕДВЕДЕВА «Они окружали Сталина».

Иван ТВАРДОВСКИЙ. «Страницы пережитого». 2-я часть.

Игорь АЧИЛЬДИЕВ. «Идол». *Очерк социологии культа личности.*

Юрий ШЕРБАК. «Голод на Украине в 30-е годы». *Документальная повесть.*

Геннадий ХОХРЯКОВ. «Городские пираты или метаморфозы отечественного рзкета».

Дневник Андрея ТАРКОВСКОГО.

Иосиф БРОДСКИЙ. «Скорбная муза». (*Об Анне Ахматовой*).

«Солженицын и Ростропович». Главы из автобиографической книги Галины ВИШНЕВСКОЙ.

Андрей СИНЯВСКИЙ. Диссидентство как личный опыт.

Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ. История одного надгробья.

Андрей Сахаров. Размышления.

Экологическая экспедиция «Юности»:

Кто спасет «священное» море?

Чем дышат отравители?

О продолжительности жизни — подлинной и мнимой.

С критическими статьями выступают Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ, Наталья ИВАНОВА, Юрий КАРЯКИН, Владимир ЛАКШИН.

20-я комната:

Параллели параллельной культуры. *Публикации из рукописных журналов.*

По Фрейду или без Фрейда. О любви и не только о любви.

Проектируем будущее — для себя? для нас? для всех?

Цены против молодежи.

Перестройка: действующие лица. Рассказываем о героях и антигероях нашего времени.

На наших вкладках: Олег КОМОВ, Роберт РАУШЕНБЕРГ, Григорий СОРОКА, Александр ТЫШЛЕР, молодые художники. Русский авангард из частных коллекций. Картинные галереи русской провинции.

Нам обещали свои произведения Анатолий АЛЕКСИН, Владимир АМЛИНСКИЙ, Андрей БИТОВ, Геннадий ГОЛОВИН, Борис МОЖАЕВ.

ЭТО БЫЛО В 1908-м...

Вот уж никогда бы не подумал, что у нас в Москве может быть наводнение. Пока не увидел цветные (!) почтовые открытки из коллекции московского учителя Иосифа Мироновича Перкаса.

— Я собрал много сведений о том, что изображено на открытках, посвященных Москве,— рассказал Иосиф Миронович.— Так вот, наводнения в Москве были и не раз. В прошлом веке Москва подтоплялась почти каждые десять лет. Известны наводнения 1867, 1879, 1888, 1895 годов. Но самое большое было с 10 по 14 апреля 1908 года, когда после дружного таяния льда и снега под воду ушла пятая часть тогдашней Москвы, почти двадцать тысяч квартир. Особенно пострадали районы Дорогомилова, Якиманки, Полянки, Лужников, Болота, Пятницкой улицы. Без крова остались около 180 тысяч человек. Да и вообще стихия нанесла по тем временам немалые убытки — только городу почти на сто тысяч рублей, не говоря о тех, кто жил в полуподвальных помещениях. Надо сказать, городская управа знала, что будет наводнение, но никто не мог предположить, что оно будет таким большим. Уже на второй день были собраны все плавсредства, а тогда деревянных лодок было много на Москве-реке, я их вижу на многих открытках. И сразу же начался сбор пожертвований пострадавшим от наводнения, даже благотворительные спектакли были. Тогда было заведено: собирали пожертвования в театрах, магазинах и просто на улицах. Знакомая с историей Москвы по открыткам, я не раз убеждался, насколько мудры и прозорливы были наши предки, основавшие Москву в таком месте, где она менее всего была подвержена стихийным бедствиям, разве только пожары часто бывали. Но Кремль недоступен был воде.

В коллекции Иосифа Мироновича собрано более трех тысяч открыток, посвященных старой Москве. Многих зданий и великолепных построек, когда-то украшавших город, уже нет. Но надо бы нам сохранить то, что осталось, сберечь неповторимые черты нашего города.

Ю. БЕЛОВ

Юность. 1989. № 4, 1— 96.
Индекс 71120
70 коп.

